

Евгений Беркович **БАНАЛЬНОСТЬ ДОБРА**

Евгений Беркович
**БАНАЛЬНОСТЬ
ДОБРА**

Натане с любовью

Evgueni Berkovitch

DIE BANALITÄT DES GUTEN

*Helden, Gerechten und andere Menschen
in der Geschichte des Holocaust
Anmerkungen zur jüdischen Geschichte
des 20. Jahrhunderts*

Vorwort von Jurij Tabak

«Janus-K» Verlag
Moskau
2003

Евгений Беркович

БАНАЛЬНОСТЬ ДОБРА

*Герои, праведники и другие люди
в истории Холокоста*

Заметки по еврейской истории двадцатого века

Предисловие Юрия Табака

Москва
Издательство «Янус-К»
2003

УДК 94"19"(=411.16)

ББК 63.3Е

Б489

Е. Беркович. Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста. Заметки по еврейской истории двадцатого века. — М.: Янус-К—389 с.

Редактор Наталья Богоявленская

ISBN 5-8037-0143-2

Предлагаемая читателю книга содержит очерки по еврейской истории двадцатого века, объединенные темой Холокоста.

Содержание условно можно разделить на пять частей. В первую вошли малоизвестные страницы антифашистского сопротивления в Испании, Италии, Алжире и других странах.

Вторая часть посвящена признанным и не признанным Праведникам мира — людям, с риском для жизни спасавшим евреев в годы Второй мировой войны. Рассказывается о людях из разных стран: Польши и Франции, Голландии и Германии, России и Португалии...

В третьей части собраны очерки о немцах, ломающие многие стереотипы наших представлений о людях Третьего Рейха.

Четвертая часть — «Заложники Второй мировой» — включает заметки о судьбах евреев в те годы, когда Германией правили нацисты. В статье, давшей название всему разделу, исследуются два важных вопроса, на которые историки до сих пор не имеют однозначного ответа: кто отдал приказ об «окончательном решении еврейского вопроса» и когда это было сделано? Несколько биографических очерков об известных и не очень известных людях добавляют штрихи к портрету эпохи.

В последней, пятой части книги рассматриваются корни и национальные особенности антисемитизма — явления, сопровождающего евреев на протяжении всей их долгой истории.

В приложении приведены два биографических очерка в вопросах и ответах: опыт «синтетического» интервью с Иосифом Бродским и автобиография.

© Евгений Беркович, 2003

Продажа книги за пределами России — только по письменному разрешению автора

Против течения плыть очень трудно. А иногда почти невозможно, особенно если это течет кровь твоего народа и сердце зовет пусть не к мести, но к настороженной отчужденности по отношению к тем, кто убивал твоих отцов и дедов. Так уж печально сложилась человеческая история, что цивилизованный мир больше двух тысяч лет делился на евреев и все остальные «народы», которые сообща и по отдельности гнали и убивали евреев, оставляя им лишь недолгие просветы покоя. Апофеозом противостояния стала Катастрофа, когда шесть миллионов человек пало от автоматных очередей и испарилось в дыму газовых печей.

Завершилась Вторая мировая война, и «народы» содрогнулись. И первым содрогнулся христианский мир, который должен был следовать евангельским путем любви и который вдруг в ужасе оглянулся на содеянное, на бесчисленные гонения и погромы, причиненные им одному маленькому народу — народу, подарившему миру Того, Кого христиане называют Спасителем и от Чьего имени совершались бесчисленные злодеяния. В этот момент во многих христианских душах совершился переворот и началась новая эпоха взаимоотношений евреев и «народов» — когда лучшие представители христианского мира стали видеть в евреях братьев, а в иудаизме — великую и глубокую религию.

Да, началась новая эпоха, но еврейская боль не прошла. Она застыла где-то в глубине души и усиливается при взгляде на старые фотографии и при поминовении погибших. И гнездящиеся в глубине души страх и недоверие к «народам» не исчезают — какой бы скорбью и состраданием ни были исполнены лица молодых французов, итальянцев, поляков, украинцев, оцепеневших в залах Яд-Вашема. И так часто еврейские старики, пережившие Освенцим, говорят своим детям и внукам: не верьте им, *они все и всегда были одинаковы*. Стариков нельзя переубедить, ибо их не избавишь от того, что уже произошло. Это трагедия: они умирают с той же болью и недоверием. Ведь у «народов», кажется им, есть родовая память. И особенно у одного народа — немцев. Если деды нынешних немцев были почти неразличимой массой убийц, как о том пишет Дэниэль Гольдхаген, если они были *все такие*, то значит, это уже в крови, в генах. И тогда даже с некоторым облегчением, внутренним удовлетворением

принимается развенчание мифа об Оскаре Шиндлере, который со-трудничал с абвером, пьянствовал и развратничал, евреи же ему были нужны ради гешефта, а на самом-то деле ему было глубоко на них наплевать...

Но растут дети. Выросло уже не одно поколение еврейских детей, в душах которых боль и та же родовая память о погромах борются с желанием понять и поверить: они, люди «пародов» — не все такие, они *другие* или, по крайней мере, *разные*. Но очень трудно разорвать связь времен. Трудно поверить, что сплошная чернота прошлого из эсэсовских мундиров хотя бы кое-где может прорезиваться настоящим из белых футболок со слоганом: «Израиль, мы с тобой!». Да и события в мире не располагают к такой вере. Осквернения кладбищ, шествия бритоголовых, вспышки антисемитизма, двойные стандарты западного мира — все это наводит на мрачные размышления. Но даже не это главное. Есть память времен, память культуры, память генов. И если *те* все были одинаковы, то почему вдруг *эти* станут *иными*? И возникает очевидный, спасительный вопрос: а может быть, *те* не все были одинаковыми? Ведь только тогда вера в «пароды» получает свое оправдание, если перефразировать Владимира Соловьева («Оправдание добра»).

Ответить на этот вопрос очень не просто. Прежде всего — их, иных, всегда было слишком мало. Из всей средневековой истории можно извлечь не так уж много примеров защиты евреев светским государством или христианской церковью, да и эта защита чаще всего имела под собой чисто прагматические соображения. А уж христиан, сердечно расположенных к евреям, защищавших их не из корысти, а по естественной потребности человеческого сердца, вплоть до конца XIX в. вообще можно было пересчитать по пальцам (по крайней мере тех из них, чьи имена история донесла до нас): Пьер Абеляр, аббат Анри Греггар, Владимир Соловьев, многие другие. И в огне Катастрофы и мир, и церковь проявили, казалось бы, безразличие к судьбе погибающего народа. На десятки миллионов людей нашлось не более двух десятков тысяч человек, в честь которых высажена аллея «праведников народов мира». И пусть даже история еврейского народа вряд ли могла быть написана без психологически объяснимых историографических преувеличений, когда цвет исторических мазков преимущественно черный и тысячи погромщиков заслоняют собой десятки праведников — эти цифры все равно несоизмеримы...

Таким образом, поиск праведников и рассказ о них есть не только знак благодарности и признания человеческого благородства. С каждым новым именем праведника растет *надежда* — вопреки всем мрачным прогнозам. И огромные усилия к тому, чтобы дать нам эту

надежду, приложил автор настоящей книги. С настойчивостью, достойной восхищения, он в течение многих лет рассказывает о праведниках. И не просто о праведниках. Время от времени в Израиле вручаются награды белорусским и украинским крестьянам, которые с огромным риском для жизни спасали евреев. Но почти никто не знает, что праведники были и в логове нацизма, в самой Германии. Не знает и не хочет знать. Так проще, хотя и страшнее. В сознании многих евреев, отнюдь не только Гольдхагена, немцы ассоциируются с убийцами. И мало находится тех, кто берет на себя смелость ломать привычные схемы. Даниэль Баренбойм упорно играет Вагнера, являя гениальную музыку антисемита. Евгений Беркович упорно ломает черно-белую картину «немцы — евреи», вскрывая удивительные полутона. Разве можно представить конструкцию «фашисты-праведники»? Оказывается, можно. Автор порой специально подчеркивает это в кажущихся парадоксальными названиях статей: «Как итальянские фашисты спасали евреев», «Брат рейхсмаршала — защитник евреев». И это вовсе не рекламный ход. В самом деле, всегда найдутся, просто не могут не найтись *разные* люди — даже среди нацистов, даже не просто среди обычных солдат, а в элите нацистской верхушки. И вообще в немецком народе. В очень важной статье «Немецкий антисемитизм — правда и вымыслы» Беркович вполне аргументированно опровергает устоявшийся миф о каком-то особом антисемитизме немцев. И в этом он глубоко прав. История способна легко вертеть и каждым человеком, и целыми народами. Специфические социальные условия, совокупность культурных факторов, вовремя появившийся мощный харизматический лидер — и «народный дух» изменяется с калейдоскопической быстротой. Никто никогда ни от чего не застрахован. И история с трансформацией немцев — лишь эпизод, хотя и чудовищно кровавый, в цепи других подобных исторических эпизодов. Когда, например, древние народы, носители великих культур, порождают вдруг сотни монстров, отрезающих уши у пленных и вспарывающих животы беременным женщинам, — о чем мы столько слышали в ходе национальных конфликтов последних десятилетий. И тем поучительнее и удивительнее примеры людей, сохранивших человеческий облик и имевших мужество противостоять всеобщей вакханалии. Холокост по размаху и трагической глубине есть общая модель геноцида человечества. И те немногие, кто противостоял адской машине изнутри ее самой, — праведники в нацистских мундирах — автоматически становятся моделью праведника. В результате выбор героев для этой книги — среди немцев, итальянцев и других народов, чьи правительства в той или иной степени оказались в ареале нацистского влияния, — обретает особый смысл. А одновременно нам

открываются и поразительные судьбы, немыслимые немецко-еврейские переплетения. Можно ли себе представить, что Магда Геббельс, отравившая своих шестерых детей из верности фюреру, была падчерицей еврея и любовницей видного сиониста? Что брат Геринга спас от смерти десятки евреев? Что сотни немецких женщин, протестовавших против арестов своих еврейских мужей, в конце концов победили? Представьте себе, можно. Читатель словно погружается в перипетии невероятного детектива. И детектива необычайно увлекательного (сколь бы странным ни казалось употребление слова «увлекательный» применительно к трагической истории), чему в немалой степени способствует не только тема книги, но и писательское мастерство автора. В такого рода изданиях, предназначенных для широкого читателя, надо выбрать точный стиль изложения, чтобы, с одной стороны, не скатиться в сухой пересказ событий, цифр и фактов, а с другой — не впасть в сентиментальные восклицания. И автору эту задачу замечательно удастся решить.

Он не только рассказывает нам о праведниках, но и размышляет на некоторые другие темы, не менее важные. Многие десятилетия не прекращаются споры, в основе которых лежат все те же мифы потрясенного сознания, не способного различать иные цвета помимо черного и белого (и в результате воспринимающего один только черный цвет). Как могли сотни тысяч людей безропотно стать жертвами адской машины, почему они не взбунтовались, чтобы защитить себя, своих стариков и детей? Много копий было сломано по этому поводу, но редко оспаривался сам исходный тезис: все евреи шли на смерть безропотно. И в самом деле, было много таких, кто от отчаяния, беспомощности и одиночества полагался на волю судьбы, — но ведь были и другие, которые отстаивали свои и чужие жизни силой оружия, дрались отчаянно и умно. И напоминая нам об этом, Евгений Беркович опять же делает очень важное дело, обозначая не только узлы страданий, соединяющие поколения, но и общий путь мужества. Наконец, автором затрагивается тема взаимодействия двух миров — христианского и иудейского — в прошлом и будущем, когда он бесстрашно, вслед за Эли Визелем, Франсуа Мориаксом и многими другими размышляет над страшным в своей парадоксальности образом «Христа в Освенциме», когда цивилизация, признавшая распятого еврея своим Спасителем, распинает его народ. Но даже и здесь Евгений Беркович не дает читателю погрузиться в отчаяние, ибо подвиг хотя бы одного христианина, подобного Бернгарду Лихтенбергу, служит не только спасительным якорем для самой церкви, но и, опять же, якорем надежды на преодоление недоверия евреев к христианам. Та же иудейско-христианская тема, хотя и в гораздо более широком

культурологическом аспекте, затрагивается в интереснейшем «синтетическом интервью» с Иосифом Бродским, где Евгений Беркович попытался представить читателям внутренний мир великого русского поэта. Но при всем тематическом разнообразии книги главной для автора остается прочная нить памяти. Если человечество хочет будущего, оно должно помнить о прошлом. И благодаря Евгению Берковичу восстают из небытия имена многих праведников. Чтобы помнили.

Юрий Табак

В польском городке Радоме жила женщина с двумя сыновьями. Ее муж в начале 1939 года, незадолго до нападения Германии на Польшу, уехал в Палестину, они должны были последовать за ним, но не успели: война разорвала семью на части. Отец семейства пытался получить для своих близких разрешение на переезд, и через долгие три года ему удалось добиться, казалось, невозможного. В октябре 1942-го, когда многие в гетто уже догадывались, какая им уготована страшная судьба, женщину вызвали в гестапо и сообщили, что ее вместе с детьми выпускают в Палестину в порядке обмена с семьей немецких переселенцев. В течение одного часа они должны прибыть в комендатуру.

— Мой старший сын работает в городе, — попыталась объяснить женщина. — Так быстро я не смогу его найти.

— Это нас не интересует, — сказал гестаповец. — Вам дастся ровно час.

Женщина была в отчаянии. Должна ли она со своим младшим сыном разделить судьбу старшего? Или попытаться спасти хотя бы одного? В этот момент пришел сосед и предложил:

— Ты не можешь помочь своему старшему сыну. Бери моего, они ведь ровесники, и уезжайте.

В слезах, почти не помня себя от горя, пришла она с двумя детьми в комендатуру. Одиннадцатого ноября 1942 года они уже были в Хайфе. Оба парня стали известными в своей стране людьми, у них есть собственные дети и внуки. Женщина о себе почти никому не рассказывала, ей не хотелось, чтобы ее жалели. До конца жизни она держала небольшой магазинчик напротив синагоги в центре Тель-Авива. Говорили, что ей повезло, что она пережила Холокост. Но так ли это на самом деле?

Полностью «пережить» подобную трагедию невозможно, эта рана еще открыта, ее боль ощущают миллионы людей, в том числе и те, кто родился после войны.

* * *

Проблемы Катастрофы европейского еврейства актуальны и сегодня, о них написаны сотни научных и художественных книг,

тысячи статей. Мемориалы евреям — жертвам нацизма установлены не только в Германии и Израиле, США и России. В окрестностях Хиросимы тоже есть музей Освенцима. Люди во всем мире начинают понимать, что Холокост — универсальный символ Зла. И хотя геноцид существовал и до, и после власти нацистов, но именно при Холокосте впервые была предпринята попытка уничтожения целого народа — тотальная, глобальная и имевшая исключительно идеологические корни.

Тотальная — потому что смертный приговор выносился «по крови». Глобальная — потому что уничтожению подлежали не только немецкие, польские или, шире, европейские евреи. Должны были исчезнуть все семнадцать миллионов евреев, живших в то время в мире. И наконец, нацистский антисемитизм, с его уверенностью в мировом еврейском заговоре, был чистой идеологией, не имевшей отношения к действительности.

Историки выделяют три большие группы людей, существовавших в годы Второй мировой войны: преступники, жертвы и зрители. Если выделить еще и четвертую — героев и праведников, спасавших евреев во время Катастрофы, — то в сравнении с первыми тремя она будет очень невелика, но без этих людей вся картина трагедии была бы иной.

На аллею Праведников в мемориале Яд-Вашем в Иерусалиме растут тысячи деревьев, посаженных в честь людей из разных стран, которые в те годы не захотели остаться в стороне. Мир узнает все новые имена тех, кто, «спасая одну жизнь, спасал весь мир».

Ханна Арендт в книге «Эйхман в Иерусалиме» бездушный нацистский механизм уничтожения называет «банальностью зла». Однако история Холокоста показывает, что человек может не только творить зло, но и с риском для жизни оказывать бескорыстную помощь обреченным людям, совершать героические подвиги, даже в нечеловеческих условиях показывать высокие образцы верности и благородства.

Этим темам, которым в литературе о Холокосте уделяется незаблужденно мало внимания, посвящена предлагаемая читателю книга.

* * *

Книга условно разделена на пять частей.

В первую вошли малоизвестные страницы антифашистского сопротивления в Испании, Италии, Алжире и других странах. Во время Второй мировой войны случались такие поразительные события, которые не выдумает сценарист с самой изощренной фантазией. Чего стоит, например, такой сюжет: еврей в нацистском мундире

организует партизанский отряд, а после войны становится почетным гражданином освобожденного им французского города. Или демонстрация немецких женщин в центре Берлина в защиту схваченных нацистами евреев, закончившаяся полной победой: всех арестованных освободили, некоторых даже выпустили из лагеря смерти Освенцим. А вот еще один еврей: убежав из варшавского гетто, он получает место управляющего на немецком военном предприятии и спасает несколько десятков работавших там людей от неминуемой гибели...

Вторая часть посвящена признанным и не признанным праведникам из разных стран — Польши и Франции, Голландии и Германии, России и Японии... Известно, что в Яд-Вашеме все датчане отмечены за коллективную помощь в спасении евреев. Но мало кто знает, что пока итальянские фашисты были у власти, ни один еврей в Италии, а также на подконтрольных Муссолини территориях в Югославии, Греции и Франции не был выдан нацистам и не пострадал.

То, что двигало итальянцами в отношении евреев в годы фашизма, можно было бы назвать «банальностью добра». В душах многих людей сохранился определенный порог порядочности, перейти который они не могли даже по приказу дуче. Престиж нации, совесть и человечность оказались не пустыми словами для многих итальянцев — будь то простой солдат, генерал или министр. После окончания войны итальянцы, вернувшиеся из советского плена, рассказывали, что отношение к ним в лагерях было лучше, чем к пленным немцам, на чьей совести были массовые убийства мирного населения.

В третьей части собраны очерки о немцах, чьи судьбы добавляют новые краски в картину Второй мировой войны. В сложившиеся стереотипы наших представлений о людях Третьего Рейха с трудом укладываются истории о брате рейхсмаршала Геринга, спасавшем в годы войны евреев, или о жене гитлеровского министра пропаганды Магде Геббельс, в молодости увлекавшейся идеями сионизма. Внучка Магды после войны прошла ортодоксальный гиур и живет сейчас в Гамбурге с мужем евреем. Среди героев заметок и известный немецкий писатель Йохен Клеппер, разделивший трагическую судьбу своей жены еврейки, и знаменитый боксер, чемпион мира Макс Шмелинг, «образцовый немец», по выражению Гитлера, который помогал во время Хрустальной ночи друзьям евреям, и бесстрашная графиня фон Мальцан, в течение нескольких лет прятавшая у себя дома любимого человека и спасшая кроме него еще десятки обреченных людей, и посмертно удостоенный звания Праведника мира немецкий фельдфебель Антон Шмид...

Четвертая часть — «Заложники Второй мировой» — включает заметки о судьбах евреев в те годы, когда Германией правили нацисты.

В статье, давшей название всему разделу, исследуются два важных вопроса, на которые историки до сих пор не имеют однозначного ответа: кто отдал приказ об «окончательном решении еврейского вопроса» и когда это было сделано? Несколько биографических очерков об известных и не очень известных людях добавляют штрихи к портрету эпохи. Среди них Теодор Лессинг и Пауль Шпигель, Хорст Беркович и Виктор Клемперер... Здесь же рассказывается о положении евреев в это трагическое время в разных странах — в Германии и Америке, в Польше и России.

В последней, пятой части книги рассматриваются корни и национальные особенности антисемитизма — явления, сопровождающего евреев на протяжении всей их долгой истории. Обсуждаются острые проблемы иудейско-христианского диалога, факты и вымыслы о пресловутой немецкой юдофобии, особенности государственного антисемитизма в СССР времен «дела врачей» и готовящейся депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. На примере трагической судьбы талантливого ученого Отто Вейнингера исследуется такой феномен, как «еврейская самоненависть».

В приложении приведены два биографических очерка в вопросах и ответах: опыт «синтетического» интервью с Иосифом Бродским и автобиография.

* * *

На специальном заседании Бундестага 27 января 1998 года, посвященном Дню памяти жертв нацизма, председатель международного Центра изучения Холокоста в Яд-Вашеце Исгуда Бауэр сказал: «В Библии записаны Десять Заповедей. Вероятно, мы должны к ним добавить еще три:

— Ты, твои дети и дети твоих детей никогда не должны быть преступниками.

— Ты, твои дети и дети твоих детей никогда не должны быть жертвами.

— Ты, твои дети и дети твоих детей никогда не должны быть пассивными наблюдателями при массовых убийствах, при уничтожении народов и — мы надеемся, что это никогда не повторится, — при трагедиях, подобных Холокосту».

Чтобы подобные трагедии не повторялись, люди не должны забывать уроки прошлого. Не в еврейской традиции культивировать память о зле. Когда-то существовала книга «МЕГИЛАТ ТААНИТ», список памятных дней, напоминающих о бедах еврейского народа. В Талмуде сказано, что «МЕГИЛАТ ТААНИТ» была упразднена мудрецами, и аргументировано это решение просто: «Что было, то

было». Наверное, мудрецы считали, что люди должны жить настоящим и будущим, а не вечно возвращаться к воспоминаниям о прошлых страданиях. Но никогда не должны быть забыты те уроки добра, которые оставлены нам героями, праведниками и другими людьми, жившими в страшное время.

* * *

В заключение — слова благодарности.

Я сердечно признателен Юрию Табаку, прочитавшему рукопись и любезно согласившемуся написать предисловие. Многие очерки из этой книги впервые появились на страницах журнала «Заметки по еврейской истории» и альманаха «Еврейская Старица» (www.berkovich-zametki.com). Спасибо многочисленным читателям этих сетевых изданий за доброжелательные замечания и ценную критику.

ШАЛОМ, ЛИБЕРТАД! (ИСПАНСКИЕ СТРАНИЦЫ ЕВРЕЙСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ)

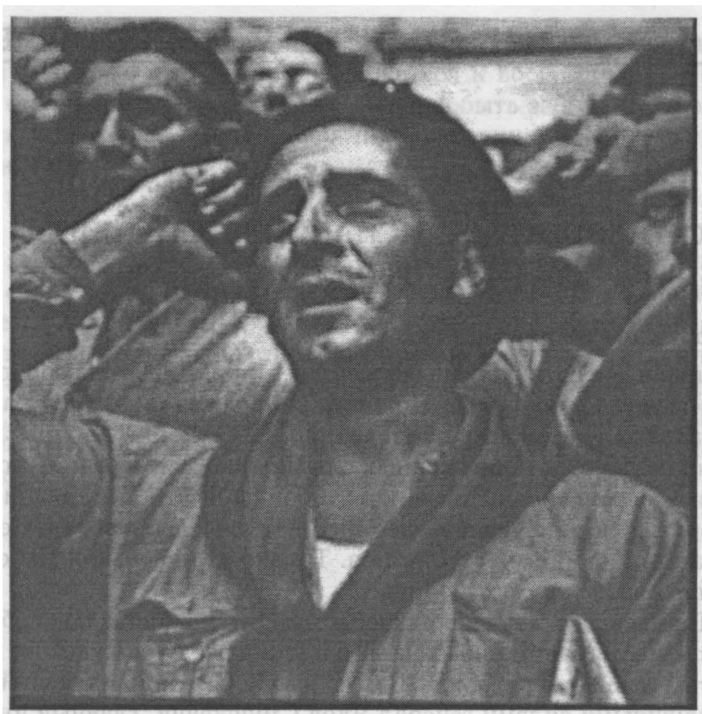
Интернациональные бригады

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года нападением гитлеровской Германии на Польшу. Но сражения с фашистами велись задолго до этой даты: в Испании в 1936–1939 гг. шла Гражданская война. Против вооруженных сил Франко, Гитлера и Муссолини боролись испанские антифашисты и бойцы шести Интернациональных бригад, в том числе более шести тысяч добровольцев-евреев, приехавших из многих стран мира. Только из маленькой Палестины прибыло свыше трехсот бойцов.

Много евреев было и в руководстве Интернациональных бригад. Высокие посты занимали военный советник республиканского правительства генерал Григорий Штерн из СССР, командующий военно-воздушными силами генерал Яков Смушкевич, главный инженер ВВС полковник Зелиг Иоффе, создатель Второй бригады имени Эрнста Тельмана и руководитель обороны Мадрида генерал Манфред Штерн, павший в Испании знаменитый писатель и военный деятель Мате Залка, генералы Юлиус Дейтч и командующий 129-й Интернациональной бригадой Вацлав Комар, командир 13-й Бригады имени Домбровского полковник Хенрик Торунчик, а также подполковник Джон Гейтс — самый высокий по рангу американец в испанских Интернациональных бригадах [1].

Первым интернациональным отрядом в Гражданскую войну стала Группа Тельмана, в которой евреи составили большинство. Ее командирами были Макс Фридманн и Хаим Бессер. Воевал в Испании и отдельный еврейский отряд «Ботвин», выпускавший фронтовую газету и имевший собственное боевое знамя. В боях пали семь его командиров.

Судьбе двух бойцов Интернациональных бригад посвящены эти заметки.

Бойцы интернациональных бригад

По ком звонит колокол

Ирвинг Гофф родился в Нью-Йорке в 1900 году. Уже в молодости он стал членом коммунистической Лиги молодежи. Коммунизм юноша понимал как борьбу против антисемитизма, в ту пору широко распространенного в американском обществе. Ирвинг сменил множество профессий, перед отъездом работал даже акробатом в цирке.

В Испанию Гофф прибыл в числе первых американских добровольцев. Начав с простого солдата, он дослужился до капитана и принял командование автомобильным хозяйством 15-й Интернациональной бригады имени Авраама Линкольна. Однако эта должность была не по душе отчаянному храбрцу и сорвиголове, и он добился перевода в партизанский отряд. Название отряда — «Специальная бригада» — говорит само за себя: партизаны действовали за линией фронта, в тылу противника, взрывая по заданию республиканского командования мосты, пуская под откосы эшелоны, совершая другие диверсионные акты. Отряд почти исключительно состоял из испанцев (кроме Ирвинга в нем было еще только два американца — Билл Альто и Алекс Кунслих, еврей из Нью-Йорка).

После поражения республиканцев на северном фронте 315 астурийских офицеров оказались в фашистском плену. Крепость Ла-Кохуна, в которой их держали, считалась абсолютно неприступной: добраться к ней можно было только по морю. Офицеров-республиканцев ждал расстрел, и спасти их могло лишь чудо.

Ирвинг Гофф был одним из тех, кто вызвался спасти пленников. Этих добровольцев называли смертниками — настолько ничтожны были шансы на успех.

Ночью группа из 35 человек на небольших лодках достигла Кохуны и провела разведку местности. Вечером следующего дня партизаны неожиданно для врага напали на крепость, подавили сопротивление охраны, перерезали телефонные провода и освободили заключенных. Арсенал крепости оказался достаточно богатым, чтобы вооружить всех пленных.

Начался форсированный марш по территории, контролируемой фашистами. Через день освободители и освобожденные без единой потери перешли линию фронта и были с ликованием встречены товарищами по оружию.

Покинув Испанию за два с небольшим месяца до окончания Гражданской войны (это был январь 1939 года), Гофф стал последним американцем, вернувшимся на родину с испанских фронтов.

Но долго оставаться дома Ирвингу не пришлось. В 1941 году он записался добровольцем в американскую армию: фашизм наступал, и оставаться в стороне он не мог.

Ирвинг Гофф закончил курсы парашютистов, сражался в Северной Африке, потом был направлен на итальянский фронт, где стал сотрудником Организации разведки и диверсионной деятельности (OSS), которой руководил генерал Билл Донован.

Гофф неизменно удивлял товарищей своей храбростью. Однако при очередных повышениях в звании начальство обходило бывших бойцов испанских интербригад. Тогда бойцы отряда OSS написали генералу Доновану письмо, в котором были такие слова: «Наша честь офицеров и джентльменов не может смириться с тем, что сержанты Фельзен, Лоссовский и Гофф до сих пор не представлены к офицерскому званию». Через несколько дней генерал торжественно перед строем вручил трем сержантам-евреям лейтенантские погоны и удостоверения.

Лейтенант Гофф принимал участие в высадке союзников на Сицилию. За короткое время были образованы 22 десантные группы, которым предстояло действовать в тылу врага. К сожалению, большинство десантников попало в руки немцев. Гофф руководил обучением и подготовкой нескольких групп — и ни одна из них, к его чести, не была потеряна.

Несколько позже Ирвинг получил задание установить контакт с отрядами коммунистического антифашистского Сопротивления и успешно справился с ним — тем более, что в руководстве этих отрядов было много бывших бойцов испанских Интернациональных бригад, боевых товарищей Ирвинга.

Лишь одному дерзкому плану не суждено было исполниться, о чем он долго потом сожалел: Гофф хотел захватить и передать в руки союзников немецкого фельдмаршала Кессельринга подобно тому, как Отто Скорцени, один из самых известных командиров спецподразделений нацистской Германии, осенью 1943 года освободил захваченного итальянскими партизанами бывшего диктатора Бенито Муссолини. Но военные власти не дали Ирвингу разрешения на рискованную операцию.

Нью-йоркская еврейская газета несколько раз публиковала интервью с Ирвингом Гоффом — героем войны и любимцем читателей. Гораздо сложнее складывались его отношения с начальством.

Генерал Donovan неоднократно ходатайствовал о присвоении Гоффу звания капитана (между прочим, шесть лет тому назад в Испании Ирвинг это звание уже имел). Но американское командование не забывало коммунистических убеждений Гоффа и не хотело прощать его независимого характера. Капитаном американской армии Ирвинг Гофф так и не стал.

Не очень гладкими были отношения Гоффа с властями и после войны: в эру Маккарти он часто подвергался преследованиям и дискриминации.

И последнее. Мало кто знает, что у главного героя знаменитого романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» американца Роберта Джордана был реальный прототип — доброволец из Бруклина, еврей по национальности Ирвинг Гофф.

Командир Джорджа Оруэлла

Беньямин Левинский родился в 1916 году в Варшаве. Мальчик рано осиротел и с 1925 года жил в Париже у бабушки. Когда подросток, работал скорняком. Война в Испании круто изменила его жизнь.

В июле 1936 года двадцатилетний Левинский нелегально приехал в Испанию, чтобы защищать Республику. Он записался в интернациональный отряд Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ). Сталин считал эту партию своим главным врагом в республиканском лагере, так как руководство ПОУМ упрекало СССР в буржуазном перерождении. После недолгого обучения Беньямин отправился на фронт. В октябре 1936 года был в первый раз контужен, но скоро опять вернулся в строй. Левинский отличался не только

поразительным бесстрашием в боях, но и недюжинными организаторскими способностями и к тому же свободно говорил по-каталонски. Так что не удивительно, что скоро он получил звание капитана и был назначен командиром отдельного отряда, в котором сражались многие иностранцы. Одним из его бойцов был англичанин Эрик Блэр — о нем речь пойдет чуть ниже.

Весной 1937 года на улицах Барселоны между отрядами различной коммунистической направленности произошли ожесточенные сражения. В результате многие бойцы отряда оказались в советских лагерях, а сама партия была распущена.

Чтобы Левинский мог избежать преследований сталинских спецслужб, друзья посоветовали ему сменить имя. И с этих самых пор до октября 1938 года, когда были распущены Интернациональные бригады, с фашистами воевал уже капитан Бернард Лауно из Франции.

Когда разразилась Вторая мировая, Беньямин записался добровольцем во французскую армию, как будто не было у него за плечами двух с половиной лет войны в Испании. В феврале 1940 года он попал сначала на сирийский, а потом на ливанский участок фронта. Но долго воевать в рядах французской армии ему не пришлось. Франция капитулировала, и французские части на Ближнем Востоке оказались под командованием профашистского режима Виши. Однако оставались еще добровольцы, имевшие опыт гражданской войны в Испании, и они стремились продолжить борьбу с нацизмом.

Левинский организовал для группы бойцов дерзкий побег на грузовиках через Сирию в Турцию. Но беглецов арестовали и заключили в лагерь. В лагере был радиоприемник, по которому в мае 1941 года неожиданно для себя он услышал передачу на знакомом с детства языке идиш. Палестинская радиостанция сообщала, что верные генералу де Голлю отряды французской армии Освобождения вместе с британскими войсками продолжают борьбу с фашистами. Вместе с боевым товарищем Беньямин бежал из лагеря, и через заснеженные горные вершины Хеврона они добрались до Палестины. Беглецам потребовалась целая неделя, чтобы подняться на высоту 2825 метров над уровнем моря и затем спуститься в направлении Галилеи. Ночью они подошли к высокому забору, окружавшему какой-то киббуц. Чтобы не вызвать переполох, Беньямин позвал охрану киббуца по-еврейски и сообщил, что он с другом бежал из заключения, чтобы примкнуть к отрядам союзников. Через минуту пришельцев окружили еврейские поселенцы: они радостно приветствовали их и поздравляли с успешным побегом.

На следующий день Левинский записался добровольцем в отряд французской Армии освобождения, расквартированный в местечке

Кастина под Хайфой. Так он стал солдатом прославленной 13-й Бригады Иностранного легиона, которая в 1940 году воссала в Норвегии и была потом направлена на Ближний Восток.

Много раз он был на грани смерти. Однажды рядом с ним упала вражеская граната и каким-то чудом не разорвалась.

В начале 1942 года 13-я Бригада вошла в состав 8-й Английской армии и принимала участие в тяжелых боях против итальянской танковой дивизии «Аристе» в ливийской пустыне. Позже бойцы бригады сражалась с африканским корпусом Роммеля.

Левинский оказался одним из немногих, кто остался в живых после кровопролитного боя с немцами под Бир-Хакаймом. Именно успех в этом бою предопределил решающую победу союзников над немецкими войсками в Эль-Аламейне, после чего корпус Роммеля капитулировал, а Северная Африка была освобождена от фашистов.

В августе 1944 года отряд Левинского был направлен для продолжения боевых действий на юг Франции. Войну Бенъямин закончил в Ницце. После восьми лет непрерывных сражений очень нелегко было снова привыкать к мирной жизни.

Только спустя 40 лет Бенъямин Левинский узнал, что его бывший подчиненный по имени Блэр стал знаменитым на весь мир писателем Джорджем Оруэллом, который в книге «Моя Каталония» увековечил имя своего командира.

Еврейское Сопротивление

Участие евреев в вооруженной борьбе против фашизма и нацизма составляет малоизвестную страницу истории Второй мировой войны. Широко распространено мнение, будто они были лишь пассивными жертвами, а от мест сражений старались держаться подальше. «Евреи воссали в Ташкенте, а русские на фронте» — таков расхожий аргумент российских антисемитов. Но и многие из тех, кто проявлял сочувствие к жертвам, считают, что евреи, «как овцы на бойню», покорно шли в газовые камеры и печи крематориев, не пытаясь оказать сопротивление своим мучителям. Эти мифы живучи в Америке и Израиле, в России и Германии, во многих других странах. Схожие взгляды разделяли даже такие выдающиеся историки, немало сделавшие для изучения Холокоста, как Рауль Хильберг и Ханна Арендт.

Следует заметить, что многие факты, связанные с еврейским Сопротивлением фашизму, стали предметом исследования только в последнее время. В 90-е годы появились труды, по-новому освещающие эту сложнейшую и деликатную тему. Здесь нельзя не назвать выпущенную в свет в 1999 году книгу Арона Абрамовича «В решающей

войне» [2], содержащую огромный фактический материал об участии советских евреев в войне против нацизма. Несколько серьезных монографий о еврейском Сопротивлении вышло в свет на Западе.

В силу исторических причин еврейское Сопротивление занимает особое место в общеевропейском антифашистском движении [3].

Сопротивление на оккупированных территориях Европы носило, как правило, патриотический характер борьбы за освобождение своей страны. Во имя этой цели сражались французы, греки или югославы.

Для евреев на оккупированных фашистами землях на первый план выходила задача выжить, спасти себя и своих близких от страшной машины смерти, запущенной нацистами с целью «окончательного решения еврейского вопроса». Только выжив, можно было бороться за освобождение своей страны от захватчиков. Поэтому для еврейского Сопротивления характерны иные задачи, иные методы ведения борьбы, чем для «обычного» европейского Сопротивления фашизму.

Александр Донат, переживший ужасы лагерей, в книге воспоминаний «Королевство Холокост» писал: «Это чистый миф, что евреи были только пассивны и не оказывали нацистам никакого сопротивления. Евреи отвечали борьбой против своих врагов. Они боролись против голода и истощения, против болезней, против смертельной экономической блокады нацистов. Они боролись против фашистских убийц и против предателей в своих собственных рядах... Мы отвечали ударом на удар на всех фронтах тем оружием, которым мы располагали».

Решение принять смерть вместе с семьей, а не пытаться спастись самому, было актом мужества и морального достоинства. И мученическая смерть многих евреев была формой духовного Сопротивления. Такой страшной ценой опровергался нацистский миф о евреях-недочеловеках, паразитах, лишенных совести и морали.

«Сопротивлением сердца» называют сейчас незаметные миру подвиги тысяч еврейских женщин, спасавших в годы войны своих и чужих детей от уничтожения [4]. Эти стороны еврейского Сопротивления заслуживают отдельного разговора.

Но и рассматривая чисто военный аспект Сопротивления, мы должны подчеркнуть, что на фронтах Второй мировой с фашистами воевало немало евреев. Об этом свидетельствуют сухие цифры, представленные ниже.

Количество евреев в армиях стран, боровшихся с фашистами (по данным [1]):

США — 550 000

СССР — 500 000

Польша — 190 000
Великобритания — 62 000
Франция — 48 000
Палестина — 30 000
Канада — 16 000
Греция — 13 000
Югославия — 12 000
Южная Африка — 10 000
Чехословакия — 8 000
Бельгия — 7 000
Испания — 6 000
Австралия — 3 000

В регулярных армиях союзников воевало 1 455 000 евреев. Здесь не учитываются тысячи еврейских партизан в Западной и Восточной Европе. Воевали эти люди достойно: многие заслужили высшие военные награды, немало было и тех, кто героически пал на полях сражений.

В мае 1945 года победно закончилась страшная война с нацизмом, угрожавшим самому существованию еврейского и многих других народов. А началась вооруженная борьба с фашистами на земле Испании, во время знаменитой Гражданской войны. И многие евреи, бойцы Интернациональных бригад, могли сказать про себя слова, которые Эрнест Хемингуэй вложил в уста Роберта Джордана: «Почти целый год я дрался за то, во что верил. Если мы победим здесь, мы победим везде. Мир — хорошее место, и за него стоит драться, и мне очень не хочется его покидать. И тебе повезло, — сказал он себе, — у тебя была очень хорошая жизнь».

Литература

1. *Lustiger Arno*. Zum Kampf auf Leben und Tod. Vom Widerstand der Juden 1933 — 1945. Muenchen, Deutschen Taschenbuch Verlag, 1997.
2. *Абрамович Арон*. В решающей войне. Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. СПб., «ДЕАН», 1999.
3. *Paucker Arnold*. Standhalten und Widerstand: der Widerstand und oesterreichischer Juden gegen die nationalsozialistische Diktatur. Essen, Klartext Verlag, 1995.
4. *Stoltzfus Nathan*. Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstrasse — 1943. Muenchen, Wien, Carl Hanser Verlag, 1996.

ОПЕРАЦИЯ «ФАКЕЛ» (АЛЖИРСКАЯ СТРАНИЦА ЕВРЕЙСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ)

Поворотные пункты Второй мировой

Летом 1942 года нацистская Германия находилась в зените своих военных побед. На Востоке немецкое наступление развивалось по нескольким направлениям: Волга, Кавказ, Крым. Первого июля немцы овладели Севастополем. В Африке танковый корпус генерала-фельдмаршала Роммеля, преследуя части Восьмой британской армии, пересек ливийско-египетскую границу и вышел к Александрии. Стратегическое положение стран антигитлеровской коалиции в Европе и Африке, напротив, было далеко не блестящим.

Склонить чашу победы в пользу союзников смогли два события осени того же года: Сталинградская битва и высадка американцев в Северной Африке. Об этих ключевых эпизодах Второй мировой войны написано много. Кажется, изучены и описаны все детали подготовки и проведения операций. Но на одну особенность высадки союзников в Алжире редко обращают внимание: успех десанта был бы невозможен без решающего участия отрядов антифашистского еврейского Сопротивления.

Территория Алжира, как и почти все северо-западное побережье Африки, контролировалась войсками Франции, верными марионеточному правительству маршала Петена. Маршал обещал Гитлеру, что не допустит высадки противников в Северной Африке. И это обещание не было бесосновательным. Город Алжир представлял собой неприступную с моря крепость. Он находился под надежной охраной французских военных сил — гарнизона из одиннадцати тысяч солдат под командованием генерала Жуэна, двухтысячной армии полицейских и нескольких сотен легионеров из отрядов лидера французских фашистов Жозефа Дарнанда, которому немецкие власти присвоили звание штурмбанфюрера СС.

Высадка десанта на укрепленный противником берег моря — рискованная операция, редко завершающаяся успехом. У союзников антигитлеровской коалиции уже имелся печальный опыт неудачных попыток в этом деле. Одна из них была предпринята 19 августа 1942 года на атлантическом побережье вблизи города Дьеппи. В той операции участвовало более шести тысяч десантников Второй и Шестой бригад канадской Второй дивизии. Встретив мощный огонь береговых батарей, ее участники вынуждены были отступить; при этом они потеряли более половины своих бойцов — 1179 убитыми и 2190 попавшими в плен. Потери немцев составили 311 убитых и раненых.

При подготовке десанта в Алжире американцы сделали ставку на помощь антифашистских организаций города.

Встреча в Шершели

Руководителем объединенной франко-еврейской организации Сопротивления в городе Алжире был двадцатипятилетний Жозе Абулкер, прапорщик резерва и студент медицинского института. В Сопротивлении принимала активное участие вся большая семья Абулкеров. Квартира отца Жозе, знаменитого профессора медицины и президента сионистской федерации Алжира Апри Абулкера, стала конспиративным центром подполья. Сестра Жозе Коллет установила радиоконтакт с войсками союзников в Гибралтаре, с командованием американского флота, а также с офицерами армии генерала де Голля. Результатом радиопереговоров стал план восстания в Алжире. Американский консул и личный представитель президента Рузвельта Роберт Мерфи координировал контакты повстанцев с правительствами союзников и командованием американской армии.

23 октября 1942 года в местечке Шершель на берегу Средиземного моря состоялась встреча Жозе Абулкера и его ближайших товарищей с высшими офицерами британских и американских вооруженных сил Северной Африки, в том числе с генералом Марком Кларком, прибывшим в подводной лодке. На этом секретном совещании обсуждались детали восстания, которое должно было подготовить высадку союзников в Алжире. Англичане и американцы обещали доставить на специальных лодках-амфибиях оружие в расчете на восемьсот человек. Однако этим обещаниям не суждено было исполниться, и в результате восставшие располагали всего несколькими сотнями старых ружей и тремя десятками автомобилей. Единственный автомат был у Жозе Абулкера.

Восстание было назначено на воскресенье 8 ноября 1942 года. Накануне Жозе сфотографировался и отдал снимок сестре Коллет на память: кто знает, удастся ли выжить в предстоящем бою.

Восстание

В восстании должно было участвовать около восьмисот бойцов. Жозе Абулкер выделил часть людей в специальный отряд, которым сам же и руководил, а остальных разделил на пять групп — от «А» до «Е». Каждая группа, в свою очередь, состояла из нескольких подразделений. Главной задачей повстанцев было захватить врасплох солдат гарнизона алжирской крепости и либо убедить их перейти на сторону союзников, либо, в случае неудачи переговоров, арестовать несогласных.

Спецотряд Жозе Абулкера должен был занять центральный комиссариат полиции и превратить его в штаб восстания. Во главе

почти всех групп, за исключением группы «Е», а также у руководства многих подразделений стояли евреи. Целью группы «А» под командованием врача Морали-Даниноса был захват казарм алжирского дивизиона. В том же комплексе зданий находилось командование французских войск. Перед подразделениями Коена, Лапфрани и Хабибу стояла задача занять адмиралтейство.

У группы «В», руководимой врачом Рафаэлем Абулкером, был приказ захватить штаб Девятнадцатого армейского корпуса.

Подразделениям этой группы под командованием Стефана Абулкера, де Сент-Бланка и Оливера Бокановского было предписано занять префектуру, почту и радиостанцию Алжира. Группа «С», руководимая адвокатом Морисом Гаюном, должна была захватить дворец генерал-губернатора, а группа «D» под командованием Поля Руффа — центральную телефонную станцию.

Группе «Е», которой командовал Анри д'Астер де ла Вигери, предстояло выполнить особое задание. В это время в Алжире находился верховный главнокомандующий вооруженных сил правительства Виши и специальный представитель маршала Петена адмирал Дарлан. Бойцы группы должны были арестовать его вместе с командующим алжирским гарнизоном генералом Жуэном.

Восстание, как и планировалось, началось в воскресенье в два часа ночи. Но к условленному времени вместо восьмисот явилось только четыреста бойцов — большей частью члены еврейской организации Сопротивления. Все они выполнили свои задания полностью. В результате захвата центральной телефонной станции военное руководство Алжира было парализовано. Удалось также арестовать высшее французское командование — адмирала Дарлана и генерала Жуэна.

После столь удачного начала утром 8 ноября на берег высадилась первая группа американских десантников под командованием старшего лейтенанта Розенберга. Повстанцы провели американцев к наиболее важным стратегическим точкам города. Теперь могла приступить к работе и основная часть десанта, прибывшего на кораблях из Шотландии, Ирландии, а также из американского порта Хэмптон-Роудс, что находится в штате Вирджиния. Всего на берег высадилось 107 тысяч американских и британских солдат. Общее руководство осуществлял генерал Дуайт Эйзенхауэр. Операция, получившая название «Факел», блестяще завершилась.

Жозе Абулкер

Победа, полная парадоксов

Чтобы избежать военного конфликта союзников с вишиской Францией, американский консул Роберт Мерфи встретился с задержанными французскими военачальниками Дарланом и Жуэном. Адмирал Дарлан получил от маршала Петена тайные инструкции, как действовать в подобной ситуации, и согласился подписать приказ о прекращении боевых действий французских войск. За это союзники обещали сохранить за правительством Виши контроль над Северной Африкой.

Гитлер делал все возможное, чтобы заставить Петена воевать против американцев. Десятого ноября 1942 года, через два дня после высадки десанта в Алжире, министр иностранных дел вишиской Франции Пьер Лаваль был срочно вызван в Мюнхен. Под давлением фюрера он позвонил Петену и просил начать военные действия в Северной Африке. В противном случае немцы угрожали войти в еще не занятую часть Франции. Петен попытался вести двойную игру. Подчиняясь немецкому давлению, он формально уволил Дарлана со всех занимаемых им постов и заявил официальный протест против высадки десанта. В то же время в тайном послании Дарлану он подтвердил свое решение не воевать с союзниками. Французские офицеры в Африке получили взаимоисключающие приказы: Дарлан требовал соблюдать перемирие с союзниками, из Виши настаивали на военных действиях против американцев и британцев.

Гитлер не стал ждать, пока французское командование разберется, с кем воевать. Одинадцатого ноября немецкие войска внезапно вторглись на юг Франции. Оккупация еще не занятой части страны внесла окончательную ясность: французские войска в Африке отказались выполнять немецкие приказы. Тринадцатого числа генерал Эйзенхауэр назначил адмирала Дарлана верховным правителем французской Северной Африки.

Это решение создало парадоксальную ситуацию. Петеновская администрация фактически сохранила свою власть в Алжире. Остались в силе расистские законы, принятые правительством Виши под давлением немцев. В частности, евреев запрещалось принимать на государственную службу и в армию. В двусмысленном положении оказался генерал де Голль, возглавивший силы французского антифашистского Сопrotивления после капитуляции Франции в 1940 году и считавший политику Петена предательской.

24 декабря 1942 года адмирал Франсуа Дарлан был убит в Алжире одним из сторонников генерала де Голля. Власти ответили на это волной террора. Исполнителя убийства немедленно казнили.

Подъем американского флага после высадки десанта

Тридцатого декабря были арестованы профессор Анри Абулкер, Жозе Абулкер и многие другие участники ноябрьского восстания. Нескольким друзьям Коллет и ей самой удалось спрятаться. Обращение за помощью к американскому консулу Мерфи не дало результатов: координатор операции «Факел» ничего не сделал для спасения людей, обеспечивших ее успех. Только после конференции в Касабланке 14 января 1943 года, где встретились американский президент Рузвельт и английский премьер Черчилль, арестованные были освобождены.

Антисемейские законы правительства Виши действовали в Алжире до тех пор, пока там не появился сам генерал де Голль и не возглавил образованный 3 июня 1943 года Национальный комитет освобождения Франции.

Большинство еврейских участников Сопротивления в Алжире пошли добровольцами во французскую армию и участвовали в боях с фашистами в Тунисе, Италии, южной Франции, на Рейне и Дунае. Многие из них стали бойцами Третьего парашютно-десантного полка и вместе с британской диверсионно-разведывательной группой SAS действовали за линией фронта во Франции и Бельгии.

Операция «Факел» имела не только чисто военное значение. В результате дерзкого восстания нескольких сотен алжирских евреев избежали газовых камер сотни тысяч их братьев по вере. Согласно

протоколу Ванзейской конференции 20 января 1942 года депортации в лагеря смерти подлежали 700 тысяч евреев из неоккупированной части Франции, в том числе 120 тысяч алжирских евреев. Высадка десанта и переход Северной Африки под контроль союзников принесли спасение многим из этих людей.

Еврейские участники восстания не думали о своем вкладе в защиту евреев Европы и Африки. Понятие «Освенцим» еще не успело пересечь Средиземное море, об «окопчателном решении еврейского вопроса» в Алжире тогда не знали.

Люсьен Стейнберг, автор книги «Восстание праведников — евреи против Гитлера» (Париж, 1970), писал: «Я рассматриваю восстание в Алжире как редкую еврейскую победу во Второй мировой войне. Это была большая, но горькая победа, горечь которой еще более усилилась в свете дальнейших событий, — победа, полная парадоксов. Один из них состоял в том, что никто не сознавал чисто еврейского аспекта восстания, в то время как это был единственный аспект алжирской победы, который остается неоспоримым».

Литература

1. *Lustiger Arno*. Zum Kampf auf Leben und Tod! Vom Widerstand der Juden 1933—1945. Muenchen, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997.

ЕВРЕЙ В НАЦИСТСКОМ МУНДИРЕ

В интервью журналу «Алеф» бывший советский диссидент, а ныне известный израильский политик Натан Щаранский говорил о вещи, поразившей его по приезду в Израиль: здесь практически никто не относился к событиям Второй мировой войны как к героической странице в истории еврейского народа. В представлении израильтян все выглядело просто: было два диктатора — Сталин и Гитлер, оба ненавидели евреев, оба уничтожали их, а палестинские евреи боролись за то, чтобы могли спастись остальные. Все в Израиле знали, что евреев уничтожали в концентрационных лагерях, что они были невинными жертвами, и никому не приходило в голову, что они тоже совершали героические поступки, сражаясь с фашистами на территории СССР и в странах Европы.

Такое восприятие войны вполне совпадало с мнением российских антисемитов: якобы евреи отсиживались в эвакуации, в то время как русские воевали. «Иван на фронте воюет, а Абрам в Ташкенте жирует» — ходила тогда поговорка.

И в трудах профессиональных историков, исследующих тему Катастрофы европейского еврейства, само понятие еврейского Сопротивления — в сопоставлении с французским или каким-то другим Сопротивлением — до последнего времени считалось «ненаучным». Вместо него многие предпочитали говорить о «сопротивлении евреев».

Факты, получившие известность в последние годы, утверждают прямо противоположное. В регулярных частях советской армии воевало более полумиллиона евреев, а всего в армиях антигитлеровской коалиции их было почти полтора миллиона. Они активно участвовали и в партизанских отрядах, и в антифашистском подполье. Есть все основания рассматривать еврейское Сопротивление как важную часть общей борьбы с фашизмом. Но при этом необходимо учитывать, в каких нечеловеческих условиях оказались евреи в оккупированной Европе.

В предлагаемой заметке не ставится задача всесторонне исследовать такое сложное и многогранное понятие, как еврейское Сопротивление. Речь пойдет о судьбе одного человека, но и большая книга складывается из отдельных страниц...

Солдат Татарского легиона

Гершон Ритвас родился в 1916 году в Саратове. Перед Великой Отечественной войной он с семьей переехал в Литву, в город Кошедар, и в июне 1941-го пошел добровольцем на фронт. В первые же недели войны ему пришлось участвовать в тяжелых боях с фашистами.

Это было время, когда советские войска несли тяжелые потери. Часть, в которой служил Ритвас, оказалась в окружении, а сам он был ранен и попал в плен. Ему удалось скрыть от немцев свое еврейское происхождение, несколько лагерей для военнопленных он прошел под фамилией Шабанов. Однажды он сумел бежать, но вскоре был снова арестован и доставлен в отделение гестапо. К счастью, о побеге его там не узнали. На допросе он назвался поволжским татаринном, и его привезли в новый лагерь для военнопленных, где среди заключенных было много татар.

После поражения под Сталинградом у многих немцев развеялись иллюзии скорой и легкой победы. Нужно было искать новые резервы для долгой, изнурительной войны. Немецкое командование решило создавать специальные отряды из нерусских добровольцев — татар, казахов, осетин... В ноябре 1943 года большая группа заключенных из лагеря, где содержался Ритвас, была переведена в Вильнюс — там формировались части антибольшевистской армии генерала Власова. Так Гершон Ритвас оказался в Татарском легионе. Солдаты здесь носили немецкую форму с нашитыми на рукаве буквами «WTL» («Волжско-татарский легион») [1].

Город Кошедар расположен всего в пятидесяти километрах от Вильнюса, и Гершон боялся, как бы немцы не узнали, что он еврей. Для конспирации он рассказывал всем, будто его родители-татары погибли после революции, а сам он воспитывался в детском доме. Выдавать себя за татарина было не трудно: он неплохо знал татарский язык и к тому же не приходилось скрывать, что он обрезан.

В январе 1944 года Татарский легион был отправлен во Францию, в город Ле-Пюи, расположенный в 250 километрах от Лиона. Ритвасу иногда приходилось встречаться и с другими евреями, носившими немецкую форму: они скрывались среди фашистов под видом немцев Поволжья или выходцев с Кавказа. Когда ему казалось, что он видит человека, похожего на еврея, он, проходя мимо него, тихоноько произносил начало еврейской поминальной молитвы Кадеш. Эти слова служили неким тайным паролем, чтобы опознать «своего». И он ни разу не ошибся. А один случай запомнился ему надолго.

В Ле-Пюи немцы использовали легионеров для охраны тюрьмы. Однажды после смены караула к Ритвасу обратился по-русски солдат в немецкой форме, назвавший его Шабановым. Про себя он сказал, что сам он еврей из Сибири. Ритвас заподозрил провокацию: солдат мог быть подослан, чтобы разоблачить его. Для проверки он заговорил с ним по-еврейски, но даже такие слова, как «вода» и «хлеб» на иврите, тому оказались незнакомы. Гершон уже было решил, что при первой же возможности застрелит провокатора, но все

Еврейские партизаны

же попробовал сделать последнюю попытку. Он запел «Хатикву» — песню, сегодня ставшую гимном Израиля:

— «Кол од белавав петима...» («Пока внутри сердца...»).

И солдат подхватил:

— «Нефеш йехуди хомийа...» («Бьется душа сврея...»).

И тогда оба солдата, в мундирах со свастиками, крепко обнялись и даже не пытались скрыть своих слез...

Татарский легион был направлен на борьбу с «бандитами и террористами» — так фашисты называли бойцов французского Сопротивления. Ритвас постоянно искал возможность установить контакт с партизанами. В городе солдатам легиона разрешалось посещать только три определенных кафе. С помощью молоденькой официантки, с которой у Герсона сложились дружеские отношения, ему наконец удалось (это было в феврале 1944 года) встретиться с офицером из партизанского отряда. Вопрос, который тот задал Ритвасу, звучал жестко и требовал такого же прямого ответа: готов ли он своим сотрудничеством с Сопротивлением смыть с себя грязь немецкого мундира? Это было именно то, что давно уже стало главной целью и для самого Ритваса.

Однажды казарму легиона посетил высокий гость: Верховный муфтий Иерусалима Амин эль-Хуссейни лично приветствовал мусульманских братьев, верой и правдой служивших Третьему Рейху. В обращении к легионерам муфтий сказал, что мировую войну развязали евреи и большевики. Поэтому святой долг каждого мусульманина окончательного уничтожить этих врагов. За речью последовала общая молитва, и по случаю праздника всем легионерам выдали по дополнительной пачке сигарет.

Подобные же слова говорил эль-Хусейни Гитлеру 30 ноября 1941 года, во время своего официального визита в Германию: арабы являются естественными друзьями Германии, так как они имеют тех же врагов, что и немцы, а именно англичан, евреев и коммунистов. В качестве военной помощи на стороне немцев в Тунисе восстало более шести тысяч арабских и североафриканских мусульман. Свыше двадцати тысяч мусульман из южной Европы, с Кавказа и из республик Поволжья входило в состав дивизии СС «Ханьяр» («Меч»). В большинстве своем это были боснийские мусульмане, набором которых в 1943 году в Сарасе руководил лично эль-Хусейни¹⁾. Под патронатом муфтия был и Татарский легион.

Боец французского Сопротивления

После нескольких встреч с французскими партизанами Ритвас выяснил, кто из его товарищей-легионеров готов был дезертировать из немецкой армии, чтобы присоединиться к Сопротивлению. Тщательно подготовленный побег удалось совершить 9 апреля 1944 года. А уже на следующий день повобранцы принимали участие в тяжелом бою с эсэсовцами.

Партизанский отряд, в котором оказался Гершон Ритвас, действовал в горах Монмуше в районе города Сог. Всего он насчитывал около 350 человек, среди которых было немало евреев из Франции и других стран. Евреем был Андре Басс, командир роты, в которой служил Гершон. Его непосредственный начальник полковник запаса Хилот носил имя Леви. Отряд входил в состав объединенных сил французского Сопротивления FFI (Forces Francaises de l'Interieur). Вся территория Франции была поделена на 12 военных округов, и руководство FFI координировало действия партизан в каждом округе [2].

Командование партизанского отряда поручало Ритвасу важные задания. Он был сразу назначен командиром группы пулеметчиков, а чтобы у него не возникало проблем с языком, к нему прикрепили партизана из Эльзаса, который говорил и по-немецки, и по-французски. Невзирая на опасность Гершону приходилось не один раз, переодевшись в гражданскую одежду, возвращаться в Ле-Пюи, чтобы пополнить ряды партизан новыми бойцами и уточнить стратегические пункты предстоящего сражения за город.

1) Эль-Хусейни в 1945 году бежал из Франции на Ближний Восток, где находил убежище и нацистские военные преступники. Муфтий занимал руководящие посты в палестинском движении, много лет был президентом палестинского правительства в изгнании. Антисемитизм и ненависть к Израилю эль-Хусейни сохранил до самой смерти в 1975 году.

У отряда была постоянная радиосвязь с Лондоном, где находилось французское правительство в изгнании. Бойцы были неплохо вооружены: союзники сбрасывали им с самолетов боеприпасы на парашютах. Ритвас стал командиром смешанной группы, состоявшей из татар и французов. В одной довольно рискованной операции они напали на охранявшуюся фашистами тюрьму и освободили несколько сотен заключенных. На боевом счету отряда — нападения на немцев в Меркуре, Праделле и других городах. Партизаны устраивали засады, взрывали мосты, поджигали склады оружия. Случались и прямые столкновения с врагом. Так, в одном бою партизаны атаковали немецкий отряд, двигавшийся на семнадцати грузовиках. Немцы понесли большие потери: 140 убитых и больше трехсот раненых.

В июне 1944 года союзники высадились в Нормандии. Отрядам французского Сопротивления была поставлена задача: подготовить в департаменте Верхняя Луара места для посадки самолетов. Там произошли ожесточенные бои с немецкими частями, в том числе с отрядами Татарского легиона. Восемнадцатого августа бойцы Сопротивления начали штурм Ле-Пюи. Битва за город продолжалась 18 часов. Наконец, немецкие войска были окружены. Чтобы предотвратить ненужные потери с обеих сторон, партизаны послали к немцам группу парламентариев под командованием Ритваса, который к тому времени получил новое воинское звание: для своих однопольчан он был теперь капитаном Грегором. С белым флагом в одной руке и с мегафоном в другой командир группы приблизился к позициям противника и потребовал сдаться. Немцы были вынуждены капитулировать, и Ле-Пюи стал свободным городом.

Затем капитан Грегор и его боевые товарищи воевали в департаменте Ардеш и освободили город Прива. Не раз приходилось им сталкиваться с противником, намного превосходившего их силами. Однажды 1200 бойцов Сопротивления приняли бой с двенадцатитысячной армией. Немцы потеряли тогда убитыми более тысячи человек. Конечно, были потери и у партизан, но их основные силы смогли вернуться на базу. Ритвас участвовал в том сражении. Вскоре после этого он был назначен командиром 352-го батальона. За боевые заслуги капитан Грегор награжден многими орденами и Военным Крестом. В конце войны вместе с отрядом бывших советских военнопленных он очищал департамент от рассеянных немецких частей и остатков верных режиму Виши вооруженных сил.

В 1945 году Гершон Ритвас вернулся в Литву, где пытался разыскать свою семью. Поиски оказались безуспешными: все его родственники погибли в оккупации...

С тех пор прошло много лет. И вот в 1958 году Гершон Ритвас был приглашен во Францию на празднование четырнадцатой годовщины освобождения города Ле-Пюи. Его принимали с почетом и присвоили звание «Освободитель города». В газете «Ле-Монтан» 7 августа 1958 года была напечатана большая статья с описанием боевого пути Гершона. Там, в частности, говорилось: «Восемнадцатого августа исполнилось 14 лет с того дня, когда был освобожден Ле-Пюи. Капитан Грегор приехал из России в наш город, в освобождении которого он участвовал, находясь в первых рядах Сопротивления. Этот мужественный человек, истинный боец-антифашист и друг Франции, в годы войны потерял всю свою семью — погибло 24 его родственника».

Только после войны Ритвас узнал, что четверо евреев, бывших, как и он, в составе Татарского легиона, тоже бежали к партизанам. В департаменте Верхняя Луара действовали еврейские партизанские отряды, которыми командовали майор Пайоль (Пьер Леви), полковник Бонуа (Поль Бекер) и доктор Шварц.

Еврейское Сопротивление или сопротивление евреев?

Среди бойцов Французского Сопротивления было много евреев. И в руководстве движения евреи были довольно заметными фигурами. Например, Даниэль Майер, бывший помощник председателя правительства Народного фронта Леона Блюма. В годы войны он был генеральным секретарем нелегальной социалистической партии и членом высшего руководящего органа Сопротивления — Conseil National de la Resistance (CNR). Когда война закончилась, стал министром труда в правительстве Седьмой республики и членом Конституционного Собрания.

Премьер-министр Пьер Мендес-Франс во время войны служил пилотом-бомбардировщиком и парашютистом в военно-воздушных войсках армии генерала де Голля. Юрист и профессор Сорбонны Рене Кассин (1887–1976) стал ближайшим соратником де Голля в Лондоне и министром французского правительства в изгнании. В 1968 году он был удостоен Нобелевской премии мира — так был отмечен его вклад в борьбу за права человека.

Лео Амон (Гольденберг) руководил группой Сопротивления *Ceux de la Resistance*, действовавшей в северной Франции. Силами этой группы в Париже была уничтожена картотека немецкой организации, занимавшейся отправкой людей на принудительные работы в Германию; в результате десятки тысяч человек избежали рабского труда. Позже Лео Амон стал членом CNR и в августе 1944 года руководил восстанием в Париже.

Военный пилот Гильберт Грандваль (Хирш-Ольдендорф) организовал Сопротивление в Лотарингии и как личный представитель де Голля стал руководителем Национального сопротивления в военном округе «С», включающем провинции Эльзас, Лотарингия, Шампань и Аргон. После войны был назначен верховным комиссаром земли Саар, а позднее — наместником в Марокко.

Сын раввина из Страсбурга архитектор Роже Виллон (Гинсбургер) руководил коммунистической организацией Сопротивления FTP (Francs-Tireurs Partisans) и был членом CNR. Морис Вальримон (Кригель), до войны бывший видным деятелем прокоммунистического профсоюза в Эльзасе, стал руководителем Сопротивления в южной Франции.

Этот список можно было бы продолжить.

Считать ли приведенные примеры случаями «сопротивления евреев», или их следует отнести к более общему понятию «еврейское Сопротивление»? Обоснованный ответ на этот вопрос требует специального рассмотрения. А пока приведем мнение одного из ведущих современных исследователей Холокоста Арнольда Паукера, который много лет был директором Лондонского института еврейской истории. Его вывод тщательно обоснован и однозначен:

«Противопоставление еврейского Сопротивления и «сопротивления евреев» пора выбросить на свалку. Еврейское Сопротивление принадлежит к общеевропейскому антифашистскому Сопротивлению как важная и неотъемлемая его часть» [3].

Литература

1. *Lustiger Arno*. Zum Kampf auf Leben und Tod! Vom Widerstand der Juden 1933 – 1945. Muenchen, 1997.
2. *Tchakarian Arsene*. Les Francs-Tireurs de l’Affiche Rouge. Paris, 1986.
3. *Paucker Arnold*. Standhalten und Widerstehen. Der Widerstand deutscher und oesterreichischer Juden gegen die nationalsozialistische Diktatur. Essen, 1995.

ОДИССЕЯ МАРКА ХЕРМАНА

Львов

Летом 1941 года, когда фашисты заняли Львов, Марку Херману было всего четырнадцать лет. В городе начались облавы на евреев. Во время одной из таких «акций» были схвачены и брошены в концлагерь Яновка родители Марка, и мальчик остался один. Евреям было предписано носить на руках повязки с желтыми звездами, однако Марк решил, что от него немцы этого не дождутся. Жизнь в городе с каждым днем становилась все тяжелее. Но мальчишки знали одно такое место, где можно было получить хоть какую-то помощь: итальянские солдаты, расквартированные при штабе на улице Коперника, выносили голодным еврейским детям еду.

Как-то раз Марка схватил на улице эсэсовец и повел в гестапо. Удача улыбнулась ему тогда: он сумел убежать; потом снова был пойман — и снова убежал. Несколько раз он бегал в Яновку на свидания с отцом. Однажды ему сказали, что отец заболел тифом и его застрелили охранники. Что стало с мамой, Марк так и не узнал.

В итальянском гарнизоне, куда он приходил довольно часто, мальчик подружился с молодым сержантом по имени Альдо. Но кто-то донес военной полиции, что сержант Альдо помогает детям, и его отправили на фронт.

Два важных события случились в жизни Марка в ту пору. Во-первых, он сумел выправить фальшивые документы, став на все военные годы украинцем Ильковым. А во-вторых, случайно нашел учебник итальянского языка и самостоятельно выучил этот язык, что очень пригодилось ему в дальнейшем.

Так прошло два года, а летом 1943-го итальянские войска были передислоцированы на родину. Знакомые солдаты взяли Марка с собой, и в Италии «сын полка» оказался в военном лагере в Удине. Рядовой Пистро Джиованни заявил, что хочет усыновить Марка. Ему разрешили увезти мальчика к себе.

Италия

В сентябре 1943 года фашистский режим на Аппенинском полуострове был свергнут, Муссолини арестован. Присоединившись к антифашистской коалиции, Италия объявила Германии войну. Однако немцы оккупировали страну и стали разоружать итальянские войска. Военный лагерь в Удине был ликвидирован, итальянские солдаты оказались в плену у немцев и были отправлены в новый лагерь — в

Местре, под Венецией. Оттуда немецкое начальство предполагало перевести их в лагерь для военнопленных в Германию.

По дороге в Местре Марку снова повезло. Немецкий солдат из Силезии, немного говоривший по-польски, помог шестнадцатилетнему «польскому юноше» спрыгнуть с поезда вблизи деревни Пери под Вероной. Подросток хотел добраться до северного городка Канишио, чтобы разыскать там родителей Джиованни.

Гористая Северная Италия была благодатным местом для беженцев — и не только потому, что горы и леса давали укрытие. Тем, кто попал в беду, охотно помогали местные жители. Историки подсчитали, что число офицеров и солдат союзников, бежавших из немецкого плена в Северную Италию, могло соответствовать нескольким дивизиям. Тысячи евреев нашли спасение в итальянских семьях и отрядах партизан.

После долгих странствий по Италии Марк оказался наконец в Канишио, был принят в семью Джиованни и до мая 1944 года посещал гимназию Салезианского ордена. В начале июня 1944-го в город вошел большой отряд чехов, которых немцы заставляли воевать на стороне Гитлера. Возбунтовавшись, чехи дезертировали и хотели объединиться с итальянскими партизанами. Случилось так, что именно в Канишио должна была состояться встреча. Марк взяли переводчиком. Он попрощался со своими приемными родителями и ушел с чешско-итальянским партизанским отрядом.

В партизанах

Уже 19 июня 1944 года Марк принял участие в крупной операции по захвату арсенала оружия. Отряды Четвертой дивизии имени Гарибальди, отряд «Справедливость и свобода» и Первая бригада имени Маттеотти атаковали немецкие военные части и подразделения СС. Операция прошла успешно, было захвачено большое количество боеприпасов, много ээсовцев взято в плен. К сожалению, немалые потери понесли и партизаны.

Юноша участвовал во всех вылазках своего отряда — 49-й штурмбригады имени Гарибальди, действовавшей в горах провинции Пьемонт. Особенно ему запомнилась битва за городок Церцола-Ройале, расположенный на высоте 1600 метров над уровнем моря. В этом сражении был убит командир бригады.

В сентябре 1944 года Марк Херман (по документам Ильков) был принят в секретный отряд радистов-парашютистов, подчинявшийся американской военной Организации разведки и диверсионной деятельности (OSS) со штабом в городе Неаполе. В задачи отряда входили сбор и передача военной информации из оккупированных немцами

Марк Херман в 1944-м и 1984-м годах

районов. Кроме того, бойцы передавали партизанам грузы оружия и обмундирования, которые союзники сбрасывали на парашютах.

Бойцам-радистам не раз приходилось вступать в бой: немцы буквально охотились за ними. В ноябре отряд был атакован одетыми в белые маскхалаты немецкими горными егерскими частями. Чтобы не отдать рацию в руки врагов, Марк карабкался на заснеженную вершину скалистых гор в поисках убежища.

К апрелю 1945-го партизанское движение распространилось на всю Северную Италию. Партизаны с боями освобождали города и села. Задачей отряда Марка было предотвращать диверсионные акты, планировавшиеся отходившими немецкими войсками.

Первого мая Марк узнал, что его бывшая часть, 49-я штурмбригада имени Гарибальди, находится в Турине. Встреча с боевыми друзьями была очень эмоциональной; радость общения омрачалась известиями о погибших товарищах.

Через несколько дней штаб-квартира OSS из Неаполя была переведена во Флоренцию. Американская военная бюрократия воспользовалась случаем, чтобы организовать массовую проверку и перерегистрацию документов. Для того чтобы стать партизаном, было достаточно минуты. Теперь документов OSS пришлось ждать несколько недель. Только 18 мая 1945 года полковник Рассел Ливермор, командир 2677-го полка OSS, подписал свидетельство, подтверждающее, что доброволец Марко Ильков является служащим полка, имеет право носить американскую военную форму и использовать для передвижения военные транспортные средства.

Со слезами на глазах прощался Марк с боевыми товарищами. Впервые за всю службу он открыл им свое настоящее имя — Марк Херман.

После победы

В июле 1945 года Марк обратился в советскую военную миссию города Модены с просьбой разрешить ему вернуться в родной Львов. На военном грузовике просхал он всю Австрию и Венгрию, а на советской границе был допрошен офицером службы безопасности. Последний вопрос звучал так: «Какую шпионскую школу вы закаливали?». Этот допрос с пристрастием Марк с горечью вспоминал спустя десятилетия.

Наконец Марка Хермана признали гражданином СССР и направили в Киев, где он должен был получить освобождение от военной службы: ему исполнилось восемнадцать лет, но свой военный долг он уже выполнил. Однако вскоре Марк понял, что советский Львов — это совсем не то место, с которым можно связать свое будущее.

Ему удалось бежать из СССР — сначала в Польшу, потом в Австрию. Там он стал членом нелегальной еврейской организации Бриха, занимавшейся отправкой эмигрантов-евреев из Европы в Палестину. Марк свободно говорил по-итальянски, поэтому Бриха часто направляла его в Рим и другие города Италии. Позднее он был назначен инструктором по военной подготовке в специальном лагере Ла Специя для молодых добровольцев из числа еврейских эмигрантов.

Война в Европе давно закончилась, но в Палестине шла борьба за создание независимого государства Израиль. Марк Херман не мог быть в стороне. Его работой были довольны, друзья-партизаны предлагали ему остаться в Италии, стране, которую он любил, за которую честно сражался и которая ценила его верность. Но желание помочь Израилю было сильнее. В 1948 году Марк Херман ступил на Святую Землю.

«Мы дошли до края карты!»

В Израиле шла война за независимость. 14 мая 1948 года было провозглашено образование еврейского государства. На следующий день, 15 мая, армии Египта, Трансиордании, Сирии, Ливана и Ирака начали наступление на Израиль.

Молодое государство еще не имело регулярной армии, добровольцы уходили в буквальном смысле с корабля на фронт.

Марк Херман записался в штурмовую бригаду Пальмах и уже через несколько дней участвовал в тяжелейших боях в пустыне Негев. Его отряду было поручено выйти к Красному морю в районе города Эйлата.

Выход к Красному морю имел для Израиля важное стратегическое значение. Арабские страны, несмотря на многократное

превосходство в живой силе и технике, явно проигрывали войну. Организация объединенных наций готовила резолюцию о прекращении военных действий и утверждении окончательных границ еврейского государства. Нужно было успеть до принятия этой резолюции взять Эйлат. Времени на полноценную подготовку операции не оставалось, отряд десантников был направлен в Эйлат без подробных карт побережья Красного моря.

В историю Израиля навсегда вошла радиограмма командира десантников Пальмаха: «Мы дошли до края карты! Что делать дальше?». А дальше — порт Эйлат стал и навсегда остается израильским.

Из политических соображений прославленные отряды Пальмах, освободившие для Израиля пустыню Негев, были расформированы и влились в состав других армейских соединений. Марк Херман стал унтер-офицером 52-го полка штурмбригады Гивати.

В 1950 году пришло время закончить военную службу. Командир полка предложил Марку остаться в армии офицером, но тот ответил: «Вот уж девять лет, с 1941 года, мне не приходилось находиться больше двух месяцев в одном месте. Я хочу наконец иметь свой дом».

И у Марка появился такой дом — он построил его своими руками. Между Хайфой и Акко был организован «Киббуц бойцов гетто» («Лохамей Хагеот»). Позднее там были открыты музей и архив еврейского Сопrotивления. Самым молодым из «отцов основателей» этого киббуца стал Марк Херман.

В 1979 году Марк Херман был назван Почетным гражданином итальянского города Канишио. Через пять лет, в 1984 году, были опубликованы воспоминания Марка, в которых он описал свой удивительный боевой путь — от заснеженных Альп до теплого Красного моря.

Литература

1. *Herman Mark*. Von den Alpen bis zum Roten Meer. Paris, 1984.
2. *Lustiger Arno*. Zum Kampf auf Leben und Tod! Vom Widerstand der Juden 1933 — 1945. Muenchen, 1997.

ЖЕНСКИЙ БУНТ НА УЛИЦЕ РОЗ

В первые дни марта 1943 года в Берлине произошло событие, в реальность которого трудно поверить и сейчас. Несколько тысяч евреев, собранных в пересылочном лагере на улице Роз (Розенштрассе, 2–4) для отправки в лагерь смерти, получили свободу. Более того, через две недели были возвращены в Берлин и тоже отпущены по домам двадцать пять человек, депортированных в Освенцим. И это не было результатом тайной операции подпольщиков. Всех этих людей нацисты отпустили вполне легально, с выдачей соответствующих справок и удостоверений. Отлаженная машина уничтожения впервые дала сбой, приговоренные к смерти жертвы остались жить. Многие из них увидели конец гитлеризма. Некоторые живы и сейчас [1, 2].

Спасением своим они обязаны нескольким сотням простых берлинцев, в основном женщин, которые в течение двух недель выходили на Розенштрассе и требовали вернуть им мужей, отцов и детей. Это был первый и единственный протест немцев против депортации евреев, против проводимой политики расизма. И протест этот увенчался полным успехом. Неумолимая и беспощадная власть на этот раз была вынуждена уступить.

Люди, протестовавшие на улице Роз несмотря на угрозы вооруженных эсэсовцев, проявили истинное мужество и бесстрашие. Немецкие женщины, вышедшие замуж за евреев, прошли длинный путь испытаний. Долгие годы сопротивлялись они настойчивым попыткам властей добиться от них развода. Своей стойкостью они спасали супругов от гибели: развод означал для евреев немедленную депортацию и неминуемое уничтожение.

История, о которой мы рассказываем, не только уникальна, но и поучительна. Она заставляет задуматься над моральными проблемами, не потерявшими актуальность и в наши дни.

Подарок фюреру ко дню рождения

Ранним утром в субботу 27 февраля 1943 года в Берлине началась операция под условным названием «Фабрики», в результате которой Берлин должен был стать «свободным от евреев городом». Эту идею давно вынашивал министр пропаганды и руководитель городской организации (гауляйтер) НСДАП Геббельс. И задумывалась она как особый подарок Гитлеру к его пятидесятичетырехлетию 20 апреля 1943 года.

Операция проводилась по тщательно разработанному сценарию. На фабрики и заводы, где на принудительных работах были заняты евреи, врывались эсэсовцы и загоняли их в подогнанные для этого

Памятный знак на улице Розенштрассе в Берлине

случая грузовики. Людей, которым не давали взять с собой ни еду, ни одежду, свозили в специальные сборные пункты, а оттуда партиями отправляли в лагеря уничтожения. Все это продолжалось две недели, причем под конец евреев стали забирать не только с рабочих мест. Облавы проводились и в жилых домах. Не спаслись даже те, кто был болен...

В операции «Фабрики» были задействованы отборные части СС, в том числе известный отряд «Адольф Гитлер»; для ее проведения были выделены все имевшиеся в Берлине грузовые автомобили. Разработкой деталей руководил специально вызванный из Вены по приказу Адольфа Эйхмана известный своей жестокостью по отношению к евреям Алоиз Бруннер. В свое время он буквально за несколько месяцев очистил от евреев австрийскую столицу, что никак не удавалось его «коллегам» в Берлине.

Чтобы правильно оценить описываемые события, подчеркнем, что время постоянных побед немецкой армии на фронтах уже закончилось. Под Сталинградом 31 января 1943 года капитулировала армия Паулюса: 300 тысяч немецких солдат оказались в плену. Впервые у многих простых немцев появилось ощущение, что «тотальная война» вовсе не обязательно означает тотальную победу. Это ощущение усилилось после сильнейших бомбардировок Берлина, осуществленных британскими Королевскими военно-воздушными силами в ночь с первого на второе марта. Тогда на город было сброшено больше бомб, чем за все остальные бомбардировки, вместе взятые. Берлин стоял в огне и руинах. Погибло как минимум 500 человек. Тысячи остались без крова.

Гebbельс надеялся, что операция против евреев поднимет моральный дух нации.

Немного статистики

Когда национал-социалисты пришли к власти, в Берлине проживало, согласно переписи населения 16 июня 1933 года, 160 564 человека иудейского вероисповедания. Это составляло примерно треть всех верующих евреев Германии, которых в общей сложности насчитывалось 499 682 человека. К 1939 году это число уменьшилось наполовину: перепись, проведенная 17 мая, показала 218 007 иудеев и кроме этого еще 19 716 евреев по происхождению, то есть принадлежавших к другим религиям или являвшихся атеистами. Подобной классификации перепись 1933 года еще не знала. Тогда еврея, перешедшего в христианство или не исповедующего вообще никакую религию, официальная статистика евреем не считала.

После печально известной «Хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года большая часть евреев эмигрировала из Германии. К эмиграции подталкивали многочисленные запреты и предписания, предельно ограничивавшие их в правах и делавшие их жизнь почти невыносимой. В период между «Хрустальной ночью» и началом Второй мировой войны 1 сентября 1939 года было опубликовано свыше двухсот таких указов — иными словами, каждые полтора дня появлялся новый запрет. Евреям запрещалось сидеть на общественных скамейках, еврейским детям — посещать общественные школы, вводились обязательные дополнительные имена Израиль для мужчин и Сара для женщин... Садистской изобретательности нацистских властей не было предела.

В «Старом Рейхе», т.е. собственно в Германии, проживало около 68 миллионов человек. Еврейское население составляло незначительное меньшинство, но и эта доля сократилась с 0,77 процента в 1933 году до 0,35 в 1939-м. Но в Берлине их было больше. В 1939 году в столице Рейха насчитывалось 82 457 евреев «по происхождению», что составляло 1,9 процента общего количества населения.

Берлин привлекал многих евреев из других мест. Они относительно легко могли затеряться в этом городском муравейнике, скрыть свое еврейское происхождение от соседей и сослуживцев. Тогда как в маленьких городках после прихода гитлеровцев к власти травля принимала немыслимые размеры, в столице еще можно было жить сравнительно спокойно. И только с введением 19 сентября 1941 года шестиконечной звезды Давида как обязательного отличительного знака положение евреев резко изменилось. Вскоре (23 октября 1941 года) для них была окончательно запрещена эмиграция из Германии.

К тому времени в Германии проживало 163696 евреев, шесть месяцев спустя, в январе 1942-го, их было всего 131823, а на следующий

год, в январе 1943-го, незадолго до операции «Фабрики», осталось 51 257, из которых более половины (27 тысяч) жило в Берлине.

В ходе операции власти намечали депортировать из города 15 тысяч человек — все они подлежали уничтожению в лагерях смерти. Второго марта 1943 года комендант Освенцима Рудольф Хёсс получил от берлинского начальства телеграмму, в которой сообщалось, что первого числа начинается отправка в лагерь транспортов с новыми заключенными. В телеграмме подчеркивалось, что отправляется около 15 тысяч здоровых и работоспособных евреев, до этого работавших на предприятиях по выпуску военной продукции.

Операцию «Фабрики» нацистам не удалось провести в полной тайне. В своем дневнике (запись 11 марта 1943 года) Геббельс жалуется, что как минимум четырем тысячам евреев удалось узнать о ее подготовке и скрыться. Всего в период с 1 по 12 марта в Освенцим было отправлено почти 8000 евреев.

Очень немногие берлинские евреи пережили Холокост. В основном это были те, кому удалось уйти в подполье, стать, как они сами себя называли, «подводными лодками». Их число оценивается примерно в 2000. Еще 5990 евреев до самого освобождения жили в Берлине совершенно легально — это были главным образом супруги из «привилегированных» смешанных браков и так называемые «защищенные евреи», которых государство по различным причинам освобождало от депортации. А кроме того, удалось спастись нескольким тысячам (по разным оценкам от двух до шести) людей, находившихся в пересылочном лагере на Розенштрассе. Большинство из них принадлежало к смешанным немецко-еврейским семьям. Фашистские власти так до конца и не решили, как относиться к таким семьям.

Арифметика расизма

Расовая доктрина национал-социалистов в достаточной степени была разработана уже к началу тридцатых годов. Гитлер считал себя крупным теоретиком расизма. Согласно его теории даже несколько капель еврейской крови загрязняют «арийскую». В мае 1934 года гауляйтер НСДАП и оберпрезидент провинции Бранденбург писал в одной из газет: «Еврей — это тот, кто несет в себе более 10 процентов еврейской крови». Отсюда следовало, что все смешанные браки между евреями и немцами должны быть запрещены.

Уже в партийной программе НСДАП 1920 года четвертый пункт гласил, что «...гражданином может считаться только человек немецкой крови, ни один еврей гражданином быть не может». Тогда нацистам все казалось ясным. Однако придя к власти, очень скоро они обнаружили, что применить эту схему на практике не так уж просто.

Расовое деление оказалось очередной национал-социалистической фикцией. Перед ними встал вечный вопрос: кого считать евреем? Или, более конкретно: какой степенью «еврейства» должен обладать человек, чтобы считаться евреем?

Вначале казалось, что эта задача вполне решаема. В законе о государственных служащих от 11 апреля 1933 года было дано определение еврея «от противоположного»: «Человек не считается арийцем, если он происходит от неарийских, особенно еврейских, дедушек и бабушек. Достаточно, чтобы один родитель или прародитель не был арийцем. Это безусловно справедливо, если кто-то из родителей, дедушек или бабушек исповедовал иудейскую религию». «Неариец» не мог быть государственным служащим. Тот, кто хотел в гитлеровском Рейхе стать госчиновником, должен был представить доказательства своего «арийства».

Уже в этом законе проявилось противоречие между расистской теорией нацистов и их практикой. Чтобы доказать, что дедушки или бабушки были евреями, нужно было ссылаться на их принадлежность к иудаизму. Для нацистов же при определении принадлежности к еврейству религия не имела значения. Крещеный еврей или еврей-атеист оставался для них евреем.

Еще отчетливее проблемы с логикой в расистской теории проявились в Нюрнбергских законах о гражданстве, принятых в сентябре 1935 года. То, что лежало в основе этой идеологии, оказалось фикцией. Не было двух четких множеств — евреев и противостоящих им арийцев. Между ними существовала «размытая зона», в которой теоретики расизма долгие годы безуспешно пытались разобраться. Особенно сложной оказалась проблема «мишлингов», или метисов — детей от смешанных браков. Для них пришлось вводить специальную градацию.

«Еврей на три четверти» — человек, у которого трое из дедушек и бабушек были евреями, — у нацистов считался «полным евреем». «Полусврей» — тот, у кого евреями были двое из дедушек-бабушек, — назывался «мишлингом первой степени» и относился к евреям в двух случаях: либо он состоял в смешанном браке, либо исповедовал иудаизм. В других случаях человек получал права гражданства и пользовался преимуществами арийцев. «Четвертушкой еврея», или «мишлингом второй степени», назывался человек, имевший в родстве одного еврея — дедушку или бабушку. При этом он считался немцем по крови и становился гражданином, как «чистый ариец».

Смешанные браки

В Германии первой трети двадцатого века ассимиляция евреев ярко выражалась в увеличении количества смешанных браков. По их числу страна занимала первое место в Европе. Например, в 1904 году 9,3 процента вступивших в брак еврейских мужчин и 7,7 процента еврейских женщин выбрали себе супругов, не принадлежавших к еврейской общине. С 1910 по 1913 год эти доли увеличились соответственно до 13,5 и 10,92 процента, а в годы Первой мировой войны таких браков стало еще больше — 29,86 и 21 процент. И в 1933 году эта тенденция, как бы она ни противоречила идеологии нацистов, еще сохранялась: 44 процента немецких евреев и евреек выбрали себе супругов иной национальности. В 1934-м из-за роста антиеврейской пропаганды и усиления преследований этот показатель снижается до 15 процентов, а с сентября 1935-го Нюрнбергскими законами запрещается заключать браки и помолвки «между представителями различных рас».

В 1935 году из полумиллиона верующих евреев в Германии около 35 тысяч жили в смешанных браках. При переписи населения 1939 года, проводившейся по расистским критериям, на территории «Великого Рейха», т.е. включая Австрию и Судеты, проживало 330892 «полного еврея» (включая 23529 христиан еврейского происхождения), 72738 «мишлингов первой степени» и 42811 «мишлингов второй степени».

По оценкам историков почти 400 тысяч немцев были связаны с евреями тесными семейными узами: их супруги, дети или внуки считались евреями. Гонения на евреев касались этих немцев непосредственно. Не считаться с мнением такой большой части немецкого общества власти не могли.

Евреи в смешанных браках не были так беззащитны перед злоющей властью, как большинство евреев, «не породивших с арийцами». Известны примеры того, как арийская родня заступалась за преследуемых родственников.

Перед началом Второй мировой войны Гитлер ввел новый термин в сложной арифметике расизма. Это определение не было закреплено письменно, но свято учитывалось властями на местах. Фюрер назвал смешанный брак арийца с еврейкой «привилегированным» — в отличие от «простого» смешанного брака еврея с немкой. Супруги, состоявшие в «привилегированном» смешанном браке, так же как и их дети, освобождались от многих ограничений и запретов. В частности, еврей в «привилегированном» браке не должен был носить опознавательный знак — шестиконечную звезду. Супруги же

«простого» смешанного брака, напротив, фактически приравнивались к свреям — и их выселяли в специальные «еврейские дома». Такая судьба постигла, например, знаменитого филолога и писателя Виктора Клемперера, оставившего в своих дневниках неоценимые свидетельства. Он пережил войну благодаря своей жене-арийке. В лагере на улице Роз оказались в основном евреи из «простых» смешанных браков, так что против их ареста протестовали главным образом женщины — их немецкие жены.

Браки между немцами и свреями угрожали важной цели нацистов — изоляции последних от первых. Поэтому власти принимали все меры, чтобы заставить немок развестись со своими супругами. В ход шли и угрозы, и посулы. Если смешанный брак распался, то «еврейская половина» практически мгновенно исчезала: нацисты безбоязненно отправляли жертву в лагерь уничтожения. В тех же случаях, когда вопреки всем требованиям смешанный брак сохранялся, расправиться с свреем напрямую власти не решались. Вызвать недовольство даже у какой-то части немецкого населения означало поколебать один из главных принципов тоталитаризма — «нерушимое единство партии и народа».

Проблема смешанных браков много раз рассматривалась на совещаниях нацистского руководства. Фашисты не собирались мириться с легальным существованием свреев. Наличие немецкого супруга сводило на нет многие предусмотренные для них запреты и ограничения. Например, свреям запрещалось на территории Третьего Рейха читать любые газеты, кроме специальной «Юдише нахрихтенблатт». Но кто мог запретить состоящему в смешанном браке арийцу купить немецкую газету или подписаться на нее?

Принципиально в вопросе уничтожения всех свреев руководители Рейха были единодушны. Но в отношении смешанных браков существовали серьезные разногласия между Гиммлером и Геббельсом. Шеф государственной безопасности Гиммлер, его заместитель Гейдрих, Адольф Эйхман настаивали на немедленной и решительной депортации всех свреев, даже если немцы — их супруги не были согласны на развод. Предлагались насильственные разводы, стерилизация и даже совместная депортация таких пар. Напротив, Геббельс, а впоследствии и сам Гитлер склонялись к тому, что возможные акции протеста со стороны немецких родственников крайне нежелательны и опасны. Было решено сначала покончить с «еврейским вопросом» в оккупированной Европе, а потом вернуться к проблеме смешанных браков в «Старом Рейхе». Это и дало женщинам на Розенштрассе возможность спасти своих мужей. Однако для того чтобы добиться успеха, требовалось немалое мужество и стойкость.

Сопrotивление сердца

Американский историк Натан Стольцфус назвал протесты женщин против депортации родных «сопротивлением сердца». Очень многих из них выйти на Розенштрассе заставила любовь к своим мужьям — чувство, прошедшее через множество испытаний и сохранившееся на долгие годы, а часто и на всю жизнь.

Супруги Брауны до сих пор живут в Берлине. Несколько лет назад они отпраздновали золотую свадьбу. События на улице Роз они помнят во всех подробностях.

Урсуле Браун (в то время Кретчер) был тогда 21 год. Она уже пять лет жила вместе с Герхардом в гражданском браке. Официальная регистрация брака таила для них смертельную опасность. Оба были мишлингами: она второй степени, он — первой. Познакомились они в 1938 году на свадьбе родственников — его брата и ее сестры. Дочка немца-католика и еврейки и сама католичка, Урсула имела хотя и слабую, но все-таки защиту: по закону она могла относиться к «немецкой расе». Брак с «почти полным евреем» Герхардом (отец — еврей, мать — немка) мог эту защиту разрушить. Именно так произошло с ее сестрой, которая вместе с мужем погибла в Майданеке в 1942 году.

Когда в феврале 1943 года большого Герхарда забрали гестаповцы, Урсула, как и сотни других женщин, бросилась на поиски — ей нужна была хоть какая-то информация о судьбе арестованного. Через некоторое время она оказалась на Розенштрассе — старинной берлинской улице в пяти минутах ходьбы от центральной площади Александерплац. Напротив огромного здания, когда-то принадлежавшего берлинской еврейской общине, а теперь приспособленного под пересылочный лагерь, собралось несколько сотен женщин. Время от времени они скандировали: «Верните нам наших мужей!». Здание охраняли эсэсовцы с автоматами, и Урсула долго не могла избавиться от противного чувства страха. Но любовь была сильнее.

Чтобы удостовериться, что супруг находится здесь, Урсула подошла к охраннику и попросила сказать ее мужу Герхарду Брауну, чтобы он вернул ей продовольственную карточку. Через несколько минут тот вынес карточку, на обороте которой рукой Герхарда было написано, что он жив и здоров.

Это была маленькая хитрость, к которой в те дни прибегали многие женщины: получив от заключенных ключи, карточки, документы, они таким образом узнавали, что их мужья живы и находятся в этом лагере.

Супруги Браун. 1990 г.

Почти две недели приходила Урсула на Розенштрассе, приносила для Герхарда передачи и вместе с женщинами, которых становилось все больше, требовала вернуть ей мужа. Через несколько дней вооруженных охранников с улицы убрали, нацисты решили не нагнетать напряженность, но это вовсе не означало, что власти и в дальнейшем не применить силу, чтобы прекратить протесты. И все же демонстрации неповиновения на Розенштрассе закончились мирно. Арестованных начали выпускать на свободу, выдавая им официальные справки и удостоверения.

Надо сказать, что приходившие сюда женщины не всегда действовали во имя любви. Например, супруги Хайнц и Анна Ульштайны уже несколько лет не жили вместе и собирались развестись. Свидетельство о разводе было уже почти готово, однако в последний момент Анна взяла свое заявление назад и тем спасла Хайнцу жизнь. Когда его забрали в лагерь на Розенштрассе, она делала все, чтобы помочь своему бывшему мужу. Развелись они через несколько лет после войны. Хайнц Ульштайн посвятил своей бывшей жене главу в книге воспоминаний. Глава называется: «Германия... Анна, это ты!».

«Жизнь не по лжи»

Первое письменное сообщение о протестах на Розенштрассе появилось в берлинской женской газете «Она» сразу по окончании войны. А затем целых пятьдесят лет ни историки, ни журналисты не вспоминали о том, что происходило на улице Роз. Только в девяностые годы начали публиковаться монографии, статьи, выходить документальные фильмы об этих событиях. К их пятидесятилетию по проекту художницы Ингебор Хунцигер по распоряжению

руководителя ГДР Эриха Хоннекера был создан мемориальный скульптурный комплекс, но открыт он был уже после падения Берлинской стены и объединения Германии.

Что могло означать столь долгое молчание о таком, казалось бы, необыкновенно привлекательном для историков и писателей случае, как спасение человеческих жизней в условиях безжалостной тирании?

Успех демонстраций на Розенштрассе позволяет несколько по-иному взглянуть на события прошлого и, в частности, на ответственность немецкого народа за преступления нацистов. Распространенное оправдание звучит так: «Мы о лагерях уничтожения ничего не знали». Действительно, планы нацистского руководства «окончательно решить еврейский вопрос» держались в тайне от народа. Но люди видели, что преследование евреев все больше ужесточается. Прямому уничтожению предшествовали их выделение среди других людей (опознавательные знаки — шестиконечные звезды), изоляция (еврейские дома, гетто), концентрация (концлагеря). И как завершение этого страшного процесса следовало массовое убийство.

Выступления на Розенштрассе показывают, что если бы евреи не были изолированы от немецкого общества, их уничтожение оказалось бы сложной проблемой для властей. А подавляющее большинство немцев не возражало против этого. С 1933 года практически не было протестов немцев против расистских законов и распоряжений нацистов. И таким образом руки фашистских преступников оказались развязанными. Тотального геноцида евреев можно было бы избежать, если бы не пассивность и молчаливое одобрение немцев по отношению к действиям своего правительства.

Знаменитый философ Карл Ясперс в своем первом после войны публичном заявлении сказал: «Мы, выжившие немцы, не искали смерти. Нас не арестовывали, как наших еврейских друзей, не выгоняли на улицы, не казнили. И мы предпочитали остаться в живых с таким слабым оправданием, что наша смерть все равно никому не может помочь. Вот то, что мы живы, и есть наша вина!».

Есть и еще одна причина того, что о событиях на Розенштрассе не говорили как об антифашистском Сопротивлении. «Сопротивлением» в послевоенной литературе называли вооруженную борьбу с фашистским режимом. В странах соцлагеря к этому обязательно добавляли руководящую роль коммунистов. К «Сопротивлению» относили действия партизан и подпольщиков, но никак не мирные демонстрации на городских улицах. Демонстрации — типичное оружие диссидентов, инакомыслящих.

Об угрозе, которую инакомыслящие представляют для правящего режима, лучше других сказал Вацлав Гавел, в прошлом и сам

«опасный диссидент», находившийся под надзором органов госбезопасности социалистической Чехословакии: «Если опорой системы является «жизнь по лжи», то не удивительно, что основная угроза этой системе исходит из «жизни по правде» [3]. Гавел имел в виду коммунистическую систему и известный призыв: «Жить не по лжи!», когда-то брошенный А.И. Солженицыным. Коммунизм как тоталитарную систему роднит с нацизмом стремление подчинить весь народ идеологии правящей партии. Большинство людей принимает эту идеологию или делает вид, что принимает. В последнем случае приходится действовать вопреки своей совести, то есть «жить по лжи». Тоталитаризм подавляет правду и индивидуальность. «Жизнь по правде», по мнению Гавела, создает основу для оппозиции, столь невыносимой для любого диктаторского режима.

Выступления на Розенштрассе стали для людей, которые в них участвовали, вершиной очень нелегкой жизни по совести. Их протест был направлен против расистской идеологии нацистского режима. Люди пытались «жить не по лжи» — и тем представляли опасность для тоталитарной системы, не меньшую, чем вооруженные партизанские отряды.

Литература

1. *Stoltzfus Nethan*. Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstrasse-1943. Muenchen-Wien, Carl Hanser Verlag, 1998
2. *Schroeder Nina*. Hitlers unbeingsame Gegnerinnen. Der Frauenaufstand in der Rosenstrasse. Muenchen, Wilhelm Heyne Verlag, 1998.
3. *Гавел Вацлав*. Жить в правде. — См.: Век XX и мир, 1990, №5

БАРОН ЛЁВЕНШТЕЙН И ЕГО НАЦИСТСКАЯ ТЕТУШКА

Часть первая

Дом на улице Кудамм

Его полное имя звучит торжественно: Ханс-Оскар барон Лёвенштейн де Витт. Лёвенштейн — фамилия отца-еврея, а бароном де Виттом он являлся по матери, происходившей из старинного голландского рода. Среди его предков был знаменитый Ян де Витт, великий пенсионарий, фактический правитель Нидерландов во второй половине семнадцатого века.

Мрачное время гитлеризма Ханс-Оскар пережил в Берлине, после войны надолго уехал в Израиль, а затем снова вернулся в город своего детства. Сейчас он живет в маленькой квартирке неподалеку от центральной берлинской улицы Курфюрстендамм, или, как ее ласково называют горожане, Кудамм. На Кудамм жил он когда-то с родителями в роскошной четырнадцатикомнатной квартире — площадью свыше шестисот квадратных метров, с тремя ванными комнатами и тремя туалетами. Его отец до 1933 года был руководителем биржевого отдела и представителем крупного берлинского банка.

Родственники по линии матери занимали высокое положение в немецком обществе. Тетка Елизавета (Лило, или Ли, как ее звали родные) была замужем за последним демократически избранным бургомистром Потсдама Фосбергом. Супруги жили в знаменитом замке — дворце Лихтенау, который Фридрих Вильгельм Второй, наследник Фридриха Великого, построил в Потсдаме для своей фаворитки. Все послевоенные годы до распада социалистического лагеря здесь размещалось отделение Штази — тайной полиции ГДР.

От прошлого у Ханса-Оскара осталось несколько старых фотографий и чудом уцелевшее огромное собрание фамильного серебра — старинные тарелки, вазы, столовые приборы с монограммой де Виттов. Серебро напоминает о добрых старых временах, когда семья жила в любви, достатке и благополучии. Ханс-Оскар почти не застал это время: он родился в 1926 году и к моменту прихода Гитлера к власти ему было только семь лет. Зато тяжестей и лишений выпало на долю Лёвенштейнов в избытке.

Семья

Против брака родителей Ханса-Оскара их родные — ни евреи Лёвенштейны, ни христиане де Витты — не возражали. Все они

придерживались либеральных взглядов, свободных от национальных и расовых предрассудков.

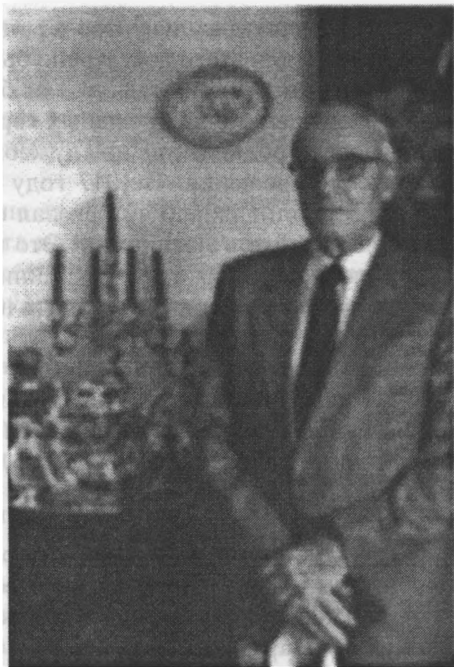
Дед со стороны матери, капитан дальнего плавания, служил в прусском флоте. Это был в хорошем смысле слова космополит, человек широких взглядов, совершивший пятнадцать кругосветных путешествий. Его дочь Йоханна, или просто Ханна, мама Ханса-Оскара, росла и воспитывалась в богатой аристократической семье, где уважали общечеловеческие нравственные ценности.

В семье де Виттов не было нацистов. Единственное исключение составляла уже упомянутая «тетушка Ли», которая еще в 1921 году вступила в

национал-социалистическую партию, почему-то посчитав, что Гитлер будет полезен для немецкого крестьянства: она сама владела большими поместьями в Пруссии. Никакой партийной работы тетушка не вела и расистские взгляды гитлеровцев не разделяла, но за партийный стаж получила от нацистов высокую награду — Золотой значок ветерана партии, «золотой боубои», как она шутливо называла его. Носителей этого значка было немного, он пользовался у нацистов огромным почтением, открывал двери кабинетов и помогал решать важные вопросы. И тетушка Ли не один раз с его помощью спасала Лёвенштейнов от верной гибели.

В семье деда и бабки со стороны отца еврейские темы почти не обсуждались. Как и многие немецкие евреи, Лёвенштейны были практически полностью ассимилированы в немецкое общество. Фриц, отец Ханса-Оскара, был очень далек от иудаизма. Правда, крещение и переход в христианство он тоже считал для себя неприемлемым.

Как истинный немец-патриот, в 1914 году Фриц Лёвенштейн пошел добровольцем на Первую мировую войну — воевать «за Бога, Кайзера и Отечество». К тому времени он только успел закончить

Барон Лёвенштейн. 1990 г.

школу. Получить звание унтер-офицера на войне еврей мог сравнительно легко — для этого достаточно было быть хорошим солдатом. Дослужиться до лейтенанта или тем более капитана являлось крайне редким случаем для некрещеных евреев, но Фриц сумел и это. А вот дальнейшее продвижение по служебной лестнице было возможно только после крещения. В 1917 году Фрица вызвали в Генеральный штаб, где один важный чин сказал ему:

Послушайте, Лёвенштейн! Это всего лишь проформа, наш полковой священник быстренько принимает вас в евангелическую церковь, и вы немедленно переходите на службу в Генеральный штаб с серьезным повышением.

На что тот ответил:

— Господин генерал! Я не имею понятия об иудаизме, не знаю ни одной буквы по-еврейски, никогда не был в синагоге. У нас в семье уже сто лет празднуют и Рождество, и Пасху. Но прямо выйти из еврейской общины я бы не хотел — это слишком походило бы на предательство.

Генерал помолчал и закончил разговор:

— Очень жаль. Тогда оставайтесь капитаном.

В 1918 году Фрица Лёвенштейна тяжело ранило, и он вынужден был уйти из армии.

У Ханны де Витт кроме Елизаветы была еще одна сестра, Елена. Отношения между всеми сестрами были очень теплыми и сердечными. Елена обожала зятя и часто говорила:

— Ханпочка, если бы я встретила такого мужчину, как твой Фриц, я была бы счастливейшей женщиной на свете.

Так продолжалось до 1933 года.

Приход к власти нацистов внес в семью раскол. И если тетушка Ли стала настоящим ангелом-спасителем для своих еврейских родственников, то Елена буквально отвернулась от них и прекратила всякие отношения. На все просьбы ее матери, бабушки Ханса-Оскара, помочь нуждающимся Лёвенштейнам она неизменно отвечала: «Я евреям ничего не даю!».

Трещина между евреями и неевреями прошла не только в семье де Виттов. Она разломила все немецкое общество.

Любопытный случай произошел в 1938 году, сразу после ноябрьского всегерманского погрома, названного «Хрустальной ночью». Соседом Лёвенштейнов по дому на Кудамм, 73 был знаменитый киноактер Вилли Фрич. Однажды он встретил Ханну Лёвенштейн в лифте и очень вежливо обратился к ней:

— Ах, сударыня, у меня к вам большая просьба. Пожалуйста, не обижайтесь, если я когда-нибудь не поздоровуюсь с вами на улице. Я

ведь persona общественная, и боюсь, как бы это не повредило моей репутации.

Дело происходило за три года до введения обязательных шестиконечных звезд для евреев! Ханна была поражена:

— Да, господин Фрич, я понимаю. Ведь я очень похожа на еврейку, не так ли?

Ханна де Витт имела типично арийскую внешность. Да и Фриц Лёвенштейн не слишком походил на еврея. Как правило, нормальный немецкий еврей имел мало общего с тем евреем, каким его рисовала нацистская пропаганда. Дружить с евреями, а тем более здороваться с ними на улице не запрещалось немецкими законами. Смертельно опасными были только такие отношения, которые вели к «порче немецкой расы». Но таково уж обостренное немецкое законопослушание, что требования властей не только неукоснительно выполнялись, но часто и «перевыполнялись».

Развод как средство воспитания

В удостоверении личности, выданном Хансу-Оскар, его имя звучит так: Ханс-Оскар Израиль Лёвенштейн. По требованию нацистов добавку «Израиль» получили к своим именам все еврейские мужчины. Ханс-Оскар был ребенком от смешанного брака — «мишлингом», как тогда говорили, который при определенных условиях мог получить все права арийца. Однако он официально был признан «фактическим (действующим) евреем» (Geltungsjude) и должен был, как и отец («полный еврей» — Volljude), носить опознавательный знак — шестиконечную звезду. Но сначала в их жизни произошли важные события.

Пора было подумать об образовании мальчика. Как сына еврея его не брали в обычную немецкую школу, а чтобы учиться при еврейской общине, нужно было состоять в ней, т. е. признать, что исповедуешь иудаизм.

В 1937 году маму Ханса-Оскара пригласил к себе на аудиенцию шеф гестапо Генрих Мюллер. Как рассказывала она потом, Мюллер очень приветливо и доброжелательно разговаривал с нею. Естественно, он знал тетушку Ли — в то время был еще жив ее муж, правящий бургомистр Потсдама. Этот город — резиденция кайзеров и культурный центр Пруссии — всегда играл важную роль в политической жизни Германии.

Мюллер сделал Ханне очень заманчивое предложение. Он рассказал, что нацистские власти решили открыть в Потсдаме первую специальную школу-интернат для сыновей арийской элиты. Обучение в интернате гарантировало юношам поступление в высшее

учебное заведение и блестящую карьеру в будущем. Само же предложение состояло в следующем: «Вы разводитесь со своим евреем, а мы обещаем, что ваш сын под именем Оскар де Витт станет учеником этой школы и получит прекрасное образование».

Ханна Лёвенштейн ответила твердым отказом.

Через несколько дней одиннадцатилетний Ханс-Оскар был вызван на специальное «расово-генеалогическое исследование» в Главное управление родства, крови и семьи. Не пойти было нельзя. Люди в белых халатах измеряли длину носа и толщину губ, делали другие обмеры и анализы.

Три месяца спустя Ханну Лёвенштейн вновь пригласили к шефу гестапо, и тот сказал ей:

— Послушайте, мы имеем стопроцентные доказательства того, что ваш сын принадлежит к чистому северо-арийскому типу. Нет никаких препятствий к тому, чтобы немедленно принять его в элитный интернат. Вам нужно только подписать заявление на добровольный развод с мужем. Он может сразу уехать в Англию и взять с собой все, что захочет.

Эмиграция евреев в то время была еще допустима. Правда, нужно было получить разрешение на въезд в выбранную страну, а это, как правило, было нелегко.

Ханна опять отказалась.

— Вы в этом раскаетесь, — пообещал Мюллер. — Подумайте еще.

Супруги Лёвенштейны много раз обсуждали возможность отъезда Фрица в Англию, где он мог бы дожидаться конца нацистского режима. Но это казалось слишком рискованным. Не было никакой гарантии, что его не схватят и не убьют сразу после развода. Они знали множество подобных случаев. Об Освенциме станет известно через несколько лет, но опасность уничтожения евреев ощущалась уже в 1938 году.

Фриц и Ханна твердо решили не соглашаться на развод ни при каких обстоятельствах.

Двоюродный брат Ханны граф Вольфганг Хелльдорф был в то время начальником полиции Берлина. Когда Лёвенштейны обратились к нему за советом, он сказал:

— Это все из-за Елизабет — они не хотят, чтобы в ее семье были евреи. Такое создается впечатление... Получается, что и у меня, начальника полиции Берлина, есть породненная с евреем кузина! Но, как говорится, не так горячо естся, как варится. Ничего они с вами не делают.

В это еще верили в 1938 году!

Примерно за три месяца до «Хрустальной ночи» Ханну снова вызвали в гестапо — на этот раз вместе с сыном. Эту встречу Ханс-Оскар описал через много лет после войны.

Ординарец проводил их в огромный кабинет, где Мюллер — как всегда, приветливо — спросил у Ханны:

— Ну наконец-то все улажено? Вы хорошо подумали и теперь согласны на развод?

— Нет и нет, — ответила Ханна, — я не желаю разводиться.

Не выдержав, Мюллер вскричал:

— И вы еще хотите называться достойной немецкой женщиной?! А сами держитесь за эту еврейскую свинью! Стыдно!

Ханс-Оскар вспоминал, что лицо шефа стало пунцово-красным, а мать, наоборот, сильно побледнела.

— Да, — четко произнесла она, — именно потому, что я хочу быть достойной немецкой женщиной, я храню верность и честь в любви и держусь за своего мужа, которого люблю и который является отцом моего ребенка.

Затем Ханна повернулась к сыну и сказала:

— Ханс-Оскар, мы уходим.

Крепко держась за руки, они вышли из кабинета.

Ханс-Оскар рассказывал, что в голове у него была только одна мысль: «Все, сейчас нас расстреляют...». Но на этот раз обошлось. «Хрустальная ночь» и мировая война были еще впереди...

Простые и привилегированные браки

Нацисты стремились разделить немецкое общество на арийцев и не арийцев и по возможности изолировать последних, прежде всего евреев. Не было до конца ясно, куда отнести детей смешанных браков между немцами и евреями. Они могли попасть в число «арийцев» или стать «действующими евреями». Важную роль здесь играла категория смешанного брака — то есть являлся ли он «привилегированным» или «простым». Эти определения ввел лично Гитлер, но официально ни в законе, ни в инструкциях они не были зафиксированы. Тем не менее власти руководствовались ими в каждом конкретном случае.

«Привилегированным» считался брак арийца с еврейкой. Брак Лёвенштейна, напротив, был «простым». Ханс-Оскар мог быть приравнен к арийцам только в случае развода родителей. Отцу этот развод, вероятно, стоил бы жизни. Лёвенштейны все же сделали попытку облегчить ребенку жизнь.

После всегерманского еврейского погрома 9 ноября 1938 года вышло постановление о так называемой «ариизации»: дети смешанных браков евреев и не евреев могут подать прошение в упомянутое

Главное управление родства, крови и семьи о признании их арийцами. В то время люди еще не вполне представляли себе, что может принести статус «ариизированного еврея». Обязательный опознавательный знак в виде шестиконечной звезды был введен только в сентябре 1941 года — и тогда же было определено, что привилегированные мишлинги не обязаны носить звезды Давида.

Лёвенштейны решили подать прошение. Заполнить формуляр помог граф Хелльдорф. Он же сам направил письмо в соответствующее ведомство.

Через два месяца пришел ответ: «Отказать». Правда, в письме сообщалось, что в течение трех месяцев решение можно обжаловать. Это было сделано, но окончательный ответ снова содержал отказ. Вместо подписи стояло факсимиле рейхсфюрера СС Гимmlера.

Когда отчаявшаяся фрау Лёвенштейн пришла к своему кузену, начальник полиции Берлина только развел руками:

— Извини, Ханна, но больше я ничем не могу вам помочь.

Таковы были последствия того, что Ханна Лёвенштейн не согласилась на развод.

Ханс-Оскар хорошо помнит тот день в сентябре 1941 года, когда все евреи — и «полные», и «действующие» — должны были выйти на улицы с пришитыми к одежде «на стороне сердца» звездами Давида. Таковую же звезду нужно было укрепить и на дверях квартиры. Многие чувствовали страх: как-то отнесутся жители Берлина к явно обозначенным евреям? Первое ощущение было ошеломляющим: Ханс-Оскар увидел сотни людей со звездами на груди. Оказывается, и сосед, и человек, живущий напротив, были евреями. Сотни, тысячи евреев. В то время в Берлине проживало несколько десятков тысяч людей этой национальности.

Остальные берлинцы поначалу с любопытством разглядывали «помеченных» евреев на улицах. Но очень скоро привыкли и перестали реагировать на людей со звездами. Нет, немцев нельзя обвинить в невежливости или неприветливости. Просто, по словам Ханса-Оскара, «они были, как пограничники в ГДР, — абсолютно стерильны».

Фамильное серебро

С начала Второй мировой войны евреи были обязаны сдать государству практически все свое имущество. Постепенно им запрещалось иметь граммофоны, газовые и электрические плиты, картины, книги, велосипеды...

Очередной приказ касался предметов, изготовленных из драгоценных металлов.

Сегодня многие недоумевают, почему евреи не пытались продать свои ценные вещи на черном рынке или хотя бы обменять их на продукты. Но все не так просто: нацисты проявили в этом деле дьявольскую предусмотрительность.

В 1937 году гестапо распространило среди евреев специальный опросный лист, в который следовало вписать предметы их домашнего имущества. Власти обещали, что внесенные в список вещи не будут облагаться пошлиной при эмиграции. При таком условии люди не только охотно перечисляли все, что у них было, они покупали новую утварь, чтобы внести в список и ее тоже. Ведь если, например, у вас был не один электрический холодильник, а два, то второй вы могли потом продать в эмиграции, чтобы получить хоть какие-то деньги на жизнь.

Через три недели вышло новое предписание: вещи из списка запрещено дарить и продавать без письменного согласия гестапо, причем в прошении должны быть указаны точные адресные данные получателя подарка или покупателя. Таким образом гестапо обеспечило себя полной информацией обо всех имущественных делах евреев. Излишне говорить, что любые нарушения грозили смертью.

Когда пришло указание сдать драгоценные металлы, Лёвенштейны упаковали серебро во множество коробок и ящичков. Полицейский участок находился на Грольманштрассе, 28 (где он, кстати, находится и сегодня). Ко всем предписаниям о сдаче вещей прилагалось еще одно иезуитское дополнение: евреям запрещалось заказывать какие бы то ни было транспортные средства — свое имущество они должны были доставить в полицию сами. Ни возраст, ни здоровье во внимание не принимались. И в назначенный день на улицах Берлина можно было видеть тысячи людей, мужчин и женщин, которые как уголки — на самодельных тележках, в детских колясках — тащили скарб.

Сдав имущество, Ханна сразу же поехала в Потсдам к сестре, «нацистской тетушке» Ханса-Оскара, и все ей рассказала. Та возмутилась:

— Как вы могли отдать наше фамильное серебро? Это невозможно!

Она надела свой «золотой бонбон» и вместе с Ханной отправилась в полицейский участок. Там она не встретила никаких препятствий: перед Золотым значком все стояли на вытяжку.

Едва войдя, тетушка потребовала вызвать начальника и прежде чем тот успел раскрыть рот, перешла в наступление:

— Хайль Гитлер! Скажите-ка, как это вам пришло в голову забрать наше фамильное серебро? Я буду лично рейхсфюреру СС жаловаться! Что вы, собственно, себе позволяете?

При виде разгневанной женщины с Золотым партийным значком на груди начальник участка перепугался и, слегка заикаясь, спросил: — Как, разве ваша сестра еврейка?

— Ну разумеется, нет, ведь она моя сестра. Она замужем за евреем. А серебро принадлежит *нашей* семье.

— Почему же, товарищ, она ничего не сказала? Сейчас все будет улажено, — сказал начальник, оправдываясь.

Через десять минут все коробки и ящики с серебром были возвращены и на специально выделенном грузовике перевезены в Потсдам, в тетушкин дворец Лихтенау, где оставались до 1944 года.

Перед самым приходом советских войск тетушка Ли закопала фамильное серебро в парке. Там оно пролежало до 1950 года, когда Лёвенштейны уехали в Израиль. Тетушка боялась оставаться в городе, оккупированном русскими. Ночью она тайно выкопала сокровища и перебралась в Гамбург.

Теперь все реликвии вновь находятся в квартире Ханса-Оскара Лёвенштейна, недалеко от знаменитой берлинской улицы Курфюрстендамм, которую берлинцы ласково называют Кудамм.

Часть вторая

Операция «Фабрики»

«Полные евреи», как Фриц Лёвенштейн, и «действительные евреи», как Ханс-Оскар, обязанные носить шестиконечные звезды, имели право жить только в пяти немецких городах: Берлине, Гамбурге, Мюнхене, Дюссельдорфе и Франкфурте. Здесь смешанные семьи могли находиться легально до конца войны. Правда, следовало соблюдать все указы и предписания режима, а их с каждым днем становилось все больше. Малейшее нарушение какого-то запрета вело к немедленной депортации и верной смерти.

Нельзя было ходить к парикмахеру, стоять у газетного киоска, выращивать дома цветы, держать домашних животных, золотых рыбок или волнистых попугайчиков... Похоже, извращенная фантазия нацистских властей не знала предела. Серьезные ограничения касались еды: в пищу евреям предписывалась брюква, красная и белая капуста, шпинат, репа и редис. Редис в шутку называли «еврейским жиром»: его клали на хлеб и ели как бутерброд. Раз в году можно было прийти на специальный «еврейский вещевой склад» и получить там пару обуви или ношеное пальто. Как правило, это были вещи, оставшиеся от депортированных.

Даже процедура сдачи имущества обставлялась массой предписаний, предельно осложнявших жизнь. Мало того, что все вещи надо

было обязательно принести в полицейский участок самим. День и время для этого также выбиралось не наугад. Например, сдавать радиоприемники нужно было именно в Йом-Кипур, или Судный день — священный еврейский праздник, когда религиозному человеку запрещена любая работа. И тысячи евреев вместо того, чтобы молиться в синагоге, были выпущены тащить тяжеленные ящики в полицию. Это было настоящее издевательство.

И тем не менее если все запреты выполнялись, евреи по закону имели право жить в указанных городах. Так продолжалось до 27 февраля 1943 года. В этот день по приказу гауляйтера НСДАП Берлина и рейхсминистра пропаганды Геббельса началась так называемая операция «Фабрики». Ее целью было окончательное освобождение Берлина от евреев. Практически все они были заняты на принудительных работах для нужд фронта на различных заводах и фабриках. И вот с самого утра 27 февраля на эти предприятия врывались отряды эсэсовцев и загоняли всех евреев в специально подогнанные грузовики.

Люди не знали, куда их везут — то ли на новое место работы, то ли в лагерь.

Ханс-Оскар Лёвенштейн оказался в сборном лагере, который занял огромное здание синагоги на улице Левецовштрассе в районе Тиргартена. Синагога, вмещавшая по меньшей мере три тысячи человек, за два дня заполнилась почти до отказа. Через двое суток Ханс-Оскар услышал свое имя и новый приказ забираться в кузов грузовика. Там уже было человек десять-двенадцать. Никто не понимал, что происходит. Машина направилась к центру города, в сторону Александерплац. В пути выяснилось, что все евреи в машине были, что называется, «породненными с арийцами». Их доставили в сборный лагерь на Розенштрассе.

Протесты на Розенштрассе

В начале марта 1943 года в здании, некогда принадлежавшем берлинской еврейской общине, собралось несколько тысяч (по различным оценкам — от двух до шести) евреев. Все они имели арийских родственников, как правило, женщин, которые каждый день приходили к воротам лагеря и требовали: «Верните нам наших мужей!».

На второй или третий день выяснилось, что и Фриц Лёвенштейн был там: отец и сын встретились в коридоре, когда их выводили в туалет. (Кстати, туалеты, рассчитанные на двух-трех служащих, были абсолютно не приспособлены для такого количества людей.)

Когда Ханна Лёвенштейн впервые попала на Розенштрассе, ей прежде всего нужно было удостовериться, что ее муж и сын

находятся именно здесь. Здание охраняли вооруженные эсэсовцы, и Ханна обратилась к одному из них:

— Послушайте, я узнала, что моего мужа привезли сюда. Это неслыханно! Я работаю на оборонном предприятии, выполняю важные задания для фюрера и отечества, прихожу усталая домой и не могу туда попасть, потому что ключ у него. Попросите его передать мне ключ.

Через некоторое время охранник привел Фрица Лёвенштейна. Так Ханна выяснила то, что ей было нужно.

К подобным хитростям прибегали и другие женщины.

Их было много. Ханна Лёвенштейн вспоминала, что иногда приходилось изменять маршруты движения, чтобы не пробираться сквозь толпу протестующих. Если по утрам или ночью сюда приходило несколько сотен человек, то к вечеру, когда заканчивался рабочий день, собиралось до нескольких тысяч.

Женщины передавали для своих близких свертки с едой и необходимыми вещами. В огромных комнатах, где на полу, тесно скучившись, лежали люди, охранники то и дело выкрикивали имена заключенных, которым принесли передачу.

Вместе с Ханной на Розенштрассе бывала ее высокопоставленная сестра. И протестовала против ареста своих еврейских родственников так же, как и сотни других немецких женщин. Единственное отличие состояло в том, что Елизавета Фосберг приезжала на своем автомобиле — и это в военное время, когда весь бензин полагалось использовать только для нужд фронта! Обычно их сопровождала и мать — бабушка Ханса-Оскара.

Фрау Лёвенштейн рассказывала, что поначалу лагерь охраняли эсэсовцы с автоматами, направленными в толпу. Невозможно было избавиться от чувства страха. Но на второй или третий день одна вполне арийского вида женщина с двумя детьми на руках подошла к ним и громко сказала:

— Вы, свиньи, как вам не стыдно? Вы хотите стрелять в немецких женщин и детей вместо того, чтобы идти на фронт и защищать нас!

Ошарашенные солдаты молчали. Уже через три часа вместо них стояли обычные постовые без автоматов.

В это трудно поверить, но протесты женщин на Розенштрассе увенчались успехом: все заключенные были освобождены. Ханс-Оскар Лёвенштейн получил свидетельство об освобождении. Бланк начинался словами «Еврей/Еврейка...», после чего следовало вписать фамилию. Но Ханс-Оскар не принадлежал к этой категории, и старательный чиновник, зачеркнув первые слова на формуляре, впечатал: «Действительный еврей Лёвенштейн».

Подобная педантичность вообще свойственна немецкой бюрократии. Порой она доходила до абсурда. В 1941 году, когда Хансу-Оскару было 15 лет, еврейскую школу, где он учился, закрыли, и школьников вывезли на принудительные работы. И все время, пока этих детей не отправили в газовые камеры, гестапо выдавало их родителям денежное пособие на ребенка и оплачивало страховку от несчастного случая. А сегодня Ханс-Оскар Лёвенштейн получает небольшую пенсию по старости, так как гестапо вносило за него взносы в пенсионный фонд.

Даже списки убитых в Освенциме составлены с пресловутой немецкой педантичностью.

Освобождение евреев из лагеря на Розенштрассе — уникальный случай в истории гитлеровской Германии. Немцы впервые открыто протестовали против депортации евреев, и их протест подействовал на власти. Этому есть вполне реальное объяснение: в то время уверенность в окончательной победе у многих сильно поколебалась, и в такой обстановке нацистское руководство не хотело вызывать новые недовольства у населения. В январе 1943 года капитулировала армия Паулюса под Сталинградом, а в начале марта Берлин подвергся разрушительной бомбардировке со стороны английской авиации. И Геббельс, желавший преподнести фюреру свободный от евреев Берлин как подарок ко дню рождения, был вынужден отступить.

Обыски

Получив освобождение, отец и сын Лёвенштейны вернулись в свою родную Кудамм. Но как здесь все изменилось! Их дом был объявлен «еврейским». Это означало, что Вилли Фритч и прочие жильцы-арийцы были переселены в другие места, а сюда вселили евреев со всего города. В квартире Лёвенштейнов жили теперь семь семей — всего двадцать один человек. Для площади в шестьсот квадратных метров это совсем не много, но вот беда: на огромной кухне была только одна газовая горелка, и готовить приходилось по строгому расписанию.

Но после 27 февраля квартира снова опустела: всех ее новых жильцов гестаповцы депортировали из столицы. Четырнадцать комнат были оставлены почти без всякой мебели: евреям позволялось иметь одну кровать, один стол и один стул на семью.

Берлин был наполовину разрушен. Многие немецкие семьи лишились крова. А Фриц, Ханна и Ханс-Оскар оказались одни в четырнадцатикомнатной квартире, как несколько лет назад. Правда, тогда здесь была роскошная обстановка. А теперь все, что осталось, было заперто и запломбировано. Им запрещалось пользоваться лифтом,

выходить на балкон и даже двигаться вдоль Кудамм — улицу можно было только пересекать. Нельзя было заходить туда, где были хоть какие зеленые насаждения. Если где-то росло три деревца и несколько цветочков, вход на это место для евреев был закрыт. Нельзя было ходить в лес, в бассейн, в кино, в театр, на концерт — все нельзя, нельзя...

Освобождение из лагеря вовсе не означало спасения: многие евреи были после этого отправлены в лагеря уничтожения. Участились обыски, и за малейшее нарушение грозило жестокое наказание. Один такой случай, чуть не закончившийся трагедией, запомнился Хансу-Оскару надолго.

Эсэсовцы пришли сразу после ночной бомбардировки Берлина. Они открывали все шкафы, заглядывали под кровати. Потом один прошел на кухню. Там стоял ящик со льдом, который использовался вместо погреба. Только появившись тогда электрические холодильники евреям было запрещено иметь, а такой примитивный холодильный шкаф — дозволено. Каждые два дня к дому подъезжал специальный автомобиль, где продавались большие куски льда.

Эсэсовец посмотрел в ящик и увидел на дне копченую камбалу. Разумается, есть рыбу евреям не разрешалось. Ханс-Оскар рассказывал, как эсэсовец взял рыбку двумя пальцами, словно отравленную, и бросил через всю кухню.

— Что это за свинство! — закричал он Хансе. — Вы что, не знаете, что это запрещено? Я прикажу вас всех немедленно забрать.

Но Ханна не растерялась:

— Позвольте, вы же знаете, что я арийка. Я работаю на военном предприятии, и мне пужно хорошо питаться. Эту рыбу мне принесла моя мать. Без еды я не смогу работать.

Эсэсовец несколько секунд молчал, было видно, что он переживает неприятные минуты. Наконец он сказал:

— Горе вам, если от этой рыбы вы евреям хоть что-нибудь дадите.

Не найдись Ханна вовремя с ответом, и копченая рыбка стоила бы жизни всей семье.

И все же Лёвенштейнам не удалось дожить до конца войны в своей квартире. Произошли события, в результате которых они вынуждены были скрываться, а потом оказались в концентрационном лагере.

В подполье

Несмотря на все усилия гестапо, в Берлине продолжали действовать подпольные сионистские молодежные группы, которые пытались помочь оставшимся в живых евреям. Лёвенштейны как могли

помогали отважным юношам и девушкам, иногда, рискуя головой, прятали их в своей квартире. Однажды подпольщики получили из Швейцарии большую сумму денег — около ста тысяч марок. Необходимо было решить, где их спрятать — держать деньги в квартире, где периодически бывают обыски, было нелегально.

Ханна Лёвенштейн предложила:

Давайте отвезем деньги в Потсдам. Вряд ли гестаповцы осмелятся обыскивать обладателя Золотого партийного значка.

Она приехала к сестре с большим узлом и спросила:

— Можно это у тебя оставить?

— Конечно, Ханночка, положи в комнате наверху.

Там и хранились деньги подпольщиков.

Весной 1944 года в квартире Лёвенштейнов целую неделю прятался молодой человек по имени Курт из подпольной группы «Хуг Халуци» («Кружок пионеров»). К счастью, в это время никаких обысков в доме не было. Вскоре Курт нашел укрытие у проститутки вблизи Александерплац.

— У меня столько молодых людей бывает, что одного нового никто и не заметит, — сказала она. Там юноша прожил около двух месяцев.

Во время бомбардировок евреям запрещалось спускаться в подвал, и Лёвенштейны всегда оставались наверху. Как вспоминал Ханс-Оскар, это были, несмотря на смертельную опасность, счастливые часы свободы — ведь нацисты еще больше боятся за свою жизнь и им в такие минуты не до евреев.

Однажды ночью, когда Берлин бомбили особенно сильно, к ним постучали. Стук поднял Лёвенштейнов с постели. Было около четырех часов утра.

— Такого еще не было, — сказал Фриц. — Город в огне, а гестапо затекает новый обыск. Но это были не гестаповцы. У дверей стояла незнакомая молодая женщина, оказавшаяся той самой проституткой с Александерплац.

— Ради Бога, немедленно уходите, — сказала она. — Курт во время палета был схвачен и до полусмерти избит. Он может назвать ваш адрес.

Лёвенштейны не знали этой женщины, а ведь она смертельно рисковала, отправляясь ночью через горящий Берлин в квартиру евреев, чтобы предупредить их об опасности. И сделав это, спасла людям жизнь.

Родители Ханса-Оскара всегда держали наготове узел с самым необходимым — документами и одеждой. И не медля все трое отправились в Потсдам к своей последней надежде — тетушке Ли. Пройдя

тридцать километров, грязные и измученные, вошли они во дворец Лихтенау.

— Или ты сможешь нам, или нас отправят в Освенцим, третьего не дано, — все, что могли сказать беглецы.

Тетушка думала не больше секунды:

— Ну разумеется, сейчас мы должны держаться вместе. А там как-нибудь образуется.

Она жила одна в огромном замке — и в это же время миллионы немцев не имели крыши над головой! Кроме нее там находилось еще семь человек — шофер, повариха, служанка, горничные... Почти все они знали Лёвенштейнов, неоднократно видели их. Тетушка собрала всех слуг и объявила им:

— Перед вами немецкие беженцы, их дом в Берлине разбомбило, и они все потеряли. Это мои хорошие знакомые, я должна помочь им. А места у нас хватит всем.

Елизавета представила беженцев под новыми именами. Ханс-Оскар стал Вольфгангом фон Зекендорф-Гудентом (так звали его немецкого кузена). На всякий случай она прибавила:

Держитесь от мальчика подальше, у него открытый туберкулез.

Про отца сказали, что это инвалид Первой мировой.

Никто из слуг не выдал евреев, что сделать было бы проще простого: подойти к телефону и вызвать полицию. Тогда бы и Золотой значок тетушку не спас. Но ни один не оказался предателем.

Ханс-Оскар и сегодня не может точно сказать, что двигало тетушкой тогда — родственные чувства или боязнь за свое будущее, ведь скорый конец столь почитаемого ею фюрера был очевиден. Да это и неважно. Она приняла решение, которое спасло Лёвенштейнов от верной смерти.

У тетушки Ли беглецы жили до тех пор, пока в боковом флигеле замка Лихтенау не разместился полк СС. В доме появились высокие офицерские чины, во дворе — сотни эсэсовских солдат. Оставаться здесь дальше было опасно.

Деньги в туалете

Лёвенштейны вернулись в Берлин и три дня прятались у своих друзей. Потом отец и сын вышли, чтобы купить какой-нибудь еды. Но на улице к ним подошли двое вооруженных солдат и довольно вежливо попросили пройти с ними. Их привели в участок, где дежурил пожилой и добродушный полицейский.

На вопрос о документах ничего не оставалось, как признаться:

— Мы нелегально проживающие евреи...

— О Господи, — сказал полицейский. — Тогда присаживайтесь, мне очень жаль, но я должен вызвать гестапо.

Он набрал номер, и Ханс-Оскар отчетливо услышал, как на другом конце провода закричали: «Что? Лёвенштейн? Немедленно задержать! Мы его давно ищем. Выезжаем».

Потом Лёвенштейны узнали, что всех членов сионистской подпольной группы Курта уже арестовали. Не удивительно, что гестапо разыскивало и тех, кто помогал им.

Их положение осложнялось тем, что карманы у них были набиты новыми стомарочными купюрами. Тогда кусок колбасы на черном рышке стоил тысячу марок.

— Господин полицейский, можно мне в туалет? — спросил Ханс-Оскар.

— Да, конечно, — дружелюбно ответил тот. — Туалет в конце коридора.

Юпоша бросил в унитаз все деньги из своих карманов, а также фотографию любимой девушки, тоже члена сионистской группы. Вернувшись, он шепнул отцу: «Выбрось в туалет все деньги». Отец сделал все то же самое, что и сын. Вдруг Ханс-Оскар вспомнил, что у него находится ключ от квартиры, где они три дня прятались... В гестапо могут пытаться, и как бы тогда не выдать своих друзей.

— Господин полицейский, разрешите мне еще раз в туалет, — как можно жалобнее попросил юноша.

— Да, видно, здорово ты желудок испортил, — пожалел его полицейский. — Ну иди.

Ханс-Оскар зашел в туалет и потрясенно застыл: унитаз был полон голубыми купюрами по сто марок. Видно, по рассеянности отец забыл спустить воду. Ханс-Оскар поблагодарил Бога за то, что он первый увидел это...

Потом приехали гестаповцы и отвезли отца и сына Лёвенштейнов в лагерь на Шульштрассе.

Только к вечеру Ханна Лёвенштейн узнала, где находятся ее муж и сын. Первым делом она стала искать помощи там, где всегда ее получала, то есть немедленно поехала в Потсдам к сестре. Та надела свой значок и направилась к начальнику сборного лагеря. Женщины хотели даже подать жалобу на гестапо и захватили с собой знакомого адвоката. Но скоро поняли, как наивна была их попытка.

Когда их провели в огромный кабинет и тетушка только собиралась обратиться к начальнику, тот закричал:

— Молчать! Как вы смеете! Если вы сейчас же не покинете кабинет, я прикажу вас арестовать!

Больше тетушка ничего не могла сделать. Ханна, естественно, тоже. Ее задержали тут же в кабинете и увезли в другой лагерь — на Гроссгамбургштрассе. Фриц и Ханс-Оскар узнали об этом только много дней спустя...

Освобождение

Но шел уже 1945 год. Самое худшее осталось позади: война наконец закончилась. Нацисты просто не успели уничтожить Лёвенштейнов, и отец с сыном вышли на свободу. Им ничего не было известно о судьбе Ханпы — жива ли она и где находится. Не долго думая они пошли на Кудамм в свою старую квартиру: если Ханна жива, она должна быть там. И не успели открыть дверь, как она бросилась к ним с объятиями. Семья снова была вместе.

Когда высохли слезы радости, Ханна сказала:

— Мы должны выяснить, что с мамой и Елизаветой.

И вновь они пешком отправились в Потсдам. Пока добрались до дворца Лихтенау, все трое были уже без сил — ведь в лагере их почти не кормили.

Потсдам был занят советскими войсками. В замке их встретила мать Ханны, которая только и могла сказать:

— Слава Богу, вы живы. А Ли арестовали.

Фриц Лёвенштейн не откладывая пошел в советскую военную комендатуру. Там он объяснил:

— Вы арестовали одну женщину, фрау Фосберг. Этой женщине мы все обязаны своими жизнями. Если бы не она, мы были бы в Освенциме.

Елизавету Фосберг немедленно освободили и даже отвезли на машине домой. Когда Фриц вернулся в замок, ему навстречу выбежала сияющая от счастья тетушка Ли.

* * *

После окончания войны Ханс-Оскар окончил университет имени Гумбольдта. Его отец Фриц Лёвенштейн активно участвовал в послевоенном возрождении Германии. Он стал заместителем министра по труду и социальным вопросам земли Бранденбург. Власти ГДР требовали, чтобы он вступил в коммунистическую партию. Но он не мог пойти на это. В 1950 году семья Лёвенштейнов эмигрировала в Израиль. Там они прожили более двадцати лет, после чего снова вернулись в Берлин.

Как это ни удивительно, но большинство членов подпольной группы «Хуг Халуци» пережили войну. Когда их спрашивали, каким образом им удалось это, они отвечали: «Повезло». А потом

рассказывали, как им помогали простые немцы. Каждый мог назвать по меньшей мере с десяток человек, которые, рискуя жизнью, спасали его от преследования нацистов.

В первые же месяцы после освобождения из застенков гестапо многие подпольщики из «Хуг Халуци» эмигрировали в Палестину. Другие последовали за ними несколько лет спустя. Пятеро живут в Соединенных Штатах, двое остались в Берлине. И вот недавно к ним присоединилось еще трое.

Память переживших Катастрофу хранит еще немало замечательных историй.

Литература

1. *Schroeder Nina*. Hitlers unbeingsame Gegnerinnen. Der Frauenaufstand in der Rosenstrasse. Muenchen, Wilhelm Heyne Verlag, 1998.
2. *Stoltzfus Nathan*. Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstrasse—1943. Muenchen-Wien, Carl Hanser Verlag, 1999.

ИСТОРИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА БАХНЕРА

Оскар Шиндлер и другие

Осенью 1999 года в старинном немецком городе Гильдесхайме недалеко от Ганновера произошло событие, заставившее мир вновь вспомнить о страшных временах Холокоста. На чердаке одного дома был найден чемодан, к ручке которого была прикреплена бирка с именем владельца — Оскар Шиндлер. Это имя носил немецкий предприниматель, спасший во время войны жизни больше тысячи евреев. Свои последние годы он провел в Гильдесхайме, где и скончался 9 октября 1974 года. В старом чемодане находились его личные вещи, фотографии и документы. И среди них — несколько пожелтевших листов с 1200 еврейскими именами и фамилиями, тот самый «список Шиндлера», который дал название знаменитому фильму режиссера Спилберга. В честь Оскара Шиндлера посажено дерево на аллее Праведников в израильском мемориальном центре Яд-Вашемс. Поиск людей, спасавших от неминуемой смерти евреев во время Холокоста, не прекращается до сих пор.

В середине восьмидесятых годов американские историки Самуэль Оливер и Катлин Ли работали над проектом «Альтруистическая личность. Спасение евреев в оккупированной нацистами Европе». В ходе своего исследования Оливер и Ли расспросили сотни людей, переживших Холокост. Среди их собеседников оказались и супруги Вильгельм и Цезия Бахнер из городка Морага, что находится в американском штате Калифорния. Но когда были заполнены первые графы стандартного опросного листа, неожиданно выяснилось, что этот случай не подходит к теме проекта. Вильгельм Бахнер действительно пережил Холокост, но он не был спасен другими людьми. Он сам спас большую группу евреев, работая в течение всей Второй мировой войны на немецком военном предприятии. Его история поучительна, фантастична, и самое удивительное в ней то, что вся она — чистая правда.

Начало

Вильгельм Бахнер родился в еврейском местечке Бельско, которое до Первой мировой войны находилось на территории Австро-Венгерской империи, а затем отошло к Польше. Ассимиляция евреев в австрийскую культуру к началу двадцатого века зашла уже достаточно далеко. Например, немецкий язык давно уже вошел в жизнь Бахнеров наравне с идиш. После школы Вильгельм поступил в Немецкий технический институт в чешском городе Брюнне (Брно). К тому времени,

когда он заканчивал институт, Германия уже присоединила к Третьему Рейху Австрию и чешские Судеты. Страшная опасность приближалась ко всем евреям, жившим в Европе, но молодому инженеру-строителю будущее виделось в розовом цвете. Конечно, слухи о наводящем ужас антисемитизме Гитлера широко обсуждались в синагогах. С момента прихода к власти фашистов в 1933 году участились сообщения о преследованиях немецких евреев. Но Бахнер, как и многие другие, надеялся, что фюрер ограничится Германией — угроза войны с Англией и Францией остановит его перед дальнейшим захватом чужих территорий.

С самоуверенностью молодости Вильгельм Бахнер не сомневался в успехе. Он имел хорошее образование, был дисциплинирован, трудолюбив и прилежен. По окончании института получил перспективную работу: знакомый из родного Бельско предложил ему место в варшавском филиале одной строительной фирмы. Варшава была неплохим местом для начала карьеры двадцатисемилетнего специалиста, едва ступившего на трудовой путь. Даже широко известный антисемитизм поляков его не смущал, он верил в себя. Кстати, на улице его редко принимали за еврея — внешность он имел вполне арийскую: серые глаза, прямой нос. При невысоком росте — всего 165 сантиметров — держался прямо, ходил твердым, уверенным шагом, всегда смотрел собеседнику в глаза. Эту привычку Вильгельм сохранил на всю жизнь и не изменял ей, даже когда разговаривал с гестаповцами.

Полный радужных надежд, летом 1939 года Бахнер приехал в еще мирную Варшаву. В этом городе должна была начаться и его семейная жизнь — здесь он познакомился с замечательной девушкой по имени Цезия. Свадьбу собирались сыграть вскоре после того, как Вильгельм устроится в фирме. Все планы смешала война — первого сентября Германия напала на Польшу. Восьмого сентября 1939 года немецкие танки уже въезжали в ворота Варшавы.

Варшавское гетто

Сразу после захвата Польши немцы стали устанавливать «новый порядок». Последствия поражения почувствовали все поляки, но особенно остро — еврейское население. Зловещие планы Гитлера «освободить Европу от евреев», о чем он писал еще в двадцатые годы в своей книге «Майн кампф», становились все определеннее и реальнее.

Для доведения до всех евреев Варшавы своих приказов и распоряжений немецкие власти образовали так называемый Еврейский совет (Юденрат) во главе с инженером Адамом Черняковым, которого перед самой войной варшавский бургомистр Старцинский назначил на пост председателя еврейской общины города.

Через Юденрат польские евреи в начале октября 1939 года узнали новые подробности «переселенческой политики» фюрера. Большая часть западной Польши входит в состав Третьего Рейха, и это означает, что ей предстоит стать «юденрайн» — «чистой от евреев». Евреи же из Германии, Австрии, чешских Судет, Померании и Силезии должны переселиться в оставшуюся часть Польши, так называемое «генерал-губернаторство». Генерал-губернатором был назначен Ганс Франк, сподвижник Гитлера еще с двадцатых годов, в партийной иерархии поднявшийся до руководителя правового управления НСДАП. С потерей своей западной части, отходившей к Третьему Рейху, восточной части, оккупированной Советским Союзом, и центральной части, ставшей генерал-губернаторством, Польша фактически прекратила существование как независимое государство.

В середине октября стали известны новые постановления немецких властей, еще больше ограничившие права евреев. Все принадлежащие евреям фирмы «ариизируются», т. е. конфискуются. Замораживаются их банковские счета. Хранящиеся в их домах радиоприемники должны быть сданы немецким властям. Еврейские школы закрываются, и посещение синагог ограничивается. Все мужчины-евреи от 14 до 60 лет привлекаются к принудительным работам. Чернякову поручалось провести перепись еврейского населения Варшавы.

Весь октябрь и ноябрь 1939 года в Варшаву и другие крупные города польского генерал-губернаторства стесались тысячи еврейских семей, изгнанных нацистами из разных земель. Еврейские общины должны были сами заботиться о пропитании и устройстве беженцев, хотя деньги в банках у всех евреев были фактически конфискованы, а возможности новых заработков — крайне ограничены. По данным переписи в ноябре 1939 года в Варшаве жило 359 827 евреев. Скудность населения была такой высокой, что в середине ноября немцы повесили на границах еврейских кварталов таблички: «Внимание! Опасность заразных заболеваний! Вход запрещен!».

Вильгельм Бахнер в своей жизни не раз встречался с препятствиями, вызванными проявлением антисемитизма, и привык, не отчаиваясь, преодолевать трудности. И в этой новой, казалось, безнадежной ситуации он не падал духом, но без устали искал способы помочь своей семье. А семья к этому времени увеличилась: одиннадцатого октября в очень скромной обстановке все-таки была отпразднована свадьба Вильгельма и Цезии. Раввин пришел к ним домой, церемония в синагоге могла бы привлечь нежелательное внимание нацистов. А вскоре к Вильгельму приехали отец, мать и младший брат Бруно — их родной Бельско тоже должен был стать «юденрайн». Так как место инженера было потеряно, Вилли Бахнер брался за любую

работу, благо научился у отца разным ремеслам и не боялся никакого труда. Но с заработком становилось все тяжелее.

Двадцать третьего ноября 1939 года генерал-губернатор Франк издал распоряжение, обязывающее всех евреев и евреек старше девяти лет, проживающих на подведомственной ему территории, носить на правых рукавах одежды повязки с изображением звезды Давида. Повязка должна была быть белой, шириной не менее десяти сантиметров, а звезда — желтой (за исключением почему-то Варшавы — здесь по непонятным причинам предписывалось носить звезды Давида голубого цвета). Ослушников ждали суровые кары. И тем не менее некоторые отказывались носить униженные повязки, опасаясь, что они только обострят враждебное отношение немцев и поляков.

Вильгельм Бахнер понимал, что без предписанной повязки не пойдет ежедневную работу на «еврейской бирже труда», но не мог избавиться от чувства брезгливости, когда, выходя из дома, вновь натягивал ее на рукав.

Положение варшавских евреев день ото дня становилось все тяжелее. С января 1940 года им было запрещено ездить на посздах и в городском общественном транспорте, пользоваться публичными библиотеками и покупать товары у «арийцев». А в апреле вышло постановление о строительстве стены вокруг еврейских кварталов, превращавшихся, таким образом, в гетто — замкнутое поселение евреев в старых европейских городах.

Само слово «гетто» (литье, отливка) пришло из средневековой Венеции, первого европейского места, где было образовано такое поселение. В 1516 году по указу венецианского сената все евреи, проживавшие на землях «Светлейшей Республики св. Марка», были переселены в специально отведенное место, где находились многочисленные литейные мастерские. Из Венеции это «нововведение» распространилось и в некоторые другие европейские страны, где евреев старались отделить от христиан. Как правило, на ночь ворота гетто запирались и охранялись. По большим христианским праздникам евреям вообще было запрещено покидать отведенные им пределы.

В Европе начала двадцатого века само это понятие стало анахронизмом. В Польше гетто вообще никогда не существовали. И вот в оккупированной Варшаве, казалось, стали сбываться самые страшные сны. А чтобы у евреев не оставалось никаких иллюзий, нацисты поручили Юденрату самим приобрести строительные материалы и своими силами возвести стену. Охрану ворот несли польские полицейские.

Евреи, проживавшие в Варшаве и ее пригородах, должны были оставить свое жилье и переселиться на территорию гетто. Выполнялся этот приказ очень жестко. Немцы силой выбрасывали целые семьи

на улицу, не разрешая забрать с собой никакое имущество. К счастью для Бахнеров, их квартира оказалась на территории гетто, недалеко от возведенной стены, и пересезать им не пришлось. Их семья к тому времени еще больше увеличилась — к ним присоединились дядя, тетя и племянник Вильгельма, изгнанные нацистами из дома под Краковом. В ноябре 1940 года вступил в силу новый приказ: покидать гетто евреям разрешалось только в составе специальных рабочих колонн, направляемых на различные работы — чаще всего на уборку улиц и расчистку завалов. Вне гетто евреи должны были постоянно находиться под конвоем польских полицейских и немецких солдат. Холодная зима, голод, изнурительная работа, страшная скученность населения — все это было причиной многочисленных болезней и смертей внутри гетто, а единственная больница была постоянно переполнена и мало кому могла помочь. Количество смертей превышало три тысячи в месяц. Кроме того, немцы безжалостно расстреливали евреев за малейшие нарушения режима — до шестидесяти человек за ночь. Надежды на улучшение положения таяли даже у оптимистов. Вильгельм чувствовал, что нужно действовать — необходимо какое-то смелое и необычное решение, пассивность неминуемо приведет семью к гибели. Но что можно сделать в такой ситуации? Оставалось только молиться и ждать чуда.

Бюро архитектора Кельнера

В конце декабря 1940 года во время работ по расчистке завалов в городе Бахнер увидел в толпе прохожих свою дальнюю родственницу Анну, с которой не встречался несколько лет. Его поразило, что Анна шла по улице без обязательной для евреев повязки на рукаве. Улучив момент, когда его не видела охрана, Вильгельм стянул со своей руки ненавистную повязку, сунул ее в карман и двинулся в центр города, куда шла и Анна. Их разговор был короток, но Вильгельм услышал, много удивительных и интересных вещей. Женщина рассказала, что она, скрывая свое еврейство, работала няней в польской семье, потом вынуждена была уйти, но буквально вчера нашла место секретарши у одного немецкого архитектора. Этот человек приехал из Дрездена, чтобы по заданию Вермахта восстанавливать разрушенные военные объекты, и в его бюро требовались люди. Анна посоветовала Вильгельму попытаться устроиться туда.

— Ты ведь свободно говоришь по-немецки, внешне похож на поляка или немца, у тебя диплом Немецкого университета! — убеждала она. — Этому архитектору очень нужны помощники, и ты имеешь немало шансов получить там место.

На семейном совете Цезия возражала против этой авантюры: «Слишком опасно!». Но Вильгельм отмел все сомнения — других возможностей выжить он не видел. Стоило рискнуть.

В один из первых дней нового, 1941 года Бахнер вновь ухитрился покинуть рабочую колонию и выбраться в город. Встречу с архитектором Йоханнессом Келльнером устроила Анна. Вильгельм произвел на Келльнера хорошее впечатление.

— Вы немец? — спросил он, изучая институтский диплом Вилли.

Выдавать себя за немца было опасно — пришлось бы отвечать на вопросы о воинской обязанности. Поэтому Бахнер сказал, что он поляк.

Первое задание — составить смету и организовать восстановление разрушенных казарм при варшавском аэродроме — оказалось для молодого человека самым трудным. Впервые с начала войны ему пришлось общаться с немецкими офицерами, выступавшими заказчиками работ. Если узнают, что он еврей, немедленная казнь неизбежна. Но все прошло гладко — и заказчики, и работодатель остались довольны. Архитектор убедился, что его новый сотрудник — грамотный инженер и толковый организатор: он умело руководил нанятой бригадой польских рабочих, а смета содержала вдвое больший объем работ, чем было действительно необходимо. Такой заказ был вдвойне выгоден для исполнителя. Иметь такого помощника в Варшаве было для Келльнера настоящей находкой, тем более, что он сам не собирался все свое время проводить в бюро или на стройках — он любил «красивую жизнь», да и в родном Дрездене его ждали свои дела.

Бахнер предложил для подготовки строительных материалов использовать дешевых рабочих-евреев. Келльнер согласился и получил у властей для него пропуск в гетто. Так для Вильгельма началась двойная жизнь. Каждый день он входил на территорию гетто как представитель немецкой фирмы, а там надевал повязку со звездой Давида и опять превращался в еврея. Польские полицейские, охранявшие гетто снаружи, скоро стали узнавать «папа инженера», и проблем со входом у него не было. Теперь Вильгельм мог помогать своей семье, принося то немного еды, то мыло, то что-нибудь еще. Так продолжалось около двух месяцев.

В феврале Келльнер объявил, что работы в аэропорту подходят к концу, он доволен своим помощником, хотел бы взять его с собой в Германию, но это, к сожалению, невозможно. У Бахнера все оборвалось внутри: только забрезжил выход из безнадежной, казалось, ситуации, и теперь всем надеждам конец. Решение родилось мгновенно: он «подкинул» архитектору идею организовать в Варшаве новую фирму и воспользоваться всеми местными преимуществами — отсутствием серьезной конкуренции, дешевой рабочей силой, близостью к

фронту, что обещает постоянную работу. При этом все производственные заботы Вильгельм брал на себя, оставляя Келльнеру лишь контакты с немецкими властями и поиск новых заказов. Предприятие явно должно было приносить немалую прибыль. После короткого раздумья тот согласился. Через несколько дней, по завершении всех необходимых формальностей, была зарегистрирована фирма «Немецкое государственное строительное предприятие — архитектор Йоханнес Келльнер». Бахнер стал ее управляющим. Для новой фирмы Келльнеру удалось получить статус «военного предприятия», что не только давало льготы в приобретении материалов и разрешение на передвижение в зоне военных действий, но и облегчало взаимоотношения с местными властями.

Управляющий немецким предприятием

Первым заказом для предприятия Келльнера стало строительство военного аэродрома вблизи города Белостока, расположенного северо-восточнее Варшавы. Сам Белосток, согласно Пакту Молотова-Риббентропа, отошел к СССР. Гитлер готовился двигаться дальше на восток, и военные нуждались в новых базах поближе к границам с Советским Союзом.

Для выполнения заказа в фирму приняли около пятидесяти квалифицированных рабочих из поляков и украинцев. Все они жили в казарме вблизи строящегося аэродрома. Бахнер часто навещался в Варшаву, где располагалась основная контора. Круг его задач и возможностей сильно расширился. Весной 1941 года Анна уволилась из фирмы, и Вильгельм убедил хозяина приять вместо нее двух новых работников для ведения бухгалтерских и канцелярских дел. Подходящие кандидатуры у него уже были на примете — и оба евреи. Адольф Штамбергер был женат на полячке и жил вне гетто под именем Анджея Станисского. Его зять, Юлск Швальбе, выдавал себя за Юлиуша Стройновского. Оба были высокими, светловолосыми, по-польски говорили без характерного еврейского акцента, а главное — имели необходимые документы, так что Келльнер быстро согласился с предложением Бахнера. Должность бухгалтера важна была еще и тем, что именно он выписывал рабочие документы всем сотрудникам фирмы. В случае необходимости Бахнер хотел воспользоваться этим для спасения своей семьи.

Работы под Белостоком были закончены в начале июня 1941 года, а уже 22-го числа Гитлер напал на Советский Союз. Немецкие войска быстро продвигались на восток, занимая все новые советские города. Сразу после захвата очередного города требовалось восстанавливать разрушенное. Фирма Келльнера получала крупные

заказы на работы по всей Украине. Бердичев, Киев, Ковель, Богуслав, Новоград-Вольнский, Днепропетровск, Житомир — такова география ее филиалов в военные годы с 1941-го по 1943-й. В марте 1942 года фирма насчитывала уже свыше 500 сотрудников, занятых восстановлением вокзалов и других железнодорожных объектов. И все это время Бахнер умело руководил производством. Хозяин был доволен своим управляющим.

Вильгельм Бахнер ни на минуту не забывал, что он еврей. Малейшая оплошность могла стоить ему жизни. Вот один эпизод из этого долгого пути «через минное поле».

Однажды утром, придя в варшавскую контору после почевки в гетто, он застал своего шефа в страшном волнении. Не дав Бахнеру даже снять пальто, Келльнер объяснил, что ему звонили из гестапо и сообщили, что задержан некий Нечаюк, очень похожий на еврея; не расстреляли же его до сих пор только потому, что тот называет себя работником их фирмы, и теперь руководителя приглашают в СС для объяснений. Обвинение в укрывательстве еврея было смертельно опасно, так что волнение Келльнера понятно. Не имея мужества поехать в гестапо самому, он послал туда своего управляющего. У Бахнера не было иного выхода, кроме как, взяв необходимые документы, выполнить приказ начальства. Ирония ситуации заключалась в том, что Нечаюк на самом деле был украинцем, правда, внешне он очень походил на те изображения евреев, которые часто публиковала нацистская пропаганда. А спасать украинца должен был настоящий еврей!

Офицер гестапо принял Бахнера холодно, всем своим видом показывая, что не верит ни единому его слову и Нечаюка не выпустит. И тогда Вильгельм пошел в наступление. Глядя гестаповцу прямо в глаза, он твердо заявил, что Нечаюк — незаменимый специалист и его отсутствие сорвет сроки окончания работ на важном военном объекте. А работы эти находятся под контролем военного командования. Ответственность за срыв ляжет на гестапо, о чем он немедленно будет докладывать в Берлин. Неввероятно, но такая настойчивость имела успех, офицер приказал привести несчастного Нечаюка и чуть живого от страха передал его Бахнеру, который вежливо попрощался и спокойным, уверенным шагом вышел на улицу. Нечаюк не знал, как благодарить спасителя — что ждало его в гестапо, он очень хорошо себе представлял. Только оказавшись на бульваре, Вильгельм почувствовал, как у него дрожат руки и ноги. Присев на скамейку, он хотел достать из кармана пальто платок и нащупал там свою бело-голубую повязку со звездой Давида. Выложить и спрятать ее утром он просто не успел. Достасть он случайно эту повязку в гестапо — и фирма Бахнера лишилась бы не только Нечаюка, но и своего управляющего.

Положение евреев на оккупированных немцами территориях становилось все безнадежнее. Нацисты начали приводить в действие секретное предписание Гитлера, оформленное протоколом Ванзейского совещания 20 января 1942 года об «окончательном решении еврейского вопроса». Нацистское руководство решило не ждать, когда евреи сами вымрут в своих гетто от голода и болезней, а депортировать их в специальные лагеря уничтожения, где уже в промышленном режиме работали газовые камеры и крематории. Первая такая камера с ядовитым газом «Циклон Б» была опробована в Освенциме еще в сентябре 1941 года, и результаты весьма удовлетворили фюрера.

Летом 1942 года началась поэтапная депортация евреев из Варшавы в лагеря смерти. Оставаться в гетто стало невозможно. Бахнер вместе со своими помощниками Штамбергером и Швальбе, используя знакомства и связи, сумел организовать побег почти всей своей семьи. Не удалось ему спасти лишь мать — она умерла от сердечного приступа во время облавы на улицах гетто. Спасенных в товарном вагоне со стройматериалами переправили в Киев, где как раз в это время вела работы фирма Келльнера. Всех родственников Вильгельм оформил на различные должности в киевский филиал. Цезия стала поварихой Чеславой Добровской, которую все считали польской любовницей «папа управляющего», а отец Хайнрих Бахнер превратился в Годаевского — подсобного рабочего на кухне. Кроме них под фальшивыми именами были оформлены на работу и другие евреи. К концу войны их насчитывалось свыше пятидесяти человек.

Конец войны

После освобождения семьи Бахнера из гетто война продолжалась еще долгие два года и десять месяцев. Фирма Келльнера успешно выполняла военные заказы и была преобразована в отдельный строительный эшелон 1001, подчиненный управлению железных дорог Третьего Рейха. Эшелон исколесил многие дороги Украины и Белоруссии, ремонтируя разрушенные пути и вокзалы. Когда дела у немцев на Восточном фронте стали хуже, строительный эшелон вместе с немецкими войсками снова двинулся на запад — в Польшу.

Бахнер не имел права терять бдительность ни на минуту. Опасность могла прийти с любой стороны. Например, его религиозный отец не мог отказаться от обязательной еврейской молитвы в самый строгий еврейский праздник — Судный День (Йом-Кипур), при этом Хайнрих Бахнер сильно рисковал привлечь к себе внимание посторонних. А Цезия однажды решила с двумя подругами посетить киевскую оперу и чуть было не попала на проверку в военную комендатуру. Нельзя было забывать и о том, что польские рабочие, не

Рабочие карточки Вильгельма Бахнера и Чеславы Добровской (Цезин)

испытывая больших симпатий к евреям, охотно выдали бы их в руки гестапо. «Поляк еврея за километр чувствует», — эта поговорка была распространена и среди евреев, и среди поляков.

В середине 1944 года между Бахнером и Келльнером состоялся важный разговор. Уже чувствовался конец войны. Эшелон 1001 должен был въехать на территорию Германии, и хозяин фирмы предложил Бахнеру уволить некоторых поляков, в чьей работе фирма больше не нуждалась. Среди первых был назван помощник по кухне покойной Годевский. Бахнер пытался возражать, но на этот раз Келльнер не стал его слушать:

— Я знаю, Бахнер, у вас доброе сердце. Вы даже моей семье в Дрезден регулярно посылаете посылки, о чем я сам забываю. Но сейчас нужно проявить твердость. Годевского надо рассчитать.

Супруги Бахнер. 1984 г.

Вильгельм понял, что настала решительная минута.

— Годевский — мой отец», — просто сказал он.

Келльнер был ошарашен.

— «Почему же вы, черт возьми, прячете своего отца под фальшивой фамилией? Или ваша фамилия не Бахнер?»

— Моего отца зовут Хайнрих Бахнер. — Вилли глубоко вздохнул и добавил: — Он еврей.

На лице Келльнера можно было прочитать самые противоречивые чувства: страх, удивление, раздражение, недоверие.

— Да, и я тоже еврей, — продолжал Бахнер. — В первый раз я пришел представляться вам прямо из варшавского гетто. У меня не оставалось выбора. Это был единственный шанс выжить.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем Келльнер снова заговорил:

— Еще один вопрос, Бахнер. Сколько среди моих сотрудников евреев?

— Вы действительно хотите это знать, господин архитектор?»

— Нет, — отрезал тот. — И запомните, Бахнер, я ничем не смогу вам помочь, если ваша тайна откроется. Сам я ничего никому не скажу. Но в случае вашего провала я не пошевелю пальцем.

— Я понимаю, — тихо сказал Бахнер. — А что же делать моему отцу?»

— Пусть остается, — Келльнер как будто поставил точку в разговоре. Больше к этой теме не возвращались до самого конца войны.

Война для Бахнера и всех спасенных им евреев закончилась 10 мая 1945 года, когда в стоявший на запасном пути эшелон 1001 вошли американские солдаты. Американцы были поражены, что люди из немецкого эшелона встречали их слезами радости и молитвами на иврите.

Заключение

После войны Бахнер с Цезией прожили несколько лет в Польше. В 1948 году умер отец Вильгельма. При коммунистах антисемитизм в стране становился все более свирепым. В 1951 году Вильгельм и Цезия эмигрировали в США и поселились в Калифорнии. Польшу покинули почти все спасенные Бахнером евреи. Кто-то оказался в Израиле, кто-то в Бразилии, кто-то в Германии. Все вместе собрались всего один раз — в 1989 году, когда Цезия и Вильгельм справляли золотую свадьбу.

Йоханнес Келльнер после войны жил в Мюнхене. В трудные послевоенные годы Бахнер регулярно посылал ему продукты и деньги.

Цезия умерла в ноябре 1990 года. Вильгельм пережил ее всего на четыре месяца.

Литература

1. *Oliner Samuel P., Lee Kathleen M.* Wilhelm Bachner. Ein Jude bei der Reichsbahn. Gerlingen 1999.
2. *Oliner Samuel P., Pearl M.* The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Occupied Europe. New York 1988.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БАНАЛЬНОСТЬ ДОБРА

ПРАВЕДНИКИ МИРА В ЛАНДШАФТЕ ХОЛОКОСТА

«Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир»

Надпись на медали Праведника мира

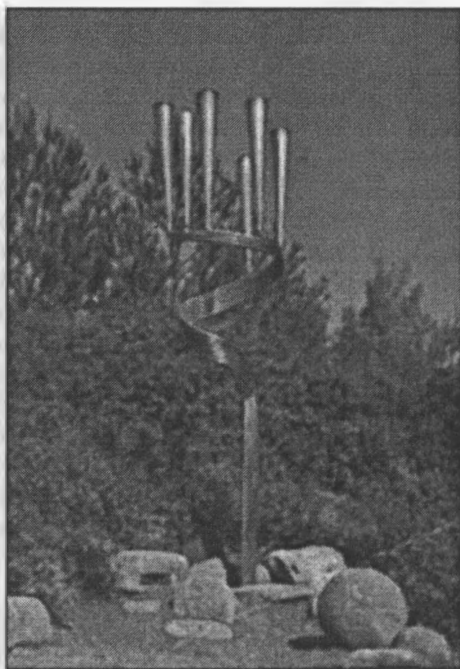
В благодарность от еврейского народа

В 1953 году был открыт иерусалимский мемориал «Яд-Вашем» — центр научных исследований и памятник жертвам Катастрофы европейского еврейс тва. Как сказано в законе об основании мемориала, он должен предоставить «место и имена» (так «яд вашем» переводится с иврита) всем жертвам Холокоста. Этим же законом определен особый статус тех людей, которые из благородных побуждений и с риском для собственной жизни спасали евреев в годы Второй мировой войны. По давней еврейской традиции таких людей называют «хасидей уммот ха-олам», что буквально означает «праведники среди народов мира». В повседневной жизни обычно говорят короче: «праведники народов» или «праведники мира» [1, 2]. Одним из самых запоминающихся мест Яд-Вашема является Сад Праведников — несколько тысяч вечнозеленых деревьев, каждое из которых посажено в честь человека, помогшего хотя бы одному еврею пережить Холокост. Табличка у дерева сообщает имя этого человека.

Израильтяне очень серьезно подходят к установлению и подтверждению фактов спасения в годы Катастрофы. Те, кто пережил это страшное время, имеют право представить к рассмотрению имена людей, оказавших им помощь. Специальный комитет под председательством одного из членов Верховного суда Израиля рассматривает каждую кандидатуру и все имеющиеся в распоряжении доказательства, прежде всего — свидетельства очевидцев. Израильские консульства собирают такие свидетельства во многих странах Европы. Звание «Праведник мира» может получить только не еврей, в отношении которого доказано, что в войну он бескорыстно помогал евреям и при этом рисковал жизнью или свободой. Нередко изучение материалов по одному только делу занимает годы. Получивший статус Праведника мира приглашается в Израиль, и ему торжественно вручают медаль, на которой на двух языках — иврите и французском — выбита

надпись: «В благодарность от еврейского народа. Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

Сейчас звание «Праведник мира» получило свыше девятнадцати тысяч человек. Главным образом эти люди жили в европейских странах, оккупированных фашистами: более пяти тысяч — в Польше, более четырех — в Голландии, около двух тысяч — во Франции, примерно тысяча девятьсот — на Украине и тысяча триста человек — в Бельгии. Венгрия, Чехословакия и Литва дали миру по полутысяче Праведников и столько же — Россия и Белоруссия вместе взятые. На первое января 2003 года насчитывалось 376 Праведников из Германии, 325 из Италии, 253 из

Памятник жертвам Холокоста в Яд-Вашеме

Греции, 267 — из республик бывшей Югославии. В других странах Праведников меньше: в Латвии — 93, в Австрии — 84, в Албании — 61, в Румынии — 48, в Швейцарии — 38, в Норвегии — 20, в Дании — 17, в Болгарии — 16, в Великобритании — 13, в Швеции — 10. Есть Праведники мира и на других континентах — по одному в Японии, Бразилии и США... За 2002 год число этих людей увеличилось на 565 человек.

До сих пор проверяются данные о новых кандидатах. Точное количество спасителей и спасенных, по-видимому, не будет известно никогда. Оценки, которые дают специалисты, колеблются в широких пределах — от 50 до 500 тысяч. Мордехай Палдиэль, начальник специального отдела мемориала Яд-Вашем по делам переживших Холокост, более осторожен: он допускает, что потенциальных Праведников мира может быть от 100 до 250 тысяч. По его мнению, в годы Холокоста они спасли до 250 тысяч евреев [3].

Солнечное сплетение проблем

Спасению евреев посвящена заметная часть современной литературы о Холокосте. Сотни историй о переживших Катастрофу ежегодно публикуются в газетах, журналах, книгах, становятся темами

телевизионных передач и документальных фильмов. Эта страшная и славная страница военных лет составляет предмет исследований психологов, социологов, богословов и историков. Важно отметить, что тема эта весьма деликатна и к ней совсем не однозначно относятся разные люди. Не все согласны, что действительно нужно столько внимания уделять и спасенным, и спасителям. Многие считают не вполне уместным концентрироваться на Добре, размышляя о том времени, когда явно преобладало Зло. Как сказал Мордехай Палдиэль в интервью автору книги [3]: «Можно во имя Добра поставить одну свечку, но когда свечей слишком много, это уже лишнее». Что такое 250 тысяч спасенных перед шестью миллионами погибших и можно ли сравнивать число Праведников мира с миллионами европейцев, которые могли помочь евреям, но не сделали этого? Защитников было меньше одного процента от взрослого населения Европы. При любом обсуждении темы Праведников нельзя забывать о десятках тысяч жителей разных европейских стран, добровольно и весьма активно помогавших немцам в массовых убийствах евреев. Как нельзя забывать и того, что многие миллионы людей ничего не сделали, чтобы эти убийства остановить.

Есть у этой темы и еще один очень непростой моральный аспект. Почти все исследования о Праведниках мира написаны евреями. Христианские историки, социологи, богословы, как правило, предпочитают подобных вопросов не затрагивать. Ибо любая история о спасении еврея христианином ставит ряд болезненных проблем.

Большинство преступников Холокоста были крещеными христианами, которые венчались и крестили своих детей в христианской церкви. Бывшие узники Освенцима и Дахау вспоминают, как трепетно охранники отмечали Рождество и Пасху. Многие нацисты принадлежали к той или иной христианской общине, были весьма набожны и благочестивы, встречались среди них и священники. Не подлежит сомнению, что идеология нацистов по своей сути является и антихристианской, и антииудейской. Холокост принципиально отличается от средневековых погромов и крестовых походов. Но современные христиане начинают признавать то, что давно говорилось в еврейской среде: во время Второй мировой войны евреев убивали люди христианской веры и происходило все это в сердце христианской Европы. Холокост был не только еврейской Катастрофой. Он ознаменовал собой и самый серьезный кризис христианства за всю его двухтысячелетнюю историю (см., например, [4–6]).

Исследователи выделяют три большие группы населения в годы Второй мировой войны: преступников, жертв и зрителей [7]. Если каждую из этих групп по численности сравнить с Праведниками

мира, то эти последние составят лишь незначительное меньшинство. Но без них описание «ландшафта Холокоста» было бы явно неполным. Знать историю спасения евреев в годы Второй мировой войны так же важно, как знать историю их уничтожения. Праведники мира дают возможность всем людям на земле сохранить Веру и Надежду.

Мартин Гильберт [8] рассказал интересную и поучительную историю. Некий польский крестьянин в годы войны прятал у себя Дану Шапиро с матерью. Женщины жили в крошечной темной каморке в коровнике. Однажды в дом крестьянина постучал человек с сыном-подростком на руках. Это был еврей, скрывавшийся в соседнем лесу. Он сказал, что у мальчика гангрена, и просил позвать врача. Но крестьянин пошел в гестапо и сообщил о пришедших. Дана вспоминает, что за донос ему было выдано два килограмма сахара. А еврея с больным ребенком забрали фашисты и расстреляли.

Как можно двух человек спасти и двух же предать верной смерти? Что двигало поступками этого крестьянина? Он знал, что помочь больному ребенку все равно не удастся, и не хотел рисковать из-за умирающего? Или он посчитал, что четыре человека для его маленького убежища слишком много и они все могут погибнуть? Или боялся, что немцы либо соседи обнаружат прячущихся в коровнике евреев, и посчитал за лучшее отвести от себя подозрения? Или считал возможным для себя заботиться о еврейских женщинах, но не хотел помогать мужчинам? Почему в сферу его моральной ответственности попали два посторонних человека, но не нашлось места для четырех?

Праведники мира — это в полном смысле слова «солнечное сплетение» проблем Холокоста. И необходимо разобраться во всем их комплексе, чтобы понять, что означала «моральная ответственность» человека тогда и как ее следует оценивать сегодня.

Факторы военного времени

Отношение к евреям в годы Второй мировой войны определялось множеством обстоятельств, без учета которых трудно понять и правильно оценить поведение людей в экстремальных условиях. В этих заметках мы не можем много места уделить истории европейского антисемитизма, в немалой степени поддерживаемого теорией и практикой христианского богослужения (см., например, [9–11]). Отметим только, что нацизм активно использовал антисемитизм как «наиболее ценную часть своего пропагандистского арсенала» [12]. Антисемитизмом, подогретым нацистской пропагандой, можно во многом объяснить равнодушие и даже злорадство, с которым порой наблюдали страдания евреев их соседи и знакомые. Но были и другие обстоятельства, влиявшие на поведение людей в годы войны и осложнявшие и без того непростое отношение к евреям.

Памятная доска в честь Оскара Шиндлера
на Аллее Праведников

Прежде всего следует вспомнить о том, какие разрушения и страдания принесла Вторая мировая война. Многим европейцам довелось пережить и горести предыдущей мировой войны, и разруху Великой экономической депрессии конца двадцатых годов. Но в большинстве воспоминаний эти бедствия кажутся незначительными по сравнению с

теми, которые принесла новая война: бомбежки, разрушенные дома и церкви, вражеские солдаты, марширующие по улицам, унижительные поражения и порабощение целых народов. Миллионы европейцев лишились своих близких, потеряли привычную безопасность и стабильность, свободу и независимость, т.е. весьма существенную часть того мира, который они знали и считали своим. Многие города оказались в развалинах. Сотни тысяч людей покинули свои дома, беженцы стали обычным явлением. Война разрушила экономику европейских стран, люди голодали, продукты нужно было доставать на черном рынке, не хватало электричества, топлива, одежды, лекарств. Жестокость немецкой оккупации ощутили на себе не только евреи, но и другие народы, в первую очередь славяне Восточной Европы — поляки, русские, украинцы, белорусы. В этих условиях главной задачей стало спасти себя и свою семью. Зона моральной ответственности отдельного человека сузилась до предела; люди просто старались не вмешиваться, видя, как нацисты преследуют евреев (см., например, [13]).

Фашисты очень умело использовали этнические противоречия и конфликты, издавна существовавшие в различных странах Восточной, Центральной и Южной Европы. Во многих регионах эти конфликты тлеют и сейчас. Политика Гитлера «разделяй и властвуй» наглядно проявилась, например, в Польше, где национальные меньшинства — украинцы и так называемые «фольксдойче» — (немцы, проживающие вне Рейха) — получили немалые преимущества перед поляками и стали активными помощниками оккупантов. Эту возможность представители бывших угнетенных меньшинств употребили на то, чтобы отомстить своим обидчикам полякам, а заодно наказать и

их пособников, каковыми считались евреи. Нацистская пропаганда разжигала взаимную ненависть разных национальных групп. Эта тактика ослабляла оппозицию по отношению к фашизму и давала гитлеровцам многочисленных добровольных помощников и соучастников преступлений.

Чтобы вызвать в людях антисемитские чувства, всегда присутствовавшие в различных социальных группах, использовались все источники: религиозные, политические, экономические, культурные. Охота на евреев становилась легальной, против них разрешалось применять любые действия, даже те, которые в нормальном обществе считаются преступными. Не только помогать евреям, но даже просто выказывать им симпатию и сочувствие было смертельно опасно. В Варшаве 15 октября 1941 года вышел приказ о смертной казни любого, кто поможет еврею. И это были не пустые угрозы. Очень скоро люди поняли, что такая помощь означает риск не только для собственной жизни, но и для жизни близких. Нередко за подобные поступки уничтожались целые деревни [8].

Следует отметить и довольно сильные экономические мотивы. Нацисты официально заявили, что все имущество евреев принадлежит Третьему Рейху. Неврейское население Германии и оккупированных стран получало в свое распоряжение дома и собственность евреев, занимало их рабочие места. За каждого пойманного или убитого еврея платили деньгами или весьма дефицитными в военное время продуктами. Участвовавшим в этой охоте местным милиционерам и полицейским, а также членам их семей полагались продовольственные пайки и денежное довольствие. В условиях экономической разрухи военного времени очень многие не могли устоять перед таким соблазном [14].

Не последнюю роль здесь играли также и политические противоречия, сильно обострившиеся в годы войны. В 1940-м советские войска оккупировали Литву, Латвию и Эстонию. Бывшие почти двадцать лет независимыми, эти страны стали республиками СССР. Прибалтийские евреи, которых насчитывалось около 250 тысяч, с радостью встретили приход новой власти, казавшейся им меньшим злом по сравнению с немецкой оккупацией. Неврейское же население этих стран считало советский захват страшной национальной

Памятная доска в честь Рауля Валленберга на Аллее Праведников

Памятник жертвам Холокоста в Яд-Вашеме

катастрофой. Конфликт интересов усугублялся еще и тем, что многие евреи коммунисты родом из Прибалтики заняли в новых республиках руководящие посты, из-за чего коренные жители считали их предателями и пособниками советских захватчиков. Когда в 1941 году советские войска были вынуждены уйти из Прибалтики, местные националисты еще до прихода немцев организовали кровавые еврейские погромы. Немецким айнзац-группам, занятым систематическим уничтожением евреев в Прибалтике, оказывалась всяческая поддержка и помощь [15]. Нечто похожее происходило и на Украине, где катастрофу коллективизации и голода тридцатых годов пытались объяснить происками «жидовского большевизма».

Казалось бы, вывод из всего сказанного может быть только один: реально помочь евреям в оккупированной немцами Европе было невозможно. Однако жизнь и дела Праведников мира это утверждение

решительно опровергают. Нельзя было спасти всех, но можно было спасти многих. Это действительно было дьявольски трудно и требовало огромного риска. Но находилось немало людей, для которых верность своим моральным принципам оказалась важнее, чем даже собственная жизнь.

Систематизировать и описать все способы помощи и спасения не легко — они очень разнообразны и зависят от обстоятельств. Охота на евреев шла практически по всей Европе — от Арктики до Средиземного моря, от Атлантического океана до Черноморского побережья. Это пространство включает в себя почти две дюжины стран. В рассматриваемой нами теме важно все — и географическое положение страны, и ее история, и политическая структура, традиции и обычаи. Близость моря или нейтральных государств часто имела решающее значение для спасения людей.

Чтобы объективно оценить роль Праведников мира в истории Холокоста, нельзя забывать, что некоторые евреи и сами смогли защитить себя и своих близких [16]. Разные виды еврейского движения и многочисленные партии (сионистские, социалистические и др.), еврейские группы Сопротивления, подпольные организации, партизанские отряды, а также специально созданные комитеты и объединения (например, итальянский *Delasem* — *Delegazione Assistenza Emigranti*) занимались спасением евреев по всей Европе. Многие для помощи своим европейским братьям и сестрам делали еврейские общины в Палестине и США. Часто спасение было результатом деятельности не отдельного человека, а целых «сетей», включающих родственников, друзей, коллег по работе, соседей, знакомых, а порой и совсем посторонних людей, которые считали себя обязанными помочь в беде. Участники Сопротивления — французского, голландского, бельгийского, норвежского, датского — рассматривали спасение еврейских сограждан как составную часть своей деятельности. Для помощи беженцам были созданы специальные международные комитеты и союзы.

Формы этого движения невозможно рассматривать в отрыве от времени, ведь сама политика нацистов по отношению к евреям существенно менялась с годами — от ущемления гражданских и человеческих прав до тотального уничтожения.

Вопреки социальной изоляции

До 1938 года нацисты своими действиями еще не угрожали жизни немецких евреев. Но они методично и целенаправленно превращали их в нежелательных чужаков в глазах основного населения, все больше усиливая пресс законов и инструкций. Евреи лишались основных атрибутов нормальной и достойной жизни: равенства перед

гражданским законом, права на профессиональный труд, участия в культурной жизни общества, чувства защищенности и безопасности. С началом мировой войны подобная политика распространилась на все страны, оказавшиеся под фашистской оккупацией.

На этой стадии помощь евреям состояла в том, чтобы не вычеркнуть их из своей жизни, сохранить дружеские, товарищеские или соседские отношения, не поддаваться на призывы нацистской пропаганды, направленные на их социальную изоляцию. Доброта, верность, совет и утешение были тогда особенно в цене. И в то непростое время оставались еще надежные друзья и просто порядочные люди. Большинство жен-несверсек не поддались требованиям нацистов развестись со своими еврейскими мужьями и, как оказалось, спасли им жизнь [17–19].

Бельгийская еврейка Таия Липски вспоминает, что когда она носила обязательную для всех евреев в Бельгии желтую звезду, многие мужчины на улице снимали перед ней шляпу, а в трамвае с подчеркнутой галантностью уступали ей место [20].

Дело доходило даже до акций протеста, например, в Голландии и других странах люди в знак солидарности надевали повязки с желтыми звездами, против преследования евреев устраивались забастовки, произносились проповеди в церквях [21]. Эти выступления жестоко подавлялись нацистами, и тем не менее подобные знаки симпатии и поддержки помогали сохранить веру в то, что не весь мир сошел

с ума, погрязнув в грехе антисемитизма.

В книге воспоминаний Тивадара Сороса [22] рассказывается, как в 1944 году в нацистском Будапеште несколько молодых боксеров не еврейской национальности пришили желтые звезды себе на рубашки, и если при них кто-нибудь оскорблял евреев, они здорово этого человека избивали. В это же время в Будапеште появились желтые звезды на изображениях Христа.

Владелец продовольственного магазина в Берлине немец Роберт Йернайциг, презрев запреты нацистов, помогал еврейской чете Хелле и Курту

«Еврейская звезда» — отличительный знак еврея

Риде. Он сам приносил продукты к ним домой, не беря никакой платы. В 1943 году, когда супругам Риде стала угрожать депортация, Йернайтциг помог им спрятаться в надежном месте [23].

Начиная с 1938 года нацистские власти опубликовали целый ряд распоряжений, вынуждавших евреев-предпринимателей продавать свои предприятия арийцам. Но среди немцев находилось немало порядочных людей, которые, оформив предприятие на свое имя, прибыль продолжали передавать законным владельцам [13]. Немецкие знакомые помогали евреям сохранить ценные вещи, в то время как власти требовали, чтобы практически все имущество еврейских семей было сдано государству [18].

После «Хрустальной ночи» арийские соседи спасали евреев от заключения в лагерь, а если ареста избежать не удавалось, пытались освободить их. С помощью взяток это иногда получалось. Известна история одного шведского пастора в Берлине, который регулярно «покупал» евреев и политзаключенных у высоких чинов СС [21].

Эмиграция—это жизнь

С приходом Гитлера к власти многие евреи поняли, что их жизнь в нацистском государстве становится невозможной. Еврейская эмиграция из Германии началась в 1933 году и продолжалась вплоть до ее официального запрета в 1941-м. Из полумиллионного еврейского населения страну покинула почти половина. Этим людям в большинстве своем удалось спастись. Последние иллюзии относительно жизни евреев в гитлеровской Германии рассеялись только после «Хрустальной ночи», произошедшей в 1938 году. Сами нацисты в период с ноября 1938-го до начала Второй мировой войны 1 сентября 1939-го всячески поощряли отъезд евреев из Германии. Однако проблема состояла в том, что в мире почти не осталось безопасных мест, куда им было бы разрешено въехать. Многие тогда помогали евреям легально или нелегально уезжать из Германии, а позже и из других оккупированных немцами стран. Надо сказать, что эта помощь оказалась самой эффективной: именно эмиграция спасла десятки, если не сотни тысяч еврейских жизней.

Голландка Гертруда Вийсмюллер-Майер участвовала в спасении еврейских детей — на ее счету их несколько тысяч. В 1938 году появилась возможность перевезти детей в Англию, но на это требовалось согласие немецких властей. Гертруда поехала в Вену, говорила с самим Адольфом Эйхманом и получила коллективную выездную визу на 600 человек. В августе 1939-го, всего за пару недель до немецкого вторжения в Польшу, она поехала в Данциг, где организовала пятьдесят кораблей для перевозки детей в Голландию и Бельгию. И в

последующие военные годы госпожа Вийсмюллер-Майер помогала детям евреев, находила для них укрытия, снабжала питанием, обеспечивала фальшивыми документами [24].

Шведскому пастору Гоуту Хеденквисту в 1938 году удалось вызволить из Австрии три тысячи евреев [23]). Капитан Фрэнк Фоули, офицер британской миссии в Берлине, руководил выдачей виз в Палестину, находившуюся тогда под английским управлением. Отлично понимая, что положение евреев в Германии становится критическим, он выдавал дополнительные визы несмотря на то, что Англия официально ограничивала въезд евреев в Палестину. Чем трагичней становилось положение евреев в Европе, тем сложнее было получить визу. По словам берлинского еврея Бена Коэпа, «...Фоули предпринимал все, что было в его силах, чтобы отправить в безопасное место как можно больше людей. Он вырвал из лап смерти тысячи евреев» [8].

Подобно Фоули еще несколько дипломатов пытались спасти евреев, выдавая им въездные визы в спокойные страны. Нейтральные государства и участники антигитлеровской коалиции, прежде всего США, отказывались принимать к себе евреев из Европы [25]. И все же для нескольких чиновников спасение человеческих жизней оказалось важнее политики своих правительств. Начальник полиции швейцарского пограничного городка Сент-Галлен Пауль Грюнингер в первые военные месяцы предоставил убежище в Швейцарии сотням евреев, за что был уволен со службы и лишен пенсии [26]. Португальский консул в Бордо Аристедес де Суса Мендес выдал въездные визы в свою страну десяти с лишним тысячам евреев, что противоречило прямым приказам его руководства. Немало евреев нашло спасение в его доме в Бордо. Даже в тот день, когда консула под конвоем отправляли назад в Португалию, он еще выписывал последние визы беженцам. В наказание за свои действия де Суса Мендес потерял работу и был оштрафован. Семья с тринадцатью детьми оказалась в нищете. Звание Праведника мира ему было присвоено уже посмертно в 1966 году.

Неожиданным местом спасения оказался Шанхай, бывший тогда под японским контролем. Город согласился принять семнадцать тысяч немецких евреев. Кроме того, двум тысячам евреев из Польши удалось в 1940 и 1941 годах через Сибирь добраться до Японии. Тысяча из них тоже была направлена в Шанхай. Всего восемнадцать тысяч евреев смогли переждать там ужасы Холокоста [27].

Траектории спасения

После нападения Германии на Польшу возможности легальной эмиграции евреев стали заметно сокращаться. Показательно исследование Генри Хутенбаха, который задокументировал предпринятые в

1938–1941 годах безуспешные попытки евреев города Вормса уехать из Германии. Из 191 еврейской семьи, еще оставшихся в Вормсе в 1941 году, только пять не хотели покинуть страну. Остальным просто не удалось эмигрировать [28].

В 1939-м немцы вошли в Польшу, в 1940-м – в Норвегию, Данию, Бельгию, Люксембург, Францию... Жестокости нацистов были известны – и миллионы людей, как евреев, так и не евреев, оставили свои дома, и по дорогам потянулись пескончаемые потоки беженцев. Особенно тяжелым положение евреев стало после 1940 года, когда немцы начали внедрять практику гетто и насильственных депортаций, а с Востока поползли слухи о массовых убийствах. Евреи были вынуждены находиться в постоянном движении в поисках безопасных мест. Самым лучшим было бы вообще уехать из Европы. Можно попытаться попасть и в какую-нибудь из нейтральных европейских стран, которые по степени безопасности располагались следующим образом: Испания, Португалия, Швеция, Швейцария. Но особенно евреи стремились в Турцию: тоже нейтральная, эта страна граничит с восточной и юго-восточной частями Европы, и те, кто попадал туда, двигались дальше, чтобы нелегально перебраться в соседнюю Палестину. Известен случай, когда греческие партизаны провели через Турцию в Палестину около трех тысяч евреев [29]. Наконец, определенные возможности для спасения представляли страны, хотя и связанные с нацистской Германией, но к евреям сохранившие традиционно невраждебное отношение. К таким «островкам безопасности» до 1943 года относились

В гетто

фашистская Италия и контролируемые ею территории в Югославии, Греции и Франции [30] и до 1944-го — Венгрия.

Во Франции десятки тысяч евреев стремились перейти из оккупированной фашистами зоны в неоккупированную, южную со столицей в городе Виши. Переход через демаркационную линию между двумя зонами для евреев был запрещен, поэтому приходилось обращаться к специальным проводникам, которые снабжали беженцев фальшивыми документами, продуктами и другими необходимыми вещами и проводили их через границу. Такая услуга стоила больших денег, причем нередко были случаи, когда проводники просто грабили незащищенных людей и отдавали их в руки нацистов. Но известны и другие примеры, показывающие человеческое бескорыстие и порядочность. Рауль Лапортье, ныне признанный Праведником мира, владел небольшим магазином вблизи демаркационной линии. Он сам изготавливал фальшивые документы и обеспечивал ими беженцев, часто лично сопровождал их при переходе через границу. Лапортье скрывал людей у себя дома и в домах своих друзей, передавал почту из одной зоны в другую, что также было строгойше запрещено. Ценные вещи беженцев он сначала прятал, а потом, уже на другой стороне, отдавал владельцам. А контакты с французскими полицейскими он использовал, чтобы предупреждать евреев о готовящихся облавах и депортациях. Денег за эту работу Рауль Лапортье не брал, им руководили совсем иные мотивы. К концу войны он оказался почти нищим [20].

Легендарной фигурой стал пастор Мари-Бенуа, организовавший в марсельском монастыре капуцинов настоящее предприятие по спасению евреев. Вместе с группами французского Сопротивления и официальной организацией UGIF (Union Generale des Israelites en France), представлявшей французских евреев, это предприятие обеспечило тысячи беженцев фальшивыми паспортами и другими «арийскими» документами, чтобы люди могли бежать на юго-запад в Испанию или на северо-восток в Швейцарию. Когда в ноябре 1942 года фашисты окончательно оккупировали Францию и эти пути спасения были закрыты, Мари-Бенуа удалось убедить итальянские власти, чтобы те несмотря на отчаянные протесты министра иностранных дел Германии разрешили евреям остаться в итальянской зоне оккупации. В результате тысячи евреев нашли там свое спасение [30]. После того как сорвался грандиозный проект отправки пятидесяти тысяч французских евреев на кораблях в Северную Африку, Мари-Бенуа был вынужден бежать в Рим. Но свою миссию он не оставил и там: когда осенью 1943 года пал режим Муссолини, а немцы заняли Италию и

приступили к депортации евреев на Восток, он под именем отца Бенедетти сыграл ключевую роль в их спасении [31].

Одной из самых знаменитых спасательных операций в годы войны стала эвакуация тысяч датских евреев осенью 1943-го. Морской атташе немецкой дипломатической миссии в Копенгагене Георг Дуквиц предупредил датские власти о готовящейся депортации, и почти восемь тысяч человек с 29 сентября по 1 октября были переправлены на кораблях и лодках в Швецию, чье правительство согласилось принять беженцев [26]). В этой операции принимали участие сотни простых датчан. Анна Христенсен в течение нескольких месяцев прятала сорок еврейских детей-беженцев, связанных с сионистской группой «Юная Алия», заботилась о них, занималась с ними и в назначенный день привела на побережье, откуда их перевезли в Швецию [32]. В своей знаменитой книге «Эйхман в Иерусалиме» Ханна Арендт назвала эти события «результатом привитого понимания тех предпосылок и обязанностей, которые гарантируют гражданство и независимость» [33].

Поль Борхзениус был одним из тех, кто спасал датских евреев в 1943 году. В своих воспоминаниях он написал: «Поступок датчан был спонтанным, единодушным и пользовался поддержкой всего народа. Мы видели, что среди нас образовалось беззащитное и объявленное вне закона меньшинство, которому суждено было погибнуть, но мы могли его спасти. И разумеется, мы помогли им. Если горит дом соседа, то каждый должен помочь ему побороть пламя. Неспособность нацистов понять, что совершенно нормальные датчане готовы ради евреев рисковать своими жизнями, показывает ту пропасть, которая существует между свободными людьми и узколобыми рабами тоталитарных режимов» [32]. «Банальность добра», продемонстрированная датчанами и итальянцами [30], дает резкий контраст с нацистской «банальностью зла», как назвала это явление Ханна Арендт [33].

К сожалению, даже пламя Освенцима не вызвало в душах большинства европейцев желания помочь соседям. Почему? Одни не считали евреев своими соседями. Другие не хотели верить, что пожар действительно полыхает. Третьи видели пожар, но боялись сгореть сами. А были и такие, кто радовался, глядя на горящие дома и гибнущих в них людей. И только очень немногие рисковали жизнью, чтобы помочь соседям справиться с огнем. Они не могли исключить евреев из зоны своей моральной ответственности. Эти немногие заслужили звания Праведников мира, хотя сами себя они таковыми не считали.

Стать «неевреем»

Перебраться в безопасное место удалось сравнительно небольшому числу европейских евреев. Подавляющее большинство оказалось на территориях, контролируемых нацистами. С 1942 года на полную мощность заработали фабрики смерти — организованные по последнему слову техники лагеря уничтожения в Хелмно, Освенциме, Трешлинке и других местах Восточной Европы. Со всего континента потянулись туда эшелоны с людьми — все пути стали для них дорогами смерти. Оставались только две возможности для спасения — скрыть для окружающих, что ты еврей, или надежно спрятаться. Оба этих способа требовали помощи со стороны.

Чтобы окружающие не признали в человеке еврея, нужно было иметь соответствующие документы. «Новый порядок» в нацистской Европе был предельно бюрократическим. Каждый теперь должен был иметь при себе кучу бумаг и прежде всего удостоверение личности, в котором указывался религиозный и расовый статус владельца. Кроме этого были необходимы разрешение на работу, вид на жительство, продовольственные карточки, различные документы для дальних поездок, личная карточка для почты и т. д., вплоть до медицинской женской карты о протекании беременности [23]. Очень важны были церковные свидетельства о крещении и венчании, без чего никто не мог бы получить «арийское» удостоверение личности. В выдаче фальшивых церковных документов состояла главная помощь христианских священников и церковных чиновников. Таких примеров в разных европейских странах было множество. Однако известны и противоположные случаи, когда служители церкви сотрудничали с нацистами и помогали разоблачать евреев, пытавшихся выдать себя за христиан.

Евреи, пользовавшиеся своими настоящими удостоверениями, в которых с определенного времени обязательно должны были быть вписаны дополнительные имена Израиль для мужчин и Сарра для женщин, быстро убеждались, что их честность неминуемо ведет к гибели. В Европе всюду расцвел рынок фальшивых документов. Производство этих бумаг стало одним из основных видов деятельности организованных групп спасения [23]. Особенно эффективной была помощь официальных чиновников, например, бельгийских государственных служащих [20]. Тысячи евреев обязаны этим людям своими жизнями.

Когда в Будапеште в 1944 году начались депортации евреев в лагерь смерти, Тивадар Сорос нашел людей, производивших фальшивые документы, и довольно быстро превратил своих родных в

«добропорядочных венгерских католиков». Он сообразил, что в этой ситуации семье никак нельзя оставаться вместе. Несмотря на свою горячую привязанность к родным, он убедил их, что гораздо безопаснее жить и скрываться по отдельности. Это решение спасло семью Сороса, сумевшего приспособиться к новым условиям и радикально поменять весь свой уклад. Многие евреи пытались жить так, будто ничего вокруг не изменилось, и это стоило им жизни. Немецкий психоаналитик Бруно Беттльхайм, сам переживший Дахау, писал в статье «Неизвестный урок Анны Франк», что при всей привлекательности личности Анны судьба ее семьи являет собой отрицательный пример поведения в экстремальной ситуации. Главным стремлением этой женщины было сохранить прежние семейные отношения, не случайно ее дневник полон описаний обыденных забот. Между тем, по мнению автора статьи, в условиях, созданных нацистами, невозможно было жить, как раньше, обстоятельства требовали в корне изменить весь жизненный стиль. Беттльхайм пишет, что Отто Франку стоило бы позаботиться о втором выходе из укрытия, нежели об образовании дочерей.

Тивадар Сорос не ограничился спасением жены и сыновей. Он буквально поставил добычу документов на поток, снабдил ими тещу, подругу сына, своих друзей, дальних родственников, знакомых, а потом и просто тех, кто в этом нуждался. При этом он установил для себя твердые правила: богатым людям, независимо от своих отношений с ними, доставать документы «по рыночной цене», с тех, кто победнее, брать только ту сумму, которую надо заплатить изготовителям фальшивок, а очень близким, а также людям, которые находились в отчаянном положении, отдавать спасительные бумаги бесплатно. В поисках нужных ходов Тивадар обращался за помощью ко всем своим знакомым, а иногда и к незнакомым. «Жить значит рисковать», — частенько повторял он. Удивительно, что хотя некоторые отказывали Соросу в помощи, никто не донес на него в полицию. Умение разбираться в людях и доверять им — удивительная черта, перешедшая по наследству к младшему сыну Тивадара, известному финансисту и филантропу Джорджу Соросу.

Тивадар Сорос сохранял сам и помогал своим близким сохранить человеческое достоинство в нечеловеческих обстоятельствах. Он снимал под чужим именем комнату у ненавидевшей евреев хозяйки, каждый день ходил в кафе, плавал с сыновьями в бассейне, а осенью 1944 года, когда начался театральный сезон, купил четыре абонементы в Национальный театр и в Оперу. Эти абонементы он давал юношам, сбежавшим из лагеря, и требовал, чтобы в антракте они угощались пирожными в буфете. Деньгами и документами их обеспечивал,

естественно, тоже он. В предисловии к книге своего отца [22] Джордж Сорос написал: «...искусству выживания я научился у чело­в­ска, владевшего этим искусством безупречно».

Фальшивые документы были необходимым, но никак не доста­точным условием для того, чтобы еврей мог пережить Холокост. Что­бы достоверно выглядеть «неевреем», требовались определенные ак­терские способности. Кроме того, было важно, насколько в каждом конкретном месте сильны культурные, языковые и внешние отличия евреев от людей иных национальностей. На Западе эти отличия были не так заметны, как на Востоке. Поэтому и шансы выдать себя за не еврея во Франции, Голландии или Германии были выше, чем на Украине или в Польше. Хотя и там известны поразительные случаи спасения: еврей Вильгельм Бахпер не только выжил, выдавая себя за поляка, но и спас более 50 евреев, наняв их под видом поляков и украинцев в немецкое военное строительное предприятие, управляю­щим которого он работал [16].

Добровольные помощники нацистов, так называемые «информа­торы», внимательно присматривались ко всем подозрительным лю­дям. Найти скрытого еврея было заветным желанием таких информа­торов: помимо благодарности они получали от немцев и солидную ма­териальную премию. Обмануть их было очень сложно: еврейский ак­цент, ошибки при молитве, неправильное поведение в церкви — все это выдавало чужака и замаскированного еврея. Некоторые пыта­лись помочь евреям избавиться от акцента, научить их правилам по­ведения христиан, иногда даже врачи пытались исправить характер­ные еврейские носы и скрыть обрезание [34]. Однако все эти усилия давали положительный результат только тогда, когда еврей еще за­долго до начала войны был близко знаком с христианской культурой.

Лучше всего выдавать себя за несвреев удавалось тем, кто сам ве­рил, что он не еврей. Это прежде всего относится к малолетним ев­рейским детям, оказавшимся в христианских семьях. То ли их роди­тели, чтобы спасти от верной смерти, передали их знакомым, то ли просто подбросили, надеясь, что подобранный ребенок не даст ему погибнуть. Полячка Леокадия Яромирска нашла еврейскую девочку вблизи своей деревни. Родители оставили ребенка, когда бежали при ликвидации еврейского гетто в Легионове. Леокадия взяла девочку к себе, крестила, сообщив соседям, что это ее дочка. Она рисковала жизнью, так как соседи с трудом верили в эту легенду. Ценой нема­лых жертв ей удалось вырастить девочку, и обе они дождались окон­чания войны. Счастливый конец этой истории омрачает, к сожа­лению, типичный конфликт родительских чувств: также переживший войну отец разыскал свою дочь и увез с собой в Палестину [20].

Многие еврейские дети нашли спасение в католических и православных монастырях. Одна из самых известных и поучительных историй связана с деятельностью матери Марии (Елизаветы Скобцовой). Мать Мария приехала из России и стала монахиней небольшого монастыря в Париже. Она прятала там евреев, пока не находила для них более надежного укрытия. Это было лишь малой частью многогранной деятельности монахини по спасению людей. Она собирала продукты и одежду для евреев, заключенных в лагере Дранси под Парижем. Под ее руководством изготавливали фальшивые документы, она установила тесные контакты с другими группами спасения и Сопротивления [35]. О матери Марии мы еще скажем несколько слов. Она жила и умерла как истинная праведница.

Еврей, выдающий себя за не еврея, должен был где-то жить. Проще всего было бы устроиться в большом городе, где меньше вероятность попасться на глаза информатору или встретить знакомого. Но снять квартиру тоже не просто. Хозяева боялись подозрительных жильцов — окажись они скрывающимися евреями, не избежать жестокого наказания и им самим. Люди, желавшие помочь, снимали квартиры как бы для себя и отдавали их евреям. Голландцы Йооп и Вильгельмина Вестервел сняли таким образом три квартиры [36]. Другие принимали евреев к себе, придумывая для соседей правдоподобные истории, объясняющие появление новых жильцов. Уже упомянутые выше берлинцы Курт и Хелла Риде были приняты в семью немцев Йозефа и Кади Виркусов, которые рассказывали всем, что это их брат и сестра [23]. Это была, без сомнения, рискованная игра, так как информаторы особенно внимательно присматривались к неожиданно возникшим родственникам и новым жильцам.

Не многие евреи, скрывавшие свое еврейство, пережили Катастрофу. И почти все они обязаны этим самоотверженной помощи других людей.

«Лечь бы на дно как подводная лодка»

Для тех несчастных людей, кто не смог бежать с оккупированной нацистами территории и не имел необходимых документов для того, чтобы скрыть свое еврейство, оставалась последняя возможность спасения — спрятаться. Один из самых известных примеров подобного рода — история Анны Франк и ее семьи, скрывавшихся в перестроенном бюро в Амстердаме [37]. Тысячи евреев со всех уголков Европы спаслись благодаря тому, что их прятали смелые и благородные люди. Найти укрытие для еврея было нелегко. Немцы без промедления приводили в исполнение смертные приговоры всем, кто осмелился на это. Очень трудно было избежать внимательных глаз

добровольных помощников гестапо — информаторов, выискивавших любую возможность выдать немцам подозрительную личность.

Когда же все-таки удавалось найти хозяина, готового рискнуть и предоставить свой дом для укрытия, вставала задача оборудования убежища. Если отыскивался надежный строитель или архитектор, то в доме устанавливались фальшивые стены, бункеры или другие скрытые помещения, где можно было бы незаметно пересидеть облаву или неожиданный визит непрошенных гостей. Корри тен Бум в годы войны спасала у себя несколько евреев. Она рассказала о талантливом архитекторе, члене подпольной организации спасения, который с бригадой штукатуров и столяров устроил в ее доме убежище, ставшее потом знаменитым [38]. Большинство же спасителей давали беженцам приют просто в квартире, в доме или во дворе, оборудуя для этого место за шкафом, за печкой, в подвале, под лестницей, на чердаке, в курятнике, в хлеву, в сарае, в стогу, в землянке, иногда даже в ящике, который годился для маленького ребенка. Жаклин Вольф и ее четырехлетняя сестра Жозетта скрывались от облав гестапо в яме, специально вырытой под навозной кучей [39]. Польский еврей Феликс Цанман и еще четыре человека почти пятьсот(!) дней прятались в яме площадью в полтора квадратных метра и глубиной в метр двадцать. Известно множество еще более поразительных фактов.

Жизнь в укрытии была нелегким испытанием не только для скрывавшихся евреев, но и для тех, кто помогал им выжить. Нужно было постоянно быть начеку, чтобы не только немцы, но и соседи ничего не заподозрили. Счастливым исключением становились поселения, в которых в спасении евреев участвовали все жители. Так было, например, во французской деревне Ле-Шамбон, где нашли укрытие несколько тысяч человек. В другой деревне, Хот-Биоль, все поселяне знали, что семья Аргу прячет двух еврейских юношей. Немцы много раз прочесывали деревню в поисках евреев, но никого не нашли — среди ее жителей не оказалось предателей. В голландском селе Нивланде не было формальной организации спасения, каждая семья там укрывала по крайней мере одного еврея [26].

Часто прячущиеся евреи должны были скрываться не только от облав гестаповцев, но и от соседей и даже от маленьких детей своих спасителей, чтобы те ненароком их не выдали. Поэтому большую часть суток приходилось проводить в темноте, в неподвижности, в молчании. В результате многие получали серьезные заболевания. Найти врача для больного еврея было практически невозможно. Некоторые подпольные организации, помогавшие беженцам, например польская «Зегота», создавали у себя специальные группы надежных врачей и медсестер [39]. Но это было скорее исключением. Как

правило, человеку, прятавшему заболевшего еврея, приходилось самому заботиться о его лечении и лекарствах, а в случае смерти он должен был еще и тайно похоронить его, что тоже представляло собой немалую проблему.

Еда и лекарства требовали денег. Известны случаи, когда люди, даже находясь в укрытии, могли работать. Прятавшийся от нацистов бельгийский еврей Абрам Липски был уволен с резиновой фабрики, на которой до войны служил в должности инженера. Бывший его начальник позволил ему нелегально работать и получать жалованье за свой труд [40]. Поразительно, что в Бельгии банки, церкви, больницы, школы часто давали деньги и предоставляли другую помощь находившимся в укрытии евреям. Многие предприятия по-прежнему платили зарплату своим бывшим сотрудникам, хотя те не имели возможности появляться на рабочем месте. Все это помогло более чем двадцати пяти тысячам бельгийских евреев пережить войну [41].

Иногда удавалось прямо в укрытии производить какие-то товары, которые можно было продать на черном рынке или обменять на продукты. Но чаще денег на поддержку прячущихся от гестапо евреев катастрофически не хватало. В конце войны подпольные организации спасения стали получать финансовую помощь от США и других стран [18]. И все же большинство людей, принимавших на себя эту тяжелую долю, вынуждены были сами справляться с острой нуждой. Даже когда кто-то из знакомых из сострадания давал дополнительные продовольственные карточки, реализовать их надо было очень осторожно, чтобы ни соседи, ни продавцы не отметили, что в семье из трех, например, человек еда покупается на пятерых.

Часто хозяева предоставляли беженцам свой кров лишь на небольшое время — слишком велико было напряжение и опасность. Найти постоянное надежное укрытие было, как правило, несбыточной мечтой каждого еврея. В реальной жизни большинство были вынуждены каждый раз искать новое убежище, редко кому удавалось несколько ночей провести в одном месте.

Две тактики — спрятаться и стать «несвреем» — не исключали одна другую. Нередко приходилось чередовать их. Менялись обстоятельства, соответственно менялась и тактика. Польская супружеская пара Каролина и Миколай Кмиты помогали молоденькой еврейке Зосе, выдавая ее за свою родственницу. Однако после серии жестоких расправ немцев с евреями и их польскими помощниками в соседних городах и селах Кмиты решили, что риск оставаться полькой для Зоси слишком велик. Миколай построил ей укрытие в ближнем лесу, а Каролина каждую ночь приносила туда еду, чистую одежду, иногда водку и лекарства. Зося пережила в этом укрытии всю войну [36].

Двенадцатилетний Шмулек Олинер убежал из гетто, и его приютила у себя польская крестьянка по имени Бальвина. Она научила мальчика грамотно писать и говорить по-польски, объяснила, как вести себя в церкви и как правильно молиться. Когда Шмулек все это усвоил, Бальвина решила, что теперь безопаснее представить его как поляка, чем держать в укрытии. Он нашел работу в соседней деревне, и его заработок помог прокормиться им обоим. Шмулек пережил войну и стал известным историком Самуилом Олинером, автором одного из самых авторитетных исследований о Праведниках мира [13].

В гетто

Но несмотря на все усилия и уловки, о которых говорилось выше, подавляющему большинству европейских евреев не удалось избежать страшной участи - они попали в руки нацистов. План «окончательного решения еврейского вопроса» предусматривал сначала концентрацию всех евреев в гетто, в пересылочных или рабочих лагерях, а затем отправку в лагеря уничтожения. Почти все, кто оказался под фашистским контролем, погибли. Однако были и счастливые исключения: некоторые сумели пережить гетто и лагеря. Без самоотверженной помощи многих людей со стороны это было бы невозможно.

Попадая в гетто, евреи еще не знали, что они обречены на смерть. Но то, что с первого же дня им придется бороться за существование, было ясно сразу. Не хватало продуктов, лекарств, одежды. Для покупки еды на черном рынке требовались деньги. Чтобы нелегально работать, нужны были фальшивые документы. Все эти необходимые для жизни вещи передавали в гетто сочувствовавшие евреям люди. С определенного момента не евреям вход в гетто был запрещен, поэтому приходилось придумывать нестандартные решения.

Алекс Рослап, поляк из Варшавы, в 1943 году сумел проникнуть в варшавское гетто через подземный туннель, о котором фашисты не знали. Его потрясло то, что он увидел, особенно бедственное положение детей. Алексу удалось забрать с собой восьмилетнего Якова Гилата. Позднее к нему присоединились младшие братья Шалом и Давид. Яков и Давид Гилаты пережили в доме Рослапов всю войну, Шалом умер от скарлатины [42].

Иногда в гетто даже передавали оружие. Настоятельница монастыря близ Вильноса Анна Борковская с помощью нескольких монахинь собирала на полях, где проходили сражения, похищенные пистолеты, ручные гранаты и все это переправляла в вильноское гетто. Монастырь служил местом укрытия для еврейских подпольщиков и партизанских командиров Аббы Ковнера и Абрахама Зуккера. Там же спасались многие дети, бежавшие из гетто [35].

Настоящим ангелом-спасителем для заключенных стала Анна Зимайте, работница вильнюсской университетской библиотеки. Она убедила немецкие власти, что для пополнения библиотечных фондов ей необходимо собрать книги у оказавшихся в гетто еврейских студентов, и получила туда пропуск. Каждый день она приносила в гетто хлеб, мармелад, маргарин и сыр для детей из дома сирот. Она умудрялась помогать сотням человек. Например, разыскивала одежду и другие предметы домашнего обихода, которые принадлежали когда-то евреям, а теперь попали в чужие руки, и заставляла вернуть вещи законным владельцам. Этим она, кстати, нажила себе много врагов среди литовцев. Зимайте проносила фальшивые документы, оружие, была активным связным между гетто и партизанами в соседних лесах, устраивала литературные и музыкальные встречи, а из гетто тайно выносила религиозные и культурные ценности, чтобы спрятать их на воле. Она помогла десяткам детей, которым удалось выбраться из гетто, нашла для них убежища в различных домах, в том числе и в своем. Одну девочку ей пришлось буквально вырвать из рук литовских полицейских, собиравшихся расстрелять ее. Когда эта необычная деятельность стала известна немцам, Зимайте арестовали, пытали и отправили в концентрационный лагерь Дахау. Потом ее переводили в другие лагеря. Она выжила чудом. Вспоминая в 1953 году о военном времени, Анна Зимайте назвала его счастливейшими днями своей жизни [35, 36].

У последней черты

В концентрационных лагерях, созданных гитлеровцами в разных странах, миллионы европейских евреев нашли гибель. Причем не только в специальных лагерях уничтожения, как Освенцим или Трешлинка, но и в сотнях так называемых трудовых лагерей, где люди умирали от непосильной работы, недоедания и отсутствия медицинской помощи. Хотя это было очень редко, но сочувствующие люди находились и среди обслуживающего персонала. И тогда в безнадежной ситуации появлялся шанс на спасение.

Девятинадцатилетний поляк Владислав Мизюна работал на ферме по разведению кроликов вблизи города Радома. На базе этой фермы был организован рабочий лагерь для снабжения немецких солдат на Восточном фронте кроличьим мехом. Большинство заключенных состояло из еврейских женщин. Как и во всех немецких лагерях, труд был тяжелым, санитарные условия примитивными, питания, особенно для евреев, не хватало. Мизюна делал все, что было в его силах, чтобы поддержать заключенных. Вопреки приказам он передавал им часть продуктов, предназначенных на корм кроликам. В

Памятник жертвам Холокоста в Яд-Вашеме

лагере свирепствовали болезни, а лекарств для евреев не полагалось. И вот однажды Владислав заразил себя той же болезнью, которой заболела девушка-заключенная, и, получив от лагерного врача лекарство, делился им с нею. Оба они вылечились. До самого конца войны Владислав Мизюна не оставлял заключенных своей заботой. Он спас более десяти евреев [36].

Чем выше был пост, который занимал в лагерной иерархии человек, тем больше он имел возможностей для спасения заключенных. Благодаря фильму Спилберга всемирную известность получила история немца Оскара Шиндлера, спасшего на своем предприятии в Польше свыше 1200 евреев. И это не единственный пример. Австрийскому предпринимателю Юлиусу Мадричу принадлежали две

текстильные фабрики вблизи Кракова. Тайный противник нацизма, Мадрич чем мог помогал работавшим у него евреям. Когда в марте 1943 года гетто в Кракове ликвидировали и его рабочие были отправлены в страшный лагерь в Пласцове, он добился от немецких властей, чтобы заключенным было позволено ездить из лагеря работать на его фабриках. Кроме того, множество людей, которые пережили ликвидацию гетто, прятались у него на предприятии, а потом были отправлены в более безопасные места. Вскоре заключенным под страхом смерти запретили покидать лагерь, и тогда Мадрич, подкупив офицера СС, получил разрешение открыть филиал своей фабрики прямо на его территории. В августе 1944 года Пласцов был разрушен, и всех заключенных стали отправлять в другие концлагеря. Но Мадрич опять не смирился: вместе с помощниками ему удалось организовать побег большой группы евреев. В ноябре 1944-го его арестовали, но все же он пережил войну [36].

Иногда сочувствие к евреям проявляли даже официальные лица, служившие на стороне немцев или их союзников. Венгерский полковник Имре Ревецкий был комендантом рабочего лагеря, где с 1940 по 1944 год находилось в заключении несколько сотен евреев. В отличие от других лагерных комендантов он помогал евреям, как только мог: позволял женам встречаться со своими мужьями-заключенными, освобождал от работы в религиозные праздники, давал отпуска по различным обстоятельствам. Двери его дома всегда были открыты для евреев. Он всячески затягивал отправку рабочих эшелонам на Восток, небезосновательно полагая, что люди там будут убиты. Когда был дан приказ о депортации всех евреев в лагерь уничтожения, Ревецкий открыл ворота своего рабочего лагеря, чтобы заключенные могли бежать от верной смерти. В конце 1944 года Ревецкого самого арестовали [36].

За помощь евреям было казнено несколько немецких и австрийских солдат, передававших оружие для еврейского Сопротивления в Белостоке. Известны примеры такой помощи даже со стороны немецких полицейских в Берлине [23]. О благородном поведении итальянских военных и полицейских мы уже рассказывали [30].

В лагерях уничтожения возможности для спасения практически не было. И все же находились праведники, по мере своих сил облегчавшие участь обреченных. Как правило, это были политзаключенные, попавшие в лагерь в результате борьбы с нацизмом.

Анна Биндер, чешский дипломат, была арестована за то, что прятала еврейское имущество и отправляла его за границу. В марте 1942 года ее привезли в Освенцим и назначили на завидную должность — сельскохозяйственным бригадиром, это был суший рай по

сравнению с рабским трудом на других участках. Она сама отбирала заключенных в свою бригаду, и всегда это были женщины в самом тяжелом физическом состоянии, те, кому грозила верная смерть от болезней и истощения. Многих обреченных Анна поддерживала морально. Чтобы защитить еврейских заключенных, ей нередко приходилось вступать в конфликт с эсэсовцами. Из-за своей деятельности Анна Биндер лишилась лагерных привилегий и в начале 1944 года была отправлена на самую тяжелую работу — в грязь и снег, мостить улицы в Биркенау. Она тяжело заболела и чудом дожила до января 1945-го, когда советские солдаты освободили Освенцим.

Мать Мария (Елизавета Скобцова), о которой мы уже рассказывали, была отправлена в женский концлагерь в Равенсбрюке в апреле 1943-го. Почти два года жила она вместе с 2500 заключенными, в основном еврейскими женщинами, в лагерьном бараке и каждый день прощалась со своими соседками, которых вели на смерть. Мать Мария помогала несчастным, чем только могла, делила с ними хлеб и давала последнее утешение, если больше ничего нельзя было сделать. Эту помощь она оказывала до своего последнего дня, предположительно 31 марта 1945 года, когда была уже слышна канонада боев с наступающей советской армией. В этот день ее отправили в газовую камеру. По некоторым рассказам переживших лагерь мать Мария сама встала в группу отобранных для казни женщин, чтобы ободрить и поддержать их. Последнее, что она могла сделать, это сунуть в руки соседки свое нееврейское удостоверение личности в надежде, что таким образом сможет сохранить ей жизнь.

Не устоит мир без праведников

Операцию по уничтожению евреев в небольшом польском городке Несвиже (сегодня он принадлежит Белоруссии) немцы запланировали на 21 июля 1942 года. Некоторые руководители еврейской общины предчувствовали это, так как 17 июля подобная акция была проведена в другом городе неподалеку от них. В октябре 1941-го по этим местам уже прокатились массовые убийства евреев, и теперь почти все население решило оказать немцам вооруженное сопротивление. Утром 21 июля к воротам гетто подъехала немецкая айзгац-группа, и ее командир потребовал, чтобы все евреи немедленно собрались на площади, — немцы вывезут их из города. Но люди знали, что это означает скорый и беспощадный расстрел. Решив, что лучше умереть в борьбе, чем в покорности, представители Совета гетто отказались выполнить приказ немцев. Шалом Холавский, руководивший вооруженным сопротивлением, вспоминает, как развивались события дальше. Немцы открыли огонь. Неожиданно отряд бойцов из

синагоги ответил залпом из ружей и пистолетов. Когда фашисты ворвались в гетто, евреи встретили их с пожарами и стальными прутьями в руках. Завязался неравный бой, улицы заполнили тела убитых и раненых. Жители заранее договорились поджечь свои дома, чтобы под прикрытием дыма и огня попытаться бежать. Хаос и неразбериха охватили весь центр города.

Не заставили себя ждать и соседи: толпы крестьян и горожан устремились в гетто, врываются в горящие дома, хватали то, что уцелело из имущества: одежду, лампы, посуду... Бешеные от ярости немцы расстреливали каждого, кто пытался выбежать из пылавшего гетто. Холавский с двумя товарищами-бойцами скрывались в мансарде одного дома, выжидая благоприятного момента для бегства. Из окна они хорошо видели толпы людей, тащивших на себе награбленное; при каждом удачном немецком выстреле эти люди в ликовании прыгали и вопили, и неважно, кто оказывался убитым — мужчина, женщина, ребенок...

Наконец, Холавский и его друзья побежали через поле к спасительному лесу. Он успел заметить, как из гетто выбежал Симха Роцен с завернутым в подушку маленьким сыном на руках. Пробегая мимо крестьянки, стоявшей у ворот и наблюдавшей всю эту сцену, Симха сунул ей в руки узел с ребенком и побежал дальше к лесу [43].

И преступники, и жертвы, и зрители очень четко описаны Шалом Холавским. Первые представлены айнзац-командой. Подобные группы, по данным немецкой военной статистики, уничтожили в общей сложности полтора миллиона евреев на территориях Польши, стран Прибалтики и советских республик. Вторые — это население гетто, люди, которые делали все возможное, чтобы не стать жертвами: строили планы, молились, сопротивлялись, боролись, умирали и бежали от смерти. И наконец, третьи, зрители — иеврейское население Несвижа, люди, которые расхватывали чужие вещи из горящих домов, которые «в ликовании прыгали и вопили», когда очередной еврей был застрелен, и та крестьянка, в руки которой сунул своего маленького сына Симха Роцен.

Что сделала она с ребенком? Шалом Холавский ничего об этом не говорит: судьба малыша ему осталась неизвестной. Смогла ли женщина спрятать ребенка, и считала ли она вообще нужным спасать его? Может, она решила не вмешиваться и там же, на окраине города, просто положила сверток на землю, предоставив участь мальчика судьбе? Или она отдала его немецкому солдату и наблюдала, как тот берет ребенка за ноги и разбивает ему голову о стену — так обычно нацисты расправлялись с детьми «еврейских недочеловеков-паразитов»? Мы никогда не узнаем, как было на самом деле. Одно достоверно:

ребенок Симхи Роцена не выжил бы ни дня без помощи этой крестьянки.

Миллионы европейцев стояли перед таким же выбором, как и та женщина из Несвижа, и от их решения зависела жизнь миллионов других людей. Праведники мира видели единственный приемлемый для себя выбор — сделать все, что можно, для спасения человека. И спасая одну жизнь, они спасали целый мир, ибо давно уже сказано: праведник — основа Вселенной [43].

Литература

1. Encyclopedia of the Holocaust. New York, 1990.
2. Encyclopedia Judaica. Jerusalem, 1972.
3. *Gushee David P.* Die Gerechten des Holocaust. Wueppertal und Lutherstadt. Wittenberg, One Way Verlag, 1997.
4. *Rendtorff Rolf.* Ist in Auschwitz das Christentum gestorben?—In: Rolf Rendtorff. Christen und Juden heute. Neukirchener, 1998.
5. *Berkovitz Eliezer.* Faith after the Holocaust. New York, 1973.
6. *Беркович Евгений.* Христос в Освенциме. — См. очерк в настоящей книге.
7. *Hilberg Raul.* Perpertrators, Victims, Bystander. New York, 1992.
8. *Gilbert Martin.* The Holocaust. New York, 1985.
9. *Беркович Евгений.* Можно ли христианину мыться в бане с евреем? Христианско-иудейский диалог вчера и сегодня. — См очерк в настоящей книге.
10. Христианско-иудейский диалог. Хрестоматия. Составитель — Хелен П. Фрай. М., 1998.
11. *Беркович Евгений.* Грех антисемитизма. - См. очерк в настоящей книге.
12. *Раушинг Герман.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., «Миф», 1993.
13. *Oliner Samuel P., Oliner Pearl M.* The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe, New York, 1988.
14. *Bauer Yehuda.* The Holocaust in Historical Perspective. New York, 1982.
15. *Levin Dov.* On the Relations Between the Baltic Peoples and Their Jewish Neighbours before, during and after World War II.—In: Holocaust and Genocide Studies, 1990, V. 5, №1.
16. *Беркович Евгений.* История Вильгельма Бахнера. - См. очерк в настоящей книге.
17. *Беркович Евгений.* Слово и дело. - См. здесь же.
18. *Беркович Евгений.* Барон Лёвенштейн и его нацистская тетушка. - См. здесь же.
19. *Беркович Евгений.* Женский бунт на улице Роз. - См. здесь же.
20. *Hellman Peter.* Avenue of the Righteous. New York, 1980.
21. *Sijes B.A.* Several Observations concerning the Position of Jews in Occupied Holland during World War II.—In: Gutman Yisrael, Zuroff Efraim, Hrsg. Rescue Attempts during the Holocaust. Jerusalem, 1974.

22. *Soros Tivadar*. Маскарад. Игра в прятки со смертью в нацистской Венгрии. М., «Рудомино», 2001.
23. *Gross Leonard*. The Last Jews in Berlin. New York, 1992.
24. *Lynne Edward*. Brave Lady from Holland. - In: Jewish Observer and Middle East Review, 1967, № 16 (21 of April).
25. *Беркович Евгений*. Америка и Холокост. - См. очерк в настоящей книге.
26. *Bejski Moshe*. The Righteous among the Nations and Their Part in the Rescue of Jews. - In: Gutman Yisrael, Zufoff Efraim, Hrsg. Rescue Attempts during the Holocaust. Jerusalem, 1974.
27. *Kranzler David*. How 18 000 Jews Survived the Holocaust While Europe Burned. - In: Jewish Life, 1975, Bd. 1 (new Serie).
28. *Huttenbach Henry*. The Emigration of Jews from Worms (November 1938 - Oktober 1941): Hopes and Plans. - In: Gutman Yisrael, Zuroff Efraim, Hrsg. Rescue Attempts during the Holocaust. Jerusalem, 1974.
29. *Bowman Stewen*. Jews in Wartime Greece. - In: Jewish Social Studies, 1986, V. 48, № 1.
30. *Беркович Евгений*. Банальность добра, или Как итальянские фашисты спасали евреев. - См. очерк в настоящей книге.
31. *Le Boucher Fernande*. The Incredible Mission of Father Benoit. New York, 1969.
32. *Borchsenius Poul*. The Rescue of the Danish Jews. - In: Jewish Spectator, 1969, V. 34, № 6.
33. *Arendt Hanna*. Eichman in Jerusalem. Muenchen, 1990.
34. *Kanabus Felix*. Address at the J.N.F. - In: Glatstein Jacob, Hrsg. Antology of Holocaust Literature. New York, 1969.
35. *Friedman Philip*. Their Brothers' Keepers. New York, 1978.
36. *Bauminger Arieh*. The Righteous. Jerusalem, 1983.
37. *Frank Anne*. The Diary of Young Girl. New York, 1967.
38. *ten Boom Corrie*. The Hiding Place. New York, 1971.
39. *Wolf Jacqueline*. Take Care of Josette. New York, 1981.
40. *Steinberg Lucien*. Jewish Rescue Activities in Belgium and France. - In: Gutman Yisrael, Zufoff Efraim, Hrsg. Rescue Attempts during the Holocaust. Jerusalem, 1974.
41. *Halperin Michael*. He Who Saves One Life. - In: Moment, 1981 V. 6, № 7.
42. *Cholawski Shalom*. Soldiers from the Ghetto. San Diego, 1980.
43. *Беркович Евгений*. Когда на небе не бывает радуги. Праведник - основа Вселенной. - См.: Беркович Евгений. Заметки по еврейской истории. М., 2000.

БАНАЛЬНОСТЬ ДОБРА, ИЛИ КАК ИТАЛЬЯНСКИЕ ФАШИСТЫ СПАСАЛИ ЕВРЕЕВ

Часть первая

Введение

В конце лета 1942 года небольшая группа итальянских дипломатов и высших офицеров решила спасти от верного уничтожения несколько тысяч евреев — в большинстве своем выходцев из Хорватии, которые в 1941 году бежали от зверств местных фашистов в часть Югославии, оккупированную Италией. Там под защитой королевской итальянской армии они могли жить относительно свободно и спокойно. Однако к тому времени, о котором у нас пойдет речь, им вновь стала угрожать смертельная опасность: немцы начали устанавливать в Европе «новый порядок», предусматривавший депортацию всех евреев в специальные лагеря смерти.

Чтобы уничтожить шесть миллионов евреев, нацистам нужна была помощь союзников. Добровольные помощники находились среди литовцев и латышей, французов и хорватов, венгров и румын. В августе 1942 года немецкое руководство обратилось к итальянскому правительству с официальной просьбой выдать хорватам бежавших от них евреев. Муссолини дал согласие, однако его приказ не был выполнен: среди дипломатических и военных чинов нашлись смельчаки, не захотевшие подчиниться. Заговорщики затеяли смертельно опасную игру не только со своим правительством, но и с Гитлером, Гиммлером и СС. В дальнейшем под их защиту попали евреи еще из двух оккупированных Италией областей, находящихся в Греции и на юге Франции. Еврейское население во всех трех зонах оккупации составляло около пятидесяти тысяч человек, и вплоть до падения режима Муссолини и капитуляции Италии 8 сентября 1943 года ни один из них не был выдан немцам. История спасения итальянцами евреев даст много поводов для размышлений над «вечными вопросами» о добре и зле.

«Nulla osta»

Утром 6 апреля 1941 года немецкие войска перешли границы Греции и Югославии и начали оккупацию Балканского полуострова. Загреб пал 10 апреля, Белград — 12-го, а шесть дней спустя Югославия капитулировала. Двадцать седьмого апреля немецкие войска, преодолев неожиданное сопротивление греческих и британских вооруженных сил, вошли в Афины. Политическая карта Балкан была

основательно изменена. Чтобы поддержать авторитет своего друга Муссолини, Гитлер передал под управление Италии немалую часть Балканского полуострова. Прежней Югославии больше не существовало. Было создано новое Независимое государство Хорватия со столицей в Загребе. Его руководитель, «поглавник» Анте Павелич, с первых дней стал проводить прогерманскую политику, но жестокость хорватских усташей поражала даже немцев. В итальянскую зону оккупации на Балканах хлынули потоки сербских и еврейских беженцев из Хорватии. Австрийский генерал и военный историк Глайзе фон Хорстенау писал 28 июня 1941 года: «По совпадающим сообщениям многочисленных немецких военных и гражданских наблюдателей, в последние недели усташки проявляли в городах и селах Хорватии совершенно сумасшедшую свирепость... Мужчин, женщин, детей буквально разрубали на куски. Целые деревни сравнивались с землей, а их жители заживо сжигались в сараях. Трупов было столько, что переполненные ими реки выходили из берегов» [1].

Евреи, попавшие в итальянскую зону оккупации, находили там защиту от преследований. Но эта относительно спокойная жизнь продолжалась недолго. На встрече высшего немецкого руководства, состоявшейся в Ванзее 20 января 1942 года, был принят так называемый план «окончательного решения еврейского вопроса», а проще говоря — полного уничтожения евреев. Встреча проходила в обстановке строжайшей секретности, так что даже ближайшие союзники немцев ничего об этом плане не знали, хотя решение это радикально меняло весь ход войны, тем самым затрагивая и интересы итальянцев. Теперь ни о каком частичном перемирии с союзниками не могло быть и речи. «Все или ничего» — такой характер приобретала политика Гитлера.

Весной 1942 года началась депортация евреев из различных европейских стран. Двадцать шестого марта были депортированы первые словацкие евреи, 28-го выехали на восток эшелоны из Франции. Между 17 и 20 апреля было полностью опустошено и гетто в Люблине. Наступала очередь евреев из Хорватии.

Поверенный в делах немецкого посольства в Риме князь Отто Бисмарк, внук «железного канцлера», 18 августа 1942 года представил в Министерство иностранных дел Италии телеграмму Риббентропа. В ней содержалась просьба к итальянскому правительству помочь выполнить соглашение между немецкими и хорватскими властями, предусматривавшее «массовое переселение» евреев. Бисмарк пояснил, что речь идет о нескольких тысячах человек. При этом в частной беседе с чиновником итальянского МИДа д'Аджеттой он дал понять, что в действительности предполагаемое мероприятие означает не

Ministero degli Affari Esteri
Gabinetto

APPUNTO PER IL DUCE

Bismarck ha dato comunicazione di un telegramma a firma Ribbentrop con il quale questa Ambasciata di Germania viene richiesta di provocare istruzioni alle competenti Autorità Militari Italiane in Croazia affinché anche nelle zone di nostra occupazione possano essere attuati i provvedimenti divisiati da parte germanica e croata per un trasferimento in massa degli ebrei di Croazia nei territori orientali.

Bismarck ha affermato che si tratterebbe di varie migliaia di persone ed ha lasciato comprendere che tali provvedimenti tenderebbero, in pratica, alla loro dispersione ed eliminazione.

L'Ufficio competente fa presente che segnalazioni della R. Legazione a Zagabria inducono a ritenere che, per deciso germanico, che trova cosenziente il Governo ustasci: la questione della liquidazione degli ebrei in Croazia starebbe ormai entrando in una fase risolutiva.

Si sottopone, Duce, quanto precede per le Vestre decisioni.

Roma, 21 agosto 1942-XX

перемещение евреев на Восток для принудительных работ, как гласила официальная версия, а их физическое уничтожение.

Итальянское правительство, впервые столкнувшись с проблемой участия в массовых убийствах мирного населения, должно было немедленно реагировать. Д'Аджета подготовил докладную записку, в которой изложил просьбу Бисмарка и сообщил переданную им устную информацию об истинной цели операции. Последнее слово оставалось за Муссолини. Когда 21 августа министр иностранных дел Италии зять Муссолини Чиано представил своему тестю сокращенный вариант записки д'Аджеты, дуче не долго думая написал крупным почерком резолюцию: «*nulla osta*» («не возражаю»). Это означало смертный приговор тысячам хорватских евреев. Вряд ли в тот момент Муссолини хорошо представлял себе, какие политические последствия могут быть у этого решения. Зато профессионалам — дипломатам и военным — эти последствия виделись вполне ясно.

Поверенный в делах итальянского посольства в Загребе Раффаэле Казертано уже на следующий день, 22 августа, докладывал в Рим, что евреи в специальных поездах будут отправлены в лагеря смерти в Польше. К этому он добавил, что представитель Ватикана в Загребе ходатайствовал о прекращении депортации, но безуспешно. Сообщил Казертано и еще одну весьма символическую подробность. Немцы и хорваты договорились о компенсации расходов на депортацию: имущество депортированных остается хорватам, а те выплачивают немцам по 30 марок за каждого депортированного еврея. Для итальянцев не могла остаться незамеченной прозрачная аналогия с иудийскими тридцатью сребренниками.

Итальянское сопротивление

В Италии нашлись люди, которые решили действовать. Одним из первых был граф Петромарки, ответственный сотрудник итальянского МИДа. По работе в отделе оборонной промышленности МИДа он был связан со многими влиятельными деловыми людьми и располагал достаточно полной информацией о происходящем. К тому же его сестра была замужем за послом Италии в Берлине, и он мог получать сведения, что называется, «из первых рук». Спустя неделю после решения дуче о выдаче евреев Петромарки решил что-то предпринять, чтобы не допустить этого произвола. Он записал в своем дневнике: «Я пригласил Каstellани, который служит офицером связи во Второй армии, и обсудил с ним, как можно предотвратить выдачу немцам евреев, бежавших под защиту нашего флага» [1]. Вторая армия контролировала зону итальянской оккупации Югославии, и под ее защитой находились бывшие жители Хорватии.

Люди, пришедшие к подобному решению, были и в армии. Уже 27 августа независимо от Петромарки полковник Цициани подготовил для Бюро по гражданским делам при штаб-квартире Шестого армейского корпуса докладную записку «К положению евреев», где говорилось: «Наша общая деятельность была направлена на то, чтобы дать евреям возможность жить по-человечески. Выдача их немцам недопустима, так как это означало бы предательство по отношению к тем, кто нам доверился» [1].

Вернувшись из Рима, Кастеллани встретился с командующим Второй армии генералом Роаттой и обсудил с ним возникшую проблему. Роатта также считал, что выдавать евреев нельзя. Оставался вопрос, как обойти приказ дуче.

Наилучшей тактикой в сложившейся ситуации было бы ничего не делать. (Итальянская бюрократия в таких делах по праву считается непревзойденной. Недаром словосочетание «итальянская забастовка» стало крылатым.) Но рано или поздно о принятых мерах придется докладывать верховному командованию.

Двадцать второго сентября генерал Роатта направил в Рим депешу, в которой сообщал, что в соответствии с указанием дуче он отдал приказ собрать в специально организованный лагерь для интернированных лиц первую группу еврейских беженцев из Хорватии. Лагерь должен был вместить до трех тысяч человек. Изоляция этих беженцев стала бы первым шагом выдачи их хорватским властям.

К счастью, Роатту нельзя отнести к тем генералам, которые лишь подчиняются любым приказам и послушно выполняют их. В своем сообщении он нашел возможным привести аргументы против выдачи евреев: «На мой взгляд, подобная акция повредит нашему престижу, так как мы, пусть только из тактических соображений, но взяли их под свою защиту. Это окажет негативное влияние на вооруженные отряды добровольной сербской милиции «четников», которые могут думать, что в один прекрасный день мы точно так же и их выдадим в руки усташей» [2].

Это был серьезный довод, имевший стратегическое значение. Для сербов-«четников», помогавших итальянцам в поддержании порядка на оккупированных территориях, хорватские усташы представляли такую же смертельную опасность, как и для евреев.

Были некоторые объективные обстоятельства, облегчавшие заговорщикам защиту евреев. В центре фашистской Италии ощущался явный вакуум власти. Дуче был тяжело болен и не мог, как прежде, контролировать исполнение своих приказов. Громоздкая бюрократическая машина Италии замедлила свою работу. Известен случай, когда папа римский более девяти месяцев ждал от итальянского

правительства ответа на свое послание. В таких условиях офицеры Второй армии могли еще долго не бояться проверок. Но бездействие итальянских властей не собирался терпеть Гитлер. Не давали забыть о евреях в Италии и хорватские фашисты. Двадцать пятого сентября фюрер в присутствии рейхсминистра иностранных дел Риббентропа и фельдмаршала Кейтеля принял поглавника Независимого государства Хорватия Павелича, и тот заявил, что еврейский вопрос в Хорватии практически решен, но остаются нетронутыми «еврейские центры», находящиеся под итальянской защитой. Со своей стороны, и Риббентроп напомнил о приказе дуче («nulla osta» от 21 августа 1942 года), заметив: «Создается впечатление, будто Вторая армия проводит свою собственную политику» [3]. Рейхсминистр иностранных дел был недалеко от истины. Выразив надежду на скорую встречу с дуче, Гитлер поручил подготовить ему доклад о ситуации с итальянскими евреями. И уже к 1 октября подробный доклад был готов. В нем подтверждалось, что итальянское сопротивление существует, и даже назывались его главные участники. В их числе был и генерала Роатта.

Под немецким давлением

Риббентроп начал энергично действовать. Его посланник прибыл в Рим, чтобы ускорить события на месте. На следующий день министр иностранных дел Чиано просил Верховное командование сообщить, какие меры были приняты для выдачи евреев немцам (Чиано написал именно «немцам», хотя в приказе дуче говорилось о выдаче хорватам). Началась попятная чиновничья суета. Верховное командование запросило Вторую армию. Итальянский МИД потребовал информацию от офицера связи Каstellани. Ответ Второй армии был не вполне искренним: никаких приказов о выдаче евреев они не получали. Но тактика молчаливого саботажа под усилившимся немецким давлением больше себя не оправдывала. Германия требовала немедленных действий.

Для укрепления немецкой позиции в Рим прибыл руководитель СС Гимmlер. На встрече с Муссолини, состоявшейся 11 октября 1942 года, он, как обычно, лгал, что евреи должны быть депортированы на Восток только для того, чтобы предотвратить акты саботажа. Гимmlер признал, что в России действительно пришлось расстрелять какое-то количество евреев — мужчин, женщин и детей, но это была вынужденная мера против тех, кто якобы был связан с партизанами. Заключать евреев в концлагеря надо — иначе как заставить их, наконец, работать? Планы «окончательного решения еврейского вопроса» немцы от своих итальянских союзников все еще тщательно скрывали.

Петромарки 14 октября 1942 года записал в своем дневнике: «Немцы выказывают свою обычную заносчивость. Они многократно повторяли требование выдать им евреев из Хорватии и заявили, будто им известно, что командование Второй армии никакого приказа об этом не получило» [1].

Под непрекращающимся давлением немцев и хорватов итальянское Верховное командование 28 октября 1942 года приказало Второй армии интернировать (заключить в специальный лагерь) всех евреев, находящихся на оккупированной территории Балкан, и разделить их на две группы: хорватских евреев и тех, кто претендует на итальянское гражданство. Это должно было стать первым шагом к выдаче хорватских евреев немцам.

В итальянских войсках приказ вызвал откровенно враждебную реакцию. В частном письме командующего батальоном Второй армии говорится: «Концентрация есть первый шаг к выдаче евреев хорватам, которые в свою очередь передадут их немцам. Немцы не пытаются скрывать, что их цель — насильственное уничтожение целого народа. Итальянская армия не должна пачкать руки подобными делами» [1]. Мнение, что сотрудничество с немцами в деле уничтожения евреев ослабит позиции Италии и уронит ее престиж, было широко распространено среди офицеров. Но для решительного изменения взглядов на этот вопрос правительства, и прежде всего самого Муссолини, такого аргумента было недостаточно.

Италия не участвует в «окончательном решении...»

Последней каплей, склонившей чашу весов в пользу «лагеря Петромарки — Роатты», стал доклад о хорватах генерала карабинеров Пиехе, представленный дуче 1 ноября 1942 года. Эта должность сама по себе занимала в итальянской иерархии важное место, а Пиехе обладал к тому же особым доверием не только Муссолини, но и начальника генерального штаба Каваллеро. В докладе категорически утверждалось, что хорваты виновны в массовых уничтожениях евреев и сербов. Кроме того, генерал Пиехе сообщил, что ему стало известно о планах немцев по уничтожению всех депортированных евреев в специальных газовых камерах, оборудованных прямо в поездах. Таким образом, то самое надежное доказательство, которое можно предъявить дуче, было наконец найдено. На сохранившейся телеграмме имеется специальный штампель, показывающий, что Муссолини с текстом ознакомлен.

Сам же генерал Пиехе, глубоко потрясенный открывшейся ему информацией, счел необходимым усилить свои доводы. Четырнадцатого ноября он направил в Рим новый доклад с такими словами:

«Решение о выдаче евреев означало бы их смертный приговор и привело бы к весьма неблагоприятным комментариям как в наших войсках, так и среди христианского и мусульманского населения, которое боится, что в будущем само может быть подвергнуто таким же действиям, хотя сегодня находится под защитой нашего флага» [1]. Копия доклада оказалась в штабе Второй армии, чье руководство еще раньше пришло к подобным выводам.

Не последнюю роль в этом вопросе играло и мнение Ватикана. И хотя имеются серьезные основания к тому, чтобы упрекнуть католическую церковь в пассивности во времена массового уничтожения евреев в Европе, тем не менее в защите хорватских евреев Святой престол занял вполне определенную позицию. Пятого ноября 1942 года граф Чиано получил от своего посла в Ватикане сообщение, в котором говорилось о требовании немцев выдать им две или три тысячи евреев, включая стариков, женщин и детей. Ватикан обращается к министру иностранных дел Италии с просьбой по возможности отказаться от выполнения этого требования.

Положение на фронтах Второй мировой войны к осени 1942 года становится для Германии и ее союзников все более тревожным. В начале ноября британская Восьмая армия под командованием генерала Монтгомери разбила войска Роммеля в Северной Африке. Восьмого числа британские и американские части высадились в Марокко и Алжире. Почти одновременно, одиннадцатого, перешедшие в наступление советские войска окружили под Сталинградом Шестую армию фельдмаршала Паулюса. Это время смело можно назвать поворотным пунктом войны, и высшее итальянское командование не могло этого не почувствовать.

Семнадцатого ноября 1942 года в Риме состоялась встреча Муссолини с генералом Роаттой. Командующий Второй армии, повторив аргументы против выдачи евреев, заключил свою речь словами: «Это несовместимо с честью итальянской армии». Многие из приведенных доводов дуче уже слышал раньше, но теперь положение изменилось. И он отменил свое решение «*nulla osta*». В соответствии с его новым приказом все евреи на оккупированной итальянцами территории Югославии должны быть интернированы в общий лагерь и оставлены под защитой итальянских войск. Требования хорватской стороны на их выдачу отклоняются. Теперь Италия официально отказалась участвовать в уничтожении еврейского народа.

* * *

Пример Италии во многих отношениях не имеет аналогов в истории Второй мировой войны. Больше так не поступал ни один союзник нацистской Германии.

Да, верно, в октябре 1942 года Румыния вдруг приостановила депортацию евреев из страны, но Вторая Румынская армия безжалостно преследовала и уничтожала их в оккупированных зонах на юге России. Даже такой убежденный палач, как Мартин Лютер (однофамилец реформатора церкви), руководивший антиеврейским отделом гитлеровского Министерства иностранных дел, называл действия румынских властей незаконными и дикими [4].

Правда, что и болгарские власти в марте 1943 года отказались выдавать «своих» евреев, т.е. уроженцев «старой» Болгарии, однако евреи из болгарских оккупационных зон Фракии и Македонии, а также евреи-«иностранцы» были без всякого сопротивления выданы в руки СС.

Венгерский правитель адмирал Хорти, посивший титул регента, четко отличал венгерских евреев (которые, как он говорил, «такие же венгры, как вы или я») от иностранных — и решительно выдавал этих последних немцам для уничтожения.

В отличие от других итальянцы взяли под свою защиту *всех* евреев на оккупированных землях, не делая различий между «своими» и «чужими». Пьер Лаваль, премьер-министр французского марионеточного правительства в Виши, заявил итальянскому послу в январе 1943 года: «Мне понятно ваше желание спасти евреев с итальянским гражданством, но я совершенно не могу объяснить, почему вы спасаете и иностранных евреев» [1]. Это было непостижимо и для немцев.

После капитуляции Италии в сентябре 1943 года немцы не нашли в лагерях для интернированных ни одного еврея. *Итальянские* войска, возвращаясь на родину, многих из них взяли с собой, остальным позволили скрыться в горах либо уплыть морем в Америку и Палестину.

* * *

История спасения хорватских евреев тесно сплетается с другой, где речь идет о защите евреев Греции и Франции. Об этом — следующий наш рассказ.

Часть вторая

Греция

В апреле 1941 года, несмотря на героическое сопротивление, Греция была оккупирована фашистами и разделена на три зоны: Болгария контролировала Фракию и Македонию, немцы заняли стратегически важную область на границе с Турцией, итальянцы получили остальную материковую часть страны, а также почти все ее острова.

До Второй мировой войны в Греции было около восьмидесяти тысяч евреев, причем большинство из них — свыше пятидесяти тысяч — проживало в городе Салоники, который, к несчастью, принадлежал к немецкой зоне оккупации. Еврейская община Салоник была одной из крупнейших и старейших в Европе. Почти все евреи из этого города погибли в Освенциме. Для их депортации немцы, как и всюду, применяли силовые методы — облавы, аресты. Но было кое-что и новое: их заставляли обменивать свои деньги на специальные дорожные чеки, якобы предназначенные для покупки земли в Польше. Немцам удалось нарисовать такую радужную картину будущей жизни, что многие евреи добровольно регистрировались, желая участвовать в предстоящей депортации [4].

Все евреи Фракии и Македонии были выданы фашистам болгарскими властями и погибли в газовых камерах.

Из итальянской зоны оккупации вопреки самым настойчивым требованиям немецких спецслужб не был депортирован ни один человек. Более того, 350 евреев, имевших итальянское гражданство, были вывезены из Салоник и тем самым спасены от верной смерти. Тысячи греческих евреев чувствовали себя в безопасности под защитой итальянского флага.

Франция

Франция капитулировала перед Германией в июне 1940 года и тоже не избежала раздела. Теперь страна состояла из двух частей — оккупированной немцами северной зоны со столицей в Париже и формально независимой южной, где главным городом стал Виши. В северной части депортацией и уничтожением евреев занимались сами эсэсовцы и люди из команды Эйхмана. Того же немцы требовали и от правительства в Виши. И если своих граждан французские власти, стараясь сохранить видимость суверенитета, выдавать не хотели, то в отношении иностранных полиция действовала безжалостно и предельно оперативно. Только в июле 1942 года в результате массовых облав немцам было передано около девяти тысяч евреев-иностранцев.

Когда же в ноябре 1942-го Франция была полностью оккупирована немецкими и итальянскими войсками, французская полиция потеряла право на самостоятельные действия. Юго-восточную зону страны — от швейцарской границы на севере до Марселя на юге — отныне контролировали итальянцы. И за судьбу оставшихся там евреев ответственны были тоже они. Итальянские оккупационные власти не торопились выдавать немцам людей еврейской национальности. Более того, они отменили распоряжение французских властей, потребовавших, чтобы евреи носили на одежде желтые звезды.

Немцы становились все настойчивее. Уничтожение евреев стало для Гитлера одной из важнейших военных задач — эта маниакальная идея не оставляла его до самого конца. За несколько дней до самоубийства, в апреле 1945 года, когда Третий Рейх буквально разваливался под ударами противника, а сам фюрер прятался в берлинском бункере, он провозгласил: «Мир будет вечно благодарен национал-социализму за то, что я освободил Германию и Центральную Европу от евреев» [5].

Понятно, Гитлер не мог смириться с неповиновением своих союзников в таком принципиальном вопросе, как еврейский.

Чтобы усилить нажим на Муссолини, в Рим был направлен рейхсминистр иностранных дел Риббентроп.

На встрече дуче и Риббентропа, состоявшейся 25 февраля 1943 года, присутствовали министр иностранных дел Италии Бастианини, итальянский посол в Берлине Альфиери, специально прибывший на эту встречу, и немецкий посол в Риме Макензен. На повестке дня стояло много вопросов. Обсуждалось положение на восточном фронте, дела в Югославии и Северной Африке. Наконец, Риббентроп перешел к еврейской теме. Он подчеркнул, что освобождению Европы от евреев Германия придает первостепенное значение. К сожалению, некоторые итальянские военные недооценивают те усилия, которые немецкая сторона прилагает для депортации евреев на Восток. В оккупированной итальянцами южной части Франции ее распоряжения откровенно саботируются. Муссолини не принял этих упреков, заявив, что видит здесь интриги французских властей и их желание поссорить немцев с итальянцами. Тем не менее дуче обещал Риббентропу принять соответствующие меры. Однако конкретного решения выработано не было.

За четыре дня, проведенных в Риме, Риббентроп немало усилий приложил к тому, чтобы итальянцы проводили в отношении евреев ту же политику, что и немцы. Нацистам очень хотелось втянуть Италию в свои преступления. И дело здесь было даже не в нескольких десятках тысяч евреев, находившихся под защитой итальянской

армии, — это капля в море по сравнению с уничтоженными миллионами. Гитлер не мог допустить, чтобы в Европе появился прецедент неповиновения и чтобы другие страны последовали этому примеру.

В конце февраля Риббентроп направил итальянцам ноту с требованием выполнить все предписания немецких властей в отношении евреев на оккупированных территориях. Не получив ясного ответа, он приказал своему послу в Риме Макензену встретиться с Муссолини и добиться, чтобы тот отстранил Верховное командование итальянской армии от участия в еврейских акциях на территории Франции. Дуче предлагалось принять одно из трех решений: или «еврейским вопросом» в итальянской зоне будут заниматься французские полицейские; или независимые от армии гражданские полицейские Италии будут действовать по немецким инструкциям; или, наконец, немецкие войска и СС вместе с французской полицией сами, без итальянцев, завершат все операции. Немецкому послу было поручено передать, что Берлин потерял терпение и требует немедленных действий.

Для всех евреев, находившихся под итальянской защитой, наступили решающие дни.

Макензен получил аудиенцию у Муссолини 17 марта 1943 года и результатами беседы остался доволен. Он сообщал в Берлин, что дуче принял первое решение, предложенное Риббентропом: депортировать евреев поручалось французским полицейским.

План Бастианини

Муссолини не впервой принимал решение, означавшее неминуемую смерть для десятков тысяч евреев. И не впервой людям из его окружения удавалось переубедить его. На этот раз таким человеком оказался новый министр иностранных дел Бастианини, сменивший на этом посту зятя Муссолини Чиано. Дневники сотрудника МИДа Петромарки сохранили слова, сказанные Бастианини вечером того же дня, 17 марта 1943 года: «Наш народ знает, какая судьба ожидает евреев, если мы выдадим их немцам. Они все погибнут в газовых камерах, включая женщин и детей. Поэтому мы не хотим позволить, чтобы подобные жестокости проводились с согласия наших людей. И вы, дуче, тоже не должны соглашаться на это. Почему вы хотите взять на себя ответственность за чужие преступления и повторяете свои старые ошибки?».

Это были слова мужественного человека. Непредсказуемый и взрывной характер Муссолини был хорошо известен его приближенным. Но сейчас дуче явно сомневался.

— Я ведь обещал Макензену отдать военным приказ и заверил, что ничего на этот раз не сорвется, — напомнил он.

Бастианини ответил:

— С вашего позволения разговаривать с Макензеном буду я.

— Договорились, — с облегчением сказал дуче.

В своих воспоминаниях, изданных после войны, Бастианини писал, что Муссолини при этих словах даже рассмеялся — впервые за несколько недель: в последнее время его мучили жестокие боли в желудке [1].

На следующий день Бастианини направил послам Италии в Париже и в Виши копии приказа итальянского военного командования, в котором подчеркивалось, что французские власти в оккупированных Италией областях не должны ничего предпринимать против евреев. Все акции, связанные с этим вопросом, относятся исключительно к компетенции итальянских военных. Это прямо противоречило тому, что дуче обещал Макензену. Перед Бастианини стояла, казалось бы, неразрешимая задача — совместить две противоположные позиции. Но он нашел решение этой «квадратуры круга».

Утром 20 марта 1943 года министр принял немецкого посла. Сохранились два отчета об этой встрече. Один со слов Бастианини записал его сотрудник Пстромарки. Второй направил в Берлин сам Макензен. Расходясь в деталях, оба текста одинаково передают суть состоявшегося разговора. Бастианини сообщил Макензену, что дуче изменил свое мнение и отдал приказ всех евреев на оккупированных итальянцами территориях интернировать в специальный лагерь, причем заниматься этим будет только итальянская армия. Он пояснил удивленному послу, что лучшего решения не найти, ибо французские полицейские теперь могут помогать своим еврейским знакомым, в то время как итальянцы будут непредвзятыми и независимыми исполнителями. Дуче уже подписал приказ командующему Четвертой армии об организации в Савоие лагеря для интернированных евреев Франции.

То, что сын знаменитого прусского фельдмаршала Макензена, «старый вояка» и достаточно прямолинейный человек, поверил аргументам Бастианини, несудивительно. Но даже шеф гестапо Мюллер, которого никак нельзя заподозрить в наивности, одобрил план итальянцев. Мюллер знал многих высших чинов в итальянской полиции и не сомневался в их антиеврейских настроениях...

Конечно, итальянцы, как и любой народ, не являются поголовно праведниками. Но была такая история, в которой одни люди пытались спасти других. И самое главное в ней — результат. Итальянские дипломаты, военные и чиновники могли просто не участвовать в спасении евреев, что фактически означало бы пособничество в их убийстве. Но они не считали себя вправе остаться в стороне. И зло на этот раз не победило.

Концлагерь по-итальянски

В нашем сознании слово «концлагерь» прочно связано с ужасами Освенцима и ГУЛАГа. Условия жизни евреев в лагере под защитой итальянцев разительно от этого отличаются. Здесь было организовано нечто подобное большому киббуцу на европейской земле. Зоны в лагере разделили на кошерные и некошерные. Почти каждая еврейская семья жила в отдельном домике. Им было позволено взять с собой в лагерь довольно много вещей, и итальянские солдаты помогали пожилым и больным людям донести эти вещи до жилищ. К заключенным охранники обращались не иначе, как «синьор» или «синьора». Еврейские врачи устраивали поликлиники, в которых лечились и жители близлежащих деревень. В лагере даже действовали синагоги. Человек по имени Альберт Шарон вспоминал о лагере в итальянской зоне Франции как об идиллии, рассказывал, что солдаты и офицеры, приходили на богослужения, чтобы послушать прекрасные голоса канторов.

Справедливости ради следует сказать, что совсем в других условиях содержались люди, оказывавшие итальянцам вооруженное сопротивление, например, словенцы.

Итальянские фашисты никогда не считали евреев своими врагами. Более того, среди основателей фашистского движения было пятеро евреев. В Новой истории националисты, либералы и евреи имели общего врага — папство и реакционное католичество. Объединение Италии и ликвидация средневековых еврейских гетто происходило одновременно.

Среди простых итальянцев антисемитизм был распространен значительно меньше, чем среди немцев или венгров. Вообще в населении Италии евреи составляли меньше одного процента. Они не занимали ведущих положений ни в одной отрасли, как было, например, в Германии или Венгрии. И хотя среди итальянских писателей было много евреев, в работах, скажем, Альберто Моравиа или Карло Леви не было ничего «специфически еврейского». Ассимиляция здесь была настолько сильной, что многие и не считали себя евреями. Доля смешанных браков в Италии по переписи 1938 года составляла 43,7 процента — самый высокий показатель в Европе. «Итальянские евреи выглядят как-то не по-еврейски» — такая шутка была распространена в те годы. Знаменитый Примо Леви, человек, переживший Холокост и олицетворявший в послевоенной Европе символ еврея, в Освенциме носил с собой не Тору, а томик Данте.

Министр иностранных дел и зять Муссолини граф Чиано в 1937 году писал, что в Италии нет еврейского вопроса. В первые годы

фашистского правления еврей Альдо Финци был заместителем министра внутренних дел. Другой еврей, Данте Альманси, служил вице-шефом итальянской полиции. И таких примеров можно было бы привести еще множество.

Банальность добра

Из всех европейских государств, которые находились под давлением нацистского «нового порядка» и тем не менее сопротивлялись уничтожению еврейского народа, с Италией можно сравнить только Данию. Ханна Арендт в своей знаменитой книге «Эйхман в Иерусалиме» [6] писала: «То, что в Дании было результатом привитого понимания предпосылок и обязанностей, гарантирующих гражданство и независимость, в Италии произошло почти автоматически, стало итогом гуманизма, пронизывающего все слои древнего и цивилизованного народа». Здесь отмечена важная, но не единственная причина. О некоторых других мы попытались сказать в своих заметках.

Стоит вспомнить, что добродетель часто произрастает из недостатков, а преступление — из доведенных до абсолюта достоинств. Пруссия добилась того, что удавалось очень немногим: здесь практически полностью была искоренена коррупция на государственной службе. Прусские чиновники служили государству как божеству, но за параграфами инструкций и циркуляров исчезал живой человек.

Для итальянской бюрократии, напротив, характерны необязательность и расхлябанность, так раздражавшие немцев. Мафия и коррупция, карбонарии, масоны и иезуиты — вот типичный «коктейль» итальянского общества. Но продажность чиновников способствовала спасению евреев: за деньги можно было купить свободу и жизнь, а богатая традиция заговоров помогала долгое время игнорировать приказы дуче.

Ханне Арендт принадлежит термин «банальность зла», которым она определила точные, пунктуальные ответы Адольфа Эйхмана на судебном процессе в Иерусалиме.

То, что двигало итальянцами в отношении евреев в годы фашизма, можно было бы назвать «банальностью добра». В душах многих людей сохранился определенный порог порядочности, переступить через который они не могли даже по приказу дуче. Престиж нации, совесть и человечность оказались не пустыми словами для многих итальянцев — от простых солдат до генералов и министров.

Заговор высших офицеров вермахта, организованный 20 июля 1944 года против Гитлера, потерпел поражение. Зато успешным оказался заговор против приказов Муссолини в 1942 и 1943 годах. Пока

у власти в Италии находились фашисты, ни один еврей на контролируемых итальянцами землях не был выдан немцам и не пострадал.

После падения фашистского режима и капитуляции страны для итальянских евреев наступили черные дни. Только тогда Эйхману и его подручным представилась возможность вывезти их в лагеря смерти.

Когда осенью 1943 года эсэсовцы вошли в концлагеря во Франции, они не нашли там почти ни одного еврея. Как и в Хорватии, итальянские военные, рискуя жизнью, позволили заключенным скрыться.

Тысячи евреев смогли через Ниццу и Марсель отплыть в Америку или Палестину.

Многие бежали в горы северной Италии или примкнули к отрядам французского Сопротивления.

В Риме после капитуляции Италии немцы активно искали доказательства измены. Чиновники итальянского Министерства иностранных дел спешно сжигали компрометирующие документы. Вот выдержка из интервью, которое незадолго до своей смерти дал Роберто Дукки, бывший высокопоставленный сотрудник этого ведомства: «Дела о евреях в Хорватии, как и другие, более поздние, были отнесены к строго секретным. Я держал их в бронированном сейфе, а девятого или десятого сентября 1943 года, когда мы сжигали архивы МИДа, забрал их оттуда. Но я не сжег эти дела, сохранил их дома, так как посчитал, что было бы хорошо, если люди узнают, что мы вели себя порядочно».

После окончания войны итальянцы, вернувшиеся из советского плена, рассказывали, что отношение к ним в лагерях было лучше, чем к пленным немцам, так как они не участвовали в массовых убийствах мирного населения. Заговорщики, спасавшие евреев в Италии, Югославии, Греции и Франции, сыграли в этом не последнюю роль.

Литература

1. *Steinberg Jonathan*. Deutsche, Italiener und Juden. Goettingen, Steidl Verlag, 1992.
2. *Zuccotti Susan*. The Italians and Holocaust. Persecution, Rescue and Survival. New York — London, 1987.
3. *Michaelis Meir*. Mussolini and the Jews: German-Italian Relations and the Jewish Question in Italy 1922—1945. Oxford, 1978.
4. *Hilberg Raul*. Die Vernichtung der europaeischen Juden. Frankfurt am Main, 1990.
5. Hitlers politisches Testament. Die Bormann Diktate vom Februar und April 1945. Hamburg, 1981.
6. *Arendt Hanna*. Eichmann in Jerusalem. Muenchen, 1990.

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Леокадия

До войны жизнь этой женщины выглядела вполне благополучно. Ее брак с Болеком Яромирским все знакомые называли счастливым. И материально семья была обеспечена: Болек владел магазином металлических изделий на Ставинской улице — той самой, которой позже суждено было оказаться внутри печально знаменитого варшавского гетто.

В 1938 году у Леокадии обнаружили болезнь горла, и врачи рекомендовали ей деревенский воздух. Для поправки здоровья супруги выбрали небольшой поселок Бялолека в двух часах езды от центра Варшавы. Мирная жизнь закончилась осенью 1939 года. Первого сентября гитлеровские войска вошли в Польшу, через неделю немецкие танки уже въезжали в ворота Варшавы.

Во время бомбардировки города был разрушен магазин на Ставинской улице, убит один рабочий. Болек хотел восстановить магазин, но Леокадия воспротивилась: место, где погиб человек, вызывало в ней ужас. В конце сентября Болек поехал в Варшаву искать новое место для магазина — и не вернулся. Через несколько дней Леокадия узнала, что его арестовали на вокзале. Преступление мужа состояло в том, что он нес в руках «нелегальную», т.е. не получившую от оккупантов разрешение на выпуск, газету. Не успевший разобраться в строгих требованиях «нового порядка», поляк Болек стал одним из первых политических заключенных. Весной 1940 года его перевели в только что созданный концлагерь Освенцим.

Привыкнув к жизни если не роскошной, то по крайней мере с удобствами и достатком, тридцатичетырехлетняя Леокадия осталась без мужа и без средств к существованию. Теперь нужно было думать о заработке. Она не боялась никакой работы: ей приходилось быть и прачкой, и уборщицей, и служанкой, и даже контролером на водочном заводе. Но зимой 1942-го она тяжело заболела малярией и потеряла место.

Летом Яромирской удалось устроиться на немецкий торговый склад в Варшаве. Платили не очень много, зато ей было выдано рабочее удостоверение немецкого предприятия с печатями и эмблемами Третьего Рейха. Это удостоверение давало надежду, что ее не арестуют, как Болека, при очередной гестаповской облаве. Инстинкт подсказывал, что спастись легче всего, когда находишься среди врагов. Каждое утро Леокадия шестичасовым поездом отправлялась на работу в Варшаву и к вечеру возвращалась домой. Зарплата была 50

грошей (ползлотого) в час, и еще дважды в неделю выдавали килограмм хлеба. На черном рынке такая буханка стоила 18 злотых — цена 36-часового труда.

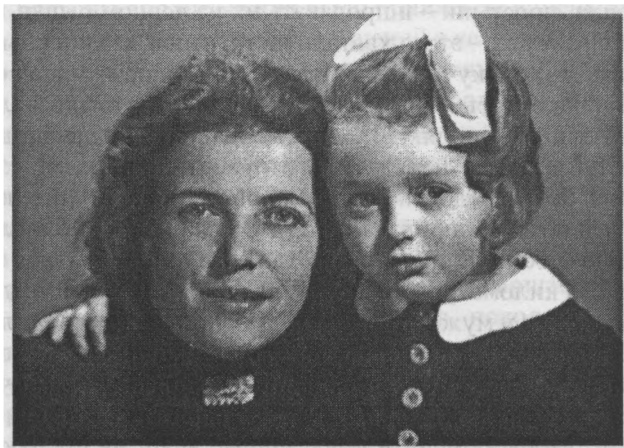
В октябре 1942 года ее жизнь вновь резко изменилась: она стала матерью.

Богумила

Крик ребенка Леокадия услышала вечером шестого октября 1942 года. В тот воскресный день она была в гостях у соседки, с которой они обсуждали затеянную немцами ликвидацию еврейского гетто в ближайшем городке Легионове. Ликвидация означала, что шесть тысяч евреев, согнанных двадцать месяцев назад со всех окрестных мест в специальный квартал Легионова, отправлялись в лагерь уничтожения Трешлинку. Кто-то из них сопротивлялся, кто-то пытался бежать. Немцы безжалостно расстреливали непокорных, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей.

Возвращаясь поздно вечером домой, женщина слышала детский плач, но не придавала этому значения. Утром, когда она торопилась на поезд, ребенок все еще плакал. Теперь она пошла на крик и у стены дома нашла запеленутую девочку, на вид годовалую. Леокадия оставила младенца у соседки и помчалась в город.

Ей удалось освободиться с работы пораньше. У соседки она нашла множество знакомых и незнакомых женщин. Все в один голос советовали отдать девочку в полицию — никто не сомневался, что этого ребенка подкинули из Легионова. Но Леокадия решила иначе: она оставила девочку у себя.

Леокадия и Богумила

Леокадия Яромирская хорошо представляла, какой опасности подвергает свою жизнь, спасая еврейского ребенка. По немецким правилам человек, помогавший евреям, заслуживал к себе такого же отношения, как еврей. В оккупированных странах Западной Европы немцы еще старались соблюдать видимость законности. На востоке же, на территориях Польши и СССР, где мобильные айнзац-группы могли за один час убить не одну тысячу людей, гестаповцы не церемонились: если не немедленный расстрел, то концлагерь — таковы были самые распространенные меры наказания. Но в своем решении она оставалась непреклонной.

У старосты Бялолеки Леокадия зарегистрировала девочку как свою приемную дочь Богумилу Ядвигу Яромирскую. Маленькая Богусия была красивым белокурый ребенком. Скоро она научилась говорить и стала называть Леокадию мамой.

Девочку нужно было с кем-то оставлять на время работы. Первую неделю с ней сидел сосед, но это не могло продолжаться долго. Найти няню оказалось не просто: требования Леокадии были строги. После нескольких неудачных попыток ей все же повезло: она встретила добросовестную семнадцатилетнюю польскую девушку Ирину, которая скрывалась от высылки в Германию на подневольные работы. Леокадия предложила ей поработать няней пару месяцев, но получилось так, что Ирина осталась с ней почти до конца войны.

Пока Яромирская жила одна, зарплаты в немецком торговом складе ей хотя и с трудом, но хватало. Теперь же понадобились дополнительные средства на содержание Богусии и Ирины. Выход был один: она стала воровать со склада разные товары — тюфяки для матрацев, одеяла, простыни — и продавать их на черном рынке. Один тюфяк стоил 60 злотых — этого хватало на то, чтобы в течение месяца Богусии давать по яблоку в день. Вначале Леокадию мучила совесть, но потом она успокоилась — ведь все успешное ею со склада было украдено самими немцами у поляков. Однако она никогда не забывала, что за такое преступление ее немедленно отправят в концлагерь. Поэтому приходилось быть предельно осторожной и предусмотрительной. Вынесенные вещи она не продавала ни в Варшаве, ни в Бялолке.

Каждую субботу пани Яромирская сразу после работы отправлялась за триста километров в Краков, где жил ее брат. Поездка требовала немалых сил и мужества: поезда на станциях приходилось брать штурмом. Вагоны были переполнены — даже наклониться, чтобы поднять что-то с пола, было невозможно. Поезд шел всю ночь, а поутру, приехав в Краков, Леокадия вместе с братом ходила по крестьянским домам, чтобы обменять привезенные вещи на продукты. В тот же день вечером она снова отправлялась в Варшаву и в понедельник

сразу с поезда бежала на работу. После трудового дня она даже не ужинала, а обессиленная ложилась спать. Но благодаря этим поездкам Богусия нормально питалась, а Болек в лагере получал продуктовые посылки.

Большой проблемой было топливо: дрова еще можно было достать, но уголь ценился буквально на вес золота. У одного своего знакомого, железнодорожного инженера, Леокадия раз в неделю — ночью, тайком — покупала уголь прямо с паровоза. Для этого приходилось нарушать комендантский час — и попади она в руки гестапо, концлагеря было бы не миновать. Сто килограммов топлива стоило двести злотых. Не жалея ради любимой Богусии себя, Леокадия таскала домой мешки по 30–40 килограммов.

Страх потерять дочку не покидал ее никогда: и у соседей, и у немцев оставались подозрения о происхождении девочки. Однажды Яромирскую вызвали в гестапо на допрос. Леокадия пришла с Богусией на руках: ухоженный белокурый ребенок был совсем не похож на гонимых, грязных и несчастных евреев, с которыми приходилось иметь дело эсэсовцам. В тот раз удалось благополучно уйти с допроса, но опасность, что девочку заберут при очередной облаве, не проходила. Однажды Ирене пришлось прыгать из окна с малышкой на руках, чтобы спрятаться от неожиданного обыска. Леокадия с замирающим сердцем возвращаясь с работы: кто-то ее встретит дома?

И все же она ни секунды не колебалась, когда ей пришлось спрятать еще одну еврейку — на этот раз девушку.

Софья

Если Богусию вполне можно было принять за немецкого ребенка, то внешность Софьи не оставляла сомнений в ее еврейском происхождении. Вместе с матерью она бежала в Бялолеку из Лодзи, где у отца до войны была своя фабрика. Заручившись фальшивыми документами, женщины надеялись скрыться в деревне от преследования нацистов. К лету у немцев возникли подозрения в отношении беглецов, и они решили ехать в Варшаву, где, как им казалось, легче скрыться от внимательных глаз гестапо. Но варшавская полиция была более искусственной в распознавании фальшивок — Софью и ее мать очень быстро поймали и отправили в проклятое и обреченное варшавское гетто. Согнанные сюда несколько сотен тысяч евреев, поколениями воспитывавшихся на уважении к святости жизни и необходимости помощи ближнему, нечеловеческими условиями были доведены до того, что на улице перестали замечать мертвых и подходить к умирающим.

Старшая сестра Софьи была замужем за высокопоставленным чиновником. Им удалось вызволить ее из гетто. Узнав, что Софье

негде жить, Леокадия пригласила ее остаться с ней в Бялолеке. Когда зимой 1942 года Яромирская тяжело заболела, именно Софья выходила ее.

Спрятать гостью от чужих глаз было очень непросто, ибо квартира состояла только из двух комнат: столовая-кухня выходила в общий с соседями коридор, прямо за ней располагалась спальня.

Леокадия старалась соблюдать все меры предосторожности. Хранившиеся в спальне книги она вынесла на кухню, чтобы соседи, ипогда заходившие взять что-нибудь почитать, не увидели ничего подозрительного.

Софья не очень подходила на роль идеальной затворницы. Она была первой, а порой и капризной девушкой. Ей не сиделось дома, хотя она хорошо представляла, что произойдет, если ее опознают. Однажды Леокадия была вынуждена сказать Софье, что очень благодарна ей за заботу прошлой зимой во время болезни, но теперь ее прихоти угрожают другим людям — Богусии и Ирене. Кара за укрывательство еврейки обрушится на всю семью. Тогда Софья послушалась и осталась дома.

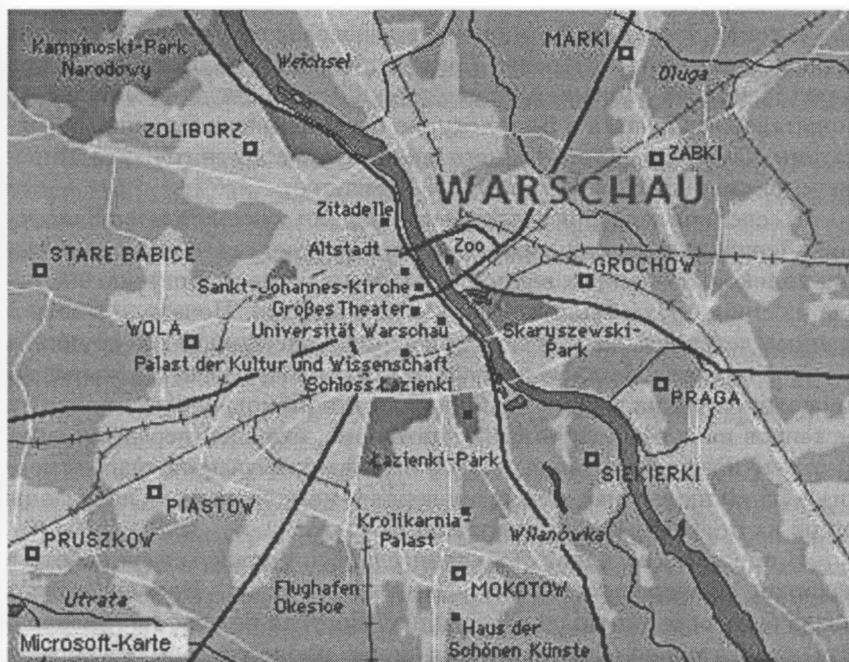
Но в другой раз, когда Яромирская была на работе, девушка пошла гулять. И то, чего опасались, случилось: беглянку узнала пани Блинская, жена полицейского — «наш враг», как называла ее Леокадия. Вечером Блинская пришла к ним и сообщила, что видела Софью на улице. Леокадия притворилась, будто удивлена, но та пообещала разыскать девушку. Пришлось срочно вызывать сестру Софьи, чтобы отправить ее с ней в Варшаву.

Софья пережила войну, но ее психика была сломлена ужасами преследования. Через три месяца после победы она покончила жизнь самоубийством.

Беженки

Летом 1944 года советские войска прошли с боями Белоруссию и восточную Польшу и к началу сентября подошли к Висле. На другом берегу реки была Варшава. Казалось, что через несколько дней Висла будет форсирована, польская столица освобождена и красная армия двинется дальше на запад. Однако прошло болсе четырех месяцев до того дня, когда Сталин отдал приказ продолжить наступление.

Вопрос, кто первый освободит город, был совсем не прост с политической точки зрения. Работавшее в Лондоне польское правительство в изгнании, естественно, имело прозападную и антисоветскую ориентацию. Ему подчинялась Армия Крайова, действовавшая на оккупированной территории Польши. По инициативе Сталина было организовано другое польское правительство в изгнании, в основном

План Варшавы

состоявшее из бывших польских узников ГУЛАГа. Лондонское правительство Польши, стремясь опередить подход советских войск к польской столице, объявило на 1 августа 1944 года начало восстания и приказало Армии Крайова освободить Варшаву от немцев. Рассчитанное на двое суток, восстание вылилось в 63 дня кровопролитных боёв и закончилось полным разгромом его участников. Мольбы к советским властям о помощи оставались без ответа. Четыре месяца русские стояли на берегу Вислы, не делая даже попыток поддержать польское Сопротивление. Все просьбы западных союзников о том, чтобы СССР позволил им пользоваться своими аэродромами для доставки боеприпасов и медикаментов, также были отклонены.

В результате поражения варшавского восстания погибло около 40 тысяч польских партизан и бойцов Армии Крайова, а также 180 тысяч мирных варшавян. Сам город был разрушен почти полностью, потерял свыше 70 процентов населения и около 90 процентов промышленных предприятий. Были взорваны все вокзалы, мосты, уничтожена телефонная связь, система энергоснабжения. Обескровленная Армия Крайова уже не могла оказать серьезного сопротивления установлению порядка по советскому образцу в послевоенной Польше.

В семье Леокадии Яромирской варшавское восстание отозвалось прежде всего потерей Ирены. Тридцать первого июля она поехала в город навестить родных, а на следующий день, когда начались бои, попыталась вернуться в Бялолеку, но была схвачена немецкими солдатами. С ней случилось то, чего она боялась все эти годы: ее отправили на принудительные работы в Германию.

К середине сентября снаряды уже падали совсем рядом с Бялолкой. Леокадия с несколькими соседями по дому оказалась среди тысяч поляков, согнанных войной с насиженных мест. Богусию она несла на спине, руки были заняты узлом с вещами. Ночевали в заброшенных деревянях, часто в сараях и в хлеву. Несколько раз группа, в которой они шли, была на волосок от смерти: бомбежки и пожары сопровождали их на всем пути. Однажды немцы согласились подвезти беженцев на железнодорожной платформе, ехавшей перед поездом. И только позже они узнали, что это был так называемый «вагон смерти» — на таких вагонах немцы проверяли, не заложили ли партизаны мины на полотне. Им повезло: мин не было.

В одном из поселков Леокадии удалось устроиться на работу в пекарне, снабжавшей хлебом немецкий гарнизон. Наконец-то она могла быть спокойной: ее ненаглядная Богусия больше не голодала. Эта относительно благополучная пора продолжалась до января 1945-го.

За четыре месяца стояния на берегу Вислы советская армия восстановила силы, получила пополнение и обновила боезапас. В январе 1945 года началось решительное наступление. Первым Белорусским фронтом командовал маршал Жуков. Семнадцатого числа Варшава была полностью освобождена от немцев. Немецкие части спешно отступали на запад. Леокадия решила, что ей нужно двигаться в другую сторону.

И снова с Богусией за спиной и маленьким узелком в руках она пробиралась — теперь уже назад, в Варшаву. Дороги были завалены снегом, Висла покрыта льдом. Леокадия направилась в пригород под названием Прага, где жили родственники ее мужа. Когда брат Болек увидел их с Богусией, он заплакал: все думали, что они погибли. В разрушенной войной Бялолке не осталось ни одной живой души. Спаслись только те, кто успел уйти.

В мае закончилась война, маленькая Богусия не могла оторвать глаз от салюта Победы. А через несколько недель случилось то, на что никто уже не надеялся: из Освенцима живым вернулся Болек.

Теперь Яромирские жили втроем — Болек, Леокадия и Богусия — в небольшой комнатке неподалеку от родственников. Муж был очень слаб; он все время ел, работать еще не мог, и Леокадия

работала за двоих, спасая семью от голода. Несмотря на все трудности военного и послевоенного времени, Богусия росла крепкой, здоровой девочкой. Казалось, все у них постепенно налаживается и беды позади.

Жизнь Леокадии вновь круто переменялась в один день, 27 сентября 1945 года, когда в комнату вошел незнакомый человек, представившийся Гершоном Йонишем. После короткого разговора Гершон сказал, что он отец девочки, настоящее имя которой — Шифра.

Гершон

То, что пришлось пережить Гершону Йонишу в годы войны, похоже на фантастическую историю, написанную неумеренным в своих фантазиях сочинителем, — слишком много испытаний выпало на долю одного человека.

Йониш родился в 1910 году в Легионове, типичном еврейском местечке, каких много было в довоенной Польше. В 1938-м он женился на Голде Мишлер из соседнего городка Радзимица, прославившегося тем, что в нем жил знаменитый религиозный учитель Самуэль Зингер, отец писателей Йозефа и Исаака Башевис Зингеров. (Заметим в скобках, что сам Гершон Йониш не имел литературных амбиций, хотя и написал в семидесятых годах воспоминания, вошедшие в

Голда и Гершон

Книгу Памяти, посвященную евреям Радзими́на. Книга вышла в свет примерно через тридцать лет после того, как еврейская жизнь в этом городе окончательно оборвалась.) В молодости Гершон, как и его отец, занимался мелкой торговлей. Вместе с женой он поселился в Радзимине, где открыл небольшой магазинчик. Но долго торговать ему не пришлось: в сентябре 1939 года Польшу заняли немцы.

Шифра родилась у Голды и Герсона в апреле 1941-го. Когда в конце года немцы возвели вокруг беднейшего района города стену и согнали туда всех евреев, она оказалась самой маленькой обитательницей нового гетто. Но останься Йониш в Легионове, он все равно не избежал бы своей судьбы: там было организовано такое же гетто, и события развивались по общему сценарию.

Осенью 1942 года немцы готовились ликвидировать оба гетто — и в Легионове, и в Радзимине. Многие тогда поняли, что депортация из гетто означает верную смерть, и решили бежать. Чтобы легче было скрыться в лесу, беглецы разбились на маленькие группки. С Йонишами объединяться никто не хотел: маленький ребенок почти не оставлял шансов на спасение.

Кого-то из смельчаков немцы расстреляли на месте, кого-то разыскали и убили через некоторое время. Йонишам повезло, их не нашли, но ребенок все время плакал, и угроза быть обнаруженными в лесу неподалеку от Варшавы висела над ними постоянно. После мучительных колебаний родители решили оставить дочку у ближайшего поселка в надежде, что добрые люди не дадут ей погибнуть. Так 6 октября 1942 года Шифра и оказалась у дома Леокадии Яромирской.

А Йониши тем временем присоединились к группе евреев, пригнанных немцами из Варшавы для ремонта железной дороги. С ними они вернулись в столицу и четыре месяца жили в гетто — вплоть до 18 января 1943 года, дня первой большой депортации евреев из Варшавы.

Голде удалось спрятаться в бункере на улице Заменгоф, а Гершон попал в облаву и был доставлен на печально известную площадь Умшлагплац: туда вел узкий проход из колючей проволоки, а выход был только один — в железнодорожные вагоны, отправляющиеся в лагерь смерти. Невероятно, но Йониш вместе с двумя товарищами по несчастью сумели выскочить из поезда на пути в Треблинку и опять пробраться в гетто. Когда он 25 января пошел свою жену в бункере, та не могла поверить своим глазам: его уже считали погибшим.

День 18 января был примечателен еще и тем, что заключенные гетто впервые оказали немцам вооруженное сопротивление. Те немногие из них, кому удалось купить у поляков оружие, открыли по немцам огонь. Серьезных потерь немцы, конечно, не понесли, но еврейские депортации на время прекратили. Они опасались, что сопротивление

евреев поддержат поляки. Но этого не произошло. А когда в апреле 1943 года в варшавском гетто вспыхнуло настоящее восстание, евреи оказались перед лицом смертельного врага один на один: пока немцы методично уничтожали мятежное гетто, поляки праздновали Пасху.

Оставшихся в живых повстанцев разбросали по концентрационным лагерям. Голда и Гершон Йониши оказались в Майданеке. Ему досталось мостить камнями дороги, а она при очередной сортировке заключенных была отправлена в газовую камеру. Гершон остался один.

Казалось, он прошел все мыслимые испытания на выживание: его могли убить при ликвидации гетто в Радзимине в октябре 1942 года, при депортации в Треблинку 18 января 1943-го, при подавлении восстания в варшавском гетто тремя месяцами позже, а летом того же года он мог погибнуть в печах Майданека. Но судьбе и этого было мало: в июле 1943-го Йониш был переправлен в лагерь смерти Освенцим. Теперь у него не было имени — только номер 126415, выколотый на руке. Йониш выдержал восемнадцать месяцев рабского труда и дожил до полной ликвидации лагеря в январе 1945 года. Двадцать седьмого января лагерь был освобожден советскими войсками; за неделю до этой даты Йониш с оставшимися в живых заключенными был переправлен в лагерь Маутхаузен в Австрии.

Когда 6 мая 1945 года в Маутхаузен вошли американские солдаты, у него не было сил, чтобы встать.

Шифра

Немного окрепнув, Гершон отправился на поиски дочери. Бялолека лежала в развалинах, вокруг не было ни одной живой души. Потеряв всякую надежду найти Шифру, Йониш решил через Италию добираться до Палестины. В августе 1945 года он уже был в лагере вблизи Рима, среди беженцев, ожидавших отправки на Святую Землю. И тут произошел невероятный случай, который изменил его планы.

Однажды вечером он с приятелем гулял по улице. К ним подошла цыганка и предложила погадать. Разглядывая руку Йониша, она сказала, что далеко отсюда его дочь ждет встречи с отцом. Пораженный Гершон не знал, верить этому или нет. Приятель считал, что надо еще раз попытаться. Вместо Палестины Гершон вновь поехал в Польшу.

За прошедшие месяцы в Бялолеке появились люди. Йонишу удалось найти книгу регистрации, в которой была запись о Богумиле Яромирской. Повторив путь, некогда пройденный Леокадией, 27 сентября 1945 года он оказался в ее комнатке в пригороде Варшавы Праге.

Казалось, судьба поставила неразрешимую задачу: с кем должна быть девочка — с приемной матерью, которая, рискуя жизнью, спасла ее в тяжелые годы войны, или с родным отцом, которого она даже не

Шифра с отцом

помнила? Любое решение означало чье-то горе и боль, резать нужно было по живому. Леокадия не знала, что ей делать. Жизни без любимой Богусии она не представляла. Было желание забрать Богусию и скрыться с ней где-нибудь, но бросить слабого и беспомощного Болека она тоже не могла. Она даже написала папе римскому Пию Двенадцатому. Не прошло и месяца, как пришел ответ: Леокадия должна отдать ребенка отцу.

Гершон обещал Леокадии регулярно писать ей о том, как живет девочка, при-

сылать фотографии. Свое слово он сдержал. Яромирская много лет получала письма от Йониша из Израиля, куда он все же уехал с дочкой в 1948 году. Их общение с Богусией прекратилось на долгие годы.

Расставание с приемной матерью было страшной травмой и для самой Шифры-Богусии. Не сразу привыкла она к незнакомой стране, к новой семье отца. Шифра воспитывалась у дяди в киббуце Шар-Хаголан. Здесь она наконец почувствовала себя еврейкой, нашла верных друзей, здесь вышла замуж, и здесь же родились ее дети.

В 1966 году муж Шифры Йорам написал письмо Леокадии и попросил рассказать историю спасения его жены. Запись этой истории, сделанная рукой Яромирской, хранится сейчас в музее Яд-Вашем. В 1967 году, через двадцать с лишним лет разлуки, Леокадия и Шифра обменялись первыми письмами. К этому времени у Шифры и Йорама было уже трое детей — двух, четырех и шести лет. Вскоре они пригласили Яромирскую в Израиль. Приглашение было отправлено в Польшу 28 мая 1967 года, а через неделю началась Шестидневная война. Йорам командовал танковым подразделением. Пройдя войну без единой царапины, он в декабре того же года был убит в перестрелке у иорданской границы.

После Шестидневной войны Польша, как и большинство социалистических стран, разорвала дипломатические отношения с Израилем. Намеченная на октябрь 1968 года поездка Леокадии в Израиль

сорвалась. И все же в следующем году с учетом исключительности обстоятельств Яромирская стала единственной польской туристкой, получившей визу в Израиль. В мае 1969-го она наконец обняла свою любимую дочь и внуков. Все вместе они были 8 мая в мемориале Яд-Вашем, где Леокадии торжественно вручили медаль Праведника Мира. По традиции она посадила на аллее Праведников дерево, возле которого появилась табличка с ее именем. Это дерево имеет номер Д-92.

* * *

Через несколько лет после гибели Йорама Шифра снова вышла замуж. Ее мужем стал Адам, член того же киббуца Шаар-Хаголан. Они вместе вырастили шестерых детей. А Леокадия после войны воспитала еще одну приемную девочку, а когда та выросла, заботилась о ее сыне, своем внуке. Умерла она во Вроцлаве в 1987 году. Дети Шифры часто гостили у бабушки в Польше. Ирена, вернувшаяся из Германии сразу после победы, до сих пор живет в Варшаве. У них с Шифрой очень теплые, дружеские отношения.

Об одном эпизоде своей жизни с Богусией в оккупированной Бялостоке Леокадия не любила рассказывать — слишком болезненны были воспоминания. Эту историю подтверждают Ирена и уцелевшие соседи Яромирской.

Кто-то все же донес в гестапо, что у Яромирской живет еврейский ребенок. Однажды двое солдат пришли к ней домой, чтобы забрать девочку. Но Леокадия сказала, что если они хотят убить Богусию, то пусть убивают и ее. Солдаты привели их во двор гестапо, и Леокадия попросила расстрелять ее первой, потому что она не хочет видеть крови своего ребенка. Солдаты переглянулись: обычно поляки охотно отдавали еврейских детей, чтобы спасти себя или получить награду. И отпустили обеих... «Это, должно быть, настоящая мать», — сказали они.

Литература

1. *Hellman Peter*. When Courage Was Stronger than Fear. New York, Marlowe & Company and Ballett & Fitzgerald Inc., 1999.
2. *Hellman Peter*. Avenue of the Righteous. New York, Atheneum, 1980.

СВОЕ ИМЯ (ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ НОРТЬЕ ХЕГТ, ЕВРЕЙКИ ИЗ ГОЛЛАНДИИ)

В оккупированном Амстердаме

В ноябре Нортъе Хегт потеряла работу.

Шесть месяцев назад, 10 мая 1940 года, немецкие войска напали на нейтральное Королевство Нидерланды. Через три дня, когда поражение голландцев стало очевидным, королева Вильгельмина и члены правительства улетели в Лондон. Четырнадцатого мая немецкая авиация бомбила Роттердам, под развалинами домов погибло свыше тысячи горожан. На следующие сутки главнокомандующий голландской армии генерал Хендрик Винкельман подписал акт капитуляции, и немецкие танки вошли в Амстердам.

В тот день, 15 мая 1940 года, около двухсот человек, в основном бежавшие из Германии евреи, страшась худшего, покончили жизнь самоубийством. Правда, поначалу многим казалось, что страхи были напрасными: первые месяцы оккупации прошли на удивление тихо. Немецкие власти старались завоевать симпатии голландцев, и евреев тогда не выделяли среди других групп населения. Венский адвокат Артур Зайсс-Инкварт, назначенный рейхскомиссаром Нидерландов, заявил 29 мая на церемонии вступления в должность, что немцы не собираются угнетать эту страну или навязывать ей свою идеологию. Однако спокойная жизнь продолжалась недолго.

С августа 1940 года стали появляться антиеврейские постановления, причем в самом первом указе от пятого числа имя жертв нацизма еще не было названо. Постановление запрещало «жестокую практику забоя скота» для изготовления кошерного мяса. В октябре 1940-го все государственные служащие должны были пройти «арийскую аттестацию», заполнив специальные декларации: форму «А» заполняли арийцы, форму «В» — евреи. С незначительными изменениями Зайсс-Инкварт следовал расистским Нюрнбергским законам 1935 года. Тогда же вышел указ об обязательной регистрации всех еврейских частных предприятий — это уже был первый шаг к экспроприации имущества евреев. В ноябре последовало массовое увольнение всех госслужащих еврейской национальности. Под такое увольнение попала и Нортъе Хегт.

Ей было в то время двадцать лет. Четыре года назад умер ее отец, и чтобы поддержать семью, она оставила школу и пошла работать. Отец хотел, чтобы Нортъе стала пианисткой, но занятия музыкой также пришлось прекратить. Она окончила курсы телеграфисток, где ее натренированные музыкальные пальцы быстро освоили эту

работу, и была принята в амстердамский почтамт. И вот теперь евреям запретили работать там.

К чести голландских властей, они не подчинились безропотно немецкому постановлению. Прежде всего они пытались добиться у немецкой администрации ответа на вопрос, как увольнение еврейских служащих согласуется с равенством прав всех граждан, закрепленным конституцией Нидерландов. Так как немецкий указ был уже принят, голландцы постарались хотя бы изменить формулировку: вместо слова «увольнение» они настояли на выражении «приостановление деятельности», что позволило им почти целый год выплачивать бывшим служащим денежное пособие, пока в 1941-м немцы не запретили и это.

Многие граждане Голландии открыто выступали против расистских указов. Например, Дин Клевринга, преподаватель юридического факультета Лейденского университета, обратился к коллегам с яркой речью против увольнения профессора Мейерса. Он назвал действия немцев низкими, а их власть — основанной исключительно на грубой силе. Об уволенном профессоре Клевринга сказал, что Мейерс — гордость голландского народа и он еще вернется в университет с почетом. Чтобы его речь не пропала, Клевринга разослал своим коллегам 48 копий с ее текстом и был за это на восемь месяцев посажен в тюрьму. По сравнению со многими другими защитниками евреев, окончившими жизнь в лагерях смерти, такое наказание было довольно легким.

Февральская стачка

С осени 1940 года немецкие власти стали решительно и неуклонно проводить политику изоляции евреев от голландского общества. Во всех общественных заведениях — от бассейнов до парков — появились таблички с предупреждением: «Евреи нежелательны» или «Евреям вход запрещен». У евреев отобрали велосипеды, дома, квартиры, предприятия...

Голландские нацисты, члены Национал-социалистического движения (НСД) Нидерландов, активно помогали в этом немцам. В ответ были созданы отряды еврейской самообороны. Во время одной из уличных схваток в феврале 1941 года был убит активист НСД Коот. Через несколько дней, 22 февраля, еврейский квартал Амстердама был оцеплен и около 400 молодых людей, схваченных на улицах, отправлены в Бухенвальд, а оттуда — в концлагерь Маутхаузен.

Эта акция не прошла незамеченной для голландской общественности. Через три дня после захвата еврейских заложников, 25 февраля 1941 года, профсоюзы призвали к забастовке, получившей

название Февральской стачки. Это был беспримерный случай сопротивления: в оккупированной нацистами стране организована всеобщая забастовка рабочих и служащих — от докеров и металлистов до работников банков и продавцов — в знак протеста против еврейских погромов. Активисты разбрасывали листовки с такими словами: «Забастовка! Требуйте безусловного освобождения евреев! Проявите свою солидарность! Спасите еврейских детей от насилия и возьмите их в свои дома!». Стачка быстро охватила почти все города Голландии.

На севере Нидерландов немцы объявили особое положение. Время заигрывания с населением оккупированной страны прошло. Командующий немецкими войсками в Голландии генерал Христиансен приказал расстреливать бастующих. В три дня стачка была подавлена. Сотни человек были арестованы, четверо из них приговорены к смертной казни, остальные отправлены в тюрьмы и концлагеря. На городские общины нескольких голландских городов наложены миллионные штрафы.

Заложники, отправленные в Маутхаузен, были молодыми, здоровыми людьми. Свой арест на улицах Амстердама они воспринимали как случайное происшествие, во время задержания смеялись и обещали своим близким скоро вернуться домой. Все они погибли от непосильных работ и жестокостей лагерной охраны. Нацисты в то время не очень заботились о том, чтобы скрыть от общественности свои преступления. Родственники погибших получили свидетельства о смерти. Преступники не могли предвидеть всех последствий этого шага.

Еврейский Совет Нидерландов, образованный 13 февраля 1941 года по требованию немецких властей, выступил с протестом против гибели сотен молодых людей. Этот протест, конечно, не имел для немцев никакого значения. Но жалоба была отправлена через Швецию, традиционно игравшую роль посредника, когда речь шла о проблемах голландских граждан в Третьем Рейхе или немецких граждан в голландских колониях. Нейтральная Швеция потребовала, чтобы министерство иностранных дел Германии разрешило шведским инспекторам проверить, как содержатся заключенные в концлагере Маутхаузен. И шефу гестапо Генриху Мюллеру пришлось наводить на лагерь глянец цивилизованности. Впоследствии немцы более тщательно маскировали следы своих зверств.

Буква «J» в удостоверении личности

Если не считать жестокого эпизода с четырьмястами заложниками, жизнь евреев в оккупированной Голландии в 1941 году еще оставалась относительно сносной. У многих сохранялись иллюзии, что

выполняя предписания немцев, можно пережить страшное время войны и дожидаться нормальной жизни. Инстинкт подсказывал Нортъе Хегт, что это не так.

В июне 1941 года проводилась объявленная оккупантами обязательная регистрация населения. В городской ратуше, куда Нортъе пришла вместе с матерью и сестрой, люди стояли в двух больших очередях: одна была для евреев, другая — для всех остальных. В новых удостоверениях личности, которые получали евреи, кроме фотографии, отпечатков пальцев и подписи владельца стояла жирная буква «J». Неожиданно ей пришла мысль встать в очередь с не евреями: и имя ее, и внешность были типично голландскими. Однако мать была решительно против: это опасно для всей семьи, лучше быть послушными, тогда немцы не сделают ничего плохого. Скрепя сердце Хегт согласилась, но с этого момента решила жить отдельно — так ее будет труднее найти.

Тогда многие не понимали, что буква «J» в удостоверении почти наверняка означала смертный приговор. Из 140 тысяч голландских евреев более трех четвертей были убиты в течение трех лет. Если сравнить, например, с Францией, то там погибло тридцать процентов еврейского населения. И это несмотря на то, что голландцы оказали нацистам самое сильное из всех оккупированных народов Европы сопротивление, в то время как Франция дала немало примеров позорного соглашательства с фашистами. Важным фактором было, конечно, географическое положение: само название маленьких Нидерландов указывает на низменный рельеф, лишенный естественных укрытий в виде гор и лесов, которыми богаты та же Франция или Италия. И эти потери были бы еще больше, если бы не многочисленные примеры мужественной солидарности простых голландцев с жертвами преследования.

В 1942 году на голландских евреев обрушился целый ливень новых ограничений и запретов. Почти каждый номер официального издания Еврейского Совета Нидерландов -- газеты «Еврейский еженедельник» — содержал текст очередного указа оккупационных властей. Двадцать первого марта евреям было запрещено ездить в автомобилях за исключением машин «скорой помощи», служебных автомобилей Третьего Рейха и катафалков. С восьмого мая все евреи старше шести лет обязывались носить желтые звезды, причем это предписание следовало выполнять даже в тех случаях, когда человек просто выглядывал из окна на улицу. Звезды выдавались Еврейским Советом. Двенадцатого июня «Еврейский еженедельник» объявил, что евреям нельзя больше заниматься физкультурой под открытым небом — ни греблей, ни плаванием, ни теннисом, ни футболом и

никакими другими видами спорта. Делать покупки в нееврейских магазинах разрешалось только в течение двух часов — с трех до пяти пополудни, когда все свежие овощи и другие продукты уже проданы «арийским покупателям». Владельцев магазинов, нарушавших это постановление, немцы безжалостно отправляли в концлагерь. И тем не менее среди голландских продавцов находились смельчаки, которые сами приносили дефицитные товары своим постоянным клиентам-евреям.

В июне 1942 года Адольф Эйхман сообщил Карлу Радемахеру, советнику по еврейским вопросам министерства иностранных дел в Берлине, что около ста тысяч евреев из Франции, Бельгии и Голландии должны быть отправлены в лагеря смерти на восток. Так в программе «окончательного решения еврейского вопроса», утвержденной на Ванзейской конференции 20 января 1942 года, настала очередь Голландии. Квота первой депортации из страны составляла сорок тысяч человек.

Немцы извлекли уроки из своих ошибок начала оккупации: истинные цели «переселения» держались в строжайшем секрете. Населению и Еврейскому Совету сообщалось, что переселяемые люди будут «под охраной полицейских» работать в трудовых лагерях. Еврейский Совет должен был предоставить списки евреев в возрасте от шестнадцати до сорока лет, подлежащих депортации. Когда Совет не мог обеспечить нужного для отправки числа людей, немцы проводили облавы и рейды, не брезгуя даже налетами на еврейские больницы и госпитали. При этом забирали поголовно всех ходячих больных, не обращая внимания на их состояние. В одном из таких госпиталей работала медсестрой Нортье Хегт.

«Лекарство для внешнего употребления»

В отличие от своей матери, которая верила заявлениям немцев, Нортье понимала, что конечная цель депортации — убийство. Она уже слышала о газовых камерах и специальных крематориях в польских лагерях уничтожения. И девушка решила, не дожидаясь своей очереди, попытаться спрятаться. Но где? Ее сестру Рейну прятал у себя в Роттердаме друг-голландец. Взять к себе еще и Нортье он отказался — слишком опасно держать сразу двоих. Одна из старых подруг семьи Хегт Анна Левинсон предложила Нортье удостоверение личности на имя Франциски Слуйк. Главное, что в этом документе не было страшной буквы «J». Такое удостоверение, куда оставалось просто вклеить фотографию и тем самым сохранить человеку жизнь, на черном рынке стоило двести гульденов. У Нортье таких денег не было,

но Левинсон даже слышать не хотела о деньгах. После войны эта добрая женщина поселилась в Тель-Авиве.

Однако полагаться на одно лишь удостоверение личности даже при вполне арийской внешности Нортъе было опасно: в Амстердаме ее знали многие. Нужно было искать другое место. Случай помог ей встретиться с женщиной, связанной с голландским подпольем, и та обещала помочь.

Подпольные отряды и группы голландского Сопротивления стали формироваться сразу после начала немецкой оккупации. Одной из важных задач Сопротивления было уберечь голландцев от отправки на принудительные работы в Германию. Кроме того, его участники спасали голландских евреев от депортации в лагерь Вестерборк, откуда с июля 1942 года регулярно шли поезда в Освенцим. Осенью 1942-го в Голландии была создана подпольная организация, объединившая более 14 тысяч человек. Ее руководительницу, Куйперс-Ритберг, подпольщики называли тетушкой Рик. Эта организация находила укрытия для людей, скрывавшихся от нацистов, обеспечивала их фальшивыми документами, едой, одеждой, лекарствами...

Семью, которая могла бы принять Нортъе, искали несколько месяцев. Подпольщики выясняли все детали: есть ли в доме маленькие дети, которые могут нечаянно выдать человека, не связан ли кто-то из членов семьи с полицией, не сочувствует ли фашистам, готовы ли они взять к себе именно девушку-еврейку и т.д. В организации «тетушки Рик» действовала своя почта и был выработан специальный шифр, непонятный для посторонних. Например, если нужно было спрятать девушку-еврейку, подпольщики спрашивали, идет ли речь о лекарстве для внутреннего или для внешнего применения. Девушка, имевшая типично еврейскую внешность, не могла показаться на людях в новом месте. Обязательно нашелся бы информатор, пожелавший сообщить о ней в гестапо. Такую девушку нужно было прятать где-нибудь на уединенной ферме или на хуторе. В этом случае говорили о «лекарстве для внутреннего употребления», приготовленного, например, для черноволосой сестры Нортъе Рейны, похожей на мать, урожденную Родригес-Лопес. Несколько поколений сефардских евреев, посивших эту фамилию, нашли в Голландии новый дом после изгнания из Испании в конце шестнадцатого века. Внешность Рейны и погубила ее. Стоило ей один раз нарушить правила конспирации и выйти на улицу, как она была схвачена полицией и отправлена в лагерь, где и погибла.

В противоположность своей сестре Нортъе Хегт была похожа на отца, ашкеназского еврея родом из Германии. Ее светлые волосы и типично голландское лицо не вызывали у посторонних никаких

подозрений. И здесь можно было уверенно говорить о «лекарстве для внешнего применения».

Только в июне 1943 года, когда депортация евреев в лагеря смерти уже шла полным ходом и немцы забирали всех евреев без разбора, женщина, обещавшая Нортье помощь, сообщила ей адрес убежища. Ее ждали в маленьком городке под названием Ферверд, расположенного в северной голландской провинции Фрисланд. Прощание с матерью состоялось накануне дня рождения Нортье. Все между ними уже было сказано. Мать не хотела никуда уезжать, даже перспективу отправки на восток она воспринимала с оптимизмом: если добросовестно работать, немцы не сделают ничего плохого. На прощание она отдала дочери все деньги, которые были при ней, — одиннадцать гульденов. Больше Нортье свою мать не видела.

«В этом доме вам не нужны деньги»

На следующее утро, сняв с груди желтую звезду, Нортье незаметно покинула госпиталь и отправилась на север страны. Проехав почти полдня сначала в поезде, а потом в автобусе, она добралась наконец до Ферверда и постучала в дверь указанного дома. Дверь открыла молодая женщина, судя по внешности, чуть старше самой Нортье.

— Меня зовут Франсиска Слуйк, у меня сегодня день рождения, и у меня нет денег, — едва справляясь с волнением, сказала Нортье.

— А мое имя Ситске Постма, — ответила хозяйка и добавила: — В этом доме вам не нужны деньги.

Эти слова, с которых началось их знакомство, обе женщины помнили всю жизнь. Как рассказывала потом Ситске, она тоже сильно

Нортье и Ситске

волновалась, открывая дверь: раньше ей не приходилось видеть ни одного еврея. Обменявшись первыми фразами, девушки вдруг рассмеялись.

Отношения, установившиеся между Нортье и Ситске в первые минуты знакомства, практически не изменились. В доме Ситске Постмы, се отца Дьорда и младшего брата Ренце, девушка никогда не нуждалась в деньгах. Здесь она нашла такое

понимание и заботу, о которых оказавшийся в опасности человек мог только мечтать. И все страшные годы войны, когда немцы методично уничтожали всех евреев, когда погибли родные Нортъе, когда сами голландцы страдали от жестокого голода и других лишений, в семье Постма в маленьком городке строгой и не улыбочливой провинции Фрисланд не было дня, а может, и часа, чтобы Нортъе и Ситске не смеялись вместе. Они стали неразлучными подругами. Для соседней Франциска Слуйк была амстердамской кухней Ситске Постмы.

Дьорд Постма делал из дерева инструменты для местных фермеров. В комнате Ситске для Нортъе поставили кровать его работы. Сама Ситске, как и ее покойная мать, была учительницей начальных классов. Из-за войны работы в школе не было, и она вела домашнее хозяйство и помогала отцу в мастерской и в магазинчике. Брат Ренце работал на ферме в соседнем городке. Когда Нортъе предлагала им свою помощь, ей мягко, но решительно отказывали. Это не укладывалось в голове девушки. Она знала, что евреи, которым посчастливилось найти убежище в голландских семьях, должны были много работать на своих новых хозяев. И она не считала это слишком большой платой за жизнь. Но в семье Постма были свои принципы. «Мы взяли тебя не служанкой», — говорили они.

И через много лет, думая о своем положении в семье Постма, она поражалась благородству этих простых людей. Они знали лучше, чем Нортъе, в каком беспомощном и безвыходном положении та оказалась. Они не сомневались, что подобно другим евреям, скрывающимся от нацистов, Нортъе стала бы делать все, что ей скажут. И именно поэтому ей не давали ничего делать. Постма приняли к себе девушку не как работницу или служанку. Они взяли ее потому, что считали это правильным. Потому, что ненавидели оккупантов, любили свою страну и хотели спасти тех, за кем их враги охотились. И чем больше Нортъе

Ситске и Дьорд Постма

думала об этом, тем больше понимала, каким счастьем для нее было стать членом этой замечательной семьи.

Дьорд Постма предложил Нортье привезти к ним и мать. Он готов был сделать для нее убежище на чердаке, чтобы никто из посторонних ничего не заподозрил. Однако на отправленное по подпольной почте письмо мать ответила отказом: она не может оставить своего нового мужа и верит, что немцы ничего плохого им не сделают. Через две недели и мать, и отчима отправили в Освенцим.

Все члены семьи Постма свято соблюдали предписания строгой голландской реформаторской церкви. Трижды в день они стояли за обеденным столом со склоненными головами, пока глава семьи произносил слова благодарственной молитвы. А по воскресеньям, надев лучшие одежды, все шли на службу и пели в общем хоре.

Иудаизм не занимал большого места в жизни Нортье. Девушка всегда чувствовала себя больше голландкой, чем еврейкой. Поэтому преследования немцев казались ей вдвойне несправедливыми. Казалось, попав в христианскую семью, где ее приняли как родную, для нее естественней всего было бы стать христианкой. Местный пастор, член подпольной антифашистской организации, сам прятавший у себя нескольких евреев, специально пришел к ней, чтобы подготовить ее к крещению. Но неожиданно даже для себя Нортье отказалась. Она не могла оставить веру отцов в тот момент, когда евреям Европы грозила гибель. Когда она рассказала о своих сомнениях пастору и Ситске Постме, те поняли и поддержали ее. Интерес к иудаизму, а потом и к сионизму все сильнее захватывал Нортье. Во время прогулок по берегу холодного Северного моря она с жаром описывала Ситске свою будущую жизнь в Палестине. И как это ни удивительно, она не ошиблась в своих предвидениях.

Однажды Ситске привела Нортье к еврейской девушке, которая тоже скрывалась от немцев в голландской семье недалеко от Ферверда. Девушку звали Эйна Дехаас, и она, как и Хегт, была из старинного рода сефардских евреев. Эйна мучилась сомнениями: хозяева настаивали на крещении, два ее брата уже готовы были принять христианство. Истинную причину колебаний Эйны Нортье поняла сразу и обратилась к хозяевам девушки с укором: нехорошо пользоваться беспомощным положением человека и требовать от него перехода в другую веру. Она предложила оставить разговоры о крещении до окончания войны. Находявшаяся рядом Ситске поддержала свою «кузину». Прощаясь, Нортье обняла Эйну и шепнула ей, что верит в нее, а ее колеблющихся братьев заочно ненавидит. Она сильно удивилась бы тогда, если бы кто-то ей сказал, что с одним из них она свяжет свою судьбу.

Дерево номер Е-37

Когда война закончилась, Нортъе Хегт вернулась в Амстердам. Дьорд Постма дал ей на дорогу сто гульденов — на восемьдесят девять гульденов больше, чем у нее было, когда два года тому назад она впервые вошла в их дом. Никого из близких не нашла девушка в живых. В их квартире жили чужие люди, вещи Хегтов бесследно исчезли. Знакомые, встречавшие Нортъе, удивлялись, что она жива. Многие смотрели на нее с подозрением и немым упреком, будто она виновата в том, что выжила. Она не любила рассказывать о своих переживаниях. О ее состоянии в то время говорит одна деталь: за несколько послевоенных месяцев она похудела на десять килограммов. Нортъе возненавидела свой родной город и решила навсегда покинуть его.

12 июня 1946 года, в третий свой день рождения после прибытия в Ферверд, она отправилась на юг Франции, чтобы оттуда нелегально перебраться в Палестину. На Святой Земле она помогала отрядам Пальмах — была разведчицей, связной, перевозила оружие. В войне за независимость в 1948 году Нортъе (теперь ее звали Нурит Хегт) была армейской медсестрой, после войны продолжала работать в госпитале. Там ей встретился человек, связанный с голландским антифашистским подпольем. От него она узнала, что амстердамский почтамт, в котором она начинала свою трудовую деятельность накануне немецкой оккупации, все это время переводил ее зарплату на тайные банковские счета. Ей заплатили ровно столько, сколько она получила бы, если бы каждый день приходила на работу, — четыре тысячи гульденов. После войны ее искали, чтобы отдать деньги. Пришлось еще раз вернуться в Амстердам. Женщины, работавшие с ней на почте, встретили ее с объятиями и слезами. Вернувшись в Израиль, Нурит Хегт купила для пациентов своего госпиталя кофеварку, обогреватель и радиоприемник.

В 1950 году Нурит вышла замуж. Ее мужем стал Шломо Дехаас, брат Эйны, которую Нортъе поддержала в трудные дни в Ферверде. Сама Эйна в то время уже жила в Израиле. Ну а Шломо Дехаас работал в Амстердаме, делал неплохую карьеру в голландской авиакомпании КЛМ, был на хорошем счету у начальства и не думал о своем еврействе. Его судьбу изменил случай: однажды в руки ему попался секретный отчет отдела кадров компании о его деятельности. В отчете отмечалось, что Дехаас хорошо обучаем и умеет общаться с людьми. Это было приятно читать. Но следующая фраза отрезвила Шломо. Отчет рекомендовал руководству компании не отстранять Дехааса от прямых контактов с публикой, так как его внешность мало говорит о еврейском происхождении.

Через несколько дней Шломо Дехаас уволился из компании и переехал в Израиль. Он знал, что там его ждет много проблем, но сложностей, связанных с происхождением, не будет.

Нурит и Шломо Дехаас вырастили сына и дочь. В 1976 году их семейство принимало Ситске Потсму, которая 26 июля представляла своего старого отца и брата на церемонии награждения всей их семьей медалями Праведников мира. Сама Ситске по традиции посадила дерево на аллее Праведников. Это дерево имеет номер Е-37. На фотографии, сделанной в тот момент сыном Нурит Алеском Дехаас, видно, как Ситске и Нурит смеются. Точно так же, как в те далекие годы в Ферверде.

В конце прошлого века Ситске жила одна в том самом доме в Ферверде. В свои восемьдесят три года она уже не работала учительницей, но не потеряла активности, ездила на красном «пежо» и часто принимала гостей из Израиля. Особенно любила бывать у Ситске дочь Нурит Диши Дехаас. Она работает в Амстердаме. Восьмидесятилетние Нурит и Шломо жили в своем доме в Нахариин, на севере Израиля. Диши Дехаас говорит, что никогда не видела свою мать такой же счастливой, какой она бывает во время встреч с Ситске Постмой.

Однажды Нурит вспомнила интересную деталь из своей жизни в Ферверде. Она тщательно следила за тем, чтобы не упомянуть свое настоящее имя — Нортъе Хегт. И Ситске всегда называла ее только Франциской, даже если они были одни на кухне. Но когда свет в комнате бывал уже потушен и девушки лежали в кроватях, Ситске обязательно тихо говорила: «Спокойной ночи, Нортъе».

— Она хотела, — пояснила Нурит, — чтобы я не забывала свое имя.

Литература

1. *Hellman Peter*. When Courage Was Stronger than Fear. New York, 1999.
2. *Hellman Peter*. Avenue of the Righteous. New York, 1980.

КОНСУЛ-САМОЗВАНЕЦ (ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИСТ СПАС ОТ УНИЧТОЖЕНИЯ ТЫСЯЧИ ЕВРЕЕВ)

Итальянец в Будапеште

Джоржио Перласка был убежденным фашистом, верным последователем Муссолини. Если бы не это обстоятельство, вряд ли он смог бы спасти от депортации и неминуемой гибели несколько тысяч венгерских евреев. В его честь не было бы посажено дерево на аллее Праведников в Яд-Вашеме, а сам Перласка не был бы удостоен медали, на которой выбито известное изречение из Талмуда: «Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

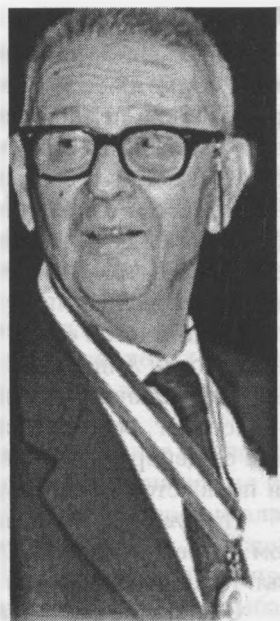
Джоржио Перласка родился в 1910 году в итальянском городке Комо, вырос в Падуе. В его семье все были строгими католиками, дед и отец занимали высокие посты при королевском дворе. Ничто не предвещало той удивительной судьбы, что выпала на долю этого человека.

После окончания технической гимназии Джоржио был призван в армию, участвовал в войне в Абиссинии. В 1936 году добровольцем поехал в Испанию, сражался на стороне Франко и получил звание лейтенанта артиллерии. Он восвал в знаменитой Гернике, про которую много позже рассказывал, что она не была так сильно разрушена, как писали журналисты и изобразил Пикассо.

Именно испанские связи помогли Джоржио сохранить свободу, а может быть, и жизнь многих людей во время Второй мировой войны.

Воевать ему больше не пришлось: в 1939 году, когда Италия готовилась вступить в войну на стороне Гитлера, Перласка жил за границей, в Будапеште, и работал в торговой фирме, снабжавшей итальянский флот мясными консервами из Венгрии, Болгарии и Румынии.

В сентябре 1943-го режим Муссолини пал, Италия вышла из войны, перестала быть союзницей Германии и была оккупирована нацистами. Перласка,

Джоржио Перласка, 1989 г.

всегда поддерживавший дуче, но не одобрявший его союза с Гитлером, свое новое состояние определил так: «Я теперь не фашист и не антифашист, я антинацист».

Возвращаться в Италию Джорджио не захотел, но и оставаться в Будапеште было опасно. Для правительства Венгрии, стоявшего на стороне Гитлера, итальянцы стали гражданами враждебного государства. Весной 1944 года Перласка с группой итальянских дипломатов был интернирован в специальный лагерь в городке Кекеш под Будапештом. Там он пробыл все лето и начало осени, а уже в октябре ему удалось освободиться.

Права итальянских граждан в Венгрии защищала Швеция, и делегация этой страны посетила лагерь, чтобы проверить условия жизни итальянских заключенных. Лагерное начальство на несколько дней отпустило Перласку сопровождать делегацию в Будапеште. А через два дня, 15 октября 1944 года, произошел государственный переворот: после попытки правителя страны Хорти заключить мир с Советским Союзом и разорвать союз с Гитлером к власти в Венгрии пришла фашистская партия «Стрела и крест», поддерживаемая немецкими военными. В городе наступил хаос. В лагерь Перласка не вернулся.

Испанский дипломат

Положение итальянского подданного в стране стало еще уязвимей. Его могли арестовать не только местные фашисты из «Стрелы и креста», но и немцы, фактически взявшие в Венгрии власть. И тогда весьма кстати оказалось обещание генерала Франциско Франко защитить всех, кто воевал на его стороне в Испании.

Перласка отправился в испанское посольство и попросил помощи. В тот же день он стал испанским гражданином, а таковые были у венгерского правительства вне подозрений: Испания - нейтральная, но дружественная по духу страна.

Практически сразу после этого он предложил свои услуги испанскому послу Анджело Санц-Брицу. Как и некоторые другие дипломаты, находившиеся в Будапеште (в том числе знаменитый швед Рауль Валленберг, речь о котором пойдет чуть ниже), Санц-Бриц спасал евреев от депортации и уничтожения. При этом действовал он, как это ни покажется странным, с ведома своего правительства.

Дело в том, что хотя генерал Франко и считался единомышленником Гитлера, участия Испании во Второй мировой войне он не допустил. Не поддерживал он и кампанию фюрера по уничтожению евреев.

С Испанией связана одна из крупнейших трагедий еврейской истории до Холокоста: в 1492 году все евреи были изгнаны из страны.

Почти четыреста лет испанский закон запрещал пребывание евреев в государстве. В конце девятнадцатого века многие политические деятели Испании заговорили о том, что позорный закон пора изменить и признать свою вину перед этим народом. После долгих дебатов в правительстве было решено предоставить право на испанское гражданство всем евреям из Османской империи, чьи предки жили в Испании (сефардским евреям). К слову, именно Испания первой предложила убежище евреям из царской России, бежавшим от погромов в начале двадцатого века.

Продолжая эту традицию, правительство генерала Франко защищало евреев и в страшные нацистские времена (особенно интенсивно эта помощь оказывалась в последние годы мировой войны, когда неминуемость поражения Германии становилась все отчетливее).

Санц-Бриц выдал Перласке удостоверение сотрудника испанского посольства. Новоиспеченный дипломат помогал в оформлении испанских виз, размещал беженцев в специальных домах-общежитиях, приписанных посольству.

«Вора делает случай»

Когда Перласка приступил к новой работе, под испанской защитой находилось около трехсот евреев. В конце ноября 1944 года, к началу наступления на Будапешт советской армии, в домах-общежитиях под испанской юрисдикцией жило уже более трех тысяч беженцев.

Джоржио Перласка взялся за их защиту добровольно, без какого-либо принуждения со стороны. «Я просто не мог отвернуться и пройти мимо, когда на моих глазах совершались страшные преступления», — рассказывал он в Иерусалиме, где проходила церемония присвоения ему звания «Праведник мира». В испанском посольстве было известно, что в Будапеште в годы войны проживало пять–шесть сефардских семей, не больше, однако визы выдавались тысячам еврейских беженцев.

Утром 30 ноября 1944 года Перласка не нашел в посольстве своего начальника: опасаясь прихода русских, Санц-Бриц уехал в Швейцарию, не назначив себе заместителя. Швейцарскую визу мог получить и Джорджио, но он решил остаться.

Перласка больше не имел права выдавать испанские паспорта, однако продолжал делать это. Фактически он сам себя назначил исполняющим обязанности консула Испании. Если бы венгерские власти проверили его полномочия, вряд ли ему удалось бы избежать смертного приговора. Но Джорджио не думал об опасности — напротив, по его же собственным словам, он чувствовал себя, как рыба в воде. Спустя годы, рассказывая журналистам о своих приключениях

того времени, он весьма кстати вспомнил поговорку: «Вора делает случай».

Не один раз приходилось консулу-самозванцу спасать своих подопечных от нападений венгерских фашистов из партии «Стрела и крест». Известный артист тель-авивского театра «Габима» Авраам Ронаи, один из тех, кого спас Перласка, оставил воспоминания о последних месяцах войны в Будапеште. В ту пору двенадцатилетний мальчик, он с матерью и сестрой находился в общежитии под защитой испанского посольства. В каждой комнате проживало не меньше десяти человек. Перласка навещал беженцев почти каждый день, приносил еду, лекарства. Однажды к ним ворвались венгерские фашисты и отобрали большую группу людей, чтобы вести их к Дунаю на расстрел. Среди приговоренных к смерти оказались и родные Ронаи. Ребенок с ужасом следил за происходящим. Неожиданно в здание вошел Перласка. Быстро разобравшись в ситуации, он в резкой форме обратился к офицеру и потребовал освободить всех евреев, находившихся на территории общежития под испанской юрисдикцией. В противном случае «исполняющий обязанности консула» грозил серьезным дипломатическим скандалом. Офицер извинился и увел солдат.

Венгерские фашисты вовсе не собирались ссориться с дружественной Испанией, рассчитывая с ее помощью установить связи со странами антигитлеровской коалиции, когда война подойдет к концу.

Перласка и Валленберг

В середине января 1945 года венгерский министр внутренних дел Габор Вайна приказал собрать и уничтожить всех евреев, находившихся под защитой иностранных представительств в Будапеште. Это было безоговорочное требование Гитлера. Казалось, усилия Перласки спасти обреченных на гибель людей провалились. Но «испанский консул» продолжал борьбу. Добившись встречи с министром, он в течение двух с половиной часов убеждал его отменить варварское решение. Последним аргументом была угроза точно так же поступить с венгерскими гражданами, находящимися в Испании. Кроме того, Перласка пообещал, что испанское правительство добьется аналогичного отношения к венграм в Бразилии и Уругвае.

Будапешт был окружен советскими войсками, близился конец войны. Габор Вайна согласился сохранить статус-кво в отношении евреев, находившихся под испанской защитой. Помочь людям, прятавшимся в других посольствах и представительствах, Перласка не смог — эти просьбы министр решительно отверг. Но и то, что удалось

сделать, похоже на чудо: более трех тысяч человек были спасены от верной смерти.

На следующий день чиновник из венгерского министерства иностранных дел потребовал представить письменное подтверждение того, что спасение евреев соответствует политике испанского правительства. Никакого официального разрешения самозванный консул, естественно, не имел, поэтому он с большим опасением ждал ответа из Мадрида. Однако через два дня пришла правительственная телеграмма, в которой Перласку благодарили за успешные переговоры с венгерским министром: испанское правительство подтвердило свою решимость спасти евреев от нацистов.

Перласке приходилось сталкиваться не только с венгерскими, но и с немецкими фашистами, хозяйничавшими в Будапеште. Однажды он сопровождал своего шведского коллегу Рауля Валленберга на вокзал: дипломаты пытались спасти хотя бы некоторых из тысяч несчастных, отправляемых в Освенцим. В ожидании поезда евреи были построены на перроне в длинную шеренгу. Когда Джорджию попытался вытащить оттуда двух подростков, к ним бросился стоявший неподалеку эсэсовец. Валленберг попытался объяснить, что Перласка работает вместе с ним, но немец уступать не собирался. Неожиданно в конфликт вмешался оберштурмбаннфюрер СС, который приказал своему подчиненному отпустить детей. Они все равно скоро вернутся в строй, добавил эсэсовский начальник. Позже Валленберг объяснил Перласке, что они столкнулись с самим Адольфом Эйхманом, руководившим депортацией в лагеря смерти евреев со всей Европы.

Через пятнадцать лет после окончания войны спецслужбы Израиля выследили Эйхмана в Аргентине и доставили его в Иерусалим, где в 1961 году состоялся знаменитый судебный процесс над одним из главных исполнителей воли фюрера «окончательно решить еврейский вопрос». Немецкие адвокаты Эйхмана предложили Перласке выступить на процессе свидетелем защиты, но тот отказался.

Валленберг выдал шведские паспорта и визы двадцати с лишним тысячам евреев, живших в Венгрии. Но с Перлаской его связывали не только заботы по спасению людей. Швед и итальянец были по-приятельски близки и откровенны друг с другом. В последний раз они встретились после критического разговора с венгерским министром в январе 1945 года. Валленберг опасался за свою жизнь и просил испанского дипломата о помощи. Перласка предложил доставить друга в испанское посольство на дипломатическом автомобиле в сопровождении полицейского эскорта. Однако у шведа оставались незавершенные дела в Будапеште. Они договорились, что вечером

Валленберг приедет на своей машине сам, но Перласка больше его не видел.

Как выяснилось позже, Валленберг был арестован советскими властями и увезен в Москву. И только недавно российское правительство официально признало то, о чем много лет говорили на Западе: он был расстрелян в тюрьме НКВД.

Шанс для праведника

Когда советские войска вошли в Будапешт, Перласка сжег свой испанский паспорт, дипломатическое удостоверение и снова превратился в итальянца. Сотрудничать с фашистским режимом Франко в новых условиях стало смертельно опасно. В июне 1945 года Джорджио вернулся в Падую. Все его состояние пропало в Венгрии, за ним числилось множество долгов, бывший дипломат оказался практически нищим... Сапц-Бриц не захотел делить с ним славу защитника евреев и никому не рассказывал о своем добровольном помощнике. Перласка жил в неизвестности и крайней бедности.

Лишь через сорок лет после войны люди узнали о его заслугах. Джорджио Перласка впервые ощутил, что такое мировая слава. Он получил высший орден Венгрии, Италия наградила его Рыцарским крестом, Израиль — назвал почетным гражданином страны. В 1989 году в Иерусалиме Перласке торжественно присвоили звание Праведника мира. Ему было тогда 79 лет.

Но слава мало изменила образ его жизни. Джорджио Перласка скромно жил в Падуе до самой своей смерти, наступившей в августе 1992 года.

В Иерусалиме журналисты спрашивали Перласку, как он жил в послевоенные годы. От вопросов такого рода бывший испанский «консул» отшучивался шуткой: «Мне приходилось браться за все, кроме разве что воровства». О своих заслугах в годы войны Джорджио тоже рассказывал мало. «Что такого особенного я сделал? — спрашивал он. — Мне часто приходилось рассказывать всякие небылицы... И выходило по его словам, что он просто не мог смотреть, как истребляют людей, как умирают дети... Человек, спасший больше пяти тысяч душ, никогда не считал себя героем. «Мне выпал шанс помочь людям, и я этим шансом воспользовался» — так говорил убежденный итальянский фашист, лейтенант артиллерии армии Франко, бывший испанский дипломат, Праведник мира Джорджио Перласка.

Литература

1. *Enrico Deaglio*. Die Banalitaet des Guten. – In: Die Geschichte des Giorgio Perlascas. Frankfurt a.M., 1994.
2. *David P. Gusshee*. Die Gerechten des Holocaust. Wuppertal, Wittenberg, 1997.
3. *Ernie Meyer*. The Second Wallenberg. – In: Jerusalem Post Magazine, 29 September 1989.
4. *Michael Ryan*. A Simple Deed with Awesome Power. – In: Parade, 19 August 1990.

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР (ГЕОРГ ФЕРДИНАНД ДУКВИЦ И СПАСЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ДАНИИ)

Датский пример

Количество жертв Холокоста в разных странах Европы известно довольно точно (см., например, [1]). Если в маленькой Бельгии было уничтожено 24 тысячи евреев, то на территориях Польши и Советского Союза — более четырех с половиной миллионов. В этом скорбном списке представлены практически все европейские государства, сотрудничавшие с гитлеровской Германией или находившиеся под нацистской оккупацией.

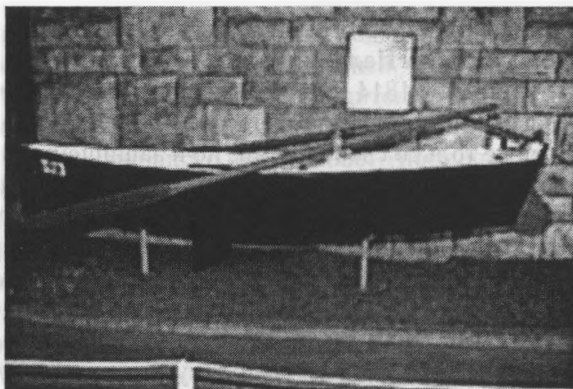
Счастливым исключением из правила оказалось датское королевство: почти всем из 7700 евреев, живших во время войны в Дании, удалось спастись, нацисты схватили лишь несколько сотен человек, да и тех отправили не в газовые камеры, а в «привилегированный» лагерь Терезиенштадт, где большинство дождалось освобождения.

Спасение датских евреев не раз привлекало внимание историков и журналистов. В этой акции принимали участие почти все датчане — от королевской семьи до простых таксистов и рыбаков. Но мало кто отмечал решающую роль одного человека, который, рискуя жизнью, предупредил датские власти о готовящемся преступлении. Его поступок был уникальным в истории Холокоста: высокопоставленный чиновник Третьего Рейха открыто выступил против преступных приказов своего начальства — человеческая порядочность победила «банальность зла» [2].

«Теперь я знаю, что мне делать...»

Эту фразу морской атташе немецкого посольства в Копенгагене Георг Фердинанд Дуквиц записал в дневнике 19 сентября 1943 года, доложив своему непосредственному начальнику, рейхскомиссару Вернеру Бесту, об утвержденном в Берлине плане депортации в лагерь уничтожения всех евреев, живших в Дании. Впервые в жизни дисциплинированный дипломат решил не выполнять приказ начальства, а, напротив, сделать все возможное, чтобы бесчеловечные планы гитлеровцев провалились. При этом он действовал так настойчиво и твердо, что его начинание увенчалось беспрецедентной в истории Второй мировой войны победой: около 7200 человек, которых нацисты собирались уничтожить, были отправлены на маленьких рыболовных судах в нейтральную Швецию, где нашли спасение от неминуемой смерти. Многим евреям датчане дали убежище в своих домах и на фермах.

Георг Дуквиц родился в старинном ганзейском городе Бремене в патриархальной семье. После окончания коммерческого училища стал работать в крупной фирме, торговавшей кофе. Фирма направила его в Копенгаген, где он нашел много друзей среди местных коммерсантов и политиков.

Памятник датским рыбакам в Яд-Вашеме

Когда немецкие войска в апреле 1940-го заняли Данию, Дуквица призвали на государственную службу: он был назначен морским аташе немецкого посольства.

Как многим молодым немцам, Георгу вначале нравились нацистские лозунги, он тоже хотел видеть свою родину великой и процветающей страной. Но со временем гитлеровская политика насилия и террора как в самой Германии, так и в оккупированных странах становилась для него все более неприемлемой. С особенным отвращением он реагировал на бесчеловечное обращение нацистов с евреями [3].

«Образцовый протекторат»

В Дании немцы действовали поначалу не так, как в других оккупированных странах. Долгое время они признавали датское королевство формально независимым государством под контролем немецкого рейхскомиссара. Король Дании Христиан Десятый вплоть до лета 1943 года оставался на троне. Датскому правительству подчинялись национальная армия, флот и полиция, свободно работали государственные учреждения, в марте 1943-го состоялись выборы в парламент. Датчане поддерживали свое правительство. В этом смысле страна была не похожа на соседнюю Норвегию, находящуюся под властью ненавистного режима Квислинга.

К началу тридцатых годов население Дании насчитывало пять миллионов человек, в том числе около шести тысяч евреев. Тремя десятилетиями раньше в стране было официально зарегистрировано 3476 евреев, к которым во время русской революции прибавилось 3146 беженцев. После 1933 года еще около 4500 человек бежало сюда из Германии, из них полторы тысячи остались в стране, остальные,

пройдя годичное обучение на ремесленных и земледельческих курсах, уехали в Палестину или Америку.

Евреи, с 1814 года пользовавшиеся в Дании всеми гражданскими правами и полностью интегрированные в датское общество, оставались не только свободными, но и защищенными. Через несколько месяцев после всегерманского погрома в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, названного впоследствии Хрустальной ночью, датский парламент почти единогласно принял закон об усилении наказания за оскорбления и преследования людей из-за их религиозной принадлежности или происхождения.

В рассказах о том времени часто вспоминают истории, больше похожие на легенды, поскольку точных свидетельств их истинности нет. Согласно одной из них король угрожал, что и он сам, и члены его семьи повесят на грудь желтые звезды, если к этому принудят датских евреев. По другой легенде король присутствовал во время молитвы в синагоге после того, как немцы предприняли попытку ввести антиеврейские законы.

Большинство историков сходятся во мнении, что даже если этих событий на самом деле и не было, они вовсе не являются переальной выдумкой. Король Христиан твердо стоял на страже достоинства нации, хорошо понимая, где проходит граница, за которую нельзя отступать ни при каких обстоятельствах, — это именно равноправие всех его подданных независимо от происхождения.

Когда местные нацисты в декабре 1941 года подожгли синагогу, Христиан Десятый публично выразил свое сожаление о случившемся. В официальном письме начальнику Дуквица рейхскомиссару Вернеру Бесту он писал: «Я хотел бы подчеркнуть — и не только из чувства ответственности за граждан моей страны, но и ради сохранения добрых отношений между Германией и Данией, — что особые мероприятия, направленные против группы людей, которые уже более ста лет пользуются всеми гражданскими правами, могут иметь весьма серьезные последствия» [4].

Сострадание к «нашим еврейским согражданам» было столь широко распространено в датском обществе, что немцы не могли его игнорировать. Фашистские группировки в Дании были малочисленны, слабы и практически не пользовались поддержкой народа. Членов нацистской партии в стране было меньше, чем евреев. Преступники, поджегшие синагогу, были схвачены датской полицией, преданы суду и осуждены на три года и двадцать дней тюремного заключения. Издателя некой антисемитской газетки приговорили к ста дням тюрьмы за оскорбление владельца магазина, который взял к себе на

должность секретаря еврея. Когда же издатель подал протест, ему увеличили срок заключения до ста шестидесяти дней.

Однако Бесту и другим нацистским руководителям ничего не оставалось, как терпеть такое поведение датчан: ведь Германия сильно зависела от Дании — своего основного продуктового поставщика во все годы войны. В 1942 году рацион говядины, свинины и сливочного масла отсюда получали 3,6 миллиона немцев, через год это число выросло до 4,6 миллиона, а в 1944-м — до 8,4 миллиона [5].

И если ценой за это была приостановка «окончательного решения еврейского вопроса» в Дании, то немцы были готовы такую цену до поры до времени платить. Был и другой фактор, который им тоже приходилось учитывать, — опасность массовых беспорядков и актов неповиновения датчан, о чем недвусмысленно намекнул король в своем письме Бесту.

Главный юрист нацистской партии

Вернер Бест стал рейхскомиссаром Дании в 1942 году. Убежденный фашист, он сделал заметную карьеру в национал-социалистической партии. В марте 1933 года, вскоре после прихода Гитлера к власти, Беста назначили специальным полицейским комиссаром в земле Гессен. По его приказу был построен концентрационный лагерь Остхоффен, который должен был заменить так называемые «дикие концлагеря». С 1935-го по 1940-й работал в органах тайной полиции (гестапо) и разведки, был заместителем Рейнхарда Гейдриха в Главном управлении имперской безопасности, руководил полицией безопасности. Став официальным юристом нацистской партии, Вернер Бест не раз выручал Гитлера из затруднительных ситуаций, связанных со «случайными» смертями узников гестапо. В 1940–1942 годах, во время службы в штабе военного командования в оккупированной Франции, этот человек немало способствовал депортации евреев в лагерь смерти.

В преследовании и уничтожении евреев Бест не усматривал никакой моральной проблемы. Он не раз теоретически обосновывал необходимость уничтожения «неполноценных народов» во имя поддержания расовой чистоты немцев. Но в Дании перед ним была поставлена задача создать «образцовый протекторат», что прежде всего предполагало отсутствие народных волнений и антинемецкого сопротивления. Поэтому какое-то время датских евреев немцы не трогали.

Однако весной и летом 1943-го положение изменилось. На мартовских выборах подавляющее большинство датчан выразило свое доверие правительству в лице сторонника независимости страны Эрика Скавениуса. Датские нацисты потерпели жестокое поражение.

Победу премьер-министра многие праздновали как первый шаг к полностью свободной Дании. По стране прошли политические забастовки, нередко отмечались акты саботажа и неповиновения немецким военным. Слухи о неминуемом поражении немцев в войне только усиливали сопротивление.

Для Вернера Беста наступили беспокойные времена. Миф об «образцовом протекторате» лопался по швам. Терпение фюрера подходило к концу. После того, как во время уличной стычки был тяжело ранен немецкий офицер, Гитлер объявил в Дании чрезвычайное положение. Власть в стране была передана генералу Герману фон Хеннекену, датское правительство отправлено в отставку, парламент распущен. Король Христиан объявил себя военнопленным. Датские моряки затопили двадцать девять военных кораблей, еще тринадцать было отведено в шведские воды.

Бест понял, что для удержания власти нужно выложить перед Берлином главные козыри, сыграть на самой чувствительной для фюрера струне — вернуться к теме «окончательного решения еврейского вопроса» в Дании.

Еврейская карта в игре за власть

Восьмого сентября 1943 года Бест отправил в Берлин телеграмму с предложением провести «мероприятия для решения проблемы евреев и масонов». Чтобы все совершить «одним ударом», он просил выслать ему в помощь силы полиции безопасности, созданием которой в свое время руководил. Выступив подобным образом, Бест думал не столько о преследовании евреев, сколько о власти, находившейся в то время в руках военных. Он подчеркивал, что военные плохо разбираются в датских проблемах и должны оставаться в казармах, пока он с отрядами полиции безопасности займется наведением должного порядка.

Эта инициатива была благосклонно встречена в Берлине, просимые отряды посланы в Копенгаген, а самого Вернера Беста вновь назначили рейхскомиссаром Дании. Планировал ли Берлин до этого депортацию евреев из Дании, точно не известно, однако предложению Беста был дан «зеленый свет».

Одиннадцатого сентября Бест сообщил Дуквицу о планах депортации, тот встретил эту информацию возмущенным протестом, стал угрожать отставкой. Он бросил в лицо своего начальника, что ему будет стыдно в таком случае оставаться в его команде. Хитрый и осторожный Бест ответил, что в душе разделяет эти чувства, но бессилен что-то сделать против распоряжений руководства. Позднее Дуквиц рассказывал, что после этого разговора Бест еще раз взвесил

ситуацию и послал морского атташе в Берлин, чтобы там объяснить несвоевременность планируемой операции и просить отодвинуть ее сроки.

Эта попытка не удалась: самолет с Дуквицем слишком поздно прилетел в столицу Германии. Гитлер уже одобрил предстоящие действия и поручил рейхсфюреру СС Гиммлеру решить все технические проблемы.

Вернувшись в Копенгаген, Георг Фердинанд проинформировал Беста о решении Берлина. В этот же день морской атташе записал в своем дневнике фразу, которую мы уже знаем.

Дуквиц начинает борьбу

Первым делом под видом служебной командировки Дуквиц посетил Швецию, где с помощью друзей-дипломатов добился неофициальной встречи с премьер-министром Пером Альбином Ханссоном. В частной беседе он рассказал, какой опасности подвергаются датские евреи, и просил дать им убежище в Швеции. Обсудив этот вопрос с кабинетом, премьер-министр согласился принять беженцев при условии, что Германия даст на то свое согласие.

Берлин, как и следовало ожидать, предложения Стокгольма не одобрил. Попытка Дуквица снова провалилась. Но нельзя сказать, что его поездка оказалась напрасной: теперь для шведов не было неожиданностью, когда первые лодки с датскими евреями причалили к их берегу.

Через три дня, 28 сентября, Копенгаген получил приказание начинать депортацию. Вернер Бест немедленно отправил ответ, что приказ будет выполнен на этой же неделе, вероятней всего в ночь с первого на второе октября. Рейхскомиссар снова информировал своего морского атташе о предстоящих событиях. И опять Дуквиц сделал то, «что он должен был делать».

Встретившись на следующий день с лидерами социал-демократической партии Дании, с которыми был хорошо знаком еще до войны, он сообщил им, что датские евреи обречены на уничтожение: через три дня за ними в копенгагенский порт придут немецкие корабли и повезут их в лагерь уничтожения.

Предупреждение Дуквица дало датчанам выигрыш в 72 часа, в течение которых они могли опередить немцев и сорвать их планы. «Это имело решающее значение для успеха знаменитой операции по спасению», — написал через четверть века после описываемых событий Вернер Давид Мельхиор, в ту пору двадцатипятилетний студент, сын главного раввина Дании [6]. Не исключено, что Дуквиц действовал с молчаливого согласия Вернера Беста, добавил Мельхиор, но

если бы гестапо установило источник информации, то рисковал головой именно морской атташе — вину рейхскомиссара доказать было бы невозможно.

Новогодняя молитва

Получив информацию от Дуквица, датские социал-демократы предупредили руководителя еврейской общины Хенрикеса и главного раввина Дании Маркуса Мельхиора. Хенрикес долго не мог поверить в услышанное, так как всего за несколько дней до этого Вернер Бест убеждал его и копенгагенского епископа Нильса Дамгаарда, что датские евреи находятся в безопасности. Мельхиор же придерживался мнения, что слухи о депортации имеют под собой основание.

На следующий день, 29 сентября, был Рош Хашана — праздник еврейского Нового года. Во время утренней молитвы Маркус Мельхиор сообщил собравшимся в синагоге, что вечерняя праздничная служба отменяется и евреям рекомендуется на несколько дней уйти из дома, спрятаться где-нибудь у знакомых и там ожидать развития событий.

Несмотря на чрезвычайное положение, эта новость быстро распространилась по Копенгагену, где жило 95 процентов датских евреев. Друзья, нееврейские родственники, просто незнакомые люди — практически все откликнулись на эту беду. Какой-то таксист искал в телефонной книге людей с еврейскими именами и предупреждал их по телефону. Вернер Давид Мельхиор вспоминал, как в университетском дворе к нему подходили студенты, которых он почти не знал, и предлагали спрятаться у них. Тысячи людей не остались равнодушными к готовой разразиться трагедии.

«Спасение было бы невозможно, если бы датчане не прониклись трагическим положением евреев и не были готовы из любви к ближнему рисковать жизнью», — писал Геральд Райтлингер в своей знаменитой книге «Окончательное решение» [7].

Активную роль здесь играла датская лютеранская церковь. Главного раввина Маркуса Мельхиора с женой прятал епископ в своем доме на острове Фальстер. Большинство евреев нашли спасение в Швеции, куда их тайно перевозили на лодках датские рыбаки.

Чтобы доставить беженцев на побережье, были задействованы все виды транспорта, даже машины скорой помощи. Датские полицейские помогали людям незаметно добраться до лодок. Пересекать пролив нужно было осторожно, патрульные немецкие катера могли проверить, кто прячется под брезентом. В таких случаях пойманных ожидали застенки гестапо и отправка в Терезиенштадт. Всего в этот лагерь из Дании попало 420 евреев — главным образом пожилых и

больных людей, которым трудно было скрыться. Свыше 7200 человек нашли спасение в Швеции.

Шведское правительство заявило по радио о готовности принять беженцев. На это решение повлияла не только беседа с Дуквицем, немалую роль здесь сыграли и усилия великого датского физика Нильса Бора, также бежавшего в Швецию от нацистов.

Немецкие корабли, пришедшие в гавань Копенгагена, так и не дождались своего «живого груза». Отправлять в лагеря смерти из Дании было уже некого. Тем не менее многоопытный Вернер Бест рапортовал в Берлин об успехе операции: Дания была освобождена от евреев.

Датчане не забывали и своих соотечественников, оказавшихся в Терезиенштадте. Правительственные и частные фонды регулярно посылали им продукты и одежду. В 1944 году король Христиан создал специальную комиссию для проверки условий, в которых содержались заключенные. Примерно 50 человек умерло в лагере, остальные дожили до освобождения.

После войны Вернер Бест был арестован и на Нюрнбергском процессе проходил как «представитель гестапо». В 1948 году копенгагенский суд приговорил его к смертной казни. Этот приговор был впоследствии заменен пятью годами тюремного заключения: суд учел молчание Беста о том, что его подчиненный помогал евреям. Отбыв свой срок, он вернулся в Германию, где в 1958 году вновь был осужден за военные преступления, а в 1972-м освобожден по состоянию здоровья.

Георг Фердинанд Дуквиц оставался на дипломатической службе и в послевоенные годы. Сразу после победы он вернулся в Копенгаген в качестве немецкого посла, и ему был оказан самый сердечный прием.

29 марта 1971 года израильское правительство присвоило Дуквицу почетное звание Праведника мира. На первое января 2002 года этого звания были удостоены 19141 человек. Среди них есть 358 немцев. Именно к таким людям обращены слова, высказанные Хансом Хедтофом в 1946 году. Ставший впоследствии премьер-министром Дании, а во время войны один из тех социал-демократов, которым доверил свою тайну немецкий морской атташе, Хедтоф сказал: «Долгое время мы жили в перевернутом мире. Дуквиц относится к людям, благодаря которым наш мир снова становится нормальным. Именно такие люди определяют наше доверие к новой Германии».

Литература

1. *Поляков Лев*. История Антисемитизма. Эпоха знаний. Москва–Иерусалим, 1998.
2. *Arendt Hanna*. Eichmann in Jerusalem. Ein Bericht von der Banalitaet des Boesen. Muenchen, 1999.
3. *Haestrup Jorgen*. Sekret Alliance, vol. 1. Odense University Press, 1976.
4. *Silver Eric*. Sie waren stille Helden. Muenchen, 1992.
5. *Goldenberg Leo*. The Rescue of the Danish Jews. New York, 1987.
6. *Yehil Leni*. The Rescue of the Danish Jewry. Philadelphia, 1969.
7. *Reitlinger Gerald*. Die Endloesung. Hitler's Versuch der Ausrottung der Juden Europas 1939–1945. Berlin, 1956.

ПИАНИСТ И КАПИТАН РЕЗЕРВА (ВЛАДИСЛАВ ШПИЛЬМАН И ВИЛЬМ ХОЗЕНФЕЛЬД)

Часть первая. Пянист

Ноктюрн си-бемоль

Перед Второй мировой войной жил в Варшаве молодой пианист Владислав Шпильман. В начале тридцатых годов он изучал композицию в берлинской Академии искусств. В 1933-м, когда к власти в Германии пришли нацисты, музыкант вернулся в Варшаву и стал работать на польском радио. Довольно быстро Шпильман приобрел известность в своей стране. Он сочинял музыку для кинофильмов, написал немало популярных песен, выступал в концертах вместе с крупными музыкантами.

Владислав Шпильман. 1935 г.

Его последнее выступление на радио состоялось 23 сентября 1939 года. В этот раз он играл шопеновский ноктюрн си-бемоль. Немецкие войска стояли у ворот Варшавы. От грохота разрывов пианист порой не слышал своего инструмента, концерт пришлось прервать. В тот же день вещание варшавского радио полностью прекратилось, а еще через четыре дня немцы вошли в польскую столицу. Доиграть ноктюрн Шпильман смог только через долгие шесть лет. Но до этого ему все же пришлось один раз сесть за рояль при очень необычных обстоятельствах.

Рояль на заброшенной вилле

Еврейское гетто появилось в Варшаве в 1940 году. Улица Слизка, на которой жили Шпильманы, оказалась в его центре. В июле 1942-го родителей, брата и двух сестер Владислава отправили в

Треблинку, где все они погибли. Его самого спасла популярность: за несколько минут до отхода поезда полицейский узнал музыканта и вытолкнул из рядов обреченных.

Впрочем, самому Владиславу это освобождение казалось лишь временной отсрочкой от гибели: смерть ходила за ним по пятам. Весной 1943-го ему удалось бежать из гетто в польскую часть Варшавы. Буквально через несколько дней после его побега, 19 апреля, в гетто вспыхнул мятеж, продолжавшийся почти месяц, до 16 мая. Немцы жестоко расправились с повстанцами и всю территорию гетто сравняли с землей. Шпильман прятался в подвалах, на чердаках, одинаково опасаясь попасться на глаза как немцам, так и полякам.

Первого августа 1944 года отряды польской национальной армии (Армии Крайова) под руководством генерала Бур-Комаровского подняли в Варшаве восстание против немецких оккупантов. Советские войска стояли на другом берегу Вислы в нескольких десятках километров от города, но не помогли восставшим. Сталин преследовал свои цели и делал все, чтобы освобожденная Польша оказалась под советским влиянием. Второго октября варшавское восстание было подавлено. Немцы стали планомерно уничтожать польскую столицу. Родной город Шпильмана на его глазах становился мертвым.

Наступающие морозы оставляли мало шансов выжить бездомному человеку. Найти еду и надежное укрытие становилось все труднее. Отыскав какую-то заброшенную вилу, Владислав спрятался там на чердаке. Однажды он, ослабев от голода, спустился на кухню в надежде найти что-нибудь съестное, и в этот момент его кто-то громко окликнул. Обернувшись, Шпильман увидел высокого немецкого капитана, стоявшего у двери. Последние силы оставили музыканта, он опустил на стул и прошептал: «Делайте со мной, что хотите».

Реакция офицера была неожиданной. Он сказал, что не хочет причинить незнакомцу зла, и поинтересовался, кто тот по профессии. Владислав ответил, что пианист. И тогда капитан попросил сыграть что-нибудь на рояле, стоявшем в соседней комнате.

Выбора не было, Шпильман понял, что сейчас от его игры зависит жизнь. Когда он подошел к инструменту, руки его дрожали. Он несколько лет ничего не играл, пальцы были грязные, ногти давно не стрижены. Он выбрал все тот же поктюрн си-бемоль Шопена, который играл в осажденной Варшаве. Офицер слушал молча. Казалось, прошла вечность, пока он заговорил:

— Вам нельзя здесь оставаться, скоро сюда въедет немецкий штаб.

Шпильман ответил, что не может уйти.

— Вы еврей? — догадался капитан. — Это, конечно, меняет дело.

Странный капитан

Случайная встреча музыканта и капитана резерва (так официально назывался чин офицера) оказалась для Шпильмана спасительной. Капитан попросил показать ему убежище на чердаке, внимательно все осмотрел и остался недоволен: ненадежно. Тогда он предложил Шпильману новое укрытие, которое раньше тот и не видел: над чердаком, под самым коньком крыши, лежали доски так, что на них вполне мог уместиться человек. Спизу это место почти невозможно было заметить. Они разыскали в доме лестницу, которую можно было затащить с собой наверх.

Пообещав в следующий раз принести еды, капитан собрался уходить. Только тогда Шпильман осмелился спросить:

— Вы немец?

Казалось, вопрос рассердил офицера. Он покраснел и почти крикнул:

— Да, я немец! И мне стыдно за все, что происходит. — Резким движением он протянул музыканту руку и ушел.

Через три дня капитан появился снова, принес еду и теплые вещи, в том числе зимнюю офицерскую шинель.

Для Шпильмана потянулись томительные недели, которые он проводил в темноте своего убежища. Под ним жил своей жизнью немецкий штаб, здание охраняли часовые, но никто, к счастью, его укрытия не замечал.

Последний раз капитан пришел поздним вечером 12 декабря 1944 года. Он принес большой пакет с едой и теплое одеяло. Сказал, что вместе со своей частью покидает Варшаву, и пожелал музыканту еще немного терпения: русские войска уже близко, война должна закончиться не позже, чем весной.

Они уже попрощались, когда Шпильман вдруг решил назвать себя. Раньше просто не было подходящего случая — офицер не задавал лишних вопросов.

— Никто не знает, как сложатся наши судьбы, — сказал музыкант. — Может быть, я останусь жив, и тогда снова буду работать на радио. Запомните мое имя: Шпильман, польское радио. Если я смогу чем-то вам помочь, рассчитывайте на меня.

Капитан ничего не ответил, но было заметно, что предложение ему приятно. Пожав пианисту руку, он ушел в ночь.

За колючей проволокой

Сразу после войны Владислав Шпильман написал книгу воспоминаний, вышедшую в Польше в 1946 году. Она называлась «Смерть

одного города». Власти долго не давали разрешения на издание, даже заставили назвать немецкого офицера австрийцем — в то время нельзя было говорить о «хороших немцах». Но и выйдя из печати, книга прожила недолго: очень скоро она была изъята из продажи и из библиотек и фактически запрещена. Вновь воспоминания музыканта увидели свет только через пятьдесят лет: в Германии был опубликован немецкий перевод под названием «Чудесное избавление» [1]. А сама история Владислава Шпильмана стала широко известной по фильму Романа Полянского «Пианист», сценарий которого написан на основе этой книги. Фильм был удостоен Золотой пальмовой ветви на Каннском кинофестивале 2002 года.

Когда Шпильман писал свои заметки, он не знал имени немецкого капитана, который помог ему найти убежище в заброшенной варшавской вилле. Спрашивать было опасно: попади Владислав в руки гестапо, он мог под пытками выдать своего спасителя.

В эпилоге автор рассказывает о своем коллеге по польскому радио скрипаче Зигмунте Ледницком. Когда после отступления немцев он вместе с другими беженцами возвращался в родную Варшаву, на пути им встретился временный лагерь для немецких военнопленных, охраняемый советскими солдатами. Оборванный и обросший немецкий офицер с трудом подошел к колючей проволоке и спросил у Ледницкого, не знает ли он пианиста Шпильмана с польского радио. И услышав утвердительный ответ, прошептал:

Я немец. Я помог Шпильману, когда он прятался в здании немецкого штаба в Варшаве. Скажите ему, что я здесь. Может быть, теперь он поможет мне.

В этот момент вмешалась охрана лагеря, офицера увели, и Ледницкий так и не услышал его имени.

Шпильман узнал об их встрече через несколько дней, но было уже поздно: лагерь куда-то перевели, сведения о немецких пленных считались военной тайной, и найти следы офицера так и не удалось.

Список Хозенфельда

Почти пять лет Владислав Шпильман ничего не слышал о таинственном офицере. В 1950 году из Польши в Австралию эмигрировал Леон Варм, еврей, которому Вильм Хозенфельд помог в годы войны избежать гибели. Во время войны, в 1943-м, Леону удалось через дырку в полу вагона бежать из поезда, направлявшегося в лагерь смерти Трелинку. Добравшись до Варшавы, он с помощью своих знакомых разыскал капитана Хозенфельда, тот снабдил его фальшивыми документами и принял на работу в спортивный комплекс, которым тогда руководил. Это спасло Леону жизнь.

После войны Варм работал химиком в Варшаве и собирался открыть собственную фирму в Австралии. Перед отъездом он решил навестить семью своего спасителя, нашел адрес Хозенфельдов в Германии и 14 ноября 1950 года постучал в дверь дома, где жила жена Вильма Анна-Мария с пятью детьми. От них Леон Варм узнал, что Вильм жив и находится в лагере для военнопленных. Оттуда он прислал жене и детям открытки. У Анны-Марии сохранились и другие письма и дневники мужа [2].

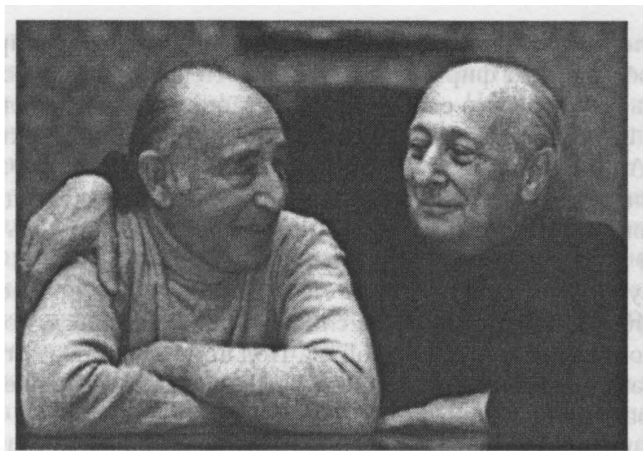
Фрау Хозенфельд показала Леону открытку, отправленную 15 июля 1946 года. Она содержала список поляков и евреев, которым ее муж помог спастись во время войны. Под номером четыре стояло имя Владислава Шпильмана, пианиста из Варшавы, работавшего на польском радио.

Вернувшись в Варшаву, Леон Варм разыскал музыканта и открыл ему имя спасителя. О том, что произошло дальше, Шпильман почти полвека не рассказывал никому, даже жене и сыну. В 1997 году известный немецкий поэт и бард Вольф Бирман, готовивший немецкое издание книги пианиста, попросил его все же рассказать о попытках что-то сделать для капитана Хозенфельда.

Владислав Шпильман признался, что до сих пор испытывает боль и стыд за то, что не смог помочь этому человеку. Переборов страх и отвращение, он пришел на прием к самому Якубу Берману, главе польского аналога НКВД, одному из самых могущественных и страшных людей в послевоенной Варшаве. На его совести были

Владислав Шпильман и знаменитый скрипач Бронислав Гимпель, 1957 г.

Владислав Шпильман и Бронислав Гимпель, 1978 г.

тысячи загубленных жизней, по имени в его руках находились судьбы многих людей.

Выслушав рассказ музыканта, Берман пообещал помочь, но через три дня сообщил, что ничего сделать не в силах. Его советские коллеги убеждены, что Хозенфельд — опасный преступник, и ни о его освобождении, ни о переезде в Польшу не может быть и речи.

Бывший капитан резерва Вильм Хозенфельд, кроме Шпильмана спасший еще несколько десятков поляков и евреев, умер в лагере для военнопленных под Сталинградом за год до смерти Сталина, в 1952-м. Советские следователи допрашивали его «с пристрастием» — они не могли поверить, что немецкий офицер помогал евреям, и считали его истории прикрытием опытного шпиона. Военный суд в Минске в 1950 году приговорил Хозенфельда к 25 годам лагерей. Из-за побоев Вильм перенес несколько инсультов и в последние годы жизни был похож на запуганного ребенка, плохо понимающего, за что его избивают.

Часть вторая. Капитан

Книга любви

Анна-Мария Хозенфельд, вдова немецкого капитана, спасшего в далеком 44-м пианиста Владислава Шпильмана на заброшенной варшавской вилле, умерла 18 июня 1971 года. Казалось, с ее смертью исчезла последняя надежда что-то узнать о Вильме Хозенфельде, которого Шпильман назвал единственным добрым человеком в фашистском музее. Но жизнь иногда дарит чудесные неожиданности.

В 1998 году дочь Анны-Марии обнаружила на чердаке своего дома большую коробку, в которой ее мать хранила бумаги мужа. Про них давно забыли, считалось, что Анна-Мария перед смертью уничтожила весь архив. В коробке было несколько сотен писем Вильма: около шестисот — жене, двести — детям, а еще открытки из заключения (1946–1952), записные книжки, дневники, которые Хозенфельд вел в разные годы начиная еще со времен Первой мировой войны. В отдельной папке лежали письма Анны-Марии мужу — более полутысячи за пять военных лет (последнее письмо датировано осенью 1944 года). В одном из писем Вильм называет эту папку книгой любви и говорит, что обращается к ней, когда чувствует себя особенно одиноко. Часть переписки опубликована в приложении к книге Шпильмана [1].

Всю свою совместную жизнь супруги Хозенфельды чувствовали потребность рассказывать друг другу о пережитом, делиться мыслями, наблюдениями и планами. Когда Вильм был далеко от дома, беседе заменяли подробные письма.

Осенью 44-го капитан Хозенфельд отослал домой всю имеющуюся у него переписку, дневники и записные книжки. Он отправил бумаги обычной полевой почтой, и остается загадкой, как его послания не попали в руки военной цензуры. Нескольких записей из дневников 1942–1944 годов было бы достаточно, чтобы оказаться в застенках гестапо.

Найденные на чердаке документы позволяют лучше понять, каким человеком был этот странный капитан.

«Остаться чистым и стать зрелым»

Вильм Хозенфельд родился 2 мая 1895 года в семье учителя в небольшом селе Макенцель в земле Гессен и был седьмым ребенком (а всего детей было девять). Он много перенял от своего отца, строгого католика: твердую веру, любовь к детям, профессию учителя. Царивший в семье культ доброты и чести сформировал характер будущего педагога.

Большое влияние на мальчика оказали идеи «Перелетных птиц», молодежного движения, возникшего в начале 20-го века в Берлине и быстро распространившегося по всей Германии. Девизом движения стал призыв: «Остаться чистым и стать зрелым!». Называвшие себя перелетными птицами ходили в походы, пели песни, мечтали быстрее повзрослеть, чтобы помогать Родине. Им всем было присуще чувство ответственности перед близкими, друзьями, страной. Они ощущали себя рыцарями, и многие сохранили это чувство до глубокой старости. Движение «Перелетных птиц» было запрещено нацистами, но обрело вторую жизнь после крушения Третьего Рейха.

Но без влияния идей этой организации Вильм Хозенфельд в 1914 году, едва успев получить свидетельство школьного учителя, пошел добровольцем на войну.

Что это такое, он хорошо понял, побывав в 1914–1918 годах на трех фронтах — во Фландрии, России и Румынии. Трижды был ранен, в последний раз едва не потерял ногу. В 1918-м Хозенфельд демобилизовался в чине фельдфебеля.

И свою будущую жену он нашел среди «Перелетных птиц» — свадьба с Анной-Марией Круммахер состоялась в 1920 году. Во время Первой мировой девушка потеряла своих близких и на всю жизнь возненавидела войну. Уже в 1933-м ее не оставляли страхи, что Гитлер приведет Германию к новой войне [2].

В период между двумя войнами Вильм работал учителем в деревенской школе. С учениками был добр, участлив и внимателен. Даже

когда в школе еще были разрешены телесные наказания, он никогда не бил детей. Отправляясь на занятия, всегда держал в кармане запасной носовой платок — для своих учеников на всякий случай. Образцом для себя считал Песталоцци.

Юношеским идеалам Вильм не изменил и в зрелые годы. Переписка супругов показывает, что он разделял пацифистские взгляды жены. Тем не менее в 1939-м ответственность перед отечеством заставила уже немолодого учителя и отца пятерых детей вновь взяться за оружие. Когда осенью 44-го стало ясно, что конец войны близок, польские друзья предлагали ему дезертировать и спрятаться. Однако Вильм не снял офицерского мундира до самого плена, добровольно выбрав путь уготованных ему страданий.

Капитан Хозенфельд. 1944 г.

«Я пытаюсь помочь каждому, кому можно помочь»

В первые же месяцы новой войны Хозенфельд был поражен, с какой жестокостью немцы расправлялись с местным населением на захваченных территориях. Ничего подобного в Первую мировую не было. Он все больше укреплялся во мнении, что за зверства, творимые военными и эсэсовцами, расплачиваться будет весь немецкий народ.

Один случай запомнился ему надолго. Стрелковый батальон, в котором он служил, зимой 1939–1940 годов был расквартирован в польском городке Вегрове восточнее Варшавы. Однажды на улице ему встретился эсэсовец, ведущий на расстрел мальчика, который украл охапку сена, конфискованного немцами у польских крестьян. Вильм попытался заступиться, но эсэсовец направил на него пистолет и сказал, что если тот не уйдет, то будет лежать в яме вместе с этим подростком. Спустя несколько лет Хозенфельд рассказал старшему сыну, что он испытал тогда настоящий шок [1].

Но попыток помогать людям он не оставлял, и если представлялась такая возможность, действовал решительно, без колебаний и сомнений. Владислав Шпильман — не единственный спасенный им человек. Три члена польской семьи Цециоров тоже обязаны немецкому офицеру жизнью, причем каждый раз немалую роль в спасении играл случай.

В Вегрове стрелковый полк Хозенфельда охранял лагерь для военнопленных. Среди тысяч солдат поверженной Польши там находился раненый Станислав Цециора. Во время велосипедной прогулки Хозенфельд встретил незнакомую женщину, направлявшуюся к лагерю. Это была жена Цециоры, которая надеялась узнать что-нибудь о судьбе мужа и отца своего будущего ребенка. Поговорив с плачущей женщиной, Вильм обещал помочь. И слово свое сдержал: через три дня Станислав был дома.

Новая встреча с членами этой семьи произошла в Варшаве, где Хозенфельд руководил спортивным комплексом для солдат вермахта. Брату Станислава Цециоры, пастору Антону, которого разыскивали эсэсовцы, Вильм выдал фальшивые документы на имя Цихоцкого, принял его на работу и дал укрытие.

Тогда же Антон познакомил Хозенфельда со своим зятем по фамилии Кошель. В 1943 году на улице, где тот жил, был убит немецкий солдат. В подобных случаях немцы хватали прохожих и расстреливали их. В этот раз среди обреченных на смерть людей оказался и Кошель. Несчастных уже везли к месту расстрела, когда проходивший неподалеку капитан Хозенфельд заметил знакомое лицо в кузове грузовика. Он остановил машину и сказал эсэсовцу, сопровождавшему

Капитан Хозенфельд в оккупированной Польше, 1940 г.

заложников, что ему нужен человек для срочной работы. Осмотрев сидящих в машине, он будто случайно выбрал зятя Антона. Кошело разрешили покинуть грузовик, и он остался в живых.

Вильм Хозенфельд вообще вел себя в Польше нетипично для офицера-завоевателя. Он часто бывал в доме Цециоры, изучал польский язык, нередко заходил со своими новыми друзьями в костел. В 1944-м пастор Антон Цециора, которого он укрывал от преследования гестапо, отмечал десятилетие посвящения в сан. В пять часов утра на тайную церковную мессу в подвале знакомого костела вместе с церковными служащими пришел помолиться и офицер вермахта. Происходившее там напоминало сцену театра абсурда: немецкий капитан на коленях принимает причастие из рук «славянского недочеловека».

В разгар восстания в польской столице, начавшегося первого августа 1944 года, когда немцы по приказу фюрера методично уничтожали центр города, Хозенфельд написал своему непосредственному начальнику очень откровенное послание. В нем были слова, которые могли бы служить девизом всей его жизни: «Я пытаюсь помочь каждому, кому можно помочь». Этому принципу он не изменил до конца своей жизни.

Перед судом истории

Свое послесловие к книге Шпильмана [1] Вольф Бирман завершает словами надежды, что наступит время, когда на аллее Праведников в мемориале Яд-Вашем будет посажено дерево в честь Вильма

Хозенфельда. Бирман не сомневался, что посадит его Владислав Шпильман, а помогать ему должен сын Андрей. Пианист не дожидаясь этого дня, он умер в 2000 году в возрасте 86 лет, оставив в наследство людям свою музыку, мемуары и желание воздать должное памяти своего спасителя. Андрей Шпильман до сих пор не оставляет усилий, стремясь выполнить волю отца.

Праведником мира согласно израильскому закону 1953 года считается человек, который с риском для собственной жизни или жизни своих близких бескорыстно в годы Холокоста спас хотя бы одного еврея. На специальной медали, выдаваемой людям, отмеченным этим званием, отчеканена фраза из Талмуда: «Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

Новые имена добавляются в список праведников постоянно, правда, год от года их все меньше. В 2001-м появилось более восьмисот новых праведников, в 2002-м — чуть меньше шестисот.

На первое января 2003 года было 19706 Праведников мира. Самое большое их количество дала Польша — 5733 человека. Затем идут Нидерланды — 4513, Франция — 2262, Украина — 1881, Бельгия — 1357 человек. Из Германии в этом списке оказалось 376 праведников.

В 2002 году мог бы появиться еще один немецкий праведник, но комиссия Яд-Вашема отклонила кандидатуру Вильма Хозенфельда, предложенную Андреем Шпильманом. По мнению комиссии, капитан резерва недостойн этого звания, так как был осужден советским

Владислав Шпильман с женой Галиной, 1955 г.

судом и закончил жизнь в лагере для военных преступников. Получается, что приговор сталинского суда оказался весомее показаний свидетелей и дневниковых записей.

Андрей Шпильман не теряет надежды, что комиссия изменит свое мнение. Но каково бы ни было решение, окончательный приговор вынесит история. И не последними аргументами для такого высшего суда будут слова самого капитана резерва, записанные в разгар мировой бойни, в июне 1943 года:

«Я не понимаю, как мы оказались втянутыми в военные преступления против незащищенных граждан, против евреев. Я спрашиваю себя вновь и вновь и не нахожу ответа... Из-за этих ужасных массовых убийств мы проиграли войну, а на себя навлекли вечное проклятие за неискупимый грех. Мы не заслуживаем жалости, мы виноваты все».

Вильм Хозенфельд не ограничивался словами. Спасенные им люди сохранили о нем благодарную память.

В 90-х годах прошлого века, через пятьдесят лет после окончания войны, сын Станислава Цециоры работал консулом Польской республики в Гамбурге. Он рассказал интересную вещь. Оказывается, его родители в течение нескольких лет посылали из голодной Польши семье Хозенфельдов, оставшейся без кормильца, посылки с колбасой и маслом. Эти посылки шли в гитлеровскую Германию даже в военное время. Перед судом истории ничто не будет забыто.

Литература

1. *Szpilman Wladislaw*. Das wunderbare Ueberleben. Warschauer Erinnerungen 1939–1945. Muenchen, Econ&List Taschenbuch Verlag, 1999.
2. *Wette Wolfram (Hsg.)*. Retter in Uniform. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 2002.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТАКИЕ РАЗНЫЕ НЕМЦЫ

СПИСОК ГЕРИНГА (БРАТ РЕЙХСМАРШАЛА — ЗАЩИТНИК ЕВРЕЕВ)

Нюрнбергские пленники

Восьмого мая 1945 года военнопослужащими Седьмой армии США в замке Фишгорн, что находится в австрийском курортном городке Целль-ам-Зее, был арестован Герман Геринг, долгое время занимавший второе после Гитлера место в нацистской иерархии [1]. Через несколько дней в городе Аугсбурге американцы организовали последнюю пресс-конференцию Геринга. Журналисты из многих стран получили уникальную возможность задать вопросы рейхсмаршалу, командовавшему военно-воздушными силами Третьего Рейха, организатору военной промышленности Германии, человеку, ответственному за преследование и уничтожение сотен тысяч политических противников фашистского режима, за геноцид «расово-неполноценных» народов, прежде всего евреев.

Но вряд ли кто-нибудь из присутствовавших на пресс-конференции знал о существовании другого Геринга — Альберта, брата Германа. Альберт тоже был арестован. В середине августа 1945 года его перевели в главную тюрьму для военных преступников в Нюрнберге. Всего несколько камер отделяли его от брата, ставшего основным обвиняемым на Нюрнбергском процессе. Суровое наказание грозило и ему, хотя он был убежден, что сумеет доказать свою невиновность. Главным доказательством должен был стать список, состоявший из 34 имен — всех этих людей он с риском для собственной жизни спас от отправки в Дахау и другие концентрационные лагеря. Однако американские офицеры, допрашивавшие Альберта, не поверили ему. Слишком уж дико это звучало: брат рейхсмаршала и «нациста номер два» — противник режима и защитник евреев. Это кажется невероятным и сегодня. И тем не менее это правда.

Непохожие братья

Детство Альберта и Германа прошло в городке Вельденштайн недалеко от Нюрнберга. Большая семья Герингов — Альберт и Герман были младшими из десяти детей — жила в замке, принадлежавшем

Герману фон Эпельштайну, немецкому еврею, принявшему католичество. Эпельштайн был крестным отцом обоих братьев, Германа называли в его честь. Ходили слухи, что на самом деле это его дети: многолетняя связь Эпельштайна с их матерью, Франциской Геринг (урожденной Тифенбрун), ни для кого не была секретом. Правда ли это или всего лишь сплетни, по-видимому, никто никогда не узнает. Официально отцом мальчиков считался Генрих Геринг, многие годы прослуживший на высоких чинах в немецких колониях Африки. Генрих был на двадцать лет старше Франциски. К тому времени, когда семья Герингов жила в Вельденштайне, он давно уже вышел на пенсию и занимал скромную комнатку на первом этаже замка. Спальни Франциски и Эпельштайна находились рядом на втором этаже.

Герман и Альберт были не очень похожи внешне, по-разному сложились и их жизненные пути. Однако братья всегда оставались по-человечески близки друг другу.

В тридцатые годы Герман Геринг сделал впечатляющую политическую карьеру, став правой рукой фюрера и заняв руководящие посты в аппарате нацистской партии. В 1933 году новоиспеченный фюрер назначил его министром авиации и лесного хозяйства, а в 1935-м — командующим военно-воздушными силами Рейха. В 1936 году Геринг стал государственным уполномоченным по четырехлетнему плану развития промышленности и сельского хозяйства. Годом позже в городе Зальцгиттере была основана крупнейшая в Европе сеть металлургических предприятий «Государственные заводы Германа Геринга», а еще через год он получил звание генерал-фельдмаршала Вермахта. Тридцатого августа 1939 года, за два дня до нападения Германии на Польшу, Геринга назначили заместителем председателя Имперского совета обороны. Первого сентября, в день начала Второй мировой войны, Гитлер официально объявил его своим преемником. И наконец, в 1940 году Герман Геринг удостоился высшего военного звания — «рейхсмаршала Великой немецкой империи».

В последующие военные годы, когда участились поражения Германии в воздушных боях, Геринг стал терять свой авторитет и влияние. И хотя в 1944-м он вновь был назначен государственным уполномоченным по четырехлетнему плану развития промышленности и сельского хозяйства, уже другие лица из нацистской верхушки занимали места в ближайшем окружении фюрера. Двадцать третьего апреля 1945 года за попытку ведения сепаратных переговоров с противником Гитлер уволил Германа Геринга со всех постов и приказал арестовать его и исключить из партии. Но дни самого фюрера и Третьего Рейха были тогда уже сочтены. Закончилась и карьера рейхсмаршала. В сентябре 1945 года Герман Геринг предстал перед

международным военным трибуналом в Нюрнберге в качестве главного обвиняемого.

В противоположность свосму знаменитому брату Альберт Геринг всю жизнь держался вдали от политики. Он работал торговым представителем на авиационном заводе Юнкерса. Позже стал руководителем ателье в венской студии звуковых фильмов «Тобис-Саппа». Сразу после присоединения Австрии к Германии в марте 1938 года начались гонения на австрийских евреев. Через 24 часа после того, как немецкие войска вошли в Вену, был арестован владелец студии еврей Оскар Пильцер. Как вспоминает сын Пильцера Герберт, Альберт Геринг начал действовать немедленно. Он обратился с ходатайством к немецким властям, и через два часа Оскар был на свободе. По словам Герберта Пильцера, основным оружием Геринга было его имя.

На стороне преследуемых

В 1939 году Альберт Геринг принял предложение занять место управляющего по внешним продажам в чешском автомобильном концерне «Шкода». Его имя помогало компании неплохо зарабатывать на военных заказах. Во время войны среди работников «Шкоды» образовался подпольный центр, руководивший акциями саботажа и протеста против нацистского режима. Альберт знал об этом и поддерживал чешское Сопротивление. Люди, освобожденные из концлагерей, получали в концерне работу. А когда директор «Шкоды» Ян Моравек был вынужден бежать от преследований гестапо, Альберт Геринг всей его семье организовал выезд в Румынию.

В 1942 году Альберт женился на Миладе Клазаровой. С точки зрения нацистской идеологии это была серьезная ошибка, почти преступление, угрожавшее чистоте арийской расы: Милада была чешкой.

Среди людей из «списка Геринга», которым Альберт помог избаться от преследований нацистов, были и знаменитости, например, австрийский композитор Франц Легар. После присоединения Австрии к Третьему Рейху Легар оказался в двусмысленном положении. С одной стороны, Гитлер не раз публично объявлял себя поклонником его музыки — особенно правилась фюреру «Веселая вдова». Но с другой стороны, композитор «скомпрометировал» себя совместной работой с еврейскими либреттистами, а главное, его жена София была еврейкой. Легар отказался эмигрировать с супругой в безопасное место. Ему было уже 68 лет, и он надеялся, что его известность защитит их обоих. Но он ошибся. В фашистской Вене ему пришлось пережить немало тяжелых дней. Его друзья и авторы либретто Фриц Грюнбаум и Фриц Ленер были убиты в концентрационном лагере. Гестапо собиралось отправить туда же и Софию. Буквально накануне

ее ареста Альберт Геринг обратился за помощью к своему могущественному брату, и семью Легара оставили в покое.

В 1944 году помощь потребовалась самому Альберту: по приказу шефа гестапо Генриха Мюллера он был арестован. Герману Герингу удалось освободить брата. Однако времена изменились. От бывшего могущества рейхсмаршала почти ничего не осталось. Герман откровенно признался в этом брату и посоветовал держаться от государственных дел подальше: в следующий раз помочь ему он не сможет.

Еще один Оскар Шиндлер?

Следователи, допрашивавшие Альберта Геринга в нюрнбергской тюрьме, считали представленный список всего лишь неуклюжей уловкой, придуманной для того, чтобы уйти от ответственности. На допросах военные преступники часто лгали и выкручивались, представляя фальшивые бумаги и лжесвидетелей, чтобы обелить себя.

В июне 1946 года Альберт все еще находился под следствием, и его положение выглядело почти безнадежным. Спас его случай: в лагере для интернированных в Дармштадте «список Геринга» с именами 34 спасенных попал в руки очередного следователя. Это был Виктор Паркер — племянник Франца Легара. Со слов дяди он знал, что сделал Альберт Геринг для их семьи. Паркер собрал показания бывших коллег Геринга по «Шкоде», получил письменные свидетельства многих людей, которым тот помог. Стало ясно, что Геринг говорил правду: он действительно спасал людей. Его счет в швейцарском банке, открытый в конце 30-х годов, служил только для того, чтобы поддерживать евреев и других преследуемых, пытавшихся бежать из нацистской Германии. В 1947 году Альберт Геринг был освобожден.

Выступая по центральному немецкому телевидению в ноябре 2000 года, Герберт Пильцер, чье имя вместе с именем его отца стояло в «списке Геринга», рассказал, что Альберт спас от гибели не только его родственников. Брату нацистского рейхсмаршала обязаны своей жизнью еще несколько десятков семей из разных стран Европы.

Альберт Геринг не получил звания Праведника мира, как знаменитый Оскар Шиндлер, спасший более 1200 евреев в годы войны. В его честь не было посажено дерево в аллее Праведников Яд-Вашема. Но праведность не определяется признанием. В Талмуде сказано: «Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир». В 2002 году число признанных израильским правительством Праведников мира увеличилось почти на шестьсот имен и на первое января 2003-го составило 19706 человек. Поиск праведников продолжается...

Литература

Knorr Guido. Hitlers Helfer. Muenchen, Goldmann, 1998

ТАЙНЫ ВИЛЛЫ ХАММЕРШТАЙНА

Званный ужин

Третьего февраля 1933 года на служебную виллу армейского генерала фон Хаммерштайна был приглашен высший командный состав Германии. Кульминацией званого вечера должна была стать встреча с недавно назначенным рейхсканцлером Адольфом Гитлером. Новый руководитель правительства сам захотел выступить перед военной элитой в неформальной обстановке. Поддержка армии была жизненно необходима ему для реализации своих далеко идущих планов.

Канцлером коалиционного правительства Гитлер стал всего за несколько дней до упомянутой встречи: рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург подписал приказ о его назначении 30 января. Это трагическое для Германии и для всего мира решение он принял после долгих колебаний. Пойти на такой шаг, ставший, пожалуй, самым неудачным выходом из кризисной ситуации, в которую попала Веймарская республика, престарелого президента уговорили советники, прежде всего бывший канцлер Франц фон Папен. Союзом с Гитлером Папен хотел укрепить консервативный кабинет и вернуть себе, вице-канцлеру, власть и влияние. О том, насколько сильно ошибалась немецкая политическая элита, можно судить по его высказываниям тех дней: «Окруженный консервативными политиками, Гитлер не сможет реализовать свои экстремистские устремления. Через два месяца мы заждем его в угол».

Действительность быстро развеяла иллюзии. Гитлер не дал себя «окружить». Напротив, он сам «окружил» своих политических противников колючей проволокой концлагерей. На это потребовалось время. Рейхсканцлер действовал очень осмотрительно и осторожно и в первых публичных выступлениях старался продемонстрировать миролюбие. До миллионов слушателей дошел его «призыв к немецкому народу», прозвучавший по радио 1 февраля 1933 года, в котором он обещал, что новое правительство будет поддерживать и укреплять мир. Мы были бы счастливы, сказал тогда Гитлер, если бы в мире произошло сокращение вооружений и нам никогда не пришлось бы наращивать нашу военную силу.

Через два дня, выступая перед командирами армии и флота Германии, канцлер взял совсем другой тон.

Союз с генералами

На встрече с военными Гитлер сформулировал главные задачи своего правительства: восстановление и укрепление вооруженных сил Германии, устранение всех ограничений («оков», как выразился фюрер) Версальского договора и искоренение марксизма — главной опасности для человечества в целом и для Германии в частности. Это были именно те лозунги, которыми Гитлер завоевал симпатии консервативно настроенных военных.

До последнего времени о двухчасовом выступлении рейхскампфера на вилле Хаммерштайна было известно очень немного — в основном по кратким записям генерал-лейтенанта фон Либмана. Да еще была опубликована очень короткая заметка в газете «Народный наблюдатель», автор которой, полковник фон Райхенау, отмечал, что никогда раньше задачи государства не были так близки и понятны Вермахту.

Что же конкретно говорил Гитлер на описываемой встрече с генералитетом, практически никто не знал. Но рано или поздно все тайное становится явным...

Спустя более шестидесяти лет после званого вечера на вилле гамбургский историк Райнхард Мюллер сделал неожиданное открытие. Он работал в бывшем центральном архиве КПСС в Москве (сейчас этот архив вновь закрыт для историков). Среди 700 с лишним единиц хранения огромного массива дел секретариата Коммунистического Интернационала (Коминтерна) ученый нашел полную стенограмму тайной речи Гитлера. Текст имел входную дату 6 февраля 1933 года. Это значит, что уже через три дня после встречи Гитлера с генералами Сталин имел на своем письменном столе полную информацию о том, что говорил фюрер.

Разведчик и генеральская дочь

Райнхарду Мюллеру удалось установить, как попали секретные сведения из Берлина в Москву. Их передал по радио Лео Рот, коммунист и тайный агент СССР. Радиограмма подписана его псевдонимом Руди. В то время Рот был близким другом дочери генерала Хаммерштайна, двадцатилетней Хельги, которая вместе со старшей сестрой Марисей-Луизой работала в службе информации коммунистической партии Германии. Познакомились они в 1929 году в турпоходе, организованном социалистическим союзом школьников. Лео сумел завоевать сердце молодой девушки, и Хельга стала выполнять задания советской разведки, которые он передавал ей.

Во время званого вечера дочь генерала тщательно стенографировала каждое слово фюрера.

Найденный в московском архиве документ в новом свете представляет позицию немецких военных. Более уверенно, чем раньше, можно утверждать, что агрессивные планы Гитлера стали известны военному руководству в первые же дни его власти. В стенограмме зафиксированы весьма недвусмысленные заявления: «Я ставлю себе срок в 6–8 лет, чтобы окончательно покончить с марксизмом. Тогда же будет достигнута цель расширения жизненного пространства Германии, причем достигнем мы ее вооруженной рукой. Германизировать население покоренной страны невозможно — значит, надо германизировать саму почву».

После таких слов не понять, что «Гитлер — это война», просто нельзя. При этом его выступление было с воодушевлением встречено военными. Никаких возражений или сомнений никто не высказал. Как отмечает фоп Либман, фюрер произвел на всех впечатление человека, который настроен решительно и собирается с исключительной энергией воплотить свои идеалы в жизнь.

Находка в архиве Коминтерна показывает и то, как эффективно работала сталинская внешняя разведка: уже через неделю после прихода Гитлера к власти советское руководство было информировано о его военных планах. Наконец-то он рассказал правду, которую прежде тщательно скрывал в своих миролюбивых официальных заявлениях. Это были не туманные рассуждения мало кому известного агитатора, изложенные в 1925 году в книге «Моя борьба». Это была программная речь немецкого рейхсканцлера перед военной элитой Германии!

Похоже, однако, что эти угрозы не дали Сталину повода для беспокойства. Отсутствие реакции на первые агрессивные заявления фюрера показывают, что Гитлера он явно недооценил. Не прозрел Сталин и в последующие годы. Он хотел использовать приход немецких нацистов к власти в своих весьма серьезных внешнеполитических планах. Кульминацией сложной игры, которую вели друг с другом два диктатора, было заключение в 1939 году советско-германского Пакта о ненападении.

Гитлер сдержал слово, данное генералам в 1933 году: через восемь лет Германия напала на Советский Союз. Правда, это привело не к расцвету Третьего Рейха, а к его крушению. Но для победы над тоталитаризмом человечеству нужно было еще пережить годы страшной войны и заплатить миллионами невинных жертв.

ПЕРВАЯ ДАМА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА И ЕЕ ЕВРЕЙСКИЙ ОТЧИМ

Отличница

Магда Геббельс (полное имя — Йоханна Мария Магдалена) олицетворяла в Третьем Рейхе идеал немецкой женщины. Красивая и образованная, убежденная сторонница идей национал-социализма, любимица фюрера, она во всем разделяла взгляды и убеждения своего мужа, министра пропаганды Германии и гауляйтера Берлина Йозефа Геббельса. Родившая семерых детей, Магда стала первой женщиной, награжденной Почетным крестом немецкой матери. Эта награда, по значению приравненная к высшим военным орденам, была утверждена Гитлером в 1938 году. Нацистская пропаганда называла Магду «немецкой суперматерью». По словам актрисы Аннелизе Улиг, хорошо знавшей высшее общество Германии, Магда Геббельс несомненно играла роль первой дамы Третьего Рейха [1]. На официальных приемах и встречах не было ни одной женщины, столь же близкой к Гитлеру, как она.

Из своих неполных сорока четырех лет жизни фамилию Геббельс Магда носила меньше четырнадцати. Те, кто знал ее как фрэйлсйн Беренд, фрэйлсйн Фридлендер, фрэйлсйн Ритшель или фрау Квандт, вряд ли могли предположить, что она станет верной последовательницей и помощницей главарей нацистской Германии, виновных в еврейском геноциде и уничтожении миллионов мирных людей. Решительная и склонная к крайностям, Магда не раз круто меняла свою жизнь. Эта дама могла остаться супругой одного из богатейших промышленников Германии, могла оказаться невесткой американского президента или стать женой и соратницей видного сиониста, одного из основателей государства Израиль. Но она сделала иной выбор — и закончила свою жизнь рядом с самыми страшными преступниками двадцатого века.

Незаконнорожденная дочь двадцатилетней служанки Августы Беренд появилась на свет в ноябре 1901 года. Днем ее рождения одни источники называют первое [1], другие — одиннадцатое [2] ноября. Отец девочки — инженер Оскар Ритшель — женился на Августе, но этот брак был скорее формальностью, и спустя пару лет родители Магды развелись. Девочка осталась с фамилией матери. Отец до самой своей смерти, наступившей в 1941 году, старался сделать все, чтобы его дочь ни в чем не нуждалась.

По настоянию Ритшеля, работавшего в то время в Бельгии, семилетнюю Магду отдали на воспитание в строгий католический

монастырь недалеко от Брюсселя. За суровыми монастырскими стенами девочка не только научилась свободно говорить по-французски, но и приобрела качества, поражавшие многих ее знакомых, — самообладание, волю и твердость характера. Она получила в школе основательные знания, а главное, умение учиться самостоятельно. Учеба всегда давалась ей легко, без видимого напряжения.

Привлекательная мать Магды быстро нашла нового мужа — состоятельного фабриканта и торговца кожаными изделиями Рихарда Фридендера. Их бракосочетание состоялось при полном взаимном согласии: на свадьбе бывший муж Августы Оскар Ритшль был свидетелем. Супруги Фридендеры тоже переехали в Бельгию. На еврейское происхождение Рихарда в те годы особого внимания никто не обращал. Только спустя двадцать пять лет оказалось, что быть евреем в Германии — смертельно опасно. О судьбе Рихарда Фридендера очень скупо упоминается в опубликованных биографиях Магды Геббельс (например, [2], [3]). Подробности его жизни и гибели, которые мы реконструируем ниже, стали известны совсем недавно.

То, что Магда получила хорошее воспитание и прекрасное образование, — заслуга не только ее отца, но и отчима, не жалевшего для девочки ни времени, ни сил. И она отвечала ему искренней любовью. Когда через десять лет Августа и Рихард развелись, девочка, желая сделать отчиму приятное, взяла его фамилию и стала Магдой Фридендер. Рихард не оставлял ее своей заботой даже после развода.

Миллионерша

По окончании берлинской гимназии в 1919 году Магда Фридендер поступила в престижный и дорогой женский пансионат в Хольцхаузене, недалеко от старинного города Гозлара в гористом Гарце. Девушка быстро освоилась на новом месте и скоро стала выделяться среди сверстниц успехами в учебе и независимыми манерами. Робкой или стеснительной ее никто не мог бы назвать. Однако учеба продолжалась всего одну осень: случай изменил все планы.

Зимой 1920 года восемнадцатилетняя студентка возвращалась после каникул из Берлина в пансионат и в купе поезда познакомилась с представительным мужчиной. Это был Гюнтер Квандт, один из самых богатых немецких предпринимателей, владелец целой хозяйственной империи. Он был очарован умной и красивой попутчицей. Далее история развивалась по сюжету голливудских фильмов. Через три дня Квандт стоял с букетом цветов у дверей комнаты Магды, а спустя несколько месяцев состоялась помолвка мультимиллионера и студентки. По требованию будущего мужа Магда сменила католическую веру на протестантскую и вместо еврейской фамилии

Фридлиндер взяла фамилию своего настоящего отца — Ритшель. К этому времени мать Магды уже развелась с Рихардом, который зарабатывал себе на жизнь в должности старшего официанта в берлинском зоологическом саду. В январе 1921 года состоялась свадьба Магды и Гюнтера Квандта, а в ноябре появился на свет Харальд, единственный сын от этого брака.

Семейная жизнь с Квандтом быстро разочаровала Магду. Сказывалась разница в возрасте (Гюнтер был на двадцать лет старше своей жены) и поразительное несходство характеров. Миллионер оказался скучным, лишенным юмора и мелочным человеком. Искусство и развлечения его не интересовали. Надежды Магды на интересную жизнь испарились. Ее муж жил по строгому распорядку, в котором не было места ни ярким праздникам, ни блестящим приемам, ни светским раутам. Магда чувствовала себя заключенной в золотую клетку: имея, казалось, неограниченные возможности, она была полностью лишена самостоятельности. К тому же юная фрау в одночасье стала матерью сразу шестерых детей: помимо Харальда у Квандта было двое от первого брака, и еще троих он усыновил после гибели друга. Не сложились у нее отношения и с родственниками мужа, не одобрявшими такой скорый брак. Развод назревал, но был отложен из-за поездки супругов в Америку.

В Нью-Йорке Магда блистала в лучших салонах, где завоевала немало поклонников. Среди них был и Герберт Гувер, племянник американского президента, не раз предлагавший ей руку и сердце. Однако даже после развода Магда это предложение не приняла. Оказаться в новой золотой клетке, быть декоративным придатком знаменитого мужа она не желала.

После возвращения домой отношения между супругами еще больше обострились. Утешение Магда нашла в новой любви. На этот раз ее другом стал ровесник, с которым она была знакома еще со школьных лет. Узнав об увлечении жены, разгневанный Квандт собрался выгнать неверную супругу на улицу, не дав ей времени даже собрать чемоданы. В этом случае закон был бы на стороне мужа. Однако у Магды был контраргумент. Она нашла письма Квандта, свидетельствующие о его сердечных увлечениях в пору молодости. И хотя формально письма не имели юридической силы, Квандт не решился на скандал. Он согласился выплачивать Магде ежемесячно 4000 рейхсмарок, что обеспечивало ей безбедное существование. Кроме того, бывший супруг купил ей прекрасную квартиру в центре Берлина, оплатил медицинские страховки, а также обучение своего сына Харальда до достижения им 14 лет. По условиям развода Харальд оставался с матерью до ее нового брака.

В свете последующей жизни Магды ее любовь, послужившая поводом для развода с Квандтом, кажется настолько невероятной и поразительной, что в первой биографии Геббельса любовник его будущей супруги был скрыт под псевдонимом «студент Ганс».

Сионистка

Таинственным «студентом Гансом» был Хаим Арлозоров, горячий сторонник идеи сионизма, посвятивший свою жизнь образованию государства Израиль и не доживший пятнадцати лет до того дня, когда его мечта воплотилась в реальность.

Хотя Рихард Фридлиндер был не очень религиозным человеком, все же с его помощью католичка Магда получила первое представление об иудаизме и о немецком еврействе, сильно к тому времени ассимилированном. По-настоящему же погрузиться в мир еврейской жизни и еврейских проблем ей помогла встреча с семьей Арлозоровых. Косвенной причиной этой встречи явилась Первая мировая война.

После объявления войны немецкие граждане Фридлиндеры стали нежелательными персонами в Бельгии и в августе 1914 года были вынуждены вернуться в Берлин. Примерно в это же время в немецкой столице оказалась семья Арлозоровых, бежавших в 1905 году от еврейских погромов на Украине в Кенигсберг, а с началом войны тоже перебравшихся в Берлин.

Для тринадцатилетней Магды Фридлиндер и пятнадцатилетнего Виталия (по некоторым источникам — Виктора; см., например, [1], [2], [4]) Арлозорова началась новая жизнь: оба они в Берлине чувствовали себя беженцами. Фридлиндер поступила в гимназию для «благородных девиц», где ее ближайшей подружкой стала Лиза Арлозорова, младшая сестра Виталия. В этой открытой и гостеприимной семье Магда нашла то душевное тепло и чувство безопасности, в котором так нуждалась.

Сам Виталий посещал известную берлинскую гимназию имени Вернера фон Сименса. Эта школа отличалась высоким уровнем обучения и приверженностью к самым современным методам педагогики. Там училось немало евреев. Виталий был одним из первых учеников гимназии, редактором еженесячной школьной газеты «Вернер-Сименс-Блеттер». Постепенно его патриотические пронемецкие взгляды изменились — он стал задумываться о своем происхождении. В сочинении по немецкой литературе восемнадцатилетний гимназист Арлозоров писал в 1917 году: «Я еврей и горд этим. Я не чувствую себя вполне немцем и никогда этого не скрывал. Я ощущаю, что во мне живет так много Востока, так много раздвоенности, так много поиска целого, чего нет у нормального немца».

Юноша настойчиво учил иврит, все больше проникаясь идеями сионизма. Теперь он верил, что евреи должны жить в своем государстве на земле Палестины. Вокруг Арлозорова образовался кружок сверстников — и не только евреев, которых он увлекал рассказами о будущих еврейских поселениях на Святой Земле. Среди тех, кто с восторгом слушал Хаима, как теперь стал называть себя Виталий Арлозоров, была и Магда Фридендер. Ее всегда привлекали мужчины, отличавшиеся целеустремленностью и решительностью. Скоро Магда стала носить кулон в форме шестиконечной звезды и мечтать о том дне, когда она вместе с друзьями отправится возрождать еврейскую государственность на палестинской земле.

Этим мечтам не суждено было сбыться. Пути Магды и Хаима разошлись. Хаим женился и с женой и дочкой в 1924 году переехал в Палестину. Там он быстро стал одним из ведущих деятелей сионистского движения, много ездил по миру, представляя свою новую родину на различных конгрессах, съездах и международных совещаниях. Арлозоров стал ответственным за внешнюю политику сионистского Еврейского агентства и вместе с будущим президентом Израиля Вейцманом организовал социалистическую партию «Мапай».

Во время одной из поездок Хаима в Берлин в 1928 году школьные товарищи встретились вновь, и юношеская влюбленность обернулась сильным чувством. Магда опять прониклась идеями другой юности. По сравнению с холодным и пожилым мужем молодой Арлозоров покорила ее своей страстностью и фанатизмом. Их встречи продолжались вплоть до 1931 года, когда Магда уже готовилась выйти замуж за гауляйтера Берлина Йозефа Геббельса.

Журналистка Белла Фромм, хорошо знавшая Магду в те годы, представила картину, как могла бы сложиться жизнь Магды, не встретив она Геббельса: «...в каком-нибудь киббуце в Палестине с оружием в руках и стихом из Торы на устах» [5].

Последнее свидание Магды и Хаима состоялось 12 августа 1931 года, и запись об этом есть в дневнике Геббельса [6]. Объяснение влюбленных было драматичным: во время разговора Арлозоров выстрелил, пуля осталась в дверном косяке, никто не был ранен. Это была последняя точка в сионистских мечтах Магды. Она окончательно встала на другой путь.

Через год, когда Гитлер уже пришел к власти и Геббельс получил министерский портфель, Хаим Арлозоров опять был в Берлине, чтобы помочь евреям эмигрировать из нацистской Германии в Палестину. Он попытался через свою бывшую возлюбленную получить аудиенцию у немецких властей и по телефону просил Магду о встрече. Понимая, насколько это опасно для них обоих, та решительно

отказалась. Хаим вернулся в Тель-Авив и через несколько дней был застрелен на глазах у своей жены неизвестными людьми. Убийц так и не нашли. Было много предположений о том, кто стоял за этим убийством. Большинство считало его делом рук еврейских экстремистов из Палестины, недовольных контактами Арлозорова с нацистами. Так думала, например, вдова Хаима Сима. Споры о том, кто убил Арлозорова, не затихают и по сей день. Версия, что это были агенты Геббельса, выглядит достаточно правдоподобно. Внезапная смерть любовника Магды сохраняла в тайне сионистские увлечения жены гауляйтера Берлина. Этого же мнения придерживалась и сестра убитого Лиза. Боясь преследований, она рассказала о своих подозрениях лишь незадолго до смерти [1].

Первые шаги в бездну

После девяти лет брака с Квандтом Магда была свободной, богатой и несчастной. Золотая клетка распахнулась, но она не знала, чем себя занять. Внутренняя пустота и бездеятельность отравляли существование. Десятки тысяч женщин чувствовали бы себя на вершине блаженства, если бы имели хотя бы часть того, чем обладала Магда. Ее же не устраивала бесцельная судьба, она претендовала на первые роли в спектакле жизни.

С такими мыслями двадцатидевятилетняя Магда пришла в политику. То, что вполне обеспеченная дама с хорошими манерами оказалась в партии плебея Гитлера, могло бы показаться просто курьезом. Однако в Германии конца двадцатых годов многие представители высшего света, в обычной жизни не имевшие ничего общего с людьми в коричневых рубашках, были увлечены динамичной демагогией и бескомпромиссной решимостью лидера немецких нацистов.

Первого сентября 1930 года Магда Квандт получила от партийной ячейки «Берлин-Запад» удостоверение № 297442 члена национал-социалистической партии. С рвением отличницы она штудировала книги «Моя борьба» Гитлера и «Мифы двадцатого века» Розенберга, выписывала партийную газету и не пропускала ни одной речи фюрера в прессе. Так же страстно, как когда-то мечтала о будущем сионистском государстве, теперь она была убеждена в превосходстве германской расы, в мировом еврейском заговоре и преступности Версальского мирного договора. Нацистское движение привлекало ее тем, что давало цель и заполняло внутреннюю пустоту. Она не чувствовала себя больше одинокой. Успехи национал-социалистической партии на выборах свидетельствовали, что у Гитлера появляются все новые сторонники. Казалось, будущее принадлежит нацизму.

Партийная работа фрау Квандт началась не совсем удачно. Руководитель ячейки поручил Магде проводить записки в женской группе, куда входили в основном бедные домохозяйки и мелкие служащие. Появление в их рядах роскошной дамы было для них сенсацией. Слушательницы больше обращали внимание на свободные манеры и модные платья докладчицы, чем на ее речи. Положение мелкого партийного функционера не могло устроить Магду. Она всегда стремилась к высшему. Наконец, хорошее образование и знание иностранных языков позволили ей получить место в городском партийном архиве Берлина.

Вскоре на привлекательную и элегантную сотрудницу обратил внимание сам руководитель городской партийной организации (гауляйтер Берлина) Йозеф Геббельс, назначенный на эту должность Гитлером в 1926 году. Задачей Геббельса было завоевать для фюрера голоса жителей «красного Берлина», и он неплохо с нею справился. Благодаря зажигательным речам, умело организованным демонстрациям сторонников и уличным беспорядкам, факельным шествиям и кампаниям в прессе ему удалось сделать попутчиками и соратниками Гитлера многих из тех, о ком говорили, что они встали под красное знамя еще до того, как на него нашили свастику.

Среди людей, приближенных к Гитлеру, Геббельс стоял особняком. Низкорослый и тщедушный, он мало напоминал идеал арийского мужчины: уже будучи отцом семейства весил меньше 50 килограммов, имел непропорционально большую голову, а из-за перенесенной в детстве болезни костного мозга сильно хромал на правую ногу. Все это доставляло честолюбивому Йозефу глубокие душевные страдания. Тяжелейшим испытанием для него было обойти строй почетного караула. Когда этой церемонии нельзя было избежать, ему накануне всю ночь снились кошмарные сны [5]. Физические недостатки Геббельса не только давали богатый материал карикатуристам за пределами Германии, но и были предметом постоянных насмешек самих нацистов.

Зато он был гораздо умнее и образованнее большинства товарищей по партии. Следуя, как тень, за своей любимой девушкой, еврейской Анкой Штальхерм, Йозеф получил дипломы об окончании пяти университетов. В 1922 году он стал доктором германской филологии. Долгое время никто не мог бы упрекнуть его в антисемитизме. Евреям был духовный наставник и любимый научный руководитель Геббельса доктор Фридрих Гундольф из гейдельбергского университета. В качестве подарка своей невесте Анке Йозеф выбрал и надписал «Книгу песен» еврея Генриха Гейне. Пока у гауляйтера хватало мужества иметь свое мнение, он не придавал значения нелепым расовым

теориям нацистов. Но вскоре от этого своего мнения он отказался и никогда больше не позволял себе возвращаться к нему. Вера в фюрера стала для Йозефа важнее интеллекта. Такая вера была сродни религиозному экстазу поклонения, но это и нравилось Гитлеру, утверждавшему, что Геббельс — единственный оратор, которого он может слушать не засыпая. Вообще из интеллектуалов фюрер терпел возле себя только двоих — Геббельса и Шпеера.

К Гитлеру Геббельс пришел не сразу. Долгое время он безуспешно пытался реализовать себя в литературе и далекой от политики литературной критике. В нацистскую партию вступил в 1924 году из-за крайней нужды, отвергнутый большинством редакций и издательств. Но после этого еще в течение двух лет он был ближайшим сотрудником Грегора Штассера, уничтоженного в 1934 году руководителя враждебной Гитлеру группировки в национал-социалистической рабочей партии. Только в 1926-м Йозеф окончательно встал на сторону Гитлера и безоговорочно проникся верой в будущего фюрера нации. Биограф Геббельса Гельмут Хайбер писал, что не идеология или политические идеи Гитлера привлекли Геббельса, ими он тогда почти не интересовался. Ему нужен был вождь, способный обеспечить материальное благополучие, душевное равновесие и указать цели — безразлично, какие. И этому вождю, ставшему для Геббельса богом, он остался верен до самой смерти.

Того же кумира избрала в конце концов и Магда Квандт. И помог ей в этом гауляйтер Берлина Йозеф Геббельс.

Возлюбленная дьявола

Первая встреча Магды и Геббельса состоялась 7 ноября 1930 года и прошла по-деловому. Как рассказывала Магда своей матери, не было произнесено ни одного комплимента, почти ни одного слова о личном, но его пожирающие взгляды были красноречивее слов.

Геббельс имел опыт общения с красивыми женщинами, особенно после того, как достиг в нацистской партии положения, позволявшего ему распределять гонорары журналисткам и роли артисткам. Отношения с красавицей Квандт тоже развивались по знакомому сценарию. Магда получила задание вести личный архив гауляйтера. 28 января 1931 года Геббельс записывает в своем дневнике: «Фрау Квандт пришла ко мне домой работать с архивом. Она прекрасная женщина». 15 февраля в дневнике появляется более красноречивая запись: «Вечерами приходит Магда Квандт и остается надолго. И цветет красотой. Будь же моей королевой!». Далее в записях встречаются цифры, которыми Геббельс, на манер Дон Жуана, нумерует свои интимные встречи с Магдой. Через неделю они вместе едут в Веймар на

Магда и Йозеф Геббельс

партийную конференцию. «До глубокой ночи сижу я вместе с Магдой. Она восхитительно прекрасна и добра и любит меня сверх меры», — пишет он.

В Веймаре Геббельс встретил свою прежнюю любовь Анку Штальхерм. Он познакомил ее с Магдой, а в дневнике записал: «Я встретил Анку. Она печальна. Прочь отсюда! Наконец-то я ее больше не люблю с ее вечной недисциплинированностью». Правда, окончательно пути Геббельса и Анки разошлись только в 1933 году, после прихода нацистов к власти.

Магда Квандт знала себе цену. Их отношения с Геббельсом были далеко не всегда такими, как хотел бы гауляйтер. Он считал, что задача женщины — быть прекрасной и рожать детей. При таких убеждениях конфликты были неизбежны. Но несмотря на это, чувство

Йозефа становилось все крепче, и 22 марта в дневнике появилась запись: «Я люблю сейчас только ее одну».

Вскоре роскошная квартира Магды Квандт, подаренная ей бывшим мужем, стала своеобразным салоном, где собирались партийные бонзы. В один из дней своего пребывания в Берлине там появился и сам Адольф Гитлер. Шеф партии был покорен красотой и манерами Магды. По его представлениям, именно таким был идеал арийской женщины и матери. Казалось, она предназначена только фюреру и никому другому. Однако Гитлер, готовясь захватить власть над всей Германией, дал обет безбрачия. Любовь к власти была для него сильнее любви. Но и пройти мимо Магды Квандт он не мог. «Эта дама могла бы сыграть в моей жизни большую роль даже без женитьбы», — говорил Гитлер Отто Вагенеру, начальнику штаба СА и своему тогдашнему экономическому советнику. Своей женственностью Магда должна была вдохновлять фюрера в его деятельности. Кроме того, фрау Квандт была бы полезна для пропагандистской работы партии. «Жаль, что она не замужем», — сетовал он [7].

Этот недостаток легко было поправить. При активном участии Гитлера 19 декабря 1931 года состоялась свадьба Магды и Йозефа Геббельса. На венчании фюрер был свидетелем. Теперь он всегда мог быть в обществе своей музы. Магда шла на брак с Геббельсом, трезво оценивая обстановку. Матери она объясняла, что когда нацистское движение окажется у власти — а это вполне реально, — она станет первой дамой Германии.

К Гитлеру Магда относилась совсем не так, как к своему новому мужу. Она видела в фюрере отца, решительного человека, знающего, куда надо идти. Актриса и режиссер Лени Рифеншталь записала в своих воспоминаниях сказанные сразу после свадьбы слова Магды Геббельс: «Я люблю мужа, но моя любовь к Гитлеру сильнее, для него я готова пожертвовать своей жизнью. Согласие на брак с доктором Геббельсом я дала лишь после того, как поняла, что Гитлер не может любить никакую женщину, а только Германию, и сделала это потому, что теперь могу быть ближе к фюреру» [8]. Вегетарианскую еду для Гитлера Магда всегда готовила сама.

Герберт Дёринг, управляющий домом Гитлера в Бергхофе, который часто видел Магду в гостях у своего хозяина, полагает, что фрау Геббельс охотно поменяла бы супруга и вышла замуж за Адольфа. Таковую надежду, как ему казалось, она никогда не теряла.

В результате нового замужества Магда лишилась права воспитывать своего первого сына Харальда Квандта. Мальчик переселился к отцу, но почти ежедневно навещал мать, подружился с Геббельсом и скоро стал своим в этой семье. Прекратились и ежемесячные

выплаты со стороны Гюнтера Квандта, но эту потерю компенсировал Гитлер, удвоив оклад гауляйтера Берлина.

Тяжелее дался Магде разрыв с другими близкими родственниками. Ее отец Оскар Ритшель со скандалом прервал все отношения с новым зятем после того, как получил от Геббельса грубое и вызывающее письмо с требованием не встречаться больше с дочерью. Само собой разумеется, что все контакты с еврейским отчимом Рихардом Фридлендером были со стороны семейства Геббельсов также прекращены. Только мать Магды продолжала общаться с дочерью и пользовалась финансовой помощью ее супруга. По настоянию зятя ей пришлось сменить неподходящую для нацистского слуха фамилию Фридлендер на девичью — Беренд.

В свою очередь, и помощь матери была весьма кстати в связи с рождением все новых детей. В браке с Геббельсом Магда родила пятерых девочек и одного мальчика: в 1932 году — Хельгу, в 1934-м — Хильде, в 1935-м — Хельмута, в 1937-м — Хольде, в 1938-м — Хедду, в 1940-м — Хайде. По странной прихоти всем своим детям она давала имена, начинающиеся с буквы «Х». Между прочим, этой же буквой начинается и имя Харальда Квандта.

Выросшей семье потребовалось новое жилье. Гитлер помог Геббельсам купить роскошный замок на берегу Ванзейского озера. Там состоялся грандиозный бал в честь летней берлинской олимпиады 1936 года. Было приглашено более трех тысяч гостей из разных стран. Геббельс увеличивал свои земельные владения, скупая имения соседей, как правило, евреев, которых силой заставляли расставаться с имуществом. Среди них оказался и отчим Магды.

Нацистская пропаганда представляла семью Геббельса образцом для всех немцев. Магда ежедневно получала десятки писем от женщин, обращавшихся к ней за помощью или советом. Но за фасадом образцового брака не все было так гладко. Йозеф Геббельс не упускал возможности доказать свою мужскую неотразимость, благо в его власти находились все киностудии Третьего Рейха. Множество кинозвезд и «кинозвездочек» прокладывало свой путь к успеху в искусстве через спальню гауляйтера. Магда не устраивала ему громких сцен ревности, но находила утешение в своих верных поклонниках. Несколько раз над браком нависала угроза краха.

В том же 1936 году, когда состоялась берлинская олимпиада, в роман Геббельса с двадцатидвухлетней актрисой Лидой Бааловой вмешался сам Гитлер. Геббельс был сильно увлечен красавицей чешской, привел ее в свой дом и попытался устроить «семью втроем». Он появлялся с новой возлюбленной в театрах и кабаре, их связь стала привлекать общественное внимание. Роль благородного рыцаря,

защитника оскорбленной жены взял на себя Карл Хайнке, государственный секретарь и заместитель Геббельса по министерству пропаганды. Этот последний, собрав компрометирующие шефа доказательства, предложил Магде руку и сердце. Однако развод в семье Геббельсов мог разрешить только фюрер. А он был категорически против. Скандал не только разрушал пропагандистский образ идеальной семьи, но и мог повредить внешнеполитическим планам Гитлера, который как раз замыслил оккупацию Чехии — родины Бааловой. Сказав свое властное «нет», он решительно запретил Геббельсу любые контакты с Бааловой. Гауляйтер Берлина на долгое время потерял благосклонность фюрера.

Сама актриса была выслана в Прагу, ее многообещающая артистическая карьера закончилась. После войны она за сотрудничество с немцами полтора года просидела в чешской тюрьме. В 1946 году вышла замуж за министра внутренних дел Чехословакии, бежала с ним в Австрию. Какое-то время снималась на киностудиях Италии и Испании, выступала и на немецкой сцене. Умерла Лида Баалова в октябре 2000 года в Зальцбурге.

Магда не торопилась возобновлять семейную гармонию. Она не отвергала категорически предложения Хайнке и только в конце 1936 года решила наконец поддержать престиж идеальной семьи. В следующем году как символ примирения супругов на свет появилась Хольде. Неверного госсекретаря Геббельс отправил гауляйтером в Бреслау, убрав таким образом подальше опасный повод для ревности.

Чужой среди своих

В то время как Магда Геббельс переживала очередной семейный кризис, тот режим, с которым она себя накрепко связала, все сильнее преследовал ее отчима Рихарда Фридлендера. Он работал старшим официантом в берлинском зоосаде, своим трудом обеспечивая достойную жизнь себе и новой жене Эрне Шарлотте. Но в годы правления нацистов Рихард потерял все — и работу, и положение в обществе. Политика организованного антисемитизма, которую с первых же дней у власти стал проводить Гитлер, планомерно лишала немецких евреев гражданских и общечеловеческих прав. Многие еврейские семьи эмигрировали, но большинство по-прежнему надеялось, что положение изменится к лучшему. Когда же иллюзии рассеялись, было уже поздно.

Отчим Магды тоже не допускал мысли об эмиграции: ведь он был офицером в Первую мировую войну, а государство обещало заботиться о своих ветеранах. По воспоминаниям внука Фридлендера Михаэла Туча, его дед попытался получить помощь у своей

падчерицы и ее высокопоставленного супруга. Однако Магда Геббельс избегала всяческого общения со своим некогда любимым отчимом. Туч приводит рассказ деда о посещении им бюро гауляйтера Берлина. Когда он вошел в кабинет, на лице Геббельса появилось выражение ужаса и отвращения. Повернувшись к своему адъютанту, он приказал: «Спросите у еврея Фридендера, что ему здесь надо». Адъютант выполнил приказ, и разговор был закончен. Где правят расовые химеры, родственные отношения не имеют значения. Фридендер не получил никакой помощи от любимой падчерицы и ее мужа.

В 1938 году преследование евреев стало еще активнее. К дискриминации, лишению прав и запрету на многие профессии добавились акты насилия и репрессии. Новое отношение к людям этой национальности символизировала печально известная Хрустальная ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. Но тюрьмы и концлагеря для евреев начали действовать уже летом. Целью такой политики было заставить их бежать из страны, оставив нацистам все свое имущество.

В 1938 году Рихарда Фридендера направили на принудительные работы на берлинский завод газового оборудования, а 15 июня арестовали прямо на рабочем месте. Он оказался среди 2000 евреев, схваченных в те же дни и направленных в концлагерь Бухенвальд. В основном это были жители Берлина — врачи, адвокаты, предприниматели: развернув деятельность по преследованию евреев, гауляйтер столицы Геббельс старался вернуть потерянную милость фюрера. В одной из сохранившихся книг учета заключенных значится и Рихард Фридендер. Ему было тогда пятьдесят семь лет. В концлагерь попало много пожилых людей.

Позже переживший эту трагедию человек вспоминал, что их пребывание там было сплошным кошмаром. Соревнуясь друг с другом в издевательствах над людьми, эсэсовцы жестоко избивали их кулаками и плетью. Около пятисот заключенных было брошено в помещение, некогда служившее стойлом для овец. Там не было ни столов, ни стульев, ни кроватей. Спали на голом полу, причем теснота была такая, что невозможно было вытянуть ноги. В первые дни заключенные не получали никакой еды, зато им с лихвой хватило переключек, построений, наказаний и пыток. Затем начались каторжные работы: нужно было мостить улицы камнем. Для непривычных к физическому труду немолодых людей работа оказалась непосильной. Рабочий день продолжался с шести утра до восьми вечера, в воскресенье — до четырех [9].

К октябрю 1938 года в лагере умерло более 100 человек. Потом начались эпидемии, и количество гибнущих резко возросло. Не

перенес нечеловеческих условий в Бухенвальде и Рихард Фридендер. Он был в буквальном смысле замучен до смерти. В свидетельстве о смерти, выданном 18 февраля 1939 года, указано, что он умер от «недостаточности сердечной мышцы при воспалении легких». Его вдова получила по почте урну с прахом, заплатив положенным платежом 97 рейхсмарок. Рихард Фридендер стал одной из первых жертв расовой политики нацистов задолго до того, как уничтожение евреев было переведено на индустриальные рельсы. Знаменитая Ванзейская конференция, на которой была разработана тактика «окончательного решения еврейского вопроса», прошла в январе 1942 года недалеко от старого еврейского кладбища, где в безымянной могиле нашел свой последний приют отчим первой дамы Третьего Рейха.

Свой выбор

Знала ли Магда Геббельс о смерти отчима, неизвестно. Более того, нет никаких данных о том, интересовалась ли она вообще его судьбой. Зато с уверенностью можно утверждать, что она приняла политику уничтожения евреев — и это несмотря на то, что в молодости у нее было немало душевных друзей среди людей этой национальности. Конечно, она была не единственной, кто рассматривал репрессии против евреев как необходимую меру защиты государства. Но в отличие от большинства немцев Магда точно представляла себе гигантские масштабы созданных гитлеровцами фабрик смерти. Геббельс не скрывал от своей жены, как реализуется «окончательное решение еврейского вопроса». Магда рассказывала свояченице Элле Квандт: «Ты не представляешь себе, какие страшные вещи он мне говорит. И я ни с кем не могу этим грузом поделиться. Этого нельзя никому рассказать. Он вываливает все на меня, потому что ему самому певмому. Такое невозможно описать».

Йозеф Геббельс в молодости тоже не испытывал ненависти к евреям. Даже напротив, евреями были самые близкие ему люди — певеста и духовный наставник. Но доктор Геббельс полностью принял идеи Гитлера и делал все, чтобы варварский план по уничтожению еврейского народа воплотился в жизнь. Однако от ближайших сподвижников Гитлера Йозеф отличался осторожностью и осмотрительностью. Известно, например, что ознакомившись в 1942 году с программой по еврейскому вопросу, он попытался уговорить фюрера отложить ее реализацию до окончания войны. Гитлер с ним не согласился. Во время знаменитого выступления немецких женщин в защиту своих еврейских мужей в Берлине в 1943 году Геббельс не стал применять силу и удовлетворил все требования протестующих. Были

освобождены заключенные из сборного лагеря на Розенштрассе, некоторых вернули даже из лагеря смерти Освенцим [10].

По мере того как близилась к завершению Вторая мировая война и победа союзников над фашистами становилась реальностью, судьба Магды и Йозефа Геббельсов все теснее сплеталась с судьбой обреченного фюрера. В отличие от многих высокопоставленных нацистов, которые, спасая свои жизни, уезжали из Берлина, Геббельс не покинул Гитлера до самого конца. Первого февраля 1945 года Йозеф записывает в дневнике: «Я объявил фюреру, что моя жена твердо решила остаться в Берлине и отказывается отдать куда бы то ни было детей».

22 апреля 1945 года все семейство Геббельсов переселяется в бункер фюрера. Детям отвели отдельную комнату на верхнем этаже. Им нравилось новое приключение. Магда занималась с ними, пока внизу фюрер со своим министром пропаганды и уполномоченным по ведению тотальной войны (последнее назначение, полученное Геббельсом) обсуждали очередное воззвание к немецкому народу. Берлин лежал в руинах. «Тысячелетний» Третий Рейх доживал свои последние дни.

28 апреля Магда отправила письмо-прощание своему старшему сыну Харальду Квандту, не зная, что он находится в советском плену. Мир, который придет после фюрера и национал-социализма, писала она, уже не имеет никакой ценности. Оставаться преданным самому себе и своей родине — таково было напутствие Магды сыну. Свою верность фюреру она понимала как жертву. Жизнь без фюрера, без Третьего Рейха была для нее немыслима. Изменить ее решение не могли никакие уговоры и просьбы тех, кто оставался в бункере.

30 апреля застрелились Гитлер и Ева Браун. На следующий день доктора Штумпфеггер и Науман под присмотром Магды сделали шестерым детям смертельный укол. Сама она до последней минуты сохраняла хладнокровие. Когда в детской все было кончено, Магда спустилась в гостиную и в последний раз разложила свой любимый пасьянс. В половине девятого вечера Геббельс застрелился, его супруга приняла яд. Перед смертью гауляйтер Берлина приказал сжечь свой труп и труп своей жены.

За несколько часов до самоубийства Гитлер наградил Магду личным золотым партийным значком. Когда советские солдаты вынесли из бункера во двор рейхсканцелярии обгоревшие трупы супругов Геббельсов и тела шестерых убитых детей, высшая партийная награда на платье Магды представляла собой бесформенный кусочек металла.

* * *

Пути соглашательства и сопротивления, героизма и преступления часто идут совсем рядом. Легко вообразить, как могла бы сложиться жизнь, сделай человек в свое время маленький шаг в другую сторону. Решение всегда остается за нами. Магда Геббельс сделала свой выбор и заплатила за него не только собственной жизнью, но и жизнью любимых детей.

Свой выбор сделала и Колин Квандт, дочь Харальда Квандта. Внучка Магды Геббельс прошла ортодоксальный гиюр¹⁾ и живет в Гамбурге с мужем-евреем.

Литература

1. *Knopp Guido*. Hitlers Frauen und Marlene. Muenchen, 2001.
2. *Sigmund Anna Maria*. Die Frauen der Nazis. Muenchen, 2001.
3. *Ebermayer Erich, Roos Hans*. Gefaehrtin des Teufels. Leben und Tod der Magda Goebbels. Hamburg, 1952.
4. *Комей Джоан*. Кто есть кто в истории евреев. Москва, 1995.
5. *Fromm Bella*. Als Hitler mir die Hand kuesste. Berlin, 1993.
6. *Геббельс Йозеф*. Последние записи. Смоленск, 1998.
7. *Turner Henry Ashby*. Otto Wagener — Der vergessene Vertraute Hitlers. — In: Die Braune Elite II. Darmstadt, 1993.
8. *Riefenstahl Leni*. Memoiren. Muenchen — Hamburg, 1987.
9. Das Neue Tagebuch. Paris — Amsterdam, 1938, № 47 (19 Nov.).
10. *Беркович Евгений*. Женский бунт на улице Роз. — См. очерк в этой книге.

1) Обряд перехода в иудаизм

НЕМЕЦКИЙ ПИСАТЕЛЬ С ЕВРЕЙСКОЙ СУДЬБОЙ

Разделившие судьбу евреев

Песнопения на слова Йохена Клеппера и сегодня звучат во всех евангелических церквях Германии. Но из тех, кто поет его песни, очень немногие знают, в каких невыносимых условиях работал автор. Этот чистокровный немец во времена господства нацистов испытал на себе все страдания, выпавшие на долю европейских евреев. Всеми силами он старался облегчить судьбу своей жены-еврейки Йоханны и ее дочери Ренаты, когда же стало ясно, что избежать отправки девочки в лагерь смерти невозможно, все члены семьи Клепперов — Йохен, Йоханна и Рената — покончили с собой [1].

И это вовсе не единичный случай. Подобные трагедии пережили десятки тысяч немцев, находившихся в браке с евреями или с людьми, которых в Третьем Рейхе считали евреями. За год до смерти Клеппера, в ноябре 1941-го, с собой покончили известный киноартист немец Иоахим Готтшалк, его жена Метя, еврейка христианского вероисповедания, и их сын. Готтшалк поверил сообщению министерства пропаганды о предстоящей депортации Метя «на Восток» [2]. В феврале 1945 года, когда до окончательного разгрома нацистов оставалось всего несколько месяцев, бывший немецкий офицер из Гамбурга застрелил свою жену, а потом и себя, чтобы не допустить ее отправки в концлагерь Терезиенштадт [3].

Общее число немцев, которых нацисты преследовали из-за брака, нарушавшего «чистоту арийской крови», можно оценить весьма приблизительно (см., например, [4]). Известно, что в 1933 году из полумиллиона проживавших в Германии евреев около 35 тысяч были в браке с христианами. Здесь имеются в виду люди, официально исповедовавшие иудаизм; такие браки по переписи населения 1933 года назывались «конфессионально-смешанными». А кроме того, в супружестве с «неевреями» могли состоять еврей-атеисты и христиане еврейского происхождения — их количество неизвестно. Эти семьи по терминологии нацистов относились к «расово-смешанным бракам».

К семье Клеппера применимы оба эти понятия. В декабре 1938 года Йоханна Клеппер приняла христианство, а в июне 1940-го крестилась и ее дочь Рената (Рени). Таким образом, брак из «конфессионально-смешанного» превратился в «расово-смешанный» союз двух христиан. Однако на дальнейшую судьбу Клепперов это никак не влияло: для нацистов крещение не меняло принадлежности к «зловредной еврейской расе».

Вероятно, в Германии судьбы евреев разделили примерно от 40 до 50 тысяч человек — это люди, которые сами не принадлежали к гонимой нацистами группе и легко могли бы избежать преследований, разведись они со своими партнерами. Власти оказывали немалое давление на немецких супругов, состоявших в «смешанных браках», стремясь заставить их пойти на развод. Но большинство этому давлению не поддавалось. Среди таких мужественных людей были философ Карл Ясперс, дирижер Герберт фон Караян, писатель Йохен Клеппер. Более того, удельный вес разводов в «смешанных браках» был ниже, чем по Германии в целом. Верностью и твердостью своих немецких супругов были спасены тысячи евреев. Только в Берлине благодаря помощи немецких друзей смогли пережить войну более пяти тысяч человек. Этому факту в немецкой исторической литературе уделяют незаслуженно малое внимание — слишком велик контраст с поведением большинства немцев, молчаливо поддерживавших нацистов и даже активно им помогавших в преследовании евреев.

Любимец властей — изгой общества

Йохен Клеппер родился в 1903 году в семье евангелического пастора в небольшом силезском городке Бойтен (сейчас этот город находится на северо-западе Польши). В университете он изучал теологию, но закончил учебу, не сдав последних экзаменов, и в 1927 году начал работать журналистом в пресс-центре евангелической церкви. Молодой человек переживал тяжелый душевный кризис, от которого его спасла любовь к Йоханне (Ханни) Штайн. Ханни была на 13 лет старше Йохена, несколько лет назад у нее умер муж.

Они поженились в 1931 году. От первого брака у Ханни было две дочери, которых Йохен любил как своих собственных. Но по-настоящему семья была счастлива недолго: в январе 1933-го Германией стали править нацисты.

С 1931 года Йохен работал свободным журналистом и писателем, в ноябре 1932-го стал ассистентом берлинского радио. После прихода Гитлера к власти карьера Клеппера закончилась, едва успев начаться. Из-за еврейской жены Йохена его уволили сначала с радио, а чуть позже, в 1935 году, и из газеты при издательстве «Ульштайн», куда он был взят незадолго до переворота. Правда, публиковать статьи и стихотворения власти ему не мешали. В феврале 1937-го вышел в свет быстро ставший знаменитым роман Йохена Клеппера «Отец» — о прусском короле Фридрихе Вильгельме Первом. Для правящей нацистской верхушки эта тема представлялась важной. Книга была восторженно встречена официальной прессой. Государственная киностудия подготовила ее экранизацию. Клеппер

на время стал любимцем властей, у него появились влиятельные знакомые в имперских министерствах. Понравился роман и людям, далеким от политики: Фридрих Вильгельм Первый был изображен не только одержимым властителем, но и человеком, терзаемым религиозными сомнениями. Эта книга переиздается и читается до сих пор.

Все доходы Клеппера облагались налогами по повышенной ставке, определенной специально для евреев; кроме того, евреи и породненные с ними люди должны были платить дополнительный «искупительный налог» в размере четверти дохода. Тем не менее успех романа позволил ему купить дом, где он надеялся найти защиту для семьи. Но стены своего дома уже не защищали от ветров времени. Не спасала и известность автора, его знакомство с людьми, стоящими близко к власти.

Всего через месяц после выхода в свет романа «Отец», в марте 1937 года, Клеппер из-за брака с еврейкой был исключен из имперского профессионального союза литераторов. Однако печатать свои произведения писатель еще мог, хоть для этого и приходилось каждый раз получать специальное разрешение от министерства пропаганды.

Между тем преследование евреев в стране набирало обороты. Старшей дочери Йоханны Бригитте в мае 1939 года удалось эмигрировать в Англию. В Германии оставалась младшая, Рената, и ее положение становилось все опаснее. В марте 1940-го она получила от ведомства по труду предписание на принудительные работы — от нее не скрывали, что речь идет об отправлении первой группы евреев в концлагерь под Люблином.

Чтобы защитить приемную дочь от депортации, Йохен Клеппер в декабре 1940 года пошел добровольцем в армию, однако через десять месяцев был уволен: по распоряжению Гитлера мужчины, «породненные с евреями», не имели права на военную службу.

В том же октябре 1941-го, когда он вернулся из армии, началась отправка первых эшелонов с немецкими евреями в лагеря уничтожения на востоке. Эмиграция евреям к этому времени была уже запрещена. Брак с немцем защищал Йоханну от непосредственной угрозы депортации, делал ее, по терминологии нацистов, «привилегированной» еврейкой. Но Ренате депортация угрожала неотвратимо. Клеппер использовал все свои связи и знакомства, чтобы помочь приемной дочери. Его друзья в Швеции добивались у своих властей разрешения на въезд Ренаты. Рейхсминистр Флик, покровительствовавший Йохену, дал ему письмо за своей подписью о том, что «эвакуация Ренаты Клеппер в настоящее время не предусматривается». Это письмо на какое-то время отодвинуло смертельную угрозу.

В декабре 1942 года наконец было получено долгожданное разрешение от шведских властей. Казалось, самого страшного удалось избежать. Клеппер подал прошение на выдачу в порядке исключения выездной визы для Ренаты. Но время было упущено. Вопросы эмиграции теперь решало ведомство Гейдриха, ответственное за «окончательное решение еврейского вопроса». В частной беседе с Клеппером министр Флик дал понять, что больше он ничего сделать не может. Десятого декабря 1942 года заместитель Гейдриха Адольф Эйхман окончательно отклонил прошение о визе: в таком важном вопросе, как уничтожение евреев, власти не признавали никаких исключений.

Для семьи Клеппера, как для сотен других смешанных семей, оставался только один способ не разлучаться — вместе умереть.

Из дневников Клеппера

В своих дневниках [5], которые он вел на протяжении десяти лет — с 1932 года до самой смерти в 1942-м, писатель Йохен Клеппер был очень точен и наблюдателен. В начале нацистского правления, приблизительно до 1935 года, антиеврейские мероприятия были направлены на всех «неарийцев», т. е. людей, имевших среди своих дедушек или бабушек хотя бы одного еврея. Исключение составляли ветераны Первой мировой войны, они еще пользовались некоторыми льготами. При этом брак с немцем для «неарийца» не имел значения, более того, человек, имевший «неарийца» супругом, сам становился объектом преследования. «Неарийцам» и людям, с ними породненными, не разрешалось быть на государственной службе. Запрещалась им и любая профессиональная деятельность в области культуры. И только некоторые, в том числе Йохен Клеппер, пользовались специальным разрешением на публикации. До 1939 года такое исключение было сделано для 320 писателей и художников.

Солидарность или по крайней мере сочувствие немцев по отношению к тем, кого преследовали, были очень редкими явлениями. В дневнике Клеппера есть запись о его увольнении из издательства «Ульштайн»: «Люди, с которыми два года проработал рядом, были абсолютно равнодушны, по-прежнему шутили, как ни в чем не бывало».

Но еще тяжелее было вынести общественную изоляцию. Знакомые, друзья, родственники становились чужими. Так, 16 июня 1933 года Йохен жалуется в своем дневнике: «Вакуум вокруг меня слишком велик. Условия для новых начинаний весьма неблагоприятные. Изолированный художник — это уже не художник». Через две недели новая запись: «Негласный бойкот евреев и людей, с ними связанных, продолжается. Многие, взяв самое необходимое, уезжают за границу. Моя профессия не даст нам возможности прожить за

рубежом. В Германии же для меня, немца, и Ханни, еврейки, нет больше места. Мы оба стали преследуемыми». В июне 1933 года, когда большинство людей на земле еще не представляло себе все предстоящие ужасы нацизма, Клеппер пишет: «Ни на минуту мы не забываем, сколько людей вокруг нас так же страдают, как мы, и скольким, как и нам, придется добровольно умереть». Так предвидел писатель свою судьбу за девять лет до смерти.

Особенно невыносимым был страх родителей за судьбу детей. Уже в апреле 1933 года «неарийцам» был закрыт путь в институты и университеты. Их дети подвергались дискриминации и оскорблениям со стороны одноклассников и учителей. Рената Клеппер, почувствовав себя «еврейкой» только после расистских законов гитлеровцев, ушла из школы в начале 1938 года. Будущее в Германии не сулило девушке ничего хорошего. Ханни пыталась с помощью своих старых связей в мире моды, найти для нее место ученицы в швейной мастерской. Но все было тщетно. В первых числах ноября 1938 года, накануне Хрустальной ночи, Клеппер записал в дневнике: «Вот уже девять месяцев, как Рената ушла из школы, но она все еще не может найти место ученицы».

Погром Хрустальной ночи не пощадил и немецких евреев, живущих в смешанных браках. Многие были арестованы и отправлены в концлагеря. Оставшиеся должны были платить штрафы и «искупительные налоги», как и все евреи. «Неарийцы», в том числе и состоявшие в браках с немцами, были вычеркнуты из жизни общества: их имущество конфисковывалось властями, банковские счета замораживались, им запрещалось пользоваться автомобилями, ходить в кино, театры, музеи, на концерты. Однажды Клеппер попробовал «в порядке исключения» получить для своей жены разрешение посетить вместе с ним одно литературное собрание, но ему было отказано.

Стремясь избежать волнений, Гитлер после Хрустальной ночи ввел градацию, в соответствии с которой брак между мужем-немцем и женой-еврейкой назывался «привилегированным». В таких случаях немедленная депортация «на Восток» женщине не грозила. На бумаге понятие «привилегированного брака» ни разу не было закреплено, но без исключений применялось на всех уровнях исполнительной власти [4]. Клеппер сразу понял значение нацистского нововведения: «На немцев, состоящих в браке с евреями, обрушатся все несчастья, от которых мы сейчас избавлены, но которые все равно неминуемы и для нас», — записал он в дневнике 16 февраля 1939 года.

Тем не менее положение евреев в «привилегированных браках» оставалось ненадежным и неопределенным. Привилегия состояла только в том, что гибельная депортация для них откладывалась на

время. Если брак заканчивался из-за развода или смерти немецкого супруга, оставшуюся супругу сразу отправляли в лагерь смерти. Исключений не делалось даже в тех случаях, когда партнер погибал во время воздушного налета. Действие многих антисемитских предписаний нацистов было распространено и на «привилегированных евреев». С начала войны им запрещалось выходить на улицу с наступлением темноты, они были обязаны сдать в полицию свои радиоприемники, а из продуктов и одежды им позволялось иметь только самое необходимое. Правда, до осени 1942 года евреи из привилегированных браков не были включены в специальные списки, составляемые гестапо, и поэтому избежали некоторых грабительских акций — принудительной сдачи драгоценностей, фотоаппаратов, пишущих машинок, находившихся в домашнем пользовании электроприборов.

«Привилегированные евреи» могли не носить на одежде введенные с сентября 1941 года шестиконечные звезды. В то время как Ханна Клеппер, жена немца, была освобождена от унижительной обязанности носить знак еврея, ее родственники, включая дочь Ренату, не имели права показаться на улице без звезды Давида. Записи в дневнике Йохена свидетельствуют о том, как тяжело ему было видеть страдания близких людей и не иметь возможности им помочь: «Родственники и знакомые моей жены переживают сейчас столько несчастий, что жаловаться при них на наши потери, ограничения и осложнения просто неприлично».

Вопрос «эмигрировать или остаться» постоянно обсуждался в окружении Клеппера. В марте 1939 года он пишет: «Телефонные разговоры с родственниками Ханни, которые хотели бы уехать в Англию, Палестину, Венгрию или Португалию. Сейчас они имеют визу только в Чили — и больше ничего». Йохен и Ханни Клепперы хотели, чтобы Рената эмигрировала, и одновременно боялись этого: эмиграция означала разрыв семьи. Летом 1939 года в дневнике Клеппера появляется короткая запись о знакомой, которая покончила с собой после эмиграции детей. Через месяц после этого страшного события Гитлер начал войну, а еще через два года эмиграция евреев была окончательно запрещена. Умерла последняя хрупкая надежда на спасение.

Традиция проклятия

Было бы наивно искать защиту от преследования у церкви: согласно плану Гитлера церковь должна быть послушным инструментом нацистской идеологии. «Один народ, одна империя, одна вера» — этот лозунг очень точно отражает цели фюрера.

Придя к власти, Гитлер сразу задался целью взять церковь под контроль государства. С католиками удалось договориться очень

быстро, и 20 июля 1933 года с Ватиканом было заключено специальное соглашение (Конкордат). С протестантами возникли трудности.

В Германии существовало 28 самостоятельных лютеранских и евангелических Церквей, самой крупной из которых была Церковь Старой Прусской Унии, насчитывавшая 18 миллионов членов. Объединить все протестантские церкви должна была государственная Имперская Церковь, созданная указом рейхстага 14 июля 1933 года.

Во время выборов первого имперского епископа группа авторитетных сторонников традиционного протестантства во главе с Мартином Нимеллером выступила против сращения церкви с государством. Была создана так называемая Исповедальная (или Конфессиональная) Церковь (*Bekennende Kirche*), ставшая в оппозицию правящему режиму. К Исповедальной Церкви присоединилось около 7 тысяч из 17 тысяч протестантских пасторов Германии; естественно, они сразу оказались объектом нацистских преследований. Многие пасторы, среди которых наиболее известен Дитрих Бонхоффер, заплатили жизнью за противостояние Гитлеру.

Три крупные лютеранские земельные церкви — Ганновера, Баварии и Вюртенберга — решили проводить свой особый центристский курс. Из Исповедальной Церкви в 1936 году выделилась небольшая радикальная группа, остальная часть разделяла относительно умеренные взгляды. Протестантство в Германии раскололось на несколько течений. Зато в отношении к евреям немецкие церкви были единодушны: задолго до прихода Гитлера ведущие богословы и священнослужители активно проповедовали антиеврейские взгляды.

Осенью 1932 года на выборах руководства Церкви Старой Прусской Унии фанатичные сторонники Гитлера образовали Движение веры немецких христиан, которое выступило с таким лозунгом: «Мы видим в расе, народе и нации дар Бога. Расовое смешение следует запретить. Пока евреи имеют гражданские права, сохраняется опасность разбазаривания немецкой расы и кровосмешения» [7]. Свыше трети избирателей проголосовали за эту программу. Не только они, но и сторонники других церковных направлений верили, что с евреями следует бороться не на жизнь, а на смерть.

Особенно четко эти настроения проявились в первые месяцы существования Третьего Рейха. Беспочвенности и произвол властей против евреев не вызвали почти никаких протестов со стороны церкви. Более того, видный церковный деятель Германии Отто Дибелиус, коснувшись в своем выступлении по радио в США бойкота еврейских предприятий, организованного нацистами 1 апреля 1933 года, заявил следующее: «Это защитная мера против антинемецкой кампании, организованной зарубежными евреями. Правительство хочет удалить их

из власти и судебных органов, чтобы восстановить прежний порядок. То, что происходит в Германии, имеет самые лучшие цели и заслуживает всеобщей благодарности» [8]. При этом Дибелиус не был фанатичным сторонником нацистского режима. В том же году он был уволен со своего поста за связь с Исповедальной Церковью. Но и он оставался убежденным антисемитом, о чем сам писал своему пастору еще в 1928 году: «Во всех разрушениях современной цивилизации еврейство играет ведущую роль» [8].

Даже такой бесстрашный борец с нацизмом, как Дитрих Бонхоффер, принявший на себя мученическую смерть, в первые месяцы после прихода Гитлера к власти писал: «Меры, принимаемые государством против еврейства, церковью воспринимаются в некотором совершенно особом контексте. Церковь Христова никогда не забывала о том, что "избранный народ", пригвоздивший Искупителя мира к кресту, обречен нести на себе проклятье за свое деяние в долгой истории страдания...».

Столь сильна была христианская традиция проклятия [9], что многие антифашисты обращались к ней, чтобы обосновать гитлеровскую программу в отношении евреев, сохранивших свою веру.

Забывшие дети церкви

К крещеным евреям Бонхоффер относился по-другому. Он утверждал, что христиане еврейского происхождения имеют в церкви такие же права, как и другие верующие прихожане. Эту позицию поддерживали далеко не все. Большинство священнослужителей, церковных чиновников и простых мирян вслед за нацистской пропагандой считали, что раса сильнее веры и крещение не отменяет зловредных еврейских черт. Уже упоминавшаяся радикальная группа «Немецкие христиане» после успешных выборов в Прусскую Унию 1932 года потребовала полного изгнания всех «неарийцев» из церкви. В течение 1933–1935 годов во многих земельных церквях были введены, по примеру государственных учреждений, специальные процедуры проверки на расовую чистоту церковных служащих — так называемые «арийские параграфы».

После Хрустальной ночи и особенно после введения в 1941 году обязательных «еврейских звезд» отношение церкви к евреям-христианам ужесточилось еще больше. Во многих немецких землях прекратили крестить евреев. Умерших христиан еврейского происхождения запретили хоронить на христианских кладбищах. За два дня до Рождества 1941-го из канцелярии Немецкой Евангелической Церкви во все общины было разослано циркулярное письмо, предлагавшее отстранить от церковной службы крещеных «неарийцев» [10].

Вместе с Бонхоффером против церковной дискриминации крещеных евреев возражали и другие последователи Исповедальной Церкви. Но эти протесты касались чисто церковной жизни. От преследований и притеснений со стороны государства ни одна церковь Германии евреев не защищала. Даже в таких областях, где помощь евреям-христианам не могла повлечь за собой конфронтацию с государством, не было сделано ничего или почти ничего.

В первые пять лет правления нацистов еврей-христиане могли рассчитывать только на помощь зарубежных христианских церквей, немногочисленных еще не запрещенных еврейских организаций, а также небольших благотворительных обществ типа Имперского союза неарийских христиан, позднее переименованного в Общество апостола Павла. Исповедальная Церковь летом 1938 года создала специальную организацию помощи — так называемое Бюро Хайприха Грюбера. Ее центральный офис располагался в Берлине, еще в 24 немецких городах были образованы филиалы. Главная задача этой организации состояла в том, чтобы оказывать помощь евреям-христианам, решившим эмигрировать, — им помогали деньгами, визами, обучением. В 1939 году в Берлине была открыта Семейная школа на Ораниенбургерштрассе, которая принимала детей евреев, в том числе христианского вероисповедания. Необходимые средства Бюро Грюбера получало из пожертвований Исповедальной Церкви, самостоятельных церквей Баварии и Вюртемберга, а также из взносов Имперского союза евреев в Германии, куда с июля 1939 года были отнесены и еврей-христиане.

Пока властям было нужно, чтобы Германию покинуло как можно больше евреев, организация получала государственную поддержку. Когда же к концу 1940 года цели нацистов изменились, бюро было закрыто, а сам Грюбер арестован. Некоторым его сотрудникам удалось уехать из Германии, остальные кончили жизнь в концлагере [7].

Даже небольшие знаки солидарности немцев с преследуемыми евреями не должны быть забыты. Йохен Клеппер пытался — правда, безуспешно — добиться освобождения арестованных после Хрустальной ночи пасторов еврейского происхождения. Когда были введены обязательные «еврейские звезды», викарий евангелической церкви в Бреслау Катарина Штариц разослала в общины города циркулярное письмо, в котором призвала всех христиан относиться с особой любовью к своим «отмеченным» братьям и сестрам. Катарина Штариц подверглась настоящей травле в национал-социалистической прессе, была уволена с должности и отправлена в концлагерь [11].

И все же следует признать, что большинство немецких христиан разделяли антиеврейские предрассудки, поддерживав таким образом

государственную политику нацистов. Крещение ничего не меняло. Граница «свой–чужой» проходила не между христианами и иудеями, а между немцами и евреями. Даже члены Исповедальной Церкви испытывали враждебные чувства. Идея «Народной Церкви», взятая на вооружение церковным руководством, как нельзя лучше подводила базу под такие настроения.

Представление о евреях как о вредном и опасном народе оказалось более живучим, чем сам Третий Рейх. Даже после разгрома гитлеровцев руководство немецкой евангелической церкви не поменяло антисемитских взглядов. В декабре 1947 года епископ из Ольденбурга Вильгельм Стелин заявил: «Крещение и христианская вера снимают различия в происхождении и национальности только в религиозной общине, но не в общественной и не в культурной жизни» [12].

Победу над нацизмом многие воспринимали как возврат к старым, добрым немецким традициям, а к ним принадлежала и вражда по отношению к евреям. Большинство теологов, пасторов и простых прихожан еще не сознавали истинных масштабов Катастрофы европейского еврейства и не чувствовали необходимости преодолеть антисемитские традиции христианской церкви. Потребовались десятилетия, чтобы христианский мир понял: Холокост — это не только еврейская трагедия, он означает и кризис христианства.

Преодолеть кризис помогает с трудом налаживающийся иудео-христианский диалог. И всем, кто к этому равнодушен, полезно знать о жизни и смерти писателя и поэта Йохена Клеппера, чьи песни до сих пор поют во всех евангелических церквях Германии.

Литература

1. *Thalman Rita*. Jochen Klepper. Ein Leben zwischen Idyllen und Katastrophen. Muenchen, 1978.
2. *Brandt Hans-Juergen*. Erinnerungen an die Tragoedie einer Kuenstlerehe: Meta und Joachim Gottschalk. — In: Frankfurter Hefte, 1982, № 37.
3. *Solmitz Marie-Luise*. Tagebucheintragung vom 14.02.1945 (s. Ursula Buettner, Martin Greschat. Die verlassenen Kinder der Kirche). Goettingen, 1998.
4. *Беркович Евгений*. Женский бунт на улице Роз. - См. очерк в этой книге
5. Klepper Jochen. Unter dem Schatten deiner Fluegel. Aus den Tagebuechern der Jahre 1932—1942. Stuttgart, 1958.
6. *Беркович Евгений*. Слово и дело. - См. очерк в этой книге
7. *Roehm Eberhard, Thierfelder Joerg*. Juden — Christen - Deutsche. Stuttgart, 1995.
8. *Gerlach Wolfgang*. Als die Zeugen schwiegen. Bekennende Kirche und die Juden. Berlin, 1987.

9. *Беркович Евгений*. Можно ли христианину мыться в бане с евреем? Христианско-иудейский диалог вчера и сегодня. - См. очерк в этой книге
10. *Meier Kurt*. Kirche und Judentum. Die Haltung der evangelischen Kirche zur Judenpolitik der Dritten Reiches. Goettingen, 1968.
11. *Hornig Ernst*. Die Bekennende Kirche in Schlesien 1933 – 1945. Geschichte und Dokumente. Goettingen, 1977.
12. *Hermle Siegfried*. Evangelische Kirche und Judentum – Stationen nach 1945. Goettingen, 1990.

«БЕЙ В БАРАБАН И НЕ БОЙСЯ БЕДЫ»

Мятежная графиня

Графиня Мария фон Мальцан умерла 12 ноября 1997 года в возрасте 88 лет. В конце 1998-го активисты партии «зеленых» предложили установить памятную доску на доме номер 11 по улице Детмольдштрассе в Берлине, где она жила во время войны. Однако прошел еще целый год, прежде чем муниципалитет дал положительный ответ. Потребовалось вмешательство прессы, сотни писем поддержки от людей, знавших эту героическую женщину. Памятный знак был установлен на пешеходной дорожке, ведущей к зданию: его владелец не разрешил повесить доску на стене, опасаясь за престиж дома, ведь графиня отличалась независимым характером и не раз вступала в конфликт с властями.

Скромная плита из нержавеющей стали напоминает: «Здесь с 1938 по 1945 годы жила графиня Мария фон Мальцан, 25.03.1909–12.11.1997. В период с 1942 по 1945 годы она прятала в своей квартире преследуемых евреев и помогала им бежать из Германии, работая вместе с представителями шведской церкви и группами антифашистского Сопротивления».

Последние двадцать лет Мария фон Мальцан прожила в районе Кройцберг на юго-востоке Западного Берлина. Район считался непрестижным, здесь селились бедные иностранцы — турки, поляки, цветные... Дома были переполнены. Нередко до десятка семей жило на одном этаже с единственным общим туалетом на лестнице. Жизнь в беспокойном квартале, как ни странно, правилась графине. Ей было по душе, что люди разных национальностей существуют вместе и находят общий язык.

Полиция особенно не церемонилась с местным населением, и Марии не раз приходилось спускаться из своей квартиры на улицу, чтобы вступить за соседей, которым доставалось от служителей порядка.

Всю свою жизнь Мальцан помогала слабым, больным и гонимым. Остановить ее не могли никакие угрозы и запреты. И если творилась несправедливость, она не задумываясь шла против власти.

Твердый характер графини фон Мальцан проявился уже в детстве...

Графиня Мария фон Мальцан

Своевольный ребенок

Мария Хелена Франсуаза Изабелла фон Мальцан родилась 25 марта 1909 года в богатой семье силезских дворян, выходцев из Швеции. Семье принадлежало большое поместье Милич, расположенное недалеко от польской границы. В старинном замке хранились ценные коллекции картин, часов, фарфора, музыкальных инструментов, собранные несколькими поколениями его владельцев. Отец Марии, граф фон Мальцан, был уважаемым в Силезии человеком. После окончания Первой мировой войны его выбрали в комиссию по уточнению новой границы Веймарской республики. Этот богач никогда не забывал бедных и пуждающихся. В имении он построил на свои средства сиротский приют и дом для престарелых. В замке Милич находили бесплатный пансион молодые художники и музыканты из Берлина и других городов Германии.

Мария была последним, восьмым ребенком в семье. Мать боготворила своего единственного сына, ровно относилась к шести старшим дочерям, а младшую почему-то недолюбливала. Зато отец в девочке души не чаял. От него она получила первые уроки правды и добра, которые запомнила на всю жизнь. Еще в детстве проявились качества, всегда отличавшие Марию фон Мальцан: упорство и самостоятельность, обостренное чувство справедливости, любовь ко всем животным и отчаянная, иногда безрассудная смелость. Казалось, она не замечает опасности. Много лет спустя, вспоминая прожитые годы, Мария благодарила судьбу за то, что никогда не знала страха. Во времена нацизма смерть подстерегала ее буквально за каждым углом, порой секунда испуга могла стоить жизни.

Марии было двенадцать лет, когда умер отец и ее счастливое детство кончилось. Единственным наследником семейного имущества был объявлен старший брат, а опеку до его совершеннолетия приняла на себя мать. Сестрам было назначено ежемесячное пособие. Домашнее обучение было прервано, девочку отправили в обычную школу.

Не сразу удалось привыкнуть к новым порядкам. Ее исключали из нескольких школ за неподчинение правилам, за «чрезмерную», по мнению педагогов, любовь к животным. Наконец, Марии повезло: она попала в берлинский интернат для благородных девиц, где встретила воспитателей и учителей, которые ее понимали. Ей, единственной из всех учениц, даже разрешили держать при себе собаку.

Старшие сестры, закончив подобные пансионаты и лицей, сравнительно быстро вышли замуж за людей своего круга, и у Марии появились зятья — графы, бароны, представители старинных дворянских родов. На один брак мать долго не давала согласия: полковник фон Райхенау был из недостаточно знатной семьи. Но все же свадьба состоялась. Впоследствии Райхенау дослужился до звания генерала-

фельдмаршала и стал одним из ведущих гитлеровских полководцев. После ссоры со всемогущим Германом Герингом он при странных обстоятельствах умер в 1942 году.

Все ожидали, что и Марию ждет судьба ее старших сестер, однако любознательная девушка хотела учиться дальше. Мать и брат были решительно против, но интернатские учителя сумели их уговорить, и ей было разрешено поступить в университет. Она мечтала стать ветеринаром, что в те годы было весьма необычно для девушки ее круга. Но эту мечту пришлось отложить: она не имела своих средств к существованию и целиком зависела от брата. Мария поступила на биологический факультет университета Бреслау, через год перевелась в Мюнхен. Ее интересовали зоология, ботаника и антропология, а темой для научной работы она выбрала ихтиологию.

Студентка

Студенчество подарило Марии долгожданную свободу, встречи с интересными людьми. Еще в Бреслау она познакомилась с членами молодежного социал-демократического общества, прониклась их идеями и готова была активно участвовать в общественной работе. Вначале к ней отнеслись настороженно: среди социал-демократов графини встречались не часто. Но холодок недоверия быстро прошел — ее искренность не вызывала сомнений. Собрания общества нередко подвергались нападениям нацистских боевиков, так что остроту партийной борьбы накануне прихода Гитлера к власти графиня фон Мальцау познавала не только из газет.

На деятельную молодую студентку обратили внимание и городские национал-социалисты: ей предложили стать агитатором, ездить по стране и убеждать людей в преимуществах их партии. Нацисты не скупилась на обещания, чтобы уговорить Марию, — она была неплохим оратором, а ее громкое имя привлекало бы людей. Труднее всего было устоять перед перспективой пользоваться персональным автомобилем с оплатой всех расходов. Иметь свою машину было ее давнишней мечтой. Незадолго перед этим она получила водительские права, а чтобы лучше узнать автодело и стать водителем «не хуже мужчин», два месяца проработала в автомобильной мастерской. Но от заманчивого предложения Мария фон Мальцау все же отказалась. Кто такие нацисты, она уже тогда хорошо понимала. Прочитав оба тома «Моей борьбы», вышедшие соответственно в 1925-м и 1926-м, она твердо решила, что с Гитлером ей не по пути.

Семья фон Мальцау придерживалась других взглядов: все остальные дети вступили в гитлеровскую партию. Брат и младшая сестра стали политическими противниками. В 1940 году Мария получила из

дома письмо, где сообщалось, что брат погиб при штурме линии Мажино во Франции. «Он пал за тебя» — такие слова были в этом письме. Мария ответила, что это неправда: брат пал за Гитлера.

Мюнхен

В баварской столице Мария оказалась в самом начале 30-х годов. Активность нацистов в Мюнхене была выше, чем в других городах Германии: здесь жил сам будущий фюрер. Один раз она даже видела, как он в сопровождении группы соратников выходил из знаменитой пивной «Остериа-Бавария». Девушке надолго запомнилось грандиозное и одновременно устрашающее шествие нацистов по Леопольдштрассе, в котором участвовали тысячи людей — от юношей из гитлерюгенда до военизированных отрядов штурмовиков в черной форме. Это был 1932 год, до прихода Гитлера к власти оставалось несколько месяцев.

После 30 января 1933 года, когда Гитлер был объявлен канцлером Германии, культурная жизнь в городе заметно потускнела. Из репертуаров исчезли многие спектакли и фильмы, среди авторов которых были евреи или чье содержание не отвечало идеологическим требованиям новой власти. Даже песни, исполнявшиеся на сценах ресторанов и кафе, проходили суровую цензуру. Например, известному певцу мюнхенского кабаре Вальтеру Гильбрингу, будущему мужу Марии фон Мальцап, запретили исполнять куплеты популярного тогда сочинителя Курта Тухольского. Если же произведение было слишком хорошо известно, как некоторые песни Генриха Гейне, то его печатали в школьных книгах, не указывая имени автора.

После поджога рейхстага в феврале 1933-го усилились нападки на противников новой власти — социалистов и коммунистов. Вытеснение евреев из общественной жизни стало еще более активным. У входа в магазины появились пикеты с плакатами: «Немцы, не покупайте у евреев». Из университета настойчиво изгонялись неарийские студенты и преподаватели. Не членов нацистской партии больше не брали на работу.

Чтобы заработать немного денег для продолжения учебы, Мария устроилась в мюнхенскую редакцию католического еженедельника «Вельтгук», выходившего в австрийском городе Инсбруке. Здесь она познакомилась со шведским пастором Фридрихом Мукерманом, который сыграл важную роль в антигитлеровском Сопротивлении. Одну из своих задач Мукерман видел в том, чтобы рассказать миру о преступлениях фашистского режима в Германии. По его заданию Мария тайно вывозила из Мюнхена в Инсбрук сводки о происходящем в стране. На мюнхенском вокзале пассажиров часто обыскивали, и от

нее требовалась немалая находчивость и выдержка, чтобы не попасть в руки гестапо.

Увлеченно занимаясь общественными делами, девушка не забывала и о науке. Осенью 1933 года она успешно защитила докторскую диссертацию по естествознанию. К этому времени Гитлер уже девять месяцев правил страной.

Найти работу в университете или институте биологии не было никакой надежды. Мало того, что она не состояла в нацистской партии; политическая благонадежность Марии вообще не внушала властям доверия: несколько раз ее вызывали в гестапо на допросы из-за дружбы с социалистами и евреями. Поэтому она не раздумывая согласилась на предложение редактора «Вельтгука» поехать вместе с ним в длительную командировку в Африку.

Фридрих Мукерман одобрил это решение, но просил не уезжать из страны навсегда: Мария фон Мальцан была нужна тем, кто решил бороться с гитлеровским режимом. Самому пастору пришлось срочно уехать на родину — он чудом остался жив после покушения на него гитлеровских боевиков.

Берлин

Путешествие в Африку закончилось раньше, чем планировалось. Через полгода пришло известие о смерти матери, и Мария вернулась на родину. В Миличе обученные братом слуги встретили ее приветствием: «Хайль Гитлер!». Долго оставаться дома не было никакой возможности, и в начале 1935 года она снова оказалась в Мюнхене.

Обстановка в городе стала еще более удручающей. Общение с друзьями было чревато репрессиями: письма вскрывались и прочитывались на почте, телефонные разговоры прослушивались. Одно неосторожное слово могло привести человека в концлагерь. Оглядываться на строгую цензуру должны были авторы статей, редакторы журналов, газет, эстрадные исполнители. Вальтер Гильбринг, ставший с недавнего времени мужем Марии, решил попытать счастья в Берлине, сочтя, что Мюнхен стал «слишком коричневым». В конце 1935-го молодые супруги перебрались в немецкую столицу.

Брак оказался коротким: сразу после берлинской олимпиады 1936 года Вальтер вернулся в Мюнхен, оставив Марию в Берлине и прислав ей бумаги на развод по почте.

Марии пришлось начинать новую жизнь. Она быстро стала своей в высших столичных кругах, у нее появились друзья среди актеров и спортсменов. На одном из приемов, устроенном официальной кинозвездой Третьего Рейха Ольгой Чеховой, Мария познакомилась со знаменитым немецким боксером Максом Шмелингом.

Чтобы заработать на жизнь, она писала «душещипательные» истории из жизни животных, пользовавшиеся большой популярностью у сентиментальных берлинских радиослушателей и читательниц дамских журналов. Но не оставила она и свою давнюю мечту лечить животных и в 1940-м поступила на ветеринарное отделение берлинского университета. Эта профессия помогла ей и многим людям, которых она спасала, пережить страшные годы войны.

Мария фон Мальцан охотно занималась спортом: плавала, ездила верхом и стреляла из пистолета лучше многих мужчин. И при этом она была элегантной, очаровательной и очень привлекательной женщиной, чьим обществом дорожили высшие партийные функционеры, армейские генералы и офицеры СС.

Убеждения самой графини не изменились: она презирала Гитлера, ненавидела нацистов и всеми силами боролась против их режима. Мюнхенские связи с антигитлеровским подпольем она сохранила и в Берлине.

Ганс Гиршель

В 1939 году Мария фон Мальцан встретила мужчину, любовь к которому пронесла через всю жизнь. Издатель авангардного литературного альманаха Ганс Гиршель жил вместе с матерью, отказавшейся эмигрировать в Англию, хотя жизнь евреев в Берлине с каждым месяцем становилась все более опасной. Каждый день появлялись новые антиеврейские постановления, и малейшее их нарушение грозило немедленной отправкой в концлагерь. Ганс был очень привязан к своей матери и был готов разделить ее судьбу.

В начале 1942 года фрау Гиршель получила предписание покинуть свою большую квартиру на Кайзераллее и переселиться с сыном в специальный дом, где жили одни евреи. Мария в это время была беременна, и Люция Гиршель наконец разрешила своему сыну переехать к матери его будущего ребенка на Детмольдерштрассе.

Чтобы сбить нацистов со следа, решили инсценировать самоубийство Ганса. Он написал «прощальное письмо», в котором сообщил, что не в силах больше жить под постоянной угрозой разлуки с матерью. Через два дня Люция пошла с этим письмом в полицию и заявила о пропаже своего сына. Расчет на то, что власти не будут особенно утруждать себя поисками пропавшего еврея, оправдался полностью: Ганс Гиршель был признан умершим и его местопребывание перестало кого бы то ни было интересовать.

Перед переездом Ганса Мария перевезла к себе на Детмольдерштрассе внушительных размеров диван, в котором было достаточно места, чтобы спрятать человека. Изнутри он запирался на крючок, а в

его днс Мария просверлила несколько отверстий для доступа воздуха. Уходя из дома, она ставила в диван стакан с водой и специальным лекарством, подавляющим кашель, — так что Ганс мог находиться там достаточно долго, не выдавая себя.

Эти предосторожности оказались не лишними: гестаповцы не раз появлялись в квартире графини фон Мальцап с внезапными обысками. Однажды эсэсовец потребовал открыть диван. Мария ответила, что сделать этого она не в силах, но офицер может прострелить диван, однако предварительно пусть даст ей расписку, что гестапо возместит ущерб, если никого не найдет. Гитлеровец не стал рисковать и ушел ни с чем.

Ребенок у Марии родился недоношенным, его поместили в госпиталь в специальную камеру-инкубатор. Во время одной из частых бомбежек Берлина электричество в госпитале было отключено, и младенец погиб. Мария считала, что их маленький сын, облегчив Гансу разрыв с его матерью, тем самым спас ему жизнь.

Люция Гиршель недолго прожила одна в своей новой квартире в «еврейском» доме. Один из добровольных помощников гестапо донес, что она появилась на улице в костюме с накидкой, прикрывающей обязательную для евреев желтую звезду Давида. Этого нарушения было достаточно, чтобы отправить ее в концлагерь. Больше о ней никто ничего не слышал.

Стараясь облегчить боль от потери ребенка, Мария приютила у себя в доме двух русских девочек, оказавшихся в трудовом лагере Берлина. Они с Гансом быстро привязались к детям, а те стали относиться к ним как к новым родителям. Когда после победы советские солдаты увезли девочек с собой в Россию, Мария и Ганс долго не могли с этим смириться.

Ганс Гиршель оставался в квартире Марии, Марушки, как он ее называл, до конца войны. Все его родственники, остававшиеся в Германии, погибли в концлагерях.

Спасая обреченных

Гиршель был не единственным человеком, кому помогала Мария фон Мальцап в годы войны. В ее квартире на Детмольдерштрассе в разное время нашли убежище около шестидесяти человек, не обязательно евреев. Работая ветеринаром на берлинской скотобойне, она могла принести домой кусок мяса, что спасало беженцев от голодной смерти. Другие продукты Мария доставала на черном рынке.

Ганс не знал, чем занимается его Марушка вне дома. Чтобы не рисковать, она не посвящала его в свои дела, связанные с подпольем.

Ради спасения людей ей не раз приходилось выполнять смертельно опасные задания.

Шведской церкви в Берлине иногда удавалось нелегально «выкупать» евреев, попавших в руки гестапо. Для оплаты в ход шли не только деньги, но и дефицитные сигареты, вино, продукты. Чтобы вывезти людей из Германии в безопасную Швецию, подпольщики использовали даже мебельную перевозку. Гитлеровцы разрешили членам шведского посольства в Берлине отправлять свои вещи в Стокгольм по железной дороге. Проводники поезда были подкуплены, и в ящиках для мебели могли прятаться люди. Самым сложным было привести группу беженцев к условленному месту, где стокгольмский поезд делал короткую остановку. Это задание и выполняла Мария фон Мальцан. Она вела людей по лесным тропинкам, избегая населенных пунктов.

Как-то ночью, когда Мария возвращалась домой после успешной отправки очередной партии беженцев, ее чуть было не задержал эсэсовский патруль с собаками. Она сумела сбить собак со следа, после чего всю ночь пряталась в ветвях дерева на берегу пруда. Эта ночь показалась ей самой длинной в жизни. На рассвете началась бомбежка. Мария незаметно присоединилась к группе людей, тушивших в деревне пожар. Когда пожар был потушен, она получила справку, оправдывавшую ее отсутствие в городе, и благополучно вернулась в Берлин.

Но не все операции заканчивались так удачно. Однажды она вела к условленному месту двоих «выкупленных» у гестапо человек. Как и было условлено, они шли на некотором расстоянии от нее, чтобы не была заметна их связь. Неожиданно Марию окликнул эсэсовский патруль и приказал остановиться. Ни секунды не колеблясь, она бросилась в сторону, отвлекая преследователей от своих подопечных. Когда она перелезала через стену, ее ранили, но ей удалось скрыться. Домой она не ушла, пока не убедилась, что те, за кого была ответственна, дошли до цели. Ганс так и не узнал, кто ранил его Марушку. Много лет спустя Мария фон Мальцан вспоминала, что страха в тот момент она не испытывала. В голове была одна мысль: если сейчас убьют, она умрет за хорошее дело, если останется живой — сможет еще помогать людям.

Спортивная подготовка молодой графини не раз помогала ей в буквальном смысле слова выходить сухой из воды. Ей приходилось сопровождать людей на Боденское озеро, расположенное на юге, там, где Германия граничит с Австрией и нейтральной Швейцарией. Одеты в черные купальные костюмы, Мария вместе с беженцем ждали темноты и, получив со швейцарского берега условный световой сигнал, переплывали озеро, стараясь не попасть под прожекторы патрульных катеров. Плыть нужно было более двух часов. Передав

своего подопечного ожидавшим его людям и немного передохнув, она отправлялась в обратный путь. В следующую ночь она переправляла на швейцарский берег личные вещи беженца. Однажды ее заметили на пограничном катере. К счастью, она уже возвращалась назад и плыла одна. Ей пришлось напрячь все свои силы, призвать на помощь всю ловкость и сообразительность, чтобы уйти от преследователей и благополучно доплыть до спасительного берега.

«Мне ни минуты не было скучно...»

После войны Мария работала ветеринарным врачом в Берлине. Кроме того, ей много времени приходилось уделять общественной деятельности: начиная с августа 1945-го союзники вплотную взялись за освобождение Германии от коричневой заразы, и графиню фон Мальцан привлекали в комиссии по выявлению бывших активных нацистов.

Казалось, что нормальная жизнь постепенно налаживается. У Марии была квартира, интересная и нужная людям работа, рядом с ней находился любимый мужчина, на которого можно было наконец опереться. Но, видимо, она переоценила силы — и его, и свои собственные. Жизнь готовила им новые испытания.

Годы нечеловеческого напряжения не прошли для них бесследно. Проведший около трех лет в убежище, Ганс не скоро смог приспособиться к новой жизни. Его тонкая, ранимая психика литератора-интеллектуала была подавлена. Во время войны Мария была настоящим диктатором во всем, что касалось их безопасности. И теперь, когда все самое страшное ушло в прошлое, ему уже было не обойтись без ее заботы. Но и у самой Марии силы тоже были на исходе.

В 1947-м Ганс Гиршель и Мария фон Мальцан поженились. И так же, как и первый ее союз с Вальтером Гильбрингом, этот брак оказался недолгим — в 1949 году он распался. Но их душевная близость и привязанность друг к другу не исчезли. Через двадцать три года они вновь встретились и поняли, что должны быть вместе. Весной 1972-го, за три года до смерти Ганса, они поженились во второй раз. Это трехлетие было самым счастливым в жизни Марии фон Мальцан. Наконец-то она обрела понимание, душевную поддержку и заботу, которых ей так не хватало раньше, когда она одна оказалась перед неведомой и страшной бедой.

Дело в том, что в годы войны ей приходилось снимать стресс с помощью успокоительных средств. Постепенно это вошло в привычку, и она сама не заметила, как стала наркоманкой. Пользуясь своим правом врача, она выписывала себе лекарства, содержащие сильные наркотики. Но так не могло продолжаться вечно, нарушение служебного долга было раскрыто, и ее лишили лицензии. Она потеряла работу и попала в психиатрическую лечебницу.

Потом это время вспоминалось как страшный сон. Но и в больнице, где большинство врачей уже не считали ее нормальным человеком, Мария сумела сохранить чувство собственного достоинства. Однажды профессор, очень активно старавшийся доказать, что больная не поддается лечению, остановил ее во время прогулки и спросил, почему она с ним не поздоровалась, — не узнала? И Мария ответила, что узнала, но в том обществе, в котором она воспитывалась, мужчина здоровается с женщиной первым.

Есть печальное наблюдение: бывших наркомапов не бывает. Мария удалось стать одним из немногих исключений. С огромным трудом она выкарабкалась из пропасти и вернулась к нормальной жизни и любимой работе. Она вновь получила возможность лечить животных, чем с удовольствием занималась до последних дней своей жизни.

В августе 1997-го Мария фон Мальцан была официально приглашена в Израиль для вручения ей медали «Праведник мира» за спасение евреев в годы Холокоста. Но «мятежная графиня» отказалась от почетного звания. Израильские войска еще находились в Ливане, и она, всю жизнь борющаяся за права людей независимо от их религии и цвета кожи, не могла отнестись к этому равнодушно.

Для названия книги своих воспоминаний графиня Мария фон Мальцан выбрала первую строчку знаменитого стихотворения Генриха Гейне «Доктрина»:

Бей в барабан и не бойся беды
И маркитантку целуй вольней.
Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот тебе суть науки всей.

(Перевод Ю. Тынянова)

Кстати, в этой книге Мария вспоминает поговорку своей силезской родины: «Лучше жизнь короткая, но хорошая» — и добавляет: «Возможно, ко мне это и не относится, но я определенно могу сказать, что в моей жизни мне ни минуты не было скучно».

Литература

1. *Silver Eric*. Sie waren stille Helden. Muenchen, Dtb, 2000.
2. *Graefin von Maltzan, Maria*. Schlage die Trommel und fuerchte dich nicht. Erinnerungen. Muenchen, Ulstein, 2001.
3. *Gross Leonard*. The Last Jews in Berlin. New York, Carroll & Graf Publisher, 1999.
4. *Benz Wolfgang, Pehl Walter (Hrsg.)* Lexikon des deutschen Widerstandes. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 2001.

ПАРАДОКСЫ МАКСА ШМЕЛИНГА

Нокаут в двенадцатом раунде

Многие специалисты считают американца Джо Луиса (1914–1981) лучшим боксером всех времен в супертяжелой весовой категории. Он завоевал титул чемпиона мира в 1937-м и удерживал его вплоть до 1949-го. За это время он выиграл 25 боев с претендентами, причем 20 поединков закончил нокаутом. За всю историю спорта так долго не был чемпионом мира ни один боксер-тяжеловес.

Первое и самое чувствительное поражение американцу, прозванному «коричневым бомбардировщиком», нанес в 1936 году немецкий боксер Макс Шмелинг. Этот бой, состоявшийся 18 июня на нью-йоркском стадионе «Япки», стал не только спортивным, но и политическим событием года.

Более шестидесяти тысяч зрителей пришли в тот день посмотреть, как непобедимый Джо Луис, уже имевший к тому времени на своем счету 27 побед, одержит верх над новым противником. Шансы Шмелинга, который был на 9 лет старше Джо, оценивались крайне низко: на тотализаторе ставки принимались в соотношении 10:1 в пользу Луиса. Американская пресса называла предстоящий поединок «казнью немца».

В глазах американцев чернокожий Джо Луис олицетворял свободу и демократию. Макс Шмелинг, напротив, был символом «арийской расы», представителем нацистской Германии. Матч транслировался по радио, и сказать, что с началом боя весь мир затаил дыхание, было бы не очень большим преувеличением.

Вопреки пророчествам специалистов и неожиданно для публики победил немец. Вместе со своим менеджером — американцем Максом Якобсом — он хорошо подготовился, тщательно изучив манеру ведения боя Луиса. «Коричневый бомбардировщик», похоже, недооценил противника, чемпиона мира 1930–1932 годов. Девяносто ударов Шмелинга правой достигли цели, девяносто первый остановил этот долгий матч: в двенадцатом раунде Луис не смог подняться с пола. Казалось, что вместе с ним в нокауте оказалась вся Америка.

Много лет спустя сын Джо Луиса, Джо Луис Бэрроу, вспоминал, что у его отца тогда было чувство, будто он предал родину.

«Образцовый ариец»

Многократный чемпион Германии Макс Шмелинг был кумиром у своих соотечественников. Сотни тысяч любителей бокса не спали в ту июньскую ночь: они слушали радиорепортаж из Нью-Йорка. Это

событие не оставило равнодушными и первых лиц Третьего Рейха. Жена боксера Анни Ондра была в эту ночь гостьей министра пропаганды Йозефа Геббельса и его супруги Магды, которые вместе с нею напряженно следили за «боем века». Для Геббельса победа Шмелинга стала настоящим подарком — это был сильный аргумент в пользу расистской теории нацистов: белый человек доказал свое превосходство над черным. По окончании поединка Геббельс записал в дневнике: «Шмелинг послал негра в нокаут и победил во имя Германии».

Возвращение спортсмена на родину было триумфальным, его встречали как героя. Гордый своими победами, Шмелинг всегда старался держаться подальше от политики. Требования руководства имперского спорта расстаться с менеджером-евреем и разойтись с женой-чешкой он категорически отвергал, от неоднократных предложений вступить в нацистскую партию решительно отказывался. Не хотел Макс участвовать и в пропагандистских шоу.

Тем не менее нацистская пропаганда получила в свой арсенал новую звезду. Фильм «Победа Макса Шмелинга — немецкая победа» обошел все кинотеатры страны и дал рекордные сборы. Сам фюрер во время совместного завтрака назвал боксера «образцовым арийцем».

В том же 1936-м в Берлине состоялась олимпиада. Опасаясь нападений на негритянских и еврейских спортсменов и не поддерживая антисемитскую политику Германии, американцы собирались бойкотировать соревнования. Макс Шмелинг добился у Гитлера обещания, что им будет гарантирована безопасность. Много лет спустя бывший боксер признался, каким «безгранично наивным» он был тогда.

Берлинская олимпиада стала для нацистов грандиозным пропагандистским шагом. На спортсменов, туристов и журналистов огромное впечатление произвели немецкий порядок и немецкая дисциплина. Многим казалось, что евреи преувеличивают свои страхи и страдания. Даже президент США Рузвельт был введен в заблуждение: сразу после окончания олимпиады он пересказывал руководителю Всемирного еврейского конгресса Стефену Вайсу свидетельства вернувшихся из Германии очевидцев о том, что синагоги там спокойно работают и вообще евреям, по всей видимости, ничто не угрожает.

На время олимпиады нацисты и вправду приостановили преследования евреев. Все антиеврейские плакаты и надписи, «украшавшие» улицы, были удалены. Более того, в состав немецкой олимпийской команды входило несколько «мишлингов», т.е. детей от смешанных браков, и даже один «полный еврей», хоккеист Руди Баль.

Одно только не могли предусмотреть организаторы олимпиады — ошеломляющий успех негритянских спортсменов. Особенно впечатляющим было выступление великого Джесси Оуэнса,

выигравшего четыре золотые медали и установившего несколько мировых рекордов. В списке пяти важнейших спортивных событий двадцатого века триумф Оуэнса на берлинской лимпиаде занимает первую строчку.

Во время награждений негритянских спортсменов Гитлер демонстративно отсутствовал.

«Унижение Германии»

Почти через год после болезненного поражения Джо Луис завоевал звание чемпиона мира: 22 июня 1937-го в восьмом раунде он нокаутировал Джеймса Брэдока. В последующих трех матчах американец отстоял свой титул. Но настоящим чемпионом он мог себя считать только после того, как выиграет у своего «обидчика». Матч-реванш, которого с нетерпением ждал весь мир, состоялся 22 июня 1938 года.

За несколько недель до матча Луис был принят в Белом доме президентом Франклином Делано Рузвельтом. Как писала газета «Нью-Йорк Таймс», президент сказал боксеру, что страна нуждается в его мускулах, чтобы победить Германию. В автобиографии, написанной в 1976-м, Джо написал, что он был обязан победить Шмелинга не только по личным причинам: «Вся Америка надеялась на меня».

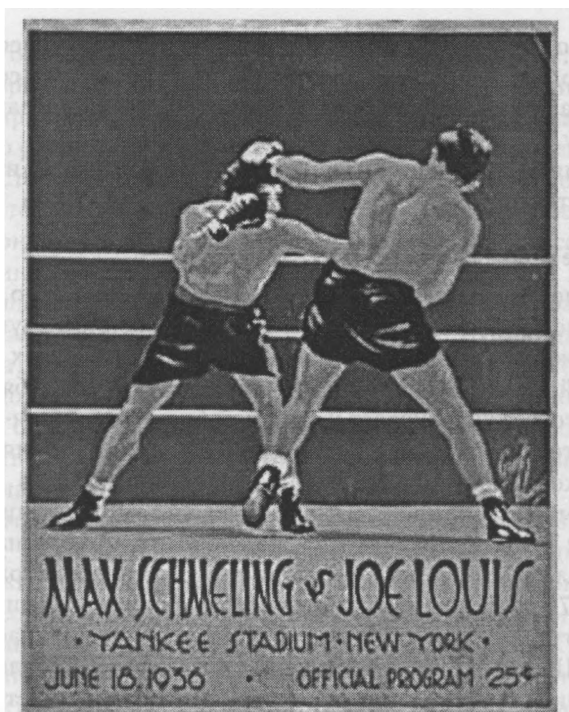
Макс Шмелинг, который в Германии всегда держался от власти на расстоянии, в США считался олицетворением нацистского режима. В Нью-Йорке его встретили протестующие пикетчики, скандировавшие: «Нацист, нацист!». Американские газеты, тоже настроенные против немца, публиковали разные небылицы вроде того, что он был активным членом нацистской партии и деньги, полученные за победу над Луисом, собирался отдать на строительство новых танков для вермахта.

Матч-реванш на стадионе «Янки», собравший рекордное число — более 70000 — зрителей, транслировался по радио на четырех языках: английском, немецком, португальском и испанском. Шмелингу было в то время 32 года, Луису — 24. «Коричневый бомбардировщик» весил почти на три килограмма больше своего противника. Когда немец поднимался на ринг, в него бросили пакет с мусором.

Долгожданный поединок, ставший событием не только года, но и столетия (в упомянутом списке пяти важнейших спортивных событий двадцатого века он числится вторым), оказался и рекордно коротким: через 124 секунды Макс Шмелинг был нокаутирован.

Это была его последняя попытка вернуть себе титул чемпиона. Больше Шмелинг и Луис на ринге не встречались.

Результат матча 22 июня 1938 года миллионами людей был воспринят как символ победы демократии над гитлеризмом. Германия

Афиша боя Макса Шмелинга и Джо Луиса, 1936 г.

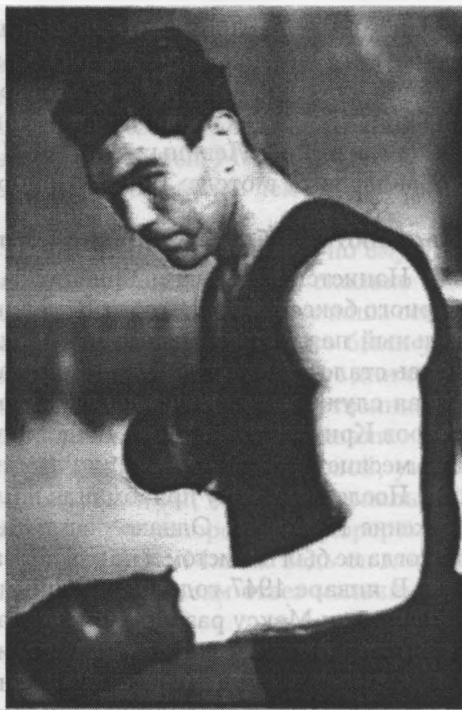
чувствовала себя униженной, имя Шмелинга исчезло со страниц газет. Геросм Третьего Рейха не мог быть «образцовый ариец», оказавшийся в нокауте.

Неизвестный Макс Шмелинг

Год поражения Шмелинга — 1938-й — стал поворотным и в истории Германии. Гитлер перешел к активным действиям как внутри страны, так и за ее пределами. Одиннадцатого марта немецкие войска вошли в Австрию, а через двое суток фюрер торжественно въехал в Вену. В тот же день был подписан закон «О воссоединении Австрии с Германской империей», согласно которому Австрия объявлялась одной из земель Германии и получала новое название — Остмарк. Фашисты получили солидный плацдарм для захвата Чехословакии и вторжения в Юго-Восточную Европу. Выступая 15 марта в венском дворце Хофбурге, Адольф Гитлер сказал: «Я объявляю немецкому народу о том, что выполнил самую важную миссию в моей жизни». Но еще более важным делом для него было освобождение Германии от евреев.

В ночь с 9 на 10 ноября состоялся организованный властями всегерманский еврейский погром («Хрустальная ночь»). От тактики ограничения прав «неарийцев» гитлеровцы перешли к физическому преследованию евреев. Стало окончательно ясно, что ни один еврей в Германии не может чувствовать себя в безопасности. Те, кто еще сомневался, стоит ли уезжать из страны, поняли, что эмиграция — единственный путь к спасению. Однако воспользоваться этим путем удалось лишь немногим счастливицам: мир не хотел дать приют обреченным.

Давид Левин был одним из тех, кто вовремя почувствовал, что остаться в Германии смертельно опасно для его семьи. Он был обеспеченным

Макс Шмелинг, 30-е годы

человеком, владел отелем и рестораном в Потсдаме, вел светский образ жизни — любил кабаре, имел ложу в опере и покровительствовал спортсменам, прежде всего боксерам. В начале тридцатых годов Давид познакомился со Шмелингом, который часто останавливался в его отеле и тренировался там перед ответственными боями. Приятели нередко вместе ходили в кафе, слушали цыганские песни.

Как раз накануне «Хрустальной ночи» Давид Левин всю семью привез в Берлин, где должен был уладить последние формальности перед эмиграцией. На его счастье в это время в столице был по делам и Макс Шмелинг. Когда начался кошмар погрома, Давид попросил друга позаботиться о сыновьях — четырнадцатилетнем Хайнце и пятнадцатилетнем Вернере.

Макса не нужно было просить дважды. Как рассказывал много лет спустя Хайнц (или, по-американски, Генри) Левин, Шмелинг готов был рисковать жизнью, чтобы помочь нуждающемуся.

Знаменитый боксер отвел мальчиков к себе в номер в отеле «Эксельсиор» на Александрплац, а администратору сказал, что болен, и

просил его не беспокоить. У Шмелинга братья Левины провели три самых опасных дня. Двенадцатого ноября он посадил их в шикарный автомобиль-купе и вывез в безопасное место за городом, а еще через два дня, когда стихла волна насилия и ненависти, отвез детей к отцу. Вскоре вся семья Левиных уехала в Шанхай, где Давид стал работать управляющим в отеле. В 1946 году они переехали в США.

Парашютист, боксер, предприниматель...

Нацистская пропаганда не могла надолго оставить в покое популярного боксера. В 1940 году Шмелинга призвали в армию, в показательный парашютно-десантный полк. Имя бывшего чемпиона мира вновь стало мелькать на страницах газет, в кадрах кинохроники. Военная служба продолжалась недолго. Во время высадки десанта на остров Крит весной 1941-го Шмелинг был тяжело ранен и после многих месяцев лечения уволен из армии в 1943-м.

После войны ему припомнили и благосклонность фюрера, и расположение Геббельса. Однако репутация боксера была безупречной: он никогда не был нацистом и не участвовал в преступлениях гитлеровцев.

В январе 1947 года американские оккупационные власти в Германии дали Макссу разрешение на участие в матчах боксеров-профессионалов. Выйти на ринг его заставила нужда — прошло уже восемь лет после того боя, который Шмелинг считал для себя последним. Действительно последний поединок он провел в октябре 1948 года в Берлине. Одержав 56 побед (из них 38 — нокаутом) в 70 матчах с профессионалами, экс-чемпион мира закончил свою спортивную карьеру. Но окончательно из бокса он ушел не сразу — несколько лет еще работал спортивным судьей.

В 1952 году на деньги, заработанные на ринге, Макс Шмелинг купил лицензию у компании «Кока-кола» и стал предпринимателем. Дело оказалось успешным: фирма «Кока-кола-Гамбург» («Индустрия напитков Макса Шмелинга») вот уже пятьдесят лет числится среди процветающих европейских компаний.

Прием в Лас-Вегасе

То, что «образцовый ариец» во время «Хрустальной ночи» предоставил убежище двум еврейским подросткам, долгое время оставалось тайной.

В 1980 году Шмелинг прочитал в газете, что Генри Левин, владелец отеля в Лас-Вегасе, организует крупный турнир по боксу. Макс написал Генри письмо, и дружеские отношения, прерванные войной, восстановились.

В 1989-м Генри Левин устроил в Лас-Вегасе грандиозный прием в честь Макса Шмелинга — восьмидесятичетырехлетнего ветерана бокса, последнего европейца, ставшего чемпионом мира среди супертяжеловесов. Было приглашено более восьмисот знаменитостей, рядом с виновником торжества сидел легендарный Майк Тайсон. Хозяин вечера поведал собравшимся о событиях более чем полувековой давности:

— Макс Шмелинг просил меня не говорить об этом, но ему уже 84, а мне 65, и хотя он в прекрасной форме, я не знаю, сколько еще времени осталось нам обоим. А люди должны знать, кому наша семья обязана жизнью. — Левин рассказал, что в ноябре 1938-го были уже куплены билеты в Шанхай, но если бы кого-то из семьи в те дни схватили нацисты, поездка вряд ли состоялась бы. О родственниках, оставшихся в Германии, Левины больше никогда не слышали.

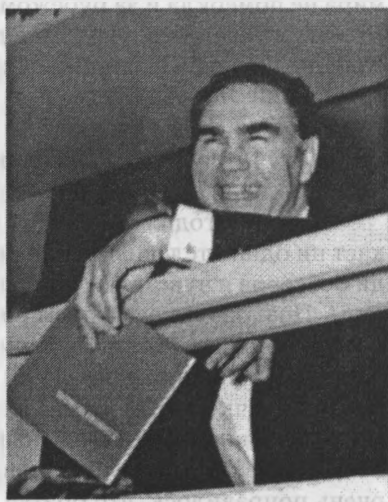
Генри глубоко убежден, что Шмелинг рисковал головой, укрывая сврессв. Нацисты ни за что не допустили бы, чтобы национальный герой оказался другом изгоев: это было бы позором для фюрера. Конец этой истории подчеркивает благородство Макса: ведь он мог бы вызвать такси, однако, не считаясь с риском, сам отвез мальчиков в собственном автомобиле.

— Мне он сегодня сказал, что просто выполнял свой долг, — завершил свой рассказ Левин.

«Пока еще нечего праздновать»

Двадцать восьмого сентября 2001 года Макс Шмелинг скромно отметил свое девяностошестилетие. В его доме недалеко от Гамбурга собрались только самые близкие друзья. «Пока еще нечего праздновать, — сказал журналистам бывший чемпион мира, живая легенда немецкого и мирового бокса. — Вот если доживу до ста, тогда смогу себе кое-что позволить».

Макс Шмелинг в неплохой физической форме, не мыслит себя без работы. И хотя в фирму он сейчас не ездит, все ее проблемы регулярно обсуждает с управляющим Хайко Штером. «Я всегда поражаюсь его

Макс Шмелинг

информированности, — говорит Штер. — Он принимает живейшее участие в жизни предприятия».

На публике бывший чемпион давно не появляется, но никогда не забывает, что людям нужно делать добро. Фонд его имени, который он основал в 1991 году с капиталом в десять миллионов марок, поддерживает многие творческие союзы и объединения. Это одна из известнейших в Германии благотворительных организаций.

После ухода из спорта Шмелинг сохраняет со своими бывшими противниками дружеские отношения. Не стал исключением и его главный оппонент на ринге — Джо Луис. Когда спортивная карьера «коричневого бомбардировщика» закончилась, он не раз оказывался в трудном материальном положении, и Шмелинг регулярно помогал своему американскому другу деньгами. А после смерти негритянского боксера оплатил все расходы на похороны. Сын Джо Луиса назвал бывшего немецкого спортсмена выдающимся человеком, добрым и сердечным.

В 1977 году Шмелинг издал книгу воспоминаний. Главное событие своей спортивной карьеры — поражение в поединке с Луисом в 1938 году — он описывает с мудростью многое познавшего в этой жизни человека: «У каждого поражения есть и хорошая сторона. Выиграй я тогда бой с Джо Луисом — и кто знает, может, стал бы я добычей Третьего Рейха».

Союз немецких спортивных журналистов пожизненно объявил его «спортсменом номер один в Германии». Слава бывшего чемпиона мира не померкла и за рубежом. Целую гору писем и открыток со всего земного шара получил он в день рождения — из США, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Южной Африки... Шмелинг — почетный гражданин Лос-Анджелеса; в 1967 году ему был вручен американский спортивный Оскар.

В 1971 году Макса Шмелинга наградили высшим немецким орденом — Большим федеральным крестом «За заслуги».

Бокс и сегодня находится в центре его внимания. Он не пропускает ни одной телевизионной передачи о любимом виде спорта. «Среди боксеров я чувствую себя особенно легко», — пояснил он журналистам. Поздравить его с днем рождения пришли нынешние чемпионы, которые сейчас живут в Германии, — братья Владимир и Виталий Кличко с Украины и польский боксер Дариуш Михальчевский. Владимир Кличко потом рассказывал, что час беседы пролетел как один миг: «Меня поразили его ясный ум и необыкновенная энергия». Ну а Макс Шмелинг тоже порадовался за своих коллег по спорту: ему очень понравилось, что братья Кличко защитили докторские диссертации.

Литература

1. *Schmeling Max*. Erinnerungen. Berlin, Sportverlag, 1995.
2. *Friedrich Dorothea*. Max Schmeling und Anny Ondra. Berlin, Ullstein, 2001.
3. *Silver Eric*. Sie waren stille Helden. Muenchen, Dtb, 2000.

НЮРНБЕРГСКИЙ КОНЦЕРТ

Темное прошлое олимпийского чемпиона

Фамилию Неккерманн в Германии знает каждый. Так называется одна из крупнейших фирм посылочной торговли. По каталогам «Неккерманн» немцы охотно покупают одежду, бытовую технику, электронику, даже готовые дома. Экскурсионное бюро «Неккерманн» ежегодно обслуживает сотни тысяч туристов. Основатель «торговой империи» Йозеф Неккерманн (1912–1992) знаменит еще и тем, что дважды (в 1964 и в 1968 годах) становился олимпийским чемпионом в соревнованиях по конному спорту. А всего на четырех олимпиадах с 1960 по 1972 год он был удостоен шести медалей, последнюю из которых завоевал в шестьдесят лет.

Йозеф Неккерманн родился в старинном баварском городе Вюрцбурге в семье торговца углем. После смерти отца мальчик оставил школу и пошел учеником в банк, потом работал на заводе. В юности ему приходилось пробовать себя во многих областях. Удачная женитьба сделала молодого человека обеспеченным.

В 1938 году двадцатилетний Неккерманн совершил очень выгодное приобретение: он купил фирму посылочной торговли бельем и другими текстильными товарами. Прежнего владельца фирмы звали Карл Йоэль. В двадцатые и тридцатые годы это имя было нарицательным в Германии — «белье от Йоэля» носили миллионы немцев. Йоэль произвел революцию в торговле, сделав цены на модные товары доступными для многих. Даже в трудные времена экономического кризиса фирма процветала.

Новый владелец умело повел дело и уже в 1939 году получил государственный заказ на поставку белья для солдат Третьего Рейха. Тогда же он познакомился с ведущими политиками, банкирами, промышленниками Германии.

Благодаря накопленному опыту Неккерманн и после войны оставался в ряду лидеров немецкой торговли. Он последовательно расширял свой бизнес: занялся продажей радиоприемников (1953 год), холодильников и телевизоров (1954), стиральных машин (1955), мопедов (1956). В 1963 году открыл сеть экскурсионных бюро. «Неккерманн делает все возможным» — так звучал один из лозунгов его компании. И люди верили ему.

Авторитет этого человека в немецком обществе казался непререкаемым. Он был основателем и бессменным руководителем Фонда помощи спорту. Его считали одним из главных меценатов на немецкой земле...

...Скандал разразился в конце пятидесятых: торговый король Германии предстал перед судом. Выяснилось, что покупка компании у Карла Йоэля, послужившая фундаментом для дальнейшего богатства Неккерманна, была не что иное, как грабеж. Дело в том, что Йоэль был евреем, а при совершении сделки на стороне Неккерманна выступило гестапо. Будущему олимпийскому чемпиону угрожало восемь лет тюремного заключения.

«Хорошие товары—по низким ценам»

В 1927 году жители Нюрнберга Карл Йоэль и его жена Мета открыли в своей квартире на Уландштрассе небольшую мастерскую по пошиву белья. Спустя пару лет компания Йоэля обеспечивала бельем почти всю Германию. Даже после прихода Гитлера к власти Карл и Мета не теряли надежды на успех своего дела. В 1934-м Йоэли с одиннадцатилетним сыном Гельмутом переехали в Берлин, где вложили в развитие производства все семейные деньги. Карл приобрел большое здание, нанял новых рабочих. Однако время было неблагоприятным для того, чтобы евреи могли заниматься бизнесом. Нацисты поставили перед собой задачу «ариизировать» экономику, а проще говоря, отнять собственность у еврейских предпринимателей и передать ее немцам.

Процесс «ариизации» начался во второй половине 1933 года, но до 1938-го он осуществлялся не по закону или указу, а как следствие «определенных обстоятельств». «Обстоятельства» же умышленно создавались нацистами — например, прекращались поставки сырья и оборудования некоторым заводам. Но хотя хозяин-еврей был вынужден идти на невыгодную сделку, за ним все-таки оставалось некое подобие свободы выбора: он имел возможность сам определять покупателей. Положение в корпе изменилось в конце 1937—начале 1938 годов, когда вступил в силу четырехгодичный план, вызвавший прилив деловой активности у крупных немецких промышленников.

Не последнюю роль в «ариизации» играли организованные нацистами бойкоты еврейских предприятий, травля их владельцев в прессе. Особенно усердствовал еженедельник «Дер Штюрмер», издававшийся Юлиусом Штрайхером в Нюрнберге. Эта газета открыто призывала к насилию против «бельевого еврея» Карла Йоэля. После 26 апреля 1938 года, когда были приняты указы «О порядке регистрации еврейского имущества стоимостью более 5000 рейхсмарок» и «Об ариизации еврейских предприятий», Йоэль решил свое предприятие продать. Борьба дальше не имело никакого смысла.

Желающих даром попользоваться чужим имуществом было немало. И член национал-социалистической рабочей партии Германии

(National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei — НСДАП), боец кавалерийского дивизиона СА (полувоенных отрядов НСДАП) Йозеф Неккерманн решил, что настал его час. Недаром среди девизов его фирмы был и такой: «Кто не идет в ногу со временем, со временем уходит».

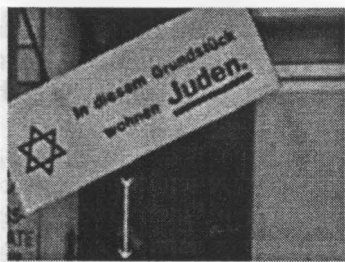
Годовой оборот предприятия Йозеля составлял 12 миллионов марок. По сравнению с ним записанная в договоре цена предприятия оказалась смехотворно низкой: 2,3 миллиона. Йозеф Неккерманн получил от своего тестя кредит в три миллиона. Но и этих денег Карл Йозель не дождался. Он узнал, что после совершения сделки в берлинской гостинице его должны арестовать гестаповцы. Не дожидаясь такого поворота событий, Карл с женой бежали в Швейцарию. Их сын Гельмут в это время учился в швейцарском интернате. Все вместе Йозели через Францию и Англию уехали из Швейцарии на Кубу, потом им удалось перебраться в США.

Теперь, зная, что произошло в последующие годы, мы можем сказать, что семье Карла Йозеля повезло. Они оказались среди тех немногих немецких евреев, которым удалось найти спасение в Америке. До 1939 года уехать из Германии мог любой еврей, имевший въездную визу в другое государство. Но найти страну, готовую хотя бы на время принять у себя беженцев, было практически невозможно.

Карлу Йозелю удалось достать временную кубинскую визу для семьи своего брата Леона, остававшегося в Германии. Награжденный несколькими орденами в Первую мировую войну, Леон до последнего дня верил, что нацисты его не тронут. В мае 1939 года он с женой и маленьким сыном поднялся на борт парохода «Сант-Луис», отправлявшегося из Гамбурга в Америку. Но ни одному из 937 пассажиров кубинские власти не разрешили сойти на берег. Американское правительство тоже не позволило беженцам остаться в США. После долгих и бесплодных переговоров капитан судна вынужден был отдать приказ о возвращении в Европу. Семья Леона Йозеля оказалась во Франции, которая через несколько месяцев была оккупирована нацистами. Вместе с другими евреями-беженцами Йозели были отправлены в газовые камеры Освенцима.

Неккерманн так и не перевел Йозелю обещанную сумму. Отделался он от него очень просто, написав письмо, в котором предлагал бывшему владельцу фирмы приехать за деньгами в Берлин. Иначе как скрытой угрозой подобное послание не назовешь. Таким образом, фирма Йозеля досталась Неккерманну даром. И здесь уместно вспомнить еще один его девиз: «Хорошие товары — по низким ценам».

В январе 1939 года в Германии уже не осталось ни одного предприятия, собственником которого был бы еврей.

Надпись на табличке:
«На этом участке живут евреи»

Статья против Карла Йоэля
в газете «Штюрмер»

Рок-звезда в Нюрнберге

В Нью-Йорке Карл и Мета Йоэли жили скромно, держали маленькую мастерскую, где делали банты для волос, там же свои изделия и продавали. В 1943 году Гельмуту исполнилось двадцать лет, и перед ним встал выбор: как подданному вражеского государства оказаться в лагере для интернированных лиц где-нибудь в Техасе или, приняв американское гражданство, пойти в армию. Не долго думая Гельмут Йоэль стал американцем Говардом Джоэлом и отправился на войну. Уже американским солдатом вернулся он в Европу, высадился в Италии, прошел с боями через Францию и закончил свой поход в Мюнхене. Джоэл был среди тех американцев, которые первыми вошли в концлагерь Дахау и освободили оставшихся в живых заключенных. Генерал Эйзенхауэр приказал, чтобы все бойцы 80-й дивизии, освобождавшей Дахау, прошли вдоль барачных корпусов и посмотрели на следы преступлений нацистов. «Они, может быть, не знали, за что воевали, — заметил он, — но сейчас по крайней мере увидят, против чего стоит бороться».

В послевоенном Нюрнберге Говард Джоэл нашел нескольких школьных друзей. Все родственники погибли в концлагерях. Улица, где ранее находилась посылочная фирма их семьи, была полностью разрушена. Уцелело несколько дымовых труб, на одной из них Говард прочитал вертикально расположенные буквы своей фамилии: «J O E L».

Внук Карла и Меты, сын Говарда, практически не говорит по-немецки. Он родился в 1949 году в нью-йоркском Бронксе, его называли Уильямом Мартином. А любители музыки знают его как Билли Джоэла — знаменитого пианиста, композитора, певца. Билли гастролирует по всему миру, в 1987 году приезжал в СССР. И только в родном городе своих предков, в Нюрнберге, он долго отказывался выступать. В 1995 году друзья все-таки уговорили его дать там один

концерт. На это выступление приехал из Вены отец Билли Говард Джоэл со своим младшим сыном Александром. Там же состоялась знаменательная встреча Билли и Александра с внуками Йозефа Неккерманна — Маркусом, Лукасом и Юлией.

По окончании концерта Билли Джоэл ответил на вопросы слушателей. Он рассказал, что многое вынес из истории своих предков. Такие вещи нужно помнить, но ни в коем случае не питать ими ненависть в себе, иначе зло победит твою душу. Надо уметь прощать, а для этого многое должно быть забыто. Дети не отвечают за грехи родителей, но чтобы не повторять прошлых ошибок, нельзя забывать историю. Билли Джоэл вспомнил слова своего деда: «Если не любишь антисемитов, поезжай в Германию, там антисемитизма никогда больше не будет».

После того, как германский суд в 1957 году заставил Йозефа Неккерманна выплатить семье Йоэлей 2,3 миллиона марок, Карл и Мета вернулись в родной Нюрнберг. Мета Йоэль умерла в 1971-м, Карл пережил ее на одиннадцать лет. Оба они похоронены на еврейском кладбище в Нюрнберге.

Йозеф Неккерманн умер через десять лет после Карла, чуть-чуть не дожив до своего восьмидесятилетия. В последние годы жизни он много раз повторял, что сожалеет о своем участии в «деле Йоэля».

Его сын живет и работает в США, а внуки Лукас, Маркус и Юлия несколько лет назад вернулись в Германию. Во время встречи молодые Джоэли и Неккерманны не искали виновных. Было стремление понять друг друга, сравнить свои оценки прошлого. Один вопрос Александр Джоэл задавал особенно настойчиво: «Чувствовали ли себя Йозеф Неккерманн виновным?». «Виновным нет, — сказала Юлия, — но когда дедушка вспоминал прошлое, совесть его была неспокойна».

Билли Джоэл — один из самых популярных музыкантов мира: уже продано более ста миллионов альбомов его записей. У него множество страстных поклонников в разных странах. И один них — Лукас Неккерманн, внук бывшего торгового короля Германии, олимпийского чемпиона, чья совесть бывала неспокойна, когда он думал о прошлом.

Литература

1. *Meyer-Larsen Werner*. Legenden des Wirtschaftswunders. Der Spiegel, 1999, №. 20.
2. *Radlmaier Steffen*. Ein Weltstar erinnert sich seiner Nuernberger Wurzeln. — Nuernbergern Nachrichten, 6 Juni 1995.
3. *Heidkamp Konrad*. Wie es da schon riecht! — Die Zeit, 1995, №. 23.

ДВЕ МИНУТЫ ТИШИНЫ (ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ АНТОН ШМИД— ПРАВЕДНИК В НАЦИСТСКОМ МУНДИРЕ)

Свидетель

Имя фельдфебеля Антона Шмида прозвучало во время знаменитого процесса над Адольфом Эйхманом в Иерусалиме. На двадцать седьмом судебном заседании, состоявшемся 10 апреля 1961 года, выступил свидетелем Абба Ковнер — известный писатель и поэт, в годы Второй мировой войны руководивший еврейским партизанским объединением в Литве. На вопрос судьи, когда он впервые услышал имя Эйхмана, Ковнер рассказал, как в начале января 1942-го они со Шмидом ждали курьера от друзей-подпольщиков. Курьер запаздывал, ожидание становилось тягостным, казалось, время остановилось. Чтобы как-то отвлечься, приятели пили вино и беседовали. Тот разговор в квартире друга Ковнер помнил потом всю жизнь. Он спросил тогда, кто отвечает за массовые убийства евреев в Вильнюсе, и унтер-офицер немецкой армии назвал имена Швайнбергера, Хингста, Вайса и Мурера. Но главным был, по словам Шмида, «собака Эйхман» — он-то все и организовал. Это свидетельство Ковнера было включено в судебный протокол.

Многие из тех, кто собрался в зале суда, уже слышали имя немецкого фельдфебеля. В конце пятидесятых годов Антон Шмид был по-смертно признан Праведником мира, о его помощи евреям и участии в антинацистском Сопротивлении было рассказано в одном из выпусков бюллетеня мемориального центра Яд-Вашем; эту историю перепечатали некоторые еврейские газеты Америки.

Ковнер назвал деятельность Шмида редчайшим эпизодом в истории Второй мировой. Сейчас стали известны и другие имена праведников в нацистских мундирах. Без них в картине Катастрофы не хватало бы нескольких существенных красок.

Антон Шмид

Литовский Иерусалим

С шестнадцатого века Вильнюс играл важную роль в жизни восточноевропейских евреев — его не зря называли «литовским Иерусалимом». Здесь зарождалось еврейское Просвещение — Гаскала, и выдающиеся раввины-ученые руководили всемирно известными религиозными школами. В этом городе располагались основные кафедры и главная библиотека научно-исследовательского института иудаики YIVO (аббревиатура названия института на идиш), основанного в 1925 году в Берлине [1]. А в 1897-м здесь была создана крупнейшая социалистическая еврейская партия — знаменитый Буид.

В 1939 году в Вильнюсе, принадлежавшем тогда Польше, проживало более 57 тысяч евреев. Девятнадцатого сентября советские войска заняли город, а уже двадцать восьмого советско-немецкая комиссия, созданная в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа, признала свершившимся фактом его присоединение к Литве, входившей в сферу интересов СССР. Первого июля 1940-го Вильнюс был назван столицей вновь образованной Литовской Советской Социалистической Республики [2].

Многие евреи — религиозные и общественные деятели — были депортированы из Литвы на восток и попали в лагеря ГУЛАГа.

До июня 1941 года Вильнюс оставался единственным местом в Польше и Прибалтике, находившихся под советским контролем, откуда была возможна легальная эмиграция евреев. Дело в том, что там действовало английское консульство, выдававшее так называемые «сертификаты» — официальные разрешения британских властей на въезд в Палестину, считавшуюся подмандатной территорией Великобритании. Сертификаты выдавались в очень ограниченном количестве, англичане сильно опасались арабских волнений на Ближнем Востоке. Тем не менее накануне немецкой оккупации именно в Вильнюсе оказались руководители большинства сионистских организаций из Польши и Литвы.

Понары

Уничтожение евреев в Литве началось буквально с первых дней вторжения гитлеровской армии в СССР. В пограничном городке Гарсдене 24 июня 1941 года немцы расстреляли более двухсот человек. В тот же день войска вермахта вошли в Вильнюс, где были с цветами встречены горожанами. Преследования евреев не заставили себя долго ждать.

В июле 1941-го немецкая айнзац-команда при активной поддержке особого отряда литовских националистов «Ипатингас Бурис»

устроила на улицах Вильнюса облаву, во время которой схватили 5 тысяч мужчин «пеарийской» внешности, отправили их в местечко Понары, расположенное в 12 километрах от литовской столицы, и там всех расстреляли. Гестапо распространило слух, что арестованные мужчины находятся в трудовом лагере.

В августе Литва стала частью вновь образованного рейхскомиссариата «Ост», и управление оккупированными территориями перешло к гражданским властям. Антиеврейские акции участились, до конца 1941 года в Понарах было расстреляно свыше 33 тысяч человек — более половины всех евреев Вильнюса. Оставшихся в живых согнали в два гетто, расположенные недалеко друг от друга, — их разделяла Немецкая улица.

Основная черта — человечность

В своей гражданской жизни Антон Шмид был далек от политики, никогда не входил ни в какие партии. Верующий христианин, порядочный и смелый человек, он в 1938 году помог эмигрировать нескольким знакомым евреям. Когда началась война, Шмид был призван в армию, но по возрасту (он родился 9 января 1900 года) не был отправлен на передовую, а служил в тыловых частях, сначала в Польше, а с лета 1941-го — в Литве.

В Вильнюсе фельдфебель Шмид был назначен начальником сборного пункта для солдат, отставших по тем или иным причинам от своих воинских частей. Отсюда военнослужащие опять направлялись на фронт. Сам сборный пункт размещался на вильнюсском вокзале и в нескольких зданиях на соседней улице.

По словам людей, переживших войну благодаря Шмиду, он был спокойным и скромным, много размышлял и мало говорил. У него почти не было друзей среди сослуживцев. На единственной сохранившейся фотографии Антона изображен интеллигентного вида мужчина с грустными глазами и добрым лицом [3]. Близкий Шмиду человек Герман Адлер основной его чертой называл человечность [4].

Точное количество спасенных Шмидом людей неизвестно — эта сторона жизни унтер-офицера вермахта, естественно, была скрыта от окружающих. Но и то, что мы знаем, поразительно: за несколько месяцев с конца лета 41-го по январь 42-го на военном грузовике, находившемся в его распоряжении, он вывез в Вороново, Гродно, Блосток, Лиду и другие города Белоруссии более трехсот евреев, которым угрожал расстрел в Понарах. Сопроводительные документы, оправдывавшие такие поездки, Шмид подписывал сам. От 20 до 25 человек могли прятаться ежедневно в специально оборудованных укрытиях в помещениях сборного пункта в ожидании очередного

рейса на более безопасную в то время белорусскую территорию. Многие из вывезенных таким образом людей смогли сохранить жизнь.

Благодаря немецкому фельдфебелю более 140 человек получили спасительные «желтые удостоверения» — выдававшиеся евреям официальные разрешения на работу и проживание в Вильнюсе. Эта бумага, которую в гетто называли «удостоверением на отсрочку от смерти», защищала во время уличных облав. Счастливых обладателей такого документа оформляли рабочими мастерских, организованных при сборном пункте. Шмид помогал своим подопечным продуктами и лекарствами. Нескольких рабочих он буквально вырвал из вильнюсской тюрьмы. А кроме того, Шмид на свой страх и риск выдавал специальные «проездные удостоверения», разрешавшие литовцам выехать из Вильнюса. С такими бумагами еврей с «арийской внешностью» имел шанс не быть схваченным при очередной проверке документов.

Например, машинисткой в бюро на сборном пункте работала девушка-еврейка Луиза Эмайтизайте. «Арийские» документы для нее удалось получить на основании свидетельства о крещении, которое по просьбе Антона выдал ей священник монастыря у Острых Ворот (Остра Брама) — отец Андрей Гдовский .

А ближайшим помощником Шмида на сборном пункте был ефрейтор Хуперт, переживший войну. Только в 1945-м выяснилось, что на самом деле Хуперт — польский еврей Макс Салингер из города Бильско Бяла.

Одна попытка Шмиду все же не удалась: по просьбе Ковнера он собрался поехать в Ригу, чтобы разыскать и спрятать Шимона Дубнова, известного ученого, автора десятитомной «Всемирной истории еврейского народа», вышедшей в Берлине в 1925–1929 годах. Помощь опоздала на несколько дней: 7 декабря 1941-го Дубнов был расстрелян вместе с тысячами других рижских евреев.

Важнее победы

В декабре 1941 года Гитлер принял решение об уничтожении всех проживавших в Европе евреев. В течение нескольких лет во время публичных выступлений он повторял, что если евреи развяжут мировую войну, они погибнут. Фюрер пытался не допустить вступления Америки в войну против Германии и рассматривал свою угрозу как весомый довод для американского правительства сохранять нейтралитет. Но он просчитался [5].

К концу 1941-го в положении на фронтах произошел радикальный перелом: в результате тяжелых боев под Москвой рухнул миф о непобедимости немецкой армии, план «молниеносной войны»

провалился, и президент США Рузвельт принял решение вступить в войну. И тогда фашистская идеология нашла главных виновников своих неудач: за все придется ответить евреям. «Окончательное решение еврейского вопроса» наконец-то должно было удовлетворить самую сокровенную мечту Гитлера.

Проводить в жизнь дьявольский план было поручено частям СС. В иерархии государственных дел Германии он стал важнее всего остального, даже экономические и военные проблемы рассматривались как менее значительные. Известный идеолог нацистской партии, автор полюбившейся фюреру книги «Миф двадцатого века» Альфред Розенберг, ставший рейхсминистром по делам оккупированных восточных земель, 18 декабря направил своим подчиненным предписание не принимать в расчет экономическую целесообразность, когда речь идет об уничтожении евреев. По всем неясным вопросам следует обращаться к местному руководству СС или в полицию [6].

Технические детали реализации «окончательного решения» были согласованы на Ванзейской конференции 20 января 1942 года. После этого страшное колесо Катастрофы покатило по Европе.

«Не дадим вести себя, как овец на бойню!»

Решение о судьбе европейских евреев держалось в строжайшем секрете даже от союзников Германии. В точности о нем не знало большинство офицеров и солдат вермахта. Но были люди, которым намерения гитлеровцев стали ясны с самого начала — интуиции поэта открываются иногда страшные тайны.

Первого января 1942 года, за девятнадцать дней до открытия Ванзейской конференции, в вильнюсских гетто была распространена листовка-воззвание, составленная Аббой Ковнером. В ней, в частности, говорилось: «Еврейские юноши! Не верьте своему руководству. Все пути гестапо ведут в Понары. А Понары — это смерть... Гитлер собирается уничтожить всех евреев Европы. И судьба евреев Литвы — быть первыми в этом ряду. Не дадим вести себя, как овец на бойню! Мы слабы и беспомощны — это правда. Но единственный ответ нашим врагам может быть только таким: Сопротивление! Братья! Лучше пасть свободными бойцами, чем жить по милости убийц. Сопротивляйтесь! Сопротивление до последнего дыхания!» [7].

Так впервые была сказана правда о намерении Гитлера. Это открытие было интуитивным, никаких документов, естественно, в своих руках подпольщики не имели. В оккупированной Европе прозвучал первый призыв к еврейскому Сопротивлению.

Через три недели, 21 января, была создана еврейская партизанская организация, куда входили люди разных взглядов — левые и правые сионисты, коммунисты, бундовцы. Всего организация насчитывала 300 бойцов, разбитых на два батальона. Кроме них еще несколько сот человек обеспечивали доставку оружия и боеприпасов. Среди партизан было немало женщин. Командиром отряда стал коммунист Ицхак Виттенберг, его заместителями назначены левый сионист Абба Ковнер и правый Йозеф Глазман. В обоих гетто планировалось восстание с последующим отходом бойцов в леса. Виттенбергу поручалось установить связь с советскими партизанами.

Антон Шмид и еврейское Сопротивление

Об одном аспекте деятельности Антона Шмида стоит сказать особо: немецкий унтер-офицер сыграл важную роль в распространении еврейского Сопротивления по всей Польше. Идея вооруженной борьбы с нацистами, родившаяся в вильнюсском гетто, быстро стала известна в Варшаве, Белостоке, Кракове и других городах, где жило немало евреев. Помощь Антона Шмида в этом трудно переоценить.

Связи между различными гетто в оккупированной Европе практически отсутствовали. Несанкционированный выход из гетто карался немедленным расстрелом. В поездах и на вокзалах многочисленные патрули СС, СД, гестапо, полевой жандармерии, литовской милиции проверяли документы... Огромную опасность представляли добровольные помощники нацистов из числа польских и литовских граждан, доносивших на подозрительных людей. Еврея мог выдать акцент, мимика, жест. Во время облав мужчины осматривали, не обрезаны ли они.

В декабре 1941 года Антон Шмид отвез в Варшаву на военном грузовике, приписанном к сборному пункту, большую группу вильнюсских подпольщиков. Они установили контакты с товарищами из местного гетто, некоторые остались там и погибли в огне варшавского восстания.

С помощью Шмида вильнюсские партизаны побывали в гетто Белостока и Кракова и помогли организовать там боевые отряды Сопротивления. Среди близких друзей и знакомых Антона были такие известные деятели вооруженного подполья, как Мордехай Тененбаум, Герман Адлер, Тема Шнайдерман, Абба Ковнер...

Квартира начальника сборного пункта в Вильнюсе стала местом встречи подпольщиков. Сюда приезжали и связные из других городов. Чаще всего это были женщины — они вызывали у нацистов и их помощников меньше подозрений. Одной из таких связных была Чайка Гроссман, упомянувшая Шмида в своих воспоминаниях [8].

«Я никому не хотел сделать больно...»

Рискованная деятельность Шмида не могла продолжаться долго. Во второй половине января 1942 года его арестовали и посадили в тюрьму на Штефанской улице. Гестапо вышло на него в конце 1941-го, когда в старинном белорусском городе Лиде немцы стали организовывать гетто. При регистрации местных евреев немецкие чиновники обратили внимание, что среди них уже очень много выходцев из Вильнюса. Несколько человек было арестовано, и те под пытками рассказали, кто им помог выбраться из литовской столицы.

Суд над фельдфебелем Шмидом начался 25 февраля. Назначенный адвокат, пытаясь оправдать своего подзащитного, нашёл неплохое объяснение его действиям: якобы он собирался обеспечить вермахту дополнительную рабочую силу. Однако обвиняемый такую версию отверг и заявил суду, что он просто хотел спасти людей от верной смерти. Приговор не оставлял никакой надежды: смертная казнь. Прощение о помиловании было отклонено, и 13 апреля 1942 года Антона Шмида расстреляли.

В камере смертников Антон написал письмо жене и дочери; переслать его вызвался военный священник Фриц Кропп, посетивший Шмида перед казнью.

Самым близким своим людям Шмид объяснял, что не мог поступить иначе. Было выше его сил видеть, как хладнокровно убивают невинных людей, как разбивают о деревья головы младенцев. «Вы же знаете мое мягкое сердце, — писал он накануне расстрела. — Мне и самому удивительно, но сегодня я абсолютно спокоен, Бог сделал меня сильным. Надеюсь, Он укрепит и вас, как меня... Я понимаю, какой это удар для вас, мои любимые Штефи и Герта, простите меня. Я просто поступил как человек, я никому не хотел сделать больно» [4].

Пастор Кропп написал вдове Шмида, что Антон встретил смерть достойно. Его последним желанием было, чтобы его жена и дочь могли найти душевный покой. Это было очень непросто. Многие знакомые отвернулись от них, а соседи, узнав, что Шмида казнили за помощь евреям, разбили в их доме окна.

Две минуты тишины

В своей книге «Эйхман в Иерусалиме» [9] Ханна Аренд, присутствовавшая на заседании, подробно описала эпизод выступления Аббы Ковнера. Когда он рассказывал, как Антон Шмид помогал литовским евреям — выдавал им фальшивые документы, вывозил подальше от страшных Понар, давал укрытие и работу, содействовал организации еврейского Сопротивления, — все это время, пока Ковнер

говорил о немецком унтер-офицере, спасавшем обреченных людей, в судебном зале было необычно тихо. Казалось, что собравшиеся решили отметить память праведника традиционными двумя минутами тишины.

И в эти минуты людям почудилось, что во мраке трагедии, наполнявшем зал на протяжении долгих дней судебного процесса, появился слабый луч надежды. И многих посетила простая мысль: как все могло бы сложиться по-другому — в этом зале, в Израиле, в Германии, во всей Европе, а может быть, и в мире, — если бы подобных историй можно было рассказать побольше.

Литература

1. *Bramson-Alperniene Esfir, Schreiner Stefan.* Wissenschaft des Ostjudentums. Universitaetsbibliothek Tuebingen, Lietuvas Nacionaline Martino Mazvydo Biblioteka. Tuebingen — Vilnius, 2000.
2. *Dunin-Horkawicz Janusz.* Wilna — verlorene Heimat. Hannover, Laurentius Verlag, 1998.
3. *Wisenthal Simon.* Doch die Moerder leben. Muenchen, 1967.
4. *Wette Wolfram (Hsg.).* Retter in Uniform. Fischer. Frankfurt am Main, Taschenbuch Verlag, 2002.
5. *Беркович Евгений.* Заложники Второй мировой. — См. очерк в настоящей книге.
6. *Ruerup Reinhard (Hsg.).* Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Eine Dokumentation. Berlin, 1991.
7. *Lustiger Arno.* Zum Kampf auf Leben und Tod. Muenchen, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997.
8. *Grossman Chaika.* Die Untergrundarmee. Der juedische Widerstand in Bialystok. Ein autobiographischer Bericht. Frankfurt am Main, 1993.
9. *Arendt Hannah.* Eichmann in Jerusalem. Muenchen, 1986.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЗАЛОЖНИКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ЗАЛОЖНИКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ (КТО И КОГДА ПРИКАЗАЛ УНИЧТОЖИТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ЕВРЕЕВ?)

Ненайденный приказ

Катастрофе европейских евреев в годы Второй мировой войны посвящено множество публикаций. Вышедший в 1985 году библиографический обзор исторических работ по Холокосту [1] содержал около двух тысяч книг и более десяти тысяч статей. За прошедшие с тех пор годы количество книг возросло на несколько сотен, а число статей — на несколько тысяч. Вероятно, никакая другая тема в истории не была так подробно задокументирована. Но несмотря на огромное множество данных, имеющихся в распоряжении историков, остается без ясного и общепризнанного ответа важный вопрос о происхождении одного из самых чудовищных преступлений в истории человечества: существовал ли конкретный приказ об уничтожении евреев в Европе, и если существовал, то кем и когда он был отдан?

Отсутствие единого мнения историков по этому поводу легко объяснимо: письменный приказ, о котором идет речь, до сих пор не найден. Данный факт можно интерпретировать по-разному. Например, что приказ мог быть уничтожен, или утерян, или мог быть дан в устной форме. Но вероятно и такое, что никакого приказа вообще не было, то есть уничтожение евреев производилось без специального указания сверху.

Этого мнения придерживается, в частности, немецкий историк Мартин Брошат [2]. Он считает, что при депортации немецких евреев в Польшу, Прибалтику и другие районы Восточной Европы осенью 1941 года у местных властей появились проблемы с размещением такого количества людей. Чтобы решить их, они стали убивать прибывающих евреев. Постепенно подобная практика развилась в программу всеобщего уничтожения.

Другой немецкий историк, Ханс Моммзен [3], тоже не верит в существование такого приказа. В физическом истреблении он видит последнюю стадию все более обостряющейся дискриминации,

результат, по его собственному выражению, «кумулятивной радикализации», а для этого никаких приказов и распоряжений не требуется.

То, что при изучении такого явления, как национал-социализм, нужно учитывать непростые взаимосвязи идей и действительности, идеологии и политических структур, определяющих внутреннюю политику Третьего Рейха, признается практически всеми исследователями. Поразительно, однако, что большинство историков, изучающих проблемы Холокоста, почти не рассматривают внешнеполитические задачи, стоявшие перед Гитлером. А между тем именно здесь и нужно искать ответы, способные прояснить тайну авторства и времени возникновения «окончательного решения еврейского вопроса».

Пророчество как предупреждение

30 января 1939 года торжественно отмечалась шестая годовщина прихода Гитлера к власти. В зале берлинской Кролль-оперы фюрер выступил перед членами рейхстага с большой речью, к которой тщательно готовился. Посетивший его накануне Геббельс записал в своем дневнике, что Гитлер старается сделать речь образцом ораторского искусства [4].

Стала ли январская речь таким образцом или нет, можно спорить, но с политической и исторической точки зрения ее значение трудно переоценить. В тот день Гитлер впервые официально высказался о судьбе европейских евреев в предстоящей войне. Сам этот эпизод был театрально выделен: сцена внезапно осветилась светом прожекторов, и всем в зале стало понятно, что сейчас фюрер сообщит

Парад штурмовиков

что-то очень важное. И он сказал: «В своей жизни я часто бывал пророком, но надо мной смеялись. Сегодня я снова хочу выступить в роли пророка. Если международному финансовому еврейству удастся ввергнуть народы в мировую войну, то результатом будет не большевизация планеты и не победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе» [5].

Идея сделать немецких евреев заложниками интересов Германии высказывалась еще в 1922 году, во время подготовки гитлеровского путча в Мюнхене: «Полмиллиона строго охраняемых в лагерях евреев должны быть безусловно уничтожены, если враг пересечет немецкую границу» [6]. Через несколько лет Гитлер повторил эти мысли в присутствии Раушнинга, который записал: «Евреи были для Гитлера залогом, дававшим гарантию, что за граница позволит ему идти своим путем» [7]. В таком же ключе высказывался и Геббельс. Выступая по радио 19 ноября 1938 года, за два месяца до упомянутой речи фюрера, рейхсминистр высказал надежду, что иностранная агитация и пропаганда (явившаяся, кстати, реакцией на всегерманский еврейский погром 9 ноября 1938 года — печально знаменитую «Хрустальную ночь») скоро прекратятся, и добавил: «Думаю, это будет в интересах еще остающихся в Германии евреев» [8].

Насколько важным для понимания Холокоста является высказывание, произнесенное Гитлером в Крольль-опере, можно судить хотя бы по тому, какое значение придавал ему он сам. По меньшей мере шесть(!) раз цитировал он эту угрозу, ошибочно датируя свое выступление первым сентября вместо тридцатого января (многозначительная и, вероятно, не случайная оговорка: 1 сентября 1939 года в Европе началась война). Свое предсказание он настойчиво повторял в публичных выступлениях 30 января 1941-го, 30 января, 24 февраля, 30 сентября и 8 ноября 1942-го и 24 февраля 1943 года.

За семь месяцев до начала оккупации Польши Гитлер заявил, что если «финансовое еврейство» развяжет мировую войну, то евреи Европы будут уничтожены. Это предупреждение в первую очередь было адресовано Соединенным Штатам Америки, так как в понимании Гитлера только их участие в войне превращало ее в мировую. Краткосрочные региональные войны («блицкриги»), направленные на установление «нового порядка» в Европе, Гитлер планировал давно и не считал их «мировыми». С 30 января 1939 года европейские евреи, составлявшие почти две трети евреев всего мира, объявлялись заложниками. Они стали инструментом немецкой политики, лозунг которой звучал примерно так: «Европейской войне — да, мировой войне — нет!».

Блицкриг и мировая война

Но была ли угроза, высказанная Гитлером 30 января 1939 года, правильно понята — и тогдашними политиками, и сегодняшними историками? Признают ли историки провозглашенную Гитлером связь между уничтожением евреев Европы и мировой войной? Верен ли сделанный выше вывод о том, что евреи были объявлены заложниками с целью не допустить перерастания европейской войны в мировую, которая Гитлеру была нежелательна? И вообще как следует понимать термин «мировая война», употребленный Гитлером в его угрозе уничтожить евреев? Согласно сегодняшним школьным учебникам Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года с нападения Германии на Польшу. Но эту ли войну имел в виду Гитлер в своей речи 30 января? Или к его пророчеству больше подходит ситуация декабря 1941-го, когда в войну вступили США и когда фактически началось массовое уничтожение европейских евреев?

Рассмотрим доводы историков, внесших существенный вклад в исследование Холокоста. Уже упоминавшийся немец Брошат явно не придает речи Гитлера 30 января 1939 года должного значения, так как в своих работах неверно ее цитирует. В ключевой фразе он опускает важное слово и пишет «война» (Krieg) [2] там, где Гитлер говорит «мировая война» (Weltkrieg) [5]. Поэтому в сделанных им выводах отсутствует связь между уничтожением европейских евреев и вступлением в войну Америки в декабре 1941 года.

Английский историк Кристофер Брауниг [9] отвергает теорию Брошата и считает, что именно Гитлер отдал приказ об окончательном уничтожении евреев. Однако и он неверно цитирует речь Гитлера, используя слово «война» (war) вместо «мировая война». Ставя свое исследование на логическую основу, ученый пишет, что угроза Гитлера осуществилась не сразу после начала войны в сентябре 1939 года, а только спустя тридцать месяцев, весной 1942-го, когда, по его мнению, было приведено в исполнение «окончательное решение еврейского вопроса». На самом деле «отсрочка приговора» польским и немецким евреям составила не тридцать месяцев, как утверждает Брауниг, а всего один день! Систематическое уничтожение началось на следующие же сутки после нападения японцев на Пирл-Харбор, означавшего безусловное вступление США в войну.

Удивительно, что на представительном международном конгрессе по Холокосту в Штутгарте в 1984 году все участники тоже связывали угрозу Гитлера, высказанную 30 января 1939 года, с началом войны в сентябре 1939-го [10], а не с вступлением в войну Америки в декабре 1941-го, т.е. фактически повторяли ошибку Брошата и Браунига.

Для Гитлера было принципиально важно не допустить войны с Америкой до тех пор, пока Европа не окажется под полным немецким господством. Военная доктрина Третьего Рейха предусматривала последовательность скоротечных и ограниченных военных кампаний, когда оккупация очередной страны служила средством для нападения на следующую. Блицкриг — немецкое изобретение, так как вести другую войну Германия в то время просто была не в состоянии [11].

Главная цель Гитлера — мировое господство — достигалась поэтапно: сначала захват Европы, потом победа над Америкой. Он говорил в узком кругу в октябре 1941 года: «Любые мысли о мировой политике смешны, пока мы не господствуем на континенте. Если мы владеем Европой, то мы имеем доминирующее положение в мире. Сто тридцать миллионов в Рейхе, девяносто на Украине, добавим сюда другие страны Европы — и получим 400 миллионов против 130 миллионов американцев» [12].

Близкий к Гитлеру человек Альберт Шпеер вспоминал, что «...господство в Европе было только промежуточной ступенью к окончательному мировому господству, когда Германия сможет определять все мировые процессы, в том числе в Соединенных Штатах» [13].

Программа Гитлера включала две войны, которые должны быть разделены во времени: сегодня Европа, завтра — весь мир. Цель первой войны — создать средства для ведения второй.

Америка в глазах Гитлера

Нельзя сказать, что Гитлер недооценивал опасности участия в войне Америки на стороне Англии, как это было во время Первой мировой. Вероятность такого развития событий подчеркивали и сообщения немецких дипломатов из Вашингтона в 1938 году [14]. Подобный же прогноз давал немецкий Генеральный штаб. Во внешней политике фюрер делал все возможное, чтобы удержать США от вступления в европейскую войну. Пятого июня 1940 года он дал американскому корреспонденту Карлу фон Виганду интервью, опубликованное 14 июля в журнале «New York Journal America». Там, в частности, содержались такие слова: «Германия никогда не имела ни территориальных, ни политических интересов на американском континенте. Не имеет она их и сегодня. Кто утверждает противное, лжет из каких-то соображений... Я утверждаю: Америка — американцам, Европа — европейцам!» [15].

Политическим успехом Гитлера можно считать подписание 27 сентября 1940 года трехстороннего пакта Берлин–Рим–Токио. Особенно важен был союз Германии с Японией, так как в лице последней США приобретали опасного противника на Тихом океане. Теперь

вступление в мировую войну Америки потребовало бы от нее ведения боевых действий на двух океанах, что, по мнению Гитлера, должно было охладить горячие головы американских военных.

Интересно, что Гитлер считал правительство Рузвельта «роеврейским», а самого американского президента — ставленником мирового еврейства. Он вообще свято верил в существование «мирового еврейского правительства», управляющего всеми странами: «За Англией стоит Израиль, как и за Францией, и за США», — говорил он Раушнингу [7]. Это тайное правительство, по его мнению, скорее будет спасать европейских евреев, взятых Германией в заложники, чем финансировать вступление Америки в европейскую войну. Вера в «мировое еврейство», некую мифическую общность с едиными целями и руководством, была существенной предпосылкой решения Гитлера взять европейских евреев в заложники. Эту веру не могли поколебать никакие различия в социальных условиях, политических системах, устройстве государств и континентов, где жили евреи.

После того как в декабре 1941 года Америка вступила в войну, не оправдав таким образом надежд Гитлера (он считал, что американские евреи пожертвовали своими европейскими сородичами), евреи Европы потеряли для его политики всякое значение. Тогда и был отдан приказ «окончательно решить еврейский вопрос».

«Депортировать, но не уничтожать!»

Есть множество исторических фактов и документов, логично укладывающихся в предлагаемую схему. За ограниченностью места мы не будем их здесь обсуждать. Но три обстоятельства требуют разъяснения, так как может показаться, что они противоречат нашим выводам.

Во-первых, массовое уничтожение советских, или, как их называли нацисты, «барбаросских» (по названию плана нападения Германии на СССР) евреев началось сразу после 22 июня 1941 года, а не после декабря, когда немцы стали истреблять всех европейских евреев. Для уничтожения евреев, а также коммунистов и партизан на территории СССР были образованы четыре специальные айнзац-группы в составе частей СС и СД. Каждая такая группа состояла из 750 человек и действовала в захваченных немецкими войсками районах. Акции уничтожения (как правило, расстрелы) проводились тайно, и достоверная информация о массовых убийствах достигла Запада только в мае 1942 года. К этому времени уже полным ходом шли репрессии против всех европейских евреев. Для Гитлера «барбаросские евреи» не выполняли роль заложников: их судьба, по мнению фюрера, мало интересовала американское «финансовое еврейство».

В Варшавском гетто

Во-вторых, известно, что 31 июля 1941 года шеф Главного управления имперской безопасности Гейдрих получил через Геринга приказ провести необходимые мероприятия по подготовке к «окончательному решению еврейского вопроса» на всех контролируемых немцами европейских территориях [16]. Этот приказ часто называют распоряжением по «окончательному решению» (см., например, [15]). Но подготовка к решению — еще не само решение. Комендант лагеря в Освенциме Рудольф Гёсс в своих мемуарах [17] писал, что когда летом 1941 года он обсуждал с Адольфом Эйхманом детали операции по уничтожению евреев, то время начала самой акции еще не было определено. Точную дату должен был сообщить руководитель СС Гиммлер. Однако приказ от Гиммлера долго не поступал. И тому есть простое объяснение. Лето 1941 года было временем побед гитлеровской армии. Казалось, что поражение Советского Союза — дело нескольких месяцев, а то и недель. Выступая 3 октября в берлинском Дворце спорта, Гитлер объявил, что «противник уже разбит и больше не поднимется», а его пресс-секретарь 9 октября продиктовал для журналистов следующее высказывание фюрера: «С разгромом армии Тимошенко военная кампания на востоке завершена» [18]. Если бы Германия добилась победы над СССР, то мирное соглашение с Англией стало бы неминуемым. Тогда Америка скорее всего сохранила бы нейтралитет и еврей-заложники Гитлеру больше были бы не нужны. Но Советский Союз продолжал бороться с фашистами. Война затягивалась, и возможность выступления США на стороне

Англии и России оставалась реальной. Поэтому европейских евреев пока не трогали. Гёсс все еще ждал приказа начать массовое применение газа «Циклон». И это ожидание, согласно его записям, продолжалось до конца ноября 1941 года.

Наконец, в-третьих. Историкам хорошо известно, что 30 ноября 1941 года Гиммлер из ставки фюрера говорил по телефону с Гейдрихом, который оставил короткую запись о содержании этого разговора: «Транспорт с евреями из Берлина. Не ликвидировать» [2]. Некоторые исследователи (здесь прежде других пужно упомянуть известного «отрицателя Холокоста» Дэвида Ирвинга [19]) видят в этой записке доказательство того, что уничтожение евреев проводилось без ведома и помимо желания Гитлера. На самом деле запрет, о котором идет речь, имеет совсем другое объяснение.

Пятнадцатого сентября 1941 года Гитлер распорядился переселить евреев из Германии и протектората Богемии и Моравии в специальные лагеря и гетто в Польше, Белоруссии и Прибалтике. Однако эти пункты были уже переполнены, и их руководство приказало уничтожать евреев, не делая различия между местными и вновь приехавшими. Всего с октября по декабрь в Ригу, Лодзь, Каунас и Минск было отправлено 42 состава, в каждом из которых находилось по тысяче евреев. Люди из шести составов были уничтожены. Об одном из этих шести, направленном в Ригу, и шел телефонный разговор между Гиммлером и Гейдрихом 30 ноября. Но телефонограмма пришла слишком поздно. Остальные 36 тысяч евреев остались живы — указание Гитлера задержало на время массовые убийства.

Сентябрьское распоряжение о депортации имело политический смысл: нужно было показать Рузвельту, насколько серьезна угроза Гитлера. Но оно не означало приказа об уничтожении. Еще оставалась надежда, что Америка сохранит нейтралитет, хотя позиция президента США по отношению к Германии становилась все жестче. Инициатива местных немецких властей в Польше и Прибалтике, уничтожавших прибывающих из Германии евреев, лишала Гитлера последних козырей в его дипломатическом поединке с Рузвельтом. Тот, кто слишком рано убивает заложников, рискует не получить ожидаемого выкупа. Военная ситуация в конце ноября была еще неопределенной. Планы Японии напасть на Пирл-Харбор были утверждены Императорским Советом только 1 декабря. Не дать Америке моральных оснований для вступления в войну, сохранить последнюю возможность избежать перерастания европейской войны в мировую — вот мотивы ноябрьского запрета Гитлера. В ноябре время «окончательного решения еврейского вопроса» еще не подошло. Для этого отсутствовала важная предпосылка: не началась «мировая

война», как ее понимал фюрер. По той же причине более двух лет оставались в живых миллионы польских евреев, находившихся в руках нацистов с сентября 1939 года. Их массовое уничтожение началось 8 декабря 1941-го в лагере Хелмно — первой в истории человечества фабрике смерти [20]. И тогда уже приказа «не ликвидировать» не последовало.

Еврей—это принцип

Итак, дату приказа к уничтожению европейских евреев можно считать установленной: начало декабря 1941 года. Сомнения в его авторстве легко рассеиваются, если представить себе структуру распределения власти в нацистском руководстве.

В мае 1942-го Грайзер, по инициативе которого был организован лагерь в Хелмно, сообщал Гиммлеру, что уничтожение евреев в лагере близится к завершению, и спрашивал разрешения отправить на тот свет примерно 30000 поляков, больных туберкулезом. Адъютант Гиммлера ответил 14 мая, что поданное предложение направлено на согласование Гейдриху, но последнее слово здесь остается за фюрером [21]. Было бы невероятно, если бы в вопросе о судьбе миллионов евреев дело обстояло по-другому.

То, что до сих пор не найден письменный приказ, вполне соответствует гитлеровскому стилю руководства. На одном из секретных партийных совещаний в 1937 году фюрер заявил: «Все, что можно обсудить, записывать не нужно — никогда!» [22].

Пока Гитлер оставался в Европе у власти, судьба евреев при любом развитии событий могла быть только трагической. Если бы Америка не вступила в войну, цель Гитлера была бы достигнута и евреи все равно были бы уничтожены. Здесь важно понять, что для него еврей — это не человек, а принцип. Раушнинг записал такие его слова: «Еврей — это враг рода человеческого, античеловек. Еврей — создание иного бога. Он вырос из другого корня человечества. Арийцы и еврей — они так же далеки друг от друга, как животные и люди. Но это не значит, что я хочу назвать еврея животным. Он еще более далек от животного, чем мы, арийцы. Еврей — это существо, далекое от природы и враждебное природе». Закончить речь Гитлер не смог — с ним случился нервный припадок [7].

Космический антисемитизм Гитлера определял его главные решения. Смыслом его жизни стало освобождение мира от «еврейской заразы». Без Гитлера не было бы Холокоста. Уничтожение евреев он рассматривал как необходимую оборону, по его понятиям евреи просто не имели права на существование. Гитлер хотел создать «новый мир» и «нового человека», который не должен был встречаться с

евреями. Но он был прагматичным политиком и действовал осторожно и последовательно. «Хрустальная ночь» была организована только спустя пять с половиной лет после прихода нацистов к власти. Приказ об «окончательном решении...» был дан спустя еще три года. До этого момента Гитлер использовал евреев как инструмент своей внешней политики. Когда же инструмент оказался ненужным, фюрер всю мощь Третьего Рейха направил к вожделенной цели — уничтожению «еврейской расы». Чем меньше становилось шансов на победу, тем более важной казалась для него задача уничтожения евреев, даже если это наносило ущерб чисто военным и политическим целям Германии.

Результаты двенадцатилетнего господства нацистов были катастрофичны и для самой Германии. В 1945 году страна лежала в руинах. Заклятые враги Гитлера торжествовали победу. Все, что пытался создать «коричневый мессия», обернулось своей противоположностью. И только одной цели он достиг: было уничтожено около шести миллионов евреев. «Национал-социализму будут вечно благодарны за то, что я искоренил евреев из Германии и Европы», — выкрикивал фюрер, находясь в берлинском бункере, буквально из-под обломков Третьего Рейха [23].

Гитлера действительно никогда не забудут. И это правильно, ибо память о злодействе помогает не повторять прошлых ошибок. История, как говорил В.О. Ключевский, это то, что никогда не проходит.

Литература

1. *Laska Vera*. Nazism, Resistance and Holocaust in World War II. A Bibliography. New York, Metuchen 1985.
2. *Broszat Martin*. Hitler und die Genesis der Endloesung. Aus Anlass der Thesen von David Irving. — In: «Viertelsjahreshefte fuer Zeitgeschichte», v. 25, Heft 4. Stuttgart, 1977.
3. *Mommsen Hans*. Die Realisierung des Utopischen: Die Endloesung den Judenfrage im Dritten Reich. — In: «Geschichte und Gesellschaft, Zeitschrift fuer historische Sozialwissenschaft. Goettingen, 1983.
4. *Fruehlich Elke (Hrsg.)*. Die Tagesbuecher von Josef Goebbels. Saemtliche Fragmente. T. 1, Bd. 3. Muenchen, 1987.
5. *Domarus Max*. Hitler. Reden und Proklamationen. 1932–1945. Bd. II, Erster Halbband. Wiesbaden, 1975.
6. *Gordon Harold*. Hitlerputsch 1923. Machtkampf in Bayern. 1923–1924. Frankfurt/M., 1971.
7. *Паушинг Герман*. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., «Миф», 1993.
8. *Goebbels*. Reden 1932–1939. Bd. 1. Duesseldorf, 1971.
9. *Browning Christopher R*. Fateful Months. Essays on the Emergence of the Final Solution. Rev. Ed. New York–London, 1991.

10. *Jaeckel Eberhard, Rohwer Juergen (Hrsg.)*. Der Mord an den europaeischen Juden. Entschlussbildung und Verwirklichung. Stuttgart, 1985.
11. *Messerschmidt Manfred*. Aussenpolitik und Kriegsvorbereitung. — In: *Deist Wilhelm u.a.* Ursachen und Voraussetzungen der Zweiten Weltkrieges. Frankfurt/M., 1989.
12. *Hitler Adolf*. Monologe im Fuehrerhauptquartier. 1941–1944, hrsg. Muenchen, Von Werner Jochmann, 1982.
13. Das Raetsel Hitler. Der Biograph und der Augenzeuge. Alan Bullock im Gespracch mit Albert Speer. — In: Die Zeit, Hamburg. 2. November 1979.
14. *Hillgruber Andreas*. Deutsche Grossmacht und Weltpolitik im 19 und 20 Jahrhundert. Duesseldorf, 1977.
15. Der Zweite Weltkrieg. 1939–1945. Ereignisse und Hintergruende in Wort und Bild. Guetersloh/Muenchen, 1999.
16. *Longerich Peter (Hrsg.)*. Die Ermordung der europaeischen Juden. Eine umfassende Dokumentation des Holocaust 1941 – 1945. Muenchen, 1989.
17. *Hoess Rudolf*. Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen, hrsg. Stuttgart, Von Martin Broszat, 1963.
18. *Hillgruber Andreas*. Hitlers Strategie. Politik und Kriegsfuehrung. 1940–1941. Frankfurt/M., 1965.
19. *Irving David*. Hitler's War. London, 1977.
20. *Rueckerl Adalbert*. NS-Vernichtungslager im Spiegel deutscher Strafprozesse. Muenchen, 1977.
21. *Burin Philippe*. Hitler und die Juden. Die Entscheidung fuer den Voelkermord. Frankfurt/M., 1993.
22. *L. J. Hartog* Der Befehl zum Judenmord. Bodenheim, 1997.
23. Hitlers politisches Testament. Die Bormann Diktate vom Februar und April 1945. Hamburg, 1981.

ТЕОДОР ЛЕССИНГ—ПРОРОК И ЖЕРТВА

У каждого народа в критические времена его истории есть свои «пророки», умеющие раньше и лучше других предвидеть грозящие всем опасности. Но их плохо слышат, мало понимают, им редко верят. Больше того, они часто становятся жертвами своего дара предвидения. Пример Кассандры, увы, далеко не единственный.

В период зарождающегося в Германии нацизма таким пророком выступил профессор ганноверской Высшей технической школы Теодор Лессинг — удивительно разносторонний, универсальный человек: философ, психолог, социолог, поэт, критик, писатель, врач, преподаватель, журналист, автор свыше 2000 статей, книг и брошюр, один из основателей ганноверского народного университета (Volkshochschule).

Лессинг родился 8 февраля 1872 года в Ганновере, в известной в городе еврейской семье. Его предки со стороны отца жили в этом городе свыше 200 лет. В заметке «Еврейская судьба», написанной в 1926 году, после трех лет жестокой травли со стороны националистов, фашистов и просто немецкими обывателей, Лессинг писал: «С Ганновером связан я всей своей жизнью. Я знаю, что есть более красивые земли, более доброжелательные люди. Но это — моя земля и моя судьба. И я люблю ее. И даже ненависть была любовью» [1].

Теодор Лессинг

Его отец Зигмунд Лессинг, врач, доктор медицины, имел известную клинику в центре города (Георгштрассе, 30). Среди пациентов доктора Лессинга был будущий президент Германии, генерал-фельдмаршал Гинденбург, сыгравший роковую роль в судьбе Теодора.

Детские и юношеские годы Лессинга были нелегкими: он постоянно испытывал психологические трудности во взаимоотношениях с родителями и со школьными учителями. Директор гимназии писал его отцу: «Советую вам обучать сына простому ремеслу, так как к умственной работе он неприспособлен».

Детские и юношеские годы Лессинга были нелегкими: он постоянно испытывал психологические трудности во взаимоотношениях с родителями и со школьными учителями. Директор гимназии писал его отцу: «Советую вам обучать сына простому ремеслу, так как к умственной работе он неприспособлен».

Такая неправильная оценка способностей ребенка, к сожалению, не редкость. Например, братьев Нильса и Харальда Бор долгое время считали умственно отсталыми. Потом Нильс стал великим физиком, а Харальд — первым математиком Дании. Но подобные «педагогические ошибки» сильно травмируют детей. Теодор был взят из гимназии и отдан в ученики в банк, но и там из-за своей «непригодности» пробыл недолго. Затем попал в знаменитую еврейскую школу садоводства на окраине Ганновера, в Алемс. (На месте этой школы, основанной еще в девятнадцатом веке, фашисты во время войны создадут страшный концлагерь для немецких и польских евреев.)

Завершить школьное образование Лессингу удалось только в 1892 году. И вот после долгожданных выпускных экзаменов двадцатилетний Теодор отправляется подальше от Ганновера, в университет Фрайбурга, чтобы учиться медицине, как хотел его отец. В это же время в печати появляются его первые литературные работы.

Два человека сыграли в жизни Теодора Лессинга особую роль — это его первая жена Мария Штах фон Гольхайм и школьный друг Людвиг Клагес. Он очень любил этих людей, помнил их всю жизнь, писал о них в своей автобиографической книге «Раз и больше никогда». Оба оказали на него огромное влияние, с обоими он с горечью расстался, и не последней причиной тому был злобствующий в обществе антисемитизм.

С Марией Штах фон Гольхайм Лессинг познакомился в 1898 году. Не без ее помощи он возвратился к прерванным научным занятиям и 19 июля 1899 года в Эрланге защитил докторскую диссертацию по философии. У них родились две дочери, Юдит и Мириам. К сожалению, этот брак не был долгим, он распался в 1907 году. Семья Марии отвергала Лессинга из-за его еврейского происхождения даже несмотря на то, что после совершеннолетия он обратился в евангелическую веру. Отход от иудаизма был связан с тем, что Теодор практически не получил никакого религиозного образования, не был приобщен к еврейской традиции, не чувствовал себя евреем. Но усиливающиеся антисемитские нападки даже в кругу его друзей и знакомых заставили его вспомнить об этом. В 1900 году он вернулся к иудаизму, уже сознательно и окончательно.

В поисках нормальной работы Лессинг меняет несколько городов, пока в 1907 году не возвращается, наконец, в родной Ганновер, где получает место доцента Высшей технической школы. Он много и разносторонне работает: читает лекции, пишет статьи и книги — не только по философии, но и как театральный критик, социолог, психолог. Лессинг был горячим сторонником идеи народного образования. При его активном участии в 1918 году в Ганновере была создана

народная школа-университет. Народные школы создаются затем и других городах.

В Ганновере Лессинг проживет почти всю свою дальнейшую жизнь и будет вынужден уехать оттуда только за шесть месяцев до гибели.

В 1912 году он женился на Аде (Адели) Гротс-Абентерп, ставшей верным другом и соратницей Теодора на трудном пути, который суждено было ему пройти.

Главные испытания пришлось пережить на 1924—1926 годы, когда Лессинг, отстаивая свое мнение, противостоял — практически в одиночку — всему так называемому «обществу». Подавляющее большинство считало себя правыми, а в нем видело врага. Теперь, спустя годы, видно, что прав был Лессинг, заплативший своей жизнью за эту правоту. И здесь снова вспоминается истина «Нет пророка в своем отечестве».

Если смотреть со стороны, то эти годы были относительно спокойными и бескризисными. Германия постепенно оправлялась от горечи поражения в Первой мировой войне. Экономика стабилизировалась, рейхсмарка становилась крепкой валютой. Конгресс Коминтерна, состоявшийся в Москве, констатировал отсутствие какой-либо революционной ситуации в Германии и Европе в целом. Ничто, казалось бы, не предвещало скорой мировой трагедии.

Но в Германии поднимал голову нацизм. В 1925—1926 годах вышли в свет оба тома книги Гитлера «Моя борьба». Лессинг будто кожей чувствовал опасность. Он первым громко заговорил о ней. И стал первой жертвой фашизма.

Впервые Лессинг выступил против «общественного мнения» во время так называемого «процесса Харманна».

Фриц Харманн, неоднократно ранее судимый, был садистом-убийцей наподобие российского Чикатило. Но при этом он служил осведомителем в полиции, что облегчало его преступную деятельность. Общество, включая правоохранительные органы — полицию и суд, стремилось побыстрее осудить и казнить Харманна. Лессинг на страницах ряда газет (прежде всего газеты «Prager Tagesblatt», выходившей на немецком языке в Праге, напоминал об общей вине, в том числе и о вине полиции, в деле Хартмана, и призывал день его казни объявить Днем всеобщего покаяния в Ганновере [2].

Эта позиция ставила ученого против господствовавшей тогда точки зрения, и очень скоро общество показало ему, что оно не прощает «отступников», осмеливающихся иметь свое собственное мнение. окончательную точку в этом деле поставила статья Лессинга о Гинденбурге.

Пауль фон Гинденбург в Первую мировую войну командовал войсками Восточного фронта, затем был начальником Генштаба — фактически главнокомандующим германской армии. Про него говорили, что он выиграл битву при Танненберге и проиграл мировую войну. Гинденбург приближался к своему 80-летию, когда был избран президентом Веймарской республики, а по истечении семилетнего президентского срока 10 апреля 1932 года был избран и на второй срок. В этой должности он и скончался в 1934 году. Именно Гинденбург назначил 30 января 1933-го на должность рейхсканцлера Адольфа Гитлера. Во время предвыборной борьбы в 1932 году компартия Германии, кандидатом от которой был Эрнст Тельман, выдвинула лозунг: «Кто голосует за Гинденбурга, тот голосует за Гитлера».

Ровно за семь лет до этого профессор Лессинг был практически единственным человеком, открыто выступившим против избрания Гинденбурга. В своей статье, опубликованной ровно за один день до выборов, он в который раз повторил, что не сомневается в личной честности старого солдата. Но Гинденбургу не хватает духовных качеств, необходимых на таком высоком государственном посту. Он легко может стать игрушкой в руках опытных политических интриганов. Сам Гинденбург с солдатской прямоотой говаривал о своем интеллектуальном развитии: «В своей жизни я прочитал до конца только одну книгу — «Новый завет». И сегодня невозможно без трепета читать заключительные строки статьи Лессинга о Гинденбурге, звучащие поистине пророчески: «В лице Гинденбурга на трон взойдет не философ. Это будет только представительский символ, только Вопросительный Знак, Нуль. Могут сказать: «лучше Нуль, чем Некто». К сожалению, история показывает, что за Нулем всегда скрытно стоит будущий Некто».

Так и получилось: за Нулем следовал Некто. Кто выбирал Гинденбурга, выбрал Гитлера.

На следующий день после факельного шествия в честь победы Гинденбурга на выборах в ганноверских газетах появились статьи, упрекавшие Лессинга в оскорблении «национального героя». За этим незамедлительно последовали многочисленные антисемитские выходки, демонстрации и угрозы, так называемые акции «самозащиты народа», призывы защитить немцев от оскорблений «зарвавшегося еврейского профессора».

Кульминацией явилось демонстративное шествие студентов из Ганновера в Брауншвейг. Студенты прошли по городу, собрались на главном вокзале, где им был выделен специальный поезд, и с плакатами «Евреи прочь! Лессинг прочь!» направились в Брауншвейг, где их ждали учащиеся местной высшей школы.

Длившееся несколько месяцев противостояние Лессинга и разбушевавшегося «немецкого общества» закончилось относительно мирным компромиссом. Лессингу было запрещено преподавать, и он с этого времени целиком посвятил себя научной и литературной работе.

Годы с 1924 по 1926 — потребовали от него огромного мужества и стоицизма: в течение этих трех лет он почти в одиночку противостоял немыслимым взрывам ненависти и антисемитизма. Только после ухода из Высшей технической школы ученый пришел к относительноному покою и нормальной творческой деятельности.

Последней большой работой Лессинга, опубликованной в Германии, было вышедшее в свет в 1930 году исследование «Еврейская самоненависть» («Der jüdische Selbstha?»). В ней он попытался дать психологическое объяснение внутренней трагедии еврейства, которую сам вдоволь испытал на своем веку. В этой же книге Лессинг указал возможный путь к исцелению — сионизм.

После того как Адольф Гитлер принял присягу в качестве рейхсканцлера, угрозы в адрес Лессинга стали приобретать все более конкретный характер. Остаться в родном городе было уже невозможно. Друзья и среди них Альберт Эйнштейн советовали эмигрировать. В марте 1933 года Теодор Лессинг покидает Ганновер. Он едет сначала в Прагу, затем поселяется в Мариенбаде, на вилле «Эдельвейс». Его будущая книга, так и не увидевшая свет, должна была называться «Моя голова» («Mein Kopf»). В ней он хотел дать истинный портрет автора «Mein Kampf». Так что не удивительно, что за голову Лессинга, как говорили, была назначена награда. В ночь с 30 на 31 августа неизвестный преступник через окно его рабочего кабинета дважды выстрелил из револьвера. Одна из пуль попала в голову, эта рана оказалась смертельной. В час ночи, доставленный в больницу уже без сознания, Теодор Лессинг скончался.

Тридцатого августа 1933 года в Нюрнберге проходил съезд национал-социалистической партии, известный как «Съезд победителей». В день скромных похорон Лессинга в Мариенбаде, 4 сентября, состоялся грандиозный нюрнбергский парад, длившийся более четырех с половиной часов. Перед трибуной, на которой стояли Гитлер, Геббельс, Гиммлер и другие нацистские лидеры, прошло более ста тысяч человек. Убийство Лессинга можно было бы назвать «подарком нацистскому съезду».

Имя Теодора Лессинга сейчас, к сожалению, не очень известно. Общеизвестный двадцатитомный энциклопедический словарь (Lexikon des Deutschen Taschenbuch Verlags) кроме знаменитого Готтольда Эфраима Лессинга приводит только английскую писательницу Доррис Лессинг. Но не Теодора Лессинга! О нем сегодня в Ганновере

напоминают лишь маленькая площадь перед народным университетом, названная его именем, а также надпись на памятнике евреям, терпевшим преследования от нацистов в 1933–1945 годах, где среди почти 2000 имен можно прочесть: «Лессинг, профессор, доктор философии, Теодор, 61 год, Мариенбад». Если бы имена на памятнике у ганноверской оперы были расположены не по алфавиту, а в хронологическом порядке, имя профессора Теодора Лессинга было бы первым в этом скорбном списке жертв нацизма.

Литература

1. *Schulze Peter*. Beitrage zur Geschichte der Juden in Hannover. Hannover, Hahn, 1998
2. *Lessing Theodor*. Wir machen nicht mit! Bremen, Donat Verlag, 1997.

ПАУЛЬ ШПИГЕЛЬ КАК ЗЕРКАЛО НЕМЕЦКОЙ «НОРМАЛЬНОСТИ»

Председатель Центрального совета евреев в Германии — заметная фигура в немецком обществе. Политики прислушиваются к его мнению, когда обсуждаются проблемы антисемитизма, ксенофобии, иммиграции или нарушения прав человека. Именно он, как правило, первым бьет тревогу, если поднимает голову экстремизм любого толка, если ущемляются права меньшинств. Для человека, занимающего этот пост, журналистский штамп «совесть нации» — совсем не преувеличение.

«Выжил не для того, чтобы молчать»

Активным участником возрождения демократической послевоенной Германии вошел в историю Хайнц Галинский (1912–1992), бесценный председатель еврейской общины Берлина (с 1949 года), председатель Центрального совета евреев в Германии (с 1988-го).

Этот человек прошел все круги нацистского ада. Преследования

Хайнц Галинский

со стороны фашистов он испытал уже в 1933 году, когда устроился на работу по окончании школы. Пытаясь найти спасение от гитлеровцев в большом городе, Галинские в конце тридцатых переехали в Берлин. В 1940-м Хайнца с женой и матерью, как всех берлинских евреев, направили на принудительные работы, а в 1943-м все члены его семьи были схвачены гестаповцами и отправлены в Освенцим. Там их разделили, и Хайнц никогда больше не увидел своих близких — их уничтожили через несколько дней после прибытия в лагерь. Сам он работал на корпорацию «ИГ Фарбен» (IG Farben) в зоне Буна (Освенцим III). Незадолго до прихода советских войск, зимой 1945 года, его перевели сначала в Бухенвальд, а потом в

лагерь Берген-Бельзен. Там в апреле 1945-го Хайнц был освобожден британскими солдатами.

После войны Галинский все силы отдал на восстановление нормальной жизни евреев в разоренной стране. Мало кто тогда верил, что на родине нацизма это возможно. Те немногие, кому посчастливилось уцелеть, стремились как можно скорее покинуть Европу и найти надежное убежище в США или Палестине. Хайнц остался в Берлине, где возглавил городскую общину и стал активным борцом с пережитками нацистской идеологии, с любыми проявлениями антисемитизма, который был еще широко распространен среди немцев. «Я выжил не для того, чтобы молчать», — говорил он. Хайнц Галинский делал все, чтобы преступления нацизма не были забыты и преступники получили по заслугам.

При нем в 1957 году был заложен камень в основание нового здания еврейской общины на берлинской Фазаниенштрассе, на том месте, где в Хрустальную ночь всегерманского еврейского погрома 9 ноября 1938-го была разрушена синагога. При нем же началась эмиграция евреев из СССР в Германию.

Хайнц Галинский награжден высшими орденами ФРГ, а в 1987 году стал почетным гражданином города Берлина. Однако это не уберегло его память от надругательства: плита на его могиле была взорвана неонацистами.

«Я ничего не достиг...»

Преемник Галинского на посту председателя Центрального совета евреев в Германии Игнац Бубис (1927 — 2000) тоже пережил Холокост и во время нацистского террора потерял всех своих близких: его мать, отец, брат и сестра погибли в годы войны.

Своей главной задачей Бубис считал создание в Германии «нормального» общества, в котором отношения немцев и евреев не будут отягощены ужасами прошлого. Но прошлое не должно быть забыто, иначе все самое страшное может повториться, считал он. Бубис пользовался высоким авторитетом, с ним советовались ведущие политики страны, долгое время он был консультантом канцлера Гельмута Коля по национальным вопросам. Казалось, его усилия не напрасны и благородная цель единения немцев и евреев вот-вот должна быть достигнута. С приездом десятков тысяч эмигрантов из стран бывшего СССР жизнь еврейских общин в Германии заметно оживилась. После дебатов, длившихся почти десять лет, немецкий парламент принял решение о строительстве в центре Берлина грандиозного памятника евреям, погибшим от нацизма. Опросы общественного мнения показывали явную толерантность немцев, терпимость по отношению к

Игнац Бубис

иностранцам. По данным международных еврейских организаций, уровень антисемитизма в Германии был одним из самых низких в мире.

Но жестокое разочарование ожидало Игнаца Бубиса в конце жизни. В 1998 году известный писатель Мартин Вальзер произнес речь, моментально подхваченную всеми правозащитными группами и партиями. Выступая во франкфуртской церкви св. Павла по случаю получения престижной премии немецкой книготорговли, Вальзер заявил, что не желает больше слышать слово «Освенцим», не хочет обсуждать еврейскую трагедию двадцатого века, все это причиняет ему боль и пора наконец подвести черту и прекратить разговоры о вине немцев в Холокосте. Его речь восторженно встретили почти все присутствовавшие на церемонии. Игнац Бубис сидел в зале один — остальные важные гости аплодировали стоя.

Нельзя не признать: Вальзер выразил мнение многих своих соотечественников, совсем не антисемитов, но считающих, что при обсуждении вины их отцов и дедов нужно знать меру и такт. Выбор правильного языка в диалоге с новыми поколениями немцев и сегодня остается актуальной и острой проблемой. Но Вальзер не просто обратил внимание на эту проблему: его тезисы охотно подхватили явные и скрытые антисемиты, откровенные неонацисты, правые экстремисты — им как раз не хватало такой авторитетной поддержки.

Последовавший затем публичный диспут двух оппонентов еще больше разжег пожар мнений, что дало Бурбису основание назвать писателя-лауреата «духовным поджигателем». И хотя эти дебаты с Вальзером завершились примирением, Игнац был глубоко разочарован открывшимся ему состоянием немецкого общества [1]. За три недели до смерти он сказал в интервью журналу «Штерн»: «Я ничего

не достиг, почти ничего. Евреи и немцы по-прежнему остаются чужими друг другу».

Игнац Бубис завещал похоронить себя не в Германии, а в Израиле. «Я не хочу, чтобы мою могилу взорвали, как это произошло с надгробием Хайнца Галинского», — объяснил он это решение.

...Спустя несколько часов после похорон в Тель-Авиве могила Игнаца Бубиса была осквернена: израильтянин Меир Мендельсон, бывший гражданин ФРГ, осужденный немецкими властями за мошенничество, облил ее черной краской.

«Будешь шуметь, тебя убьют!»

После Бубиса председателем Центрального совета евреев в Германии стал Пауль Шпигель, известный в Германии человек, много лет руководивший еврейской общиной Дюссельдорфа. О себе он рассказал в интервью, опубликованном в четвертом номере журнала «Штерн» за 2002 год. Как и оба его предшественника на этом посту — Хайнц Галицкий и Игнац Бубис, — Шпигель принадлежит к поколению евреев, переживших Холокост. И хотя Пауль в годы войны был ребенком (он родился 31 декабря 1937 года), воспоминания об ужасах тех лет не оставляют его и теперь.

Семья Шпигелей скрывалась от нацистов в Бельгии. Отца арестовали еще в Германии и отправили в концлагерь. Мать осталась одна с двумя детьми. В октябре 1942 года пропала старшая сестра Пауля Роза. Мать до самой смерти не могла простить себе, что не уберегла дочь. Она учила девочку отвечать «нет» людям в форме, если они спросят, не еврейка ли она. Но Розу спросил человек в обычной гражданской одежде. Не чувствуя опасности, девочка не стала лгать. В живых ее больше не видели.

Пытаясь спасти сына, мать отдала пятилетнего Пауля людям, которые за деньги прятали у себя еврейских детей. О том времени он вспоминает как о самом тяжелом периоде своей жизни. Десять-двенадцать детей при малейшей опасности бежали в чулан и часами сидели в крошечной темноте на корточках, боясь пошевелиться. Немцев Пауль не видел, но представлял их себе злыми великанами, которые по всем странам разыскивают евреев. «Будешь шуметь, тебя убьют!» — предупреждали

Пауль Шпигель

дети друг друга. Даже став взрослым, Шпигель долго не мог отделаться от неприятного чувства опасности, единственной причиной которой было то, что он еврей.

Воспоминания о пережитом ужасе преследуют человека всю жизнь. Макс Манхаймер, переживший Освенцим, рассказывал, как спустя десятилетия после войны в панике вырвался из больничного душа: он не знал, что пойдет из крана — вода или ядовитый газ.

Пауль Шпигель не был в концлагере. Но и спустя годы после войны ему снились марширующие по дорогам в поисках еврейских детей колонны солдат — в серой форме, со стальными шлемами на головах, в коротких сапогах с толстыми подошвами.

«Почему ты его не убил?»

Когда война закончилась, Пауль был еще слишком мал, чтобы решать самому, где ему жить. С матерью он вернулся в родной городок Варендорф. Пройдя все круги ада, пришел домой и отец Хуго Шпигель.

Несчастья Хуго начались в Хрустальную ночь 9 ноября 1938 года, когда ворвавшиеся к ним нацистские боевики отвели его на берег Эмса и жестоко избили. Изувеченный, окровавленный и грязный, приполз он под утро домой. В 1940-м его арестовали и отправили в концентрационный лагерь Бухенвальд, а осенью 1942-го перевели в Освенцим. Три года провел там Шпигель, выдержал невыносимые испытания, но смерти все-таки избежал. Незадолго до прихода советских войск немцы решили замести следы своих преступлений: почти всех уцелевших узников Освенцима погнали в другой концентрационный лагерь, Дахау, расположенный недалеко от Мюнхена. В этом «марше смерти» погибло восемьдесят процентов всех заключенных, но Хуго снова уцелел. Однако силы его были уже на исходе. Когда 29 апреля 1945 года в Дахау вошли американские солдаты, он весил 41 килограмм — а до войны в нем было 80.

Для Пауля навсегда осталось загадкой, как у отца хватило духу вернуться в родной город, где он знал почти всех и где в любой момент мог столкнуться с бывшим нацистом на улице. «А куда я мог еще пойти?» — сказал Хуго Шпигель своему сыну. Больше на эту тему они не разговаривали.

После войны Хуго некоторое время занимался торговлей скотом. Однажды к нему подошел человек, участвовавший в погромах Хрустальной ночи: «Что, евреи опять появились у нас?». Вместо ответа Шпигель ударил его палкой, которой погонял коров. Подоспевшие на шум британские военные полицейские схватили Хуго и отвели в

комендатуру. Когда он рассказал все коменданту, тот только спросил: «Почему же ты его не убил?».

Хуго Шпигель был первым евреем, избранным королем стрелков: эта почетная должность на традиционном всегерманском празднике, насчитывающем несколько веков, досталась ему в 1962 году.

Антисемитизм после Освенцима

Сразу после войны философы Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер написали книгу «Диалектика просвещения», в которой высказали следующую мысль: «После Освенцима никакой антисемитизм невозможен». Пауль Шпигель говорит, что так же думали в то время и его родители. Сейчас это утверждение может вызвать лишь горькую усмешку. В Германии — возможно, меньше, чем во многих других странах, — но все же постоянно отмечаються вспышки праворадикального насилия и ксенофобии. Особенно отвратительн, по мнению Шпигеля, антисемитизм утонченных интеллектуалов, духовной элиты общества. Это лишний раз проявилось во время дебатов Бубиса и Вальзера.

Известный литературный критик Марсель Райх-Рапики жаловался как-то в телевизионной передаче, что в отношении к евреям в Германии сегодня отсутствует «нормальность». Пауль Шпигель считает, что нормальности никогда и не было. Даже такой высокоинтеллектуальный писатель и будущий противник гитлеризма, как Томас Манн, еще в 1918 году позволял себе оскорбительные высказывания о евреях.

Иллюзии сладки, но опасны. С мифом об отсутствии антисемитизма, ксенофобии в демократической Германии приходится расстаться. По словам Шпигеля, если бы кто-то в 1945-м ему сказал, что в Германии снова будут гореть синагоги, он назвал бы такого человека сумасшедшим. Для исправления пороков общества надо, чтобы люди эти пороки осознали. Именно эту задачу считает для себя главной новый председатель Центрального совета евреев в Германии. «Я регистрирую все, что происходит», — сказал он корреспонденту журнала «Штерн».

Мимо внимания Пауля Шпигеля не проходят даже незначительные на первый взгляд факты. В небольшом городе Штольберге в земле Северный Рейн-Вестфалия был установлен памятник «Жертвам террора 1933–1945». Скульптура имеет вид стилизованной свастики, сделанной из колючей проволоки. Шпигель публично выразил свое возмущение двусмысленностью этого решения и потребовал памятник убрать. Но многие не разделяют такое бескомпромиссное мнение,

мемориал стоит и сейчас, правда, надпись несколько изменилась: «Жертвам нацистского террора».

Замечая все явные и скрытые проявления антисемитизма, Пауль Шпигель тем не менее заявляет: «Несмотря на все трудности и невзирая на вылазки правых экстремистов, я не могу назвать Германию праворадикальной или антисемитской страной. Мы доверяем этой демократии. Мы убеждены, что можем здесь жить, и мы хотим здесь жить. И сегодня мы живем не на чемоданах, как жили в Германии многие евреи до 60-х годов».

Автобиография Пауля Шпигеля, вышедшая в свет в конце 2001 года в мюнхенском издательстве «Ульштайн», называется «Снова домой?» [2]. По словам автора, издатели долго уговаривали его снять вопросительный знак в названии книги: продавцы не любят никаких вопросов в имени товара. Предлагались другие названия вроде такого: «Я немецкий еврей». Но Шпигель настоял на своем. Ему было важно подчеркнуть, что не может быть простого решения, когда человек оказывается перед проблемой возвращения в дом, из которого однажды был жестоко изгнан. Каждый сам решает, возможно для него это возвращение или нет.

Своей книгой и всей своей жизнью Пауль Шпигель утверждает: «Да, это возможно».

Литература

1. *Bubis Ignaz, Sichrowsky Peter. Damit bin ich noch laengst nicht fertig. Die Autobiographie.* Muenchen, Ullstein Taschenbuchverlag, 1998.
2. *Spiegel Paul, Seligman Rafael. Wieder zu Hause? Erinnerungen.* Muenchen, Ullstein Taschenbuchverlag, 2003.

ЧЕЛОВЕК ПЕРВОГО ЧАСА

Часть первая

Признаюсь, вначале я обратил внимание на его фамилию под фотографией. Точнее, на свою фамилию, потому что фамилии наши звучат одинаково. Позднее, знакомясь с новыми книгами, статьями, архивными материалами о Хорсте Берковиче, я все сильнее восхищался удивительной жизненной силой этого человека, позволившей ему с достоинством перенести такие испытания и трудности, которых с избытком хватило бы на несколько судеб.

В тот день, когда я впервые оказался в маленькой капелле на старом еврейском кладбище почти в центре Ганновера, я ничего не знал ни о Хорсте Берковиче, ни о других членах его огромной семьи. Трудными историка и писателя Петера Шульце в капелле была развернута небольшая экспозиция на тему «История евреев в Ганновере». Там-то я и увидел две фотографии Хорста: на одной он был запечатлен юношей, почти мальчиком, в военной форме солдата Первой мировой войны, на другой — улыбающимся пожилым человеком в странном головном уборе, напоминающем шлем танкиста.

Не знаю, насколько это свойственно другим, но я часто в различных списках людей ищу своих однофамильцев. И нередко нахожу их, благо моя фамилия достаточно распространена в мире. Естественно, много однофамильцев в Израиле, где в разных городах есть улицы, названные в честь Берковича — одного из «отцов основателей» государства, а у болельщиков эта фамилия на слуху, так как ее носят форварды национальных сборных по футболу и баскетболу. В Германии сейчас проживает, если верить телефонным справочникам, более ста пятидесяти семей с такой фамилией, а в Америке их число на порядок больше. Но я был сильно удивлен, когда улицу имени Берковича нашел в сравнительно небольшом немецком Ганновере. На установленном у оперного театра памятнике погибшим в годы фашизма ганноверским евреям фамилия Беркович среди нескольких тысяч других фамилий встречается шесть раз.

Теперь я знаю, что все они — члены одной семьи [1].

Семья Берковичей переехала в Ганновер из Кенигсберга в 1902 году, когда Хорсту исполнилось четыре года. Это была обеспеченная, дружная и культурная семья. Отец — Давид Беркович — успешно трудился в области строительства и торговли недвижимостью. Но его интересовала и литература, да и сам он иногда брался за перо. Он занимался исследованием творчества Гете и написал небольшую театральную пьесу, которая была поставлена в Бреслау. Правда, шла она там

Хорст Беркович

недолго. Мать Хорста — Эстер Беркович — все свое время посвящала дому, очень любила музыку и передала эту любовь детям. Помимо немецкого она свободно владела русским и французским языками и являлась, как это часто бывает в еврейских семьях, подлинным «семейным ангелом». У Берковичей росло четверо детей — старшая дочь и три сына, Харальд, Хорст и Герхард. Родители сделали все, чтобы дать им всестороннее и качественное образование.

Была ли эта семья счастливой? Наверное, так ставить вопрос непра-

вильно. Красивое высказывание классика о счастливых и несчастных семьях нельзя понимать буквально. В самом деле, можно ли назвать счастливой семью, которая знала и болезни, и смерти своих детей? Двое младших Берковичей умерли во младенчестве. Старший брат Харальд с детства страдал пороком сердца. Трудно назвать такую семью счастливой. Но можно с уверенностью сказать, что это была нормальная, крепкая семья, воспитавшая и вырастившая для общества прекрасных людей. Страшно, что само общество оказалось ненормальным и сделало в ответ все, чтобы уничтожить и эту, и миллионы других ни в чем не повинных семей.

Хорст Беркович в детстве много переживал оттого, что ему казалось, будто родители любят его меньше других детей. Внешне для этого были некоторые основания. Старший брат из-за болезни всегда пользовался особой заботой взрослых, а младшему традиционно отдавалась последняя родительская любовь. В воспитании детей Берковичи старались придерживаться строгих правил справедливости, но это не всегда им удавалось.

Харальд получил свои первые наручные часы в десять лет. Восемилетний Хорст очень хотел такие же, но ему было сказано, что он не

может иметь преимущества перед старшим братом и должен ждать еще два года. Когда же он, наконец, получил долгожданную вещь, его ждало большое разочарование: для младшего брата родители сделали исключение из правил и подарили ему часы в восемь лет. Подобные тонкости маленький Хорст воспринимал очень болезненно, и эта боль надолго ему запомнилась.

Тринадцатилетний Харальд на Бар-Мицва получил от родителей роскошный подарок — пианино знаменитой фирмы «Стейпвэй», которое до Первой мировой войны стоило около тысячи двухсот рейхсмарок. Через два года и Хорст отмечал такой же праздник. И о чем же он мечтал больше всего? О простом велосипеде стоимостью не больше шестидесяти марок. Для родителей не составило бы никакого труда выполнить это желание. Но тут на первый план вышли педагогические соображения: старшему брату из-за больного сердца врачи не разрешали ездить на велосипеде, и он стал бы переживать, если бы увидел, как катается младший. Выход нашли довольно странный. Чтобы получить заветный велосипед, Хорст должен был «объединиться» с Харальдом, то есть попросту отдать ему свои очень неплохие коллекции марок и монет. Страсть коллекционера владела Хорстом всю жизнь начиная с малых лет, о чем у нас будет повод поговорить немного позже. Расстаться со своими сокровищами было для него очень больно. Справедливость восторжествовала только через несколько лет: Харальд, которого, кстати, Хорст очень любил, отправляясь учиться в университет Фрайбурга, вернул брату все его коллекции. Но ощущение несправедливости запомнилось надолго.

Не случайно, что борьба за справедливость и законные права людей стала для Хорста Берковича делом всей его жизни. Сам он никогда не отвечал на незаконные тем же и не делал ничего, что могло бы ущемить права других, чтобы добиться правды для себя. Это стало его основным принципом.

И все же детство, как и положено, было счастливейшей порой. В школе он учился увлеченно и добросовестно и в старших классах всегда значился в списках лучших учеников. А вне уроков любимыми занятиями были велосипед, коллекционирование марок и монет и музыка. Он неплохо играл на виолончели, был членом школьного музыкального общества школы и считался столь же способным к музыке, как и его старший брат Харальд.

Детство оборвалось в шестнадцать лет — началась Первая мировая война. Он сразу записался добровольцем и после недолгого обучения был зачислен в 74-й пехотный полк. Экзамены в школе пришлось сдавать в ускоренном порядке. Для еврея Хорста Берковича

надеть военную форму означало достичь равного с его немецкими товарищами права — отдать жизнь за свою немецкую Родину.

Воевал Хорст Беркович так же добросовестно и самоотверженно, как учился, а потом всю жизнь работал. Железный Крест Второй степени он получил за битву при Шампани. Но его военная карьера скоро закончилась: осенью 1915 года он был тяжело ранен осколками гранаты. В лазарет его принесли без сознания и истекающим кровью. Многие считали, что его не спасти. Он потерял правый глаз и несколько пальцев на правой руке; левый глаз тоже почти не видел, правая нога была изувечена, сильно поврежден слух. Смертельно опасным было ранение в голову: врачи извлекли из черепа осколок размером три на два сантиметра. Он всю жизнь потом держал его вместе с орденами и Золотым знаком отличия за ранения. Многочисленные осколки оставались в его теле до самой смерти. Навсегда было изуродовано лицо. Упомянутую шапку наподобие танкистского шлема он был вынужден носить, чтобы защищать поврежденную голову.

Родители добились специального разрешения посетить его во фронтовом лазарете. Хорст не мог видеть свою мать, но она держала его руки, и он чувствовал ее слезы. И только тогда окончательно ушло чувство, что мама любит его недостаточно сильно.

Через некоторое время Хорста Берковича перевели в военный госпиталь в Ганновере, где его много раз оперировали. К нему частично вернулся слух, лучше стал видеть левый глаз. Опускать руки и предаваться унынию было не в его характере. Его активная творческая натура требовала деятельности, и уже в середине июня 1916-го он начал учебу на юридическом факультете Геттингенского университета, несмотря на то что семестр заканчивался 15 июля. Учился он с тем же упорством и усердием, с которым преодолевал нестерпимые боли. Сразу после окончания Первой мировой войны защитил докторскую диссертацию. Несколько лет работал стажером и практикантом. В 1922 году открыл свою адвокатскую контору в Ганновере, а в 1928-м получил звание нотариуса. Его адвокатская и нотариальная практика протекала успешно, он был весьма известен в Ганновере.

Большие изменения произошли и в личной жизни. В июне 1924 года он познакомился со своей будущей женой. Свадьба состоялась уже в августе. В свои 26 лет он был ветераном войны и неплохо зарабатывающим адвокатом, но опытным и зрелым человеком назвать его было нельзя. Настоящей жизни, как он сам говорил, тогда он не знал. Брак продолжался всего девять месяцев и распался из-за полного несовпадения характеров супругов. И все же дружеские отношения между ними сохранились на всю жизнь.

Настоящее семейное счастье Хорст Беркович узнал через два года, во втором браке. Его вторая жена Луиза была красивой и тонко чувствующей женщиной. Она разделяла с ним все радости и печали. Несчастья, свалившиеся на их семью с приходом к власти фашистов, сломали ее душевное здоровье. Она умерла в 1952 году тяжело больным человеком.

В 1933 году, когда начался бойкот еврейских адвокатов, для Хорста Берковича, ветерана и инвалида войны, было сделано исключение. Но он уже не питал иллюзий о будущем. И закон 1935 года о полном запрете деятельности еврейских нотариусов, и аналогичный закон 1938-го об адвокатах не были для него неожиданными. В ночь с 9-го на 10-е ноября 1938 года, вошедшую в историю под названием «Хрустальной ночи», Берковича арестовали и утром 10 ноября вместе с несколькими сотнями других ганноверских евреев отправили в концентрационный лагерь Бухенвальд. Перед отправкой заключенные прошли медицинский осмотр, и врач отметил в протоколе последствия многочисленных военных ранений Хорста, пообещав ему быстрое освобождение. Но это произошло не скоро.

До Веймара поезд шел под охраной ганноверских полицейских, и отношение к заключенным было достаточно корректным. Когда же коповой перешел в руки лагерных полицейских (капо), положение в корпе изменилось. На узников обрушились оскорбления, унижения и побои.

По дороге от вокзала в лагерь заключенных заставляли бежать. Хорсту с больной ногой было тяжело, и он опирался на плечо своего товарища, ганноверского адвоката Штерна. Это вызвало ярость капо. Когда Штерн попытался объяснить, что Беркович — инвалид войны, последовал безапелляционный ответ: «Евреи никогда не были на фронте», — сопровождаемый таким ударом прикладом в затылок, что Хорст потерял сознание. В себя он пришел уже в барак Бухенвальда, куда товарищи по несчастью принесли его на руках. Большинство считало его мертвым. В лагерном бараке продолжались пытки и издевательства, многие заключенные были в крови, кричали и стонали от боли. В своих воспоминаниях об этом времени Хорст Беркович неоднократно вспоминает дантовские круги ада.

Спасло его появление одного из лагерных полицейских с таким же Золотым знаком отличия за ранения, какой носил и Хорст. Полицейский очень удивился и рассказал своим товарищам: «Там лежит один раненый в Золоте». Посмотреть на это чудо приходили многие полицейские из других блоков. Носить Золотой значок в лагере Хорсту было запрещено, но издевательства на время прекратились.

Позже воспоминания о месяце лагерного кошмара давали Берковичу ту силу, которая помогала ему стойко переносить житейские горести и печали, — по сравнению с ужасом Бухенвальда все казалось не таким уж трагическим.

Однажды Беркович попался на глаза пачальнику лагеря Карлу Коху. Тот обратил внимание на его лицо, обезображенное ранениями и лагерными страданиями, и решил представить в печати портрет «типично еврейского недочеловека». Сделанная им фотография должна была украсить страницы «Штюрмера» и других фашистских газет. Но жене Коха Ильзе хватило ума вовремя его остановить: она объяснила ему, что последствия военных ранений на лице заключенного вызовут у читателей скорее сочувствие, чем смех.

Через несколько недель пришло решение, что Хорст Беркович ввиду своих военных заслуг может быть освобожден из лагеря. Под страхом смерти ему было запрещено говорить кому-либо о том, что происходило в Бухенвальде. На вокзале Веймара он вновь вздохнул свободно, надел свои военные награды и Золотой значок. В поезде проводник, сам носивший Серебряный знак отличия за ранения, предложил Хорсту освежающие напитки, и тот никогда не забывал проявленного к нему внимания и заботы.

В 1978 году, когда отмечали сороковую годовщину «Хрустальной ночи», Хорст Беркович рассказывал, как на улице к нему подходили ганноверские граждане со словами сочувствия и сожаления о выпавших на его долю невзгодах. Конечно, такое отношение немцев к евреям в те годы нельзя было назвать типичным.

Когда Хорст вернулся домой, там было все разбито и перевернуто — штурмовики СС поработали на славу. Тем не менее его жене, немке по происхождению, удалось сохранить дом как свою собственность и избежать насильственного выселения в так называемые «еврейские дома». Тысячи еврейских семей были изгнаны из своих квартир, которые тут же были заняты «истинными арийцами». Однако Луиза Беркович не выдержала первого напряжения и с тяжелым психическим расстройством попала в больницу. Она так и не оправилась от душевной травмы и не пришла в себя до конца жизни.

Часть вторая

После возвращения из Бухенвальда Хорст Беркович, как ему было предписано, доложил в гестапо о своем прибытии. Перед ним еще раз извинились и пообещали, что никаким преследованиям он больше подвергаться не будет. Хорст не верил этим обещаниям. Но арест его скорее всего произошел по ошибке: в лагерь собирались отправить его старшего брата Харальда, ставшего к тому времени

известным в Ганновере врачом и видным деятелем социал-демократической партии.

О судьбе Харальда Берковича можно было бы снять захватывающий приключенческий фильм. Обладая незаурядными способностями, он прожил недолгую, но яркую жизнь. Врачом он мечтал стать с детства [2].

Во время Первой мировой войны Харальд работал санитаром, помощником полевого врача. В отличие от брата его военных заслуг гитлеровцы не признали, так как полевой лазарет, где он служил, не относился к разряду фронтовых, хотя и находился долгое время на передней линии фронта. По окончании университета он стал одним из самых известных в Ганновере глазных врачей.

В 1933 году его врачебная деятельность была сильно ограничена, а после «Хрустальной ночи» и вовсе запрещена. В 1939 году бывшие пациенты помогли ему эмигрировать в Англию. Однако на голландской границе его вытащили из поезда и зверски избили эсэсовцы, так что он едва добрался до места назначения. В начале Второй мировой войны Харальд вместе с другими немецкими подданными был интернирован на остров Мэн, но как еврей вскоре был освобожден и работал в лазарете. По окончании войны он поехал в Индию, где устроился в одну из клиник на юге страны. На клинику напали бандиты, большинство врачей и медсестер было убито в перестрелке, но Харальд чудом уцелел. Он перебрался в Кашмир и руководил там двумя больницами.

Его медицинская деятельность часто граничила с благотворительностью. Он считался врачом для бедных и, случалось, отказывался от богатых пациентов, чтобы помочь малоимущим. Порой он не только работал без гонорара, но сам помогал своим подопечным деньгами.

В Кашмире он стал знаменитостью, так как нашел хирургический способ лечения распространенной там болезни глаз, которая до этого неминуемо вела к слепоте. Его усилиями обрели зрение тысячи пациентов. О размахе его врачебной деятельности можно судить хотя бы по тому, что только за один год он сделал более 1600 глазных операций. В Шринагаре Харальд Беркович считался святым. О том, насколько этого человека почитали в стране, свидетельствует хотя бы такой факт: в нарушение всех правил раджа приглашал его в качестве врача в свой гарем.

Всю жизнь страдая пороком сердца, умер Харальд от другой болезни. В 1952 году при рентгеновском исследовании одного пациента он получил смертельную дозу радиации и через три месяца скончался. Речь у его могилы произнес министр здравоохранения.

Именно в его честь названа одна из новых улиц Ганновера. Это произошло в 1970 году, спустя 18 лет после его смерти и через три десятилетия после эмиграции из Германии.

Вернемся, однако, к судьбе Хорста Берковича. Его жизнь до освобождения из концентрационного лагеря Бухенвальд смело можно назвать жизнью героической, жизнью сильного и стойкого человека. Юношей попал на фронт, он честно и достойно воевал, был тяжело ранен, но нашел в себе силы подняться и найти свое место на земле, став известным в Ганновере адвокатом и нотариусом. В истории примеры такой стойкости и героизма хоть и редко, но встречаются. Дальнейшую же судьбу Хорста Берковича иначе как уникальной назвать трудно. Он стал защитником прав евреев в беспощадном нацистском государстве.

Удивительно, как тоталитаристские государства заботятся о внешнем оформлении законности своих незаконных действий. На сталинских показательных процессах тщательно соблюдались все атрибуты нормального судопроизводства, подсудимые имели защитников, стенограммы многих процессов были даже напечатаны тысячами тиражами. Решения пресловутых чрезвычайных «троек», выносивших страшные приговоры в отсутствие обвиняемых, тщательно протоколировались. Эти протоколы еще ждут своего исторического исследования. И в гитлеровском судопроизводстве исполнялась внешняя атрибутика права. Гражданские и уголовные процессы с привлечением евреев не были редкостью. В таких процессах требовалась адвокатская поддержка обеих сторон. Так как контакты «арийских» адвокатов с евреями были невозможны, а евреям адвокатская практика — запрещена, была введена специальная должность «еврейского консультанта», который и осуществлял такую защиту в суде.

Хорст Беркович, имевший военные ранения и награды, оказался подходящим для этой роли. Как уже случалось в его жизни — «не было бы счастья, да несчастье помогло». Он стал «еврейским консультантом» практически на всех судах земли Нижняя Саксония, представлял интересы своих подзащитных и на заседаниях верховного суда в Лейпциге. А в свободное от заседаний время обязан был работать в ганноверском концлагере в районе Алем. Концлагерь был организован на месте еврейской школы садоводства и земледелия, с конца прошлого века готовившей специалистов для освоения Палестины. От остальных заключенных лагеря Хорст отличался только тем, что ему было позволено ночевать дома. В суде он должен был всякий раз удостоверять своей подписью, что ему принадлежит еврейский опознавательный номер А 02755. Излишне говорить, что и он носил желтую звезду Давида. Кроме того, ему было запрещено участвовать в

«немецком приветствии», т.е. произносить «хайль Гитлер». Разумеется, последнее его не сильно огорчало.

Положение еврейского подсудимого в фашистском суде было, как правило, безнадежным. Суды обычно поддерживали царившее в обществе предвзятое отношение к евреям. И все же бывали счастливые исключения, «маленькие триумфы права», которыми Хорст Беркович гордился всю жизнь.

Один из таких случаев произошел в Ганновере в самом конце 1938 года, когда после печально известной «Хрустальной ночи» антисемитские настроения были особенно обострены. В одном из районов города, Линдене, обрушилась старая кирпичная стена, ограничивавшая склад торговой фирмы, и под ее обломками погибло семеро игравших там детей. Обвинение было выдвинуто против владельца фирмы, на свою беду оказавшегося евреем. Страсти настолько накалились, что все ожидали после приговора суда многочисленных еврейских погромов. Как всегда, Беркович очень основательно и скрупулезно подготовился к защите своего подопечного. Он добился тщательной технической экспертизы качества строительства стены, возведенной еще в прошлом веке, когда ни торговой фирмы, ни ее владельца еще не было на свете. Эксперты Высшей технической школы Ганновера подтвердили, что стена была построена с грубыми нарушениями стандартов, с использованием некачественного цементного раствора. Собрав еще много фактов, подтверждающих невиновность подсудимого, Беркович так провел защиту, что не только добился оправдательного приговора, но и радикально изменил настроение собравшейся в зале суда публики. Откровенная вражда к подсудимому переросла в искреннее сочувствие. Угроза новых погромов миновала.

Беркович вспоминает, что порой судьи проявляли такую независимость и непредвзятость, какую трудно было себе представить в то жестокое время. В ноябре 1944 года слушалось дело о разводе: один унтер-офицер потребовал у суда развода на том основании, что его супруга является еврейкой. Адвокатом истца был известный активист национал-социалистической партии, отъявленный антисемит. Мало кто сомневался в исходе этого дела. Но ко всеобщему удивлению иск был отклонен. Судья согласился с доводами еврейского консультанта и отметил, что в законе нет запретов на браки с евреями. И чтобы отместить все возражения, добавил: «Если бы Гитлер действительно был против смешанных браков, он оформил бы такой запрет в виде закона. А поскольку этого не сделано, ничего противозаконного в подобных браках нет».

Примеров справедливых судебных приговоров того времени можно привести немного. И то, чего смог добиться в своей

деятельности Хорст Беркович, было скорее исключением из правил. Сам он не один раз находился в смертельной опасности, но, израненный и изувеченный, неизменно проявлял такую жизнестойкость, какой могли бы позавидовать вполне здоровые люди. Он стремился выжить — но не любой ценой. Сохранив свою жизнь, он не потерял честь.

Всю жизнь отзывались болью воспоминания о близких, которых он не сумел спасти.

Младший брат, Герхард Беркович, посвятил себя музыке и до прихода гитлеровцев к власти работал концертмейстером в ганноверской опере. В декабре 1941 года вместе с тысячей других евреев он с женой, оперной певицей, и маленькой дочкой был депортирован в Ригу. Через некоторое время жена и дочка были отправлены в Аушвиц (Освенцим), где погибли в газовой камере. Герхард оставался в рижском гетто. Перед приходом советских войск все обитатели гетто были погружены на баржу для отправки в Таллин, но до места назначения не доплыли — в пути они были уничтожены. Мама, Эстер Беркович, в июле 1942 года на седьмом десятке жизни была депортирована из Ганновера в концлагерь Терезиенштадт. В декабре 1943-го она умерла там от тифа.

Восьмого апреля 1945 года в ганноверском концлагере Алем не было обычных переключек и проверок. Гестаповцы покинули город, уничтожив почти всех узников концлагеря. В живых осталось 27 человек, которых фашисты просто не успели убить. Война в Ганновере закончилась 10 апреля 1945 года. В город вошли американские и английские войска. Началась новая жизнь. Солдаты антигитлеровской коалиции патрулировали практически безлюдные улицы. Как ни странно, пережившие фашистский кошмар евреи продолжали носить желтые звезды — теперь они стали дополнительным знаком безопасности.

Утром 11 апреля у дома Хорста Берковича остановился военный джип, чтобы доставить его в городскую ратушу. На вопрос, какой пост он готов занять в новой администрации или суде, Хорст ответил: «Никакой». Беркович вновь открыл свою адвокатскую контору и принял активное участие в восстановлении системы правосудия и налаживании жизни в строящемся демократическом государстве. Для характеристики людей, последовавших призыву оккупационных властей немедленно приступить к работе по строительству мирной жизни, в немецком языке сложилось устойчивое словосочетание: «человек первого часа». К Хорсту Берковичу это определение относится в полной мере. Он много работал в Ландтаге, в земельном суде, в собственной адвокатской конторе. Все свое время он отдавал

работе, считая, что для адвоката не может быть выходных дней. В 1982 году он отметил необычный юбилей — 60 лет непрерывного труда без отпуска. Свыше 27 лет был вице-президентом ганноверского общества адвокатов. В 1960 году его наградили Федеральным крестом первой степени, в 1963-м — орденом Нижней Саксонии первого класса, в 1976-м ему вручили городской Знак за заслуги перед Ганновером, который перед этим вручался считанное число раз. В прилагаемой к этому Знаку почетной грамоте изложена его биография, где приведены такие слова: «Есть предание, что отец Давид Беркович распорядился отдать своих сыновей учиться — одного медицине, а другого юстиции, чтобы первый помогал бедным и беспомощным людям как врач, второй — как адвокат. Доктор Хорст Беркович эти ожидания в полной мере оправдал». Без сомнения, то же самое можно сказать и о старшем брате Харальде.

Рассказ о жизни Хорста Берковича будет неполным, если не упомянуть о его собрании марок и монет. Коллекционирование было его давним и постоянным увлечением, можно сказать — страстью. Ему он отдавал все свое свободное время, силы и деньги. Сам он часто говорил, что его сердце отдано двум дамам — госпоже Юстиции и госпоже Филателии. Его коллекция марок считалась второй в Европе после коллекции английской королевы. Особенно выделялись в ней марки из России, Прибалтики и с Кавказа времен первой русской революции. Их регулярно пересылал Хорсту дядя, который сначала жил в России, а потом переселился в Прибалтику. По завещанию Хорста Берковича его огромная коллекция марок была продана государству Израиль, а вырученные деньги переданы ганноверским организациям — университету, больнице и детскому дому.

Хорст Беркович был в полном смысле слова бесребреником, скромным и нетребовательным человеком. Его личные вещи служили ему долгие годы, если не десятилетия. На купленном еще во времена Первой мировой войны велосипеде он до восьмидесяти с лишним лет ездил на работу в адвокатскую контору или в суд, пока полиция, в интересах его же безопасности, не запретила пользоваться этим ветхим транспортным средством. Деловые бумаги Беркович носил в стареньком портфеле, который Луиза купила ему в 1926 году ко дню их свадьбы. Новый же портфель, подаренный коллегами к пятидесятилетию его адвокатской практики, он носил только в особо торжественных случаях. Этот скромный человек, отказывая себе во многом необходимом, собрал в своих коллекциях настоящие сокровища.

Здесь были подлинные раритеты, например, полное собрание золотых монет всех немецких княжеств, отчеканенных до объединения Германии. Когда гитлеровцы приняли закон, по которому евреи

обязаны сдать государству все золото, коллекция Берковича была передана на хранение в знаменитый историко-художественный музей Кестнера в Ганновере. В ночь с 9 на 10 октября 1943 года союзники бомбили Ганновер, здание музея было наполовину разрушено, но шкафы с собранием монет, оставшись под открытым небом, чудесным образом не пострадали. Директор музея снял с себя ответственность за его сохранность, и Хорсту предписали забрать свою коллекцию домой. Это собрание монет Хорст Беркович в 1975 году торжественно подарил городу Ганноверу, и оно хранится теперь в центральной городской сбербанке.

Умер Хорст Беркович в 1983 году. В «Ганноверских хрониках» за этот год сказано о кончине «на 86-м году жизни д-ра Хорста Берковича, адвоката и нотариуса, который, несмотря на преследования нацистов, был «Человском первого часа» при восстановлении Ганновера».

К сказанному о семье Берковичей остается добавить немного. Старшая сестра Хорста пережила войну в эмиграции, после войны вернулась в Ганновер и до последнего времени жила с Хорстом. Отец Давид Беркович умер в Ганновере в 1942 году незадолго до отправки транспорта в Терезиенштадт. Хорст считал, что отцу повезло.

Литература

1. *Leben und Schicksal. Zur Einweihung der Synagoge in Hannover.* Hannover. Presseamt, 1978.
2. *Beer Ulrich.* Versehrt, verfolgt, versohnt: Horst Berkowitz, ein jüdisches Anwaltsleben. Essen. Juristischer Fachbuchverlag GmbH, 1979.

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ (ПОЛОЖЕНИЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ЕВРЕЕВ ВО ВРЕМЕНА СОЮЗА ГИТЛЕРА И СТАЛИНА)

Такие странные двадцать два месяца

По мнению некоторых историков Вторая мировая война началась не 1 сентября 1939 года, а несколькими днями раньше — 23 августа. В этот день был подписан договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, известный многим как пакт Молотова-Риббентропа. Этим договором Польша была в четвертый раз за свою историю разделена на части и лишена самостоятельности. Среди соглашений между новыми союзниками было и такое: Советский Союз введет в Польшу войска, чтобы помочь там «угнетенным меньшинствам» — украинцам и белорусам. О помощи евреям, которые в Польше были не менее «угнетенным меньшинством», речи в договоре не шло.

После раздела страны из 3,3 миллиона живших там евреев почти две трети — 2,1 миллиона — оказались на территории, захваченной немцами, остальные 1,2 миллиона — в областях, оккупированных советскими войсками.

Советскому человеку, особенно еврею, нелегко было смириться с фактом подписания этого документа и изменениями в политике СССР, которые за этим последовали. Марк Галлай, Герой Советского Союза, знаменитый военный летчик и испытатель, вспоминал в 1966 году: «Для моего поколения двадцать два месяца между заключением пакта о ненападении и началом Великой отечественной войны были удивительны и непонятны. Большинство из нас воспринимало пакт как лекарство, неприятное, но необходимое. Но события, следовавшие за подписанием договора, были необъяснимы. Фашистов больше не называли фашистами, это слово уже нельзя было найти ни в прессе, ни в полуофициальных докладах. Было трудно понять, что произошло» [1].

Во время визита Риббентропа Москва была украшена флагами со свастикой, а сам Риббентроп чувствовал себя в Кремле как среди «старых товарищей по партии». Вплоть до июня 1941-го советская пресса не называла Германию агрессором, зато Франция и Англия постоянно объявлялись «империалистическими поджигателями войны».

17 июня 1940 года Молотов информировал посла Третьего Рейха о вводе советских войск в прибалтийские республики. Одновременно советский министр иностранных дел поздравил Германию с «блестящим успехом во французской кампании».

Немецкая культура, немецкое искусство пропагандировались в СССР повсеместно. В 1940 году Сергей Эйзенштейн поставил в Большом театре оперу Вагнера. В то же время остро антинемецкий фильм «Александр Невский» исчез с экранов кинотеатров. Были сняты с проката экранизации романов Фридриха Вольфа «Профессор Мамлок» и Лиона Фейхтвангера «Семья Опперман»: в этих произведениях осуждался антисемитизм нацистов. Критические высказывания в адрес фашизма были запрещены. Вместо «фашистского расизма» стали говорить «реакционный расизм», примером которого служило отношение не к евреям в гитлеровской Германии, а к неграм в США.

О преступлениях немецких оккупантов в Польше газеты молчали. Зато «Правда» 17 октября 1939 года опубликовала статью Давида Заславского. Известный «придворный журналист» обвинял изгнанное польское правительство в связях с еврейскими банкирами Парижа, а сообщения об уничтожении польских евреев называл вздорными.

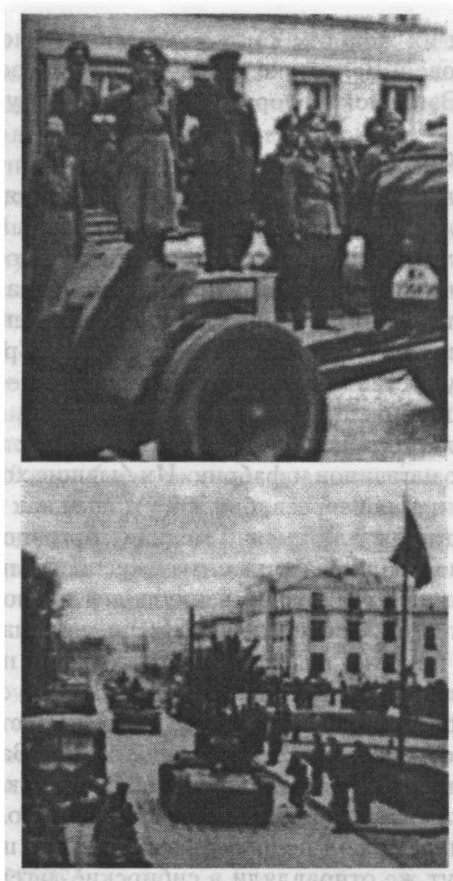
Об отношении к евреям в гитлеровской Германии советская пресса фактически писала то же самое, что и официальная немецкая пропаганда. И лишь в августе 1941 года, через два месяца после нападения Германии на СССР, в Москве вышла в свет брошюра о массовых убийствах мирных граждан в Польше. В ней отмечалось, что особенно жестоко немцы обращались с евреями, которых не только депортировали из западной Польши, но и убивали [2].

Введенные в заблуждение официальной пропагандой, многие советские евреи не успели эвакуироваться, когда началась война. В первые восемь недель специальными айнзац-командами было расстреляно 50000 человек.

Восточная Польша под советским господством

В сентябре 1939 года Красная армия заняла польскую территорию площадью 200000 квадратных километров. Там проживало 13 миллионов человек, в основном украинцы и белорусы. Поляки составляли треть населения, евреи — десятую часть. В советском плену оказалось 230000 польских солдат, среди них — 25 000 евреев. Все военнопленные офицеры были размещены в специальных лагерях под Козельском, Старобельском и Осташковом.

Многие местные жители приветствовали советские войска как своих защитников. Аннексию Польши советская пропаганда оправдывала необходимостью освобождения украинского и белорусского народов от господства польских панов. Эти доводы находили понимание и у многих евреев. В первые дни казалось, что Красная армия действительно даст защиту: на западе Польши люди гибли под

Немецкие и советские офицеры принимают совместный парад в оккупированном Бресте 22 сентября 1939 года

немецкими бомбами, на востоке участились антиеврейские и антипольские погромы, проводившиеся украинскими националистами.

Поначалу можно было думать, что советские власти видят в евреях своих союзников: поощрялась организация отрядов еврейской самообороны, еврейские коммунисты играли не последние роли в «революционных комитетах», занимали важные посты в разрушенной государственной системе. В глазах многих поляков тесная связь евреев с советским режимом была несомненна. Однако отношение новых властей к еврейскому населению быстро изменилось.

Через несколько недель местных партийных функционеров сменили коммунисты, приславшие из СССР. Выборы в октябре 1939

года прошли под их жестким контролем, избранные Национальные собрания во Львове и Белостоке подтвердили присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу [3].

Репрессии, спасавшие жизни

После раздела Польши Германия и СССР принялись устанавливать на оккупированных территориях свои порядки. Основным методом было, естественно, насилие. Историки отмечают, что с 1939 по 1941 год в Восточной Польше от репрессий пострадало около 500000 людей, больше, чем в тот же период в Западной и Центральной Польше, находившейся под немецким господством [4]. Среди репрессированных половину составляли поляки, 30 процентов — евреи и 20 процентов — украинцы и белорусы.

Советская власть в новых областях началась с национализации банков, крупных магазинов и фабрик. Их бывшие хозяева, среди которых оказалось немало евреев, были осуждены как «враги народа». Классовыми врагами стали тысячи мелких торговцев и ремесленников. Большинство из них разорилось из-за непосильных налогов и запрета вести нормальную хозяйственную деятельность. Экономика Западной Украины и Западной Белоруссии пришла в упадок.

Спасаясь от нищеты, некоторые евреи бежали на Запад, в занятую немцами часть Польши. Зная, как развивались события дальше, мы можем теперь это решение назвать самоубийственным. Но по сравнению с потоком беженцев, стремившихся из Западной Польши в Восточную, таких людей было немного. В советскую зону Восточной Польши бежало 600 000 человек, в том числе около 350000 евреев [5]. Все они попадали под подозрение НКВД как шпионы и диверсанты, многих тут же отправляли в сибирские лагеря.

Нередко обращение с беженцами бывало неприкрыто антисемитским. Моше Гроссман вспоминал, как советский следователь кричал на него на допросах, а евреев обещал перестрелять, как собак. «Все евреи — преступники, проклятая раса, вы бежите в Советский Союз, чтобы разрушить наши фабрики, наше хозяйство, свергнуть нашу власть», — сыпал он свои обвинения [6].

До конца 1939 года, когда граница с немецкой зоной была окончательно закрыта, многих беженцев, прежде всего евреев, советские власти отсылали назад, к немцам. При согласованном с Германией обмене населением (немцы должны были уезжать на запад, украинцы — на восток) советская сторона принимала только «чистых украинцев» и ни в коем случае не евреев [7].

Вряд ли карательные органы догадывались, что, отправив людей в далекие лагеря ГУЛАГА, они многим сохранили жизнь:

практически все евреи, оставшиеся в западных областях Украины и Белоруссии, после июня 1941 года были расстреляны немецкими айнзац-командами. Из депортированных в Сибирь евреев погибло около 30000, более 100000 — выжили.

Первая крупная волна депортаций из новых областей СССР состоялась в феврале 1940 года. Тогда из многих городов на Восток были высланы бывшие польские госслужащие — судьи, полицейские, чиновники коммунальных хозяйств. Из сельской местности забирали лесничих, богатых крестьян. Евреев среди них практически не было.

Вторая волна депортаций (апрель 1940 года) затронула родственников людей, сосланных ранее, а также бежавших на Запад. Забирали и тех, кого можно было подозревать в намерении побега. В эту волну попали торговцы, в том числе и евреи, работники национализированных помещичьих усадеб, другие крестьяне.

К июню 1940 года были сосланы практически все польские граждане, бежавшие в сентябре 1939 года от немцев на восток и не имевшие убедительных для советских властей документов. Кроме того, депортации подверглись представители польской интеллигенции — врачи, инженеры, адвокаты, журналисты, художники, учителя, университетские профессора. Вот в эту третью волну и попала основная масса евреев.

Последняя, четвертая волна депортации прошла перед самым началом Великой отечественной войны — в июне 1941 года. Забирали всех, кому по тем или иным причинам удалось избежать ареста раньше. В Сибирь отправляли даже детей из пионерских лагерей и детских домов [8].

Катынский расстрел

Обещая защиту угнетенным и бесправным, советские власти сами творили произвол и насилие. Яркий пример — расстрел в 1940 году в лесу под Катынью 14552 польских офицеров и 7305 других польских военнопленных. Долгое время руководители СССР пытались скрыть следы этого преступления. Но все тайное рано или поздно становится явным.

30 июля 1941 года генерал Сикорский от имени действовавшего в Лондоне польского правительства в изгнании, подписал с советским правительством договор о дружбе и сотрудничестве. Советский Союз принимал на себя обязательства освободить из тюрем и лагерей польских военнопленных и гражданских заключенных. Для борьбы с гитлеровцами в Польше была создана национальная армия. Однако польская сторона не досчиталась нескольких тысяч своих офицеров — загадка, разрешенная только в 1943 году, когда немцы раскрыли

массовые захоронения расстрелянных под Катынью. Сталин быстро нашел выход: он приписал убийство польских офицеров фашистам и 25 апреля 1943 года разорвал отношения с польским правительством в изгнании ссылаясь на «клеветнические обвинения» СССР.

Лишь спустя пять десятилетий, 13 апреля 1990 года, Советский Союз признал свою вину в катынском преступлении. А в октябре 1992-го российское правительство передало польскому руководству списки всех расстрелянных.

В этих списках насчитывается более 700 евреев, в том числе высший военный раввин польской армии майор Барух Штейнберг и несколько ветеранов польских легионов Первой мировой войны, среди них — полковники Фабиан Ландау и Владислав Нелкен [9].

В октябре–ноябре 1940 года Красная армия передала в руки немцев 42 000 польских военнопленных родом из Западной Польши. В это число попало немало евреев, которые просили оставить их в советских лагерях. Но напрасно: в просьбе им было отказано, и практически все они погибли. В общей сложности в немецких лагерях находилось 60 000 польских солдат-евреев, войну же пережило лишь несколько сотен человек.

Уничтожение еврейской культуры в Польше и Прибалтике

В предвоенной Польше несмотря на несомненно антисемитскую политику правительства еврейская общественная жизнь не прекращалась: религиозные общины, культурные центры, детские и образовательные учреждения, политические партии — все это развивалось и активно действовало. Выходили еврейские газеты, издавались книги и журналы на идиш, иврит изучался не только в религиозных школах.

При советской власти эта богатая национальная жизнь быстро угасла, а наиболее видные деятели культуры подверглись репрессиям. Партия «Бунд» была распущена, руководители ее центрального комитета арестованы. Местные отделения «Бунда» отошли к коммунистической партии (при этом даже не пришлось вешать на стены портреты Маркса и Энгельса). Подчиненная «Бунду» Центральная организация еврейских школ была ликвидирована, а школы и техникумы вошли в систему государственного народного образования [10].

Еще решительнее новая власть расправлялась с сионистами. Их, как правило, высылали и сажали в лагеря как врагов народа и потенциальных иностранных шпионов.

В 1940 году к Советскому Союзу были присоединены республики Прибалтики. В результате еврейское население СССР выросло с трех до пяти миллионов человек. Однако отношение коммунистической власти к новым советским гражданам не изменилось: в конце

1940 года в прибалтийских республиках начались депортации, достигшие наибольшего размаха к июню 1941-го. В этом месяце в Сибирь было отправлено 11000 человек из Эстонии, 16000 из Латвии, 21000 из Литвы. Среди них тоже было немало евреев, которые тем самым избежали уничтожения от рук немцев и их добровольных помощников из местного населения.

Однозначно назвать политику СССР в те годы антисемитской было бы упрощением. Репрессии против евреев в присоединенных в 1939-м областях укладывались в общую концепцию «Большого террора», которой Сталин руководствовался в предвоенное десятилетие. Более отчетливо государственный антисемитизм проявился в конце сороковых — начале пятидесятих годов, достигнув своей высшей точки в августе 1952-го, когда были расстреляны члены Еврейского антифашистского комитета.

Среди инициаторов создания этого комитета были руководители польской еврейской партии «Бунд» Хенрик Эрлих и Виктор Альтер, арестованные в 1939-м и погибшие в застенках НКВД в 1943-м году [11].

Литература

1. *Марк Галлай*. Первый бой мы выиграли. Из записок легчика-испытателя. — См.: «Новый мир», 1966, № 9.
2. *Pinchuk B.* Soviet Media on the Fate of Jews in Nazi-Occupied Territory (1939–1941). — In: *Yad Vashem Studies*, 1976, v. 11.
3. *Wegner Bernd (Hg.)*. Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler—Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa». Muenchen, 1991.
4. *Luestiger Arno*. Rotbuch: Stalin und die Juden. Berlin, 1998.
5. *Siekierski M.* The Jews in Soviet-Occupied Eastern Poland at the End of 1939. Numbers and Distributions. — In: *Davies Norman, Polonsky Antony*. Jews in Eastern Poland and USSR. London, 1991.
6. *Grossman M.* In the Enchanted Land. My Seven Years in Soviet Russia. Tel Aviv, 1960.
7. *Шварц С.* Евреи в Советском Союзе с начала второй мировой войны (1939–1945). Нью-Йорк, 1966.
8. *Gross J.* Die Sowjetisierung Ostpolens nach dem Hitler—Stalin—Pakt 1939–1941. Freiburg i. Br., 1988.
9. *Schochet S.* Polish Jewish officers who were killed in Katyn. — In: *Dobroszycki, Lucjan, Gurock, Jeffrey (Hg.)*. The Holocaust in the Soviet Union. Armonk—N.Y., 1993.
10. *Лондон Арье*. Перед самым концом. — См. Интернет-журнал «Заметки по еврейской истории», 2001, № 2 (www.berkovich.com).
11. *Redlich Shimon (Hg.)*. War, Holocaust and Stalinism. A Documented History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. Luxemburg, 1995.

СЛОВО И ДЕЛО (ПЕРЕЧИТЫВАЯ ДНЕВНИКИ ВИКТОРА КЛЕМПЕРЕРА)

За свою жизнь профессор Виктор Клемперер (1881–1960) написал более 400 научных работ по вопросам романской филологии, германистики, педагогики и культуры. Но особая его популярность в Германии последних лет связана прежде всего с дневниками, которые он вел с 1918 года и которые были опубликованы в середине последнего десятилетия XX века в пяти томах. Наибольший интерес представляют, конечно, записи 1933–1945 годов [1]. Эти тексты неоднократно переиздавались, их читают по радио и в театрах, на их основе снят фильм, в конце 1999-го показанный по немецкому телевидению. Дневники Клемперера переведены на многие языки, в том числе и на русский. За право их перевода нью-йоркское издательство «Random House» заплатило самую большую сумму, которая когда-либо выплачивалась за издание немецкой книги в США.¹⁾

Виктор Клемперер родился 9 октября 1881 года в семье раввина в небольшом немецком городке Ландсберге (сейчас город Гожув Велькопольский в составе Польши). В 1890-м семья переехала в Берлин. В 1902–1905 годах Виктор изучал философию, французскую, итальянскую и испанскую литературу и германистику в университетах Берлина, Мюнхена, Женева и Парижа. Защитив в 1913 году в Мюнхенском университете докторскую диссертацию, он в 1914–1915 годах преподавал в университете Неаполя, где одновременно занимался научными исследованием творчества Монтескье. Научная и педагогическая деятельность была прервана войной, куда Клемперер ушел добровольцем. По окончании войны Виктор становится заведующим кафедрой романистики в дрезденском Высшем техническом училище. Там он проработал до 1935 года, когда его уволили из-за еврейского происхождения.

Благодаря «арийской» жене Виктор не был депортирован в лагерь смерти, как большинство немецких евреев. Жизнь ему была сохранена, но горькую чашу унижений и преследований пришлось выпить до дна. В 1940 году он вместе с женой был выселен из собственного дома в один из специальных «еврейских домов» Дрездена и направлен на принудительные работы. В феврале 1945-го Дрезден практически полностью был разрушен бомбардировками, которые вела авиация союзников. К тому времени в городе оставалось около

1) Эта фамилия была и раньше довольно известна в Германии и за ее пределами. Так, родной брат Виктора Георг Клемперер был врачом, которого пригласили лечить Ленина в 1922 году, а их кузен Отто Клемперер — одним из крупнейших дирижеров двадцатого века.

70 евреев, обреченных нацистами на верную смерть. Чета Клемпереров чудом спаслась, покинув Дрезден и найдя приют в Баварии. Там они встретили конец войны и крах гитлеровского режима.

После войны Клемпереры возвращаются в Дрезден. Виктор продолжает преподавать в Высшем техническом училище, откуда был когда-то уволен нацистами. Он активно занимается общественной и политической деятельностью, становится депутатом Народной палаты ГДР, действительным членом Берлинской академии наук. В 1954

Виктор Клемперер

году выходит в свет фундаментальное исследование, над которым Клемперер работал еще до войны: «История французской литературы восемнадцатого столетия. Том 1. Век Вольтера». Второй том, «Век Руссо», вышел в 1966 году уже после смерти автора. Умер Виктор Клемперер 11 февраля 1960 года.

В том, что Виктору удалось физически пережить страшные годы нацистского режима, — огромная заслуга его жены Евы Клемперер, урожденной Шлеммер. В том, что он пережил эти испытания духовно, сохранил себя как личность, важную роль сыграл дневник, который он вел все эти годы без перерыва. Вот как он об этом рассказывает сам: «Я вставал каждый день в половине четвертого утра, и к началу смены на фабрике у меня был уже описан предыдущий день. Себя я говорил: ты слышишь все собственными ушами — и повседневную жизнь, и быт, и самые обычные, дюжинные вещи, лишённые всяческого героизма... И еще: я держал свой балансир, а он меня...».

Эти дневники вел не просто умный и наблюдательный человек. Их автор — профессиональный филолог, поставивший перед собой задачу «наблюдать, изучать, запоминать, что происходит, зафиксировать все так, как ты это сейчас видишь, как это на тебя действует». И Виктор Клемперер с такой титанической задачей справился, он создал уникальный документ, живое свидетельство страшной эпохи, проблемы которой остаются актуальными и в наши дни [2].

В качестве эпиграфа к своей книге «LTI. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога» [3], написанной на основании дневников и изданной в Дрездене в 1946 году, Виктор взял слова Франца Розенцвейга: «Язык — это больше, чем кровь». Роль языка в манипулировании массовым сознанием, особенно в тоталитарных

государствах, к сожалению, часто недооценивается. Слова Шиллера об «образованном языке, что сочиняет и мыслит за тебя» (их часто повторял Иосиф Бродский), многими понимаются чисто эстетически. Виктор Клемперер пишет: «Но язык не только творит и мыслит за меня, он управляет моими чувствами, руководит всей моей душевной субстанцией, и делает это тем сильнее, чем покорнее и бессознательнее я ему отдаюсь. А если язык образован из ядовитых элементов или служит переносчиком ядовитых веществ? Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: мы их проглатываем незаметно для себя, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо».

Нацизм въедался в плоть и кровь народных масс не только и не столько пропагандистскими речами Гитлера или Геббельса, их разглагольствованиями по разным поводам, поношениями евреев и большевизма. Для обывателя многое в этих речах оставалось непонятым или нагоняло скуку бесконечными повторениями. Анализируя происхождение, Клемперер писал: «Нацизм проникал в душу народа через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно».

Без тщательного анализа и очистки языка от ядовитых примесей невозможно по-настоящему избавиться от фашистского мировоззрения. Виктор Клемперер такой анализ проделал. Его разъяснения и предостережения против «промывания мозгов» в тоталитарных государствах не потеряли своего значения и в наши дни. Верующие евреи очищают посуду для еды, ставшую ритуально нечистой, закапывая ее в землю. Множество слов из нацистского жаргона нужно надолго, а то и навсегда зарыть в общую могилу.

Невозможно в коротком очерке отметить все темы, поднятые в дневниках Виктора Клемперера. Но на одной из них хотелось бы остановиться подробнее. Проблема «немецкого корня» нацизма, особенно специфика «немецкого антисемитизма» постоянно волновала его; рассуждения об этом часто можно встретить и в дневниках, и в упомянутой книге «ЛТИ». Как стало возможным то, что являет собой вопиющую противоположность всей немецкой истории и тем не менее творилось на протяжении двенадцати лет господства нацистов? Лежат ли корни нацистской идеологии в «вечных чертах» немецкого характера? Неужели существовала духовная связь между немцами эпохи Гете и подданными Адольфа Гитлера?

Расовая доктрина и антисемитизм, по мнению Клемперера, — это ключевые, решающие элементы в нацизме. Антисемитизм от начала до конца был самым эффективным пропагандистским средством

партии, самой действенной конкретизацией расовой доктрины. В сознании немецкого обывателя антисемитизм и расовое учение — синонимы. «А с помощью псевдонаучного расового учения можно обосновать и оправдать любые злоупотребления и притязания национальной гордыни, любую захватническую политику, любую тиранию, любую жестокость и любые массовые убийства».

Антисемитизм — как социально, религиозно и экономически обоснованное отвержение евреев — существовал во все времена и у всех народов, пишет Виктор Клемперер, и было бы в высшей степени несправедливо приписывать его именно немцам и им одним. Третьим Рейхом, по его мнению, привнесены в это явление три абсолютно новые и уникальные особенности.

Во-первых, эпидемия антисемитизма вспыхнула и разгорелась жарче, чем когда-либо, именно в то время, когда казалось, что он, как заразная болезнь, уже давно и навсегда ушел в прошлое. И до 1933 года то тут, то там случались выступления, направленные против евреев, но что дело может дойти до лишения их гражданских прав, до преследования, как в средние века, и, наконец, до «окончательного решения еврейского вопроса», казалось немыслимым.

Вторая особенность немецкого антисемитизма периода нацизма заключается в том, что этот услышанный анахронизм явился в цивилизованном обличье, не в форме народных беспорядков и стихийных погромов, а на самом современном организационно-техническом уровне. Газовые камеры Освенцима — наглядный тому пример.

Наконец, третья и самая главная отличительная черта — подведение под ненависть к евреям расовой идеи. До этого, как правило, проявлялись враждебные отношения к евреям, находившимся за пределами христианской религии и христианского (в Европе) общества. Принятие евреями христианства и усвоение местных обычаев приводило — по крайней мере в следующем поколении — к уравниванию в правах. Расовая доктрина проводит различие между евреем и неевреем уже по крови, что делает всяческое уравнивание невозможным.

Своеобразие немецкого нацизма по сравнению с другими видами фашизма, например итальянским, заключается в расовой теории, суженной и заостренной до идеологии антисемитизма. Не осталось буквально ничего, что не связывалось бы с семитами, даже если речь шла о внешнеполитических противниках. Большевизм становится «жидовским большевизмом», французы «очерномазились» и «ожидовели», а англичане и вовсе возведены к одному из колен Израилевых, следы которого якобы утрачены.

Виктор Клемперер хочет найти присущие немцам так называемые родовые, «вечные» черты, объясняющие, почему пожар нацизма

разгорелся именно в Германии. И он их находит. У древнеримского историка Тацита есть описание необыкновенного «даже в дурных вещах германского упорства, которое сами германцы называют верностью». Упорство, основательность, «беспредельность», как пишет Клемперер, — вот основные черты «романтического человека»; им-то и обязан своим взлетом немецкий романтизм восемнадцатого — девятнадцатого столетий. Немецкий филолог прошлого века Вильгельм Шерер писал: «В Германии духовные взлеты и падения отличаются исключительной основательностью: вознестись можно очень высоко, но и глубоко низвергнуться. Создается впечатление, что отсутствие меры есть проклятие, сопровождающее наше духовное развитие. И как бы высоко мы ни взлетали — тем ниже мы и падаем».

Эти качества немцев — сверхнастойчивость, устремленность в беспредельное — стали чрезвычайно питательной почвой для развития расовой идеи. Но можно ли видеть в ней самой немецкий продукт? Если пройти по теоретическим вехам этой идеи во времени, то получится прямая линия, ведущая от немца Розенберга (автор книги «Миф двадцатого века», официальный идеолог нацизма) через Хьюстона Стюарта Чемберлена (англичанин по крови, избравший Германию своей родиной) к французу Гобино. Трактат Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас», вышедший в четырех томах в Париже в 1853 — 1855 годах, стал первым трудом, где можно найти учение о превосходстве арийской расы, о высшем чистопородном германстве и об угрожающей ему опасности со стороны семитской крови — всепроникающей, несравненно худшей, едва ли заслуживающей названия человеческой. Здесь содержится все необходимое для Третьего Рейха научное обоснование идеологии нацизма. Однако в «кровавой» доктрине Гобино ничего «истинно немецкого» изначально не было. Сам же он за «германцев» почитал скорее скандинавов и англичан, чем немцев. Попытки нацистских теоретиков найти немецких предшественников этого автора, чтобы утвердить за Германией приоритет в создании расовой теории, потерпели поражение. Ни Кант, ни другие немецкие ученые и литераторы восемнадцатого века, рассуждавшие о человеческих расах, не сделали того, что сделал Гобино: он не просто разделил человечество, но отбросил само это понятие, возведя таким образом расы в некую самостоятельную категорию, и в рамках белой расы фантастическим образом противопоставил господ германцев вредоносным семитам.

Антисемитизма, опирающегося на расовую доктрину, на доктрину крови, в Германии не было, пока туда не проникли идеи Гобино. Так называемые «немецкие корпорации», общества, которые в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков активно

пропагандировали и подчеркивали свой немецко-романтический дух, «по принципиальным соображениям» не исключали евреев из своих рядов. Эрнст Мориц Арндт (1769–1860), немецкий писатель и публицист, хотел видеть среди членов корпорации только людей христианской веры, при этом крещеных евреев он рассматривал как «христиан и полноправных граждан». А «отец гимнастики» Фридрих Людвиг Ян, «фанатичный тевтонец», открывший в Берлине в 1811 году первую гимнастическую площадку, даже не требовал крещения в качестве условия для вступления в корпорацию. Да и само объединение «Всеобщие немецкие корпорации» отвергало такую необходимость.

Виктор Клемперер неоднократно подчеркивал теснейшую связь между нацизмом и немецким романтизмом. Но романтизм нельзя считать чисто немецкой «родовой чертой». Беспредельных романтиков знают и другие народы. (Тем, кто знаком с российской историей двадцатого века, нет необходимости рассказывать о романтиках-большевиках.)

В 1995 году Виктор Клемперер был посмертно отмечен Премией имени брата и сестры Шолль «...за дневники, представляющие собой важный документ о страданиях еврейского народа при нацистском режиме». На церемонии в Мюнхенском университете с речью, названной «Принцип – точность», выступил писатель Мартин Вальзер. Высказанные Вальзером в последние годы мысли об ответственности немцев за преступления Третьего Рейха вызывают многочисленные споры и возражения. Но с характеристикой, которую он дал Виктору Клемпереру, невозможно не согласиться: «У Клемперера учись тому, что надо думать о своей совести, а не следить за совестью других».

Литература

1. *Klemperer Victor*. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebuecher 1933 - 1945. Berlin, Aufbau-Verlag, 1995.
2. *Heer Hannes (Hrg.)*. Im Herzen der Finsternis. Victor Klemperer als Chronist der NS-Zeit. Berlin, Aufbau-Verlag, 1997.
3. *Klemperer Victor*. LTI (Lingua Tertii Imperii). Notizbuch eines Philologen. Leipzig, Reclam, 2001.

ВОСЬМАЯ СТУПЕНЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ (К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ОРТ В ГЕРМАНИИ)

Незаметный юбилей

Во время посещения берлинской еврейской общины в сентябре 2001 года правящий бургомистр Берлина Клаус Воверайт попал в неловкое положение. Его попросили сказать несколько приветственных слов по случаю восьмидесятилетия ОРТ в Германии, однако бургомистр признался, что никогда раньше о таком обществе не слышал. Для присутствовавших это было тем более удивительно, что в 2000 году Всемирный союз ОРТ отметил свое 120-летие как крупнейшая в мире негосударственная некоммерческая организация профессионального обучения. ОРТ имеет отделения более чем в 60 странах мира, в его системе ежегодно проходит обучение свыше 300 тысяч человек.

Первоначально аббревиатура ОРТ расшифровывалась как Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев России. Это общество было создано в Петербурге в 1880 году, чтобы облегчить тяжелое положение российских евреев. Мир с тех пор изменился неузнаваемо, но ОРТ по-прежнему здравствует и процветает. Трудно найти другой пример подобного долголетия. История ОРТ неразрывно связана с еврейской историей девятнадцатого и двадцатого веков. Эта связь продолжается и в новом столетии.

Начало

К концу царствования Александра Второго (1855–1881) Россия переживала время больших перемен. Отмена крепостного права буквально перевернула страну, миллионам людей предстояло найти себе место в новых условиях жизни. Не были исключением и российские евреи. В результате экономических реформ очень немногие сумели разбогатеть, занять высокое положение в обществе, стать лидерами в промышленности, науке, финансовой сфере, в то время как большинство жило в страшной бедности. Жестокими ограничениями в выборе профессий (царский указ 1794 года) евреи были лишены возможности добывать себе средства существования. Статистика утверждает, что около четверти еврейского населения в работоспособном возрасте не имело никакой профессии. Казалось, выхода из нищеты у этого народа нет.

Николай Бакст (1842–1904), писатель и профессор физиологии Санкт-Петербургского университета, решение этой проблемы видел в обучении людей полезным профессиям. Он разработал план создания организации, которая могла бы помочь им в этом важном деле, и убедил

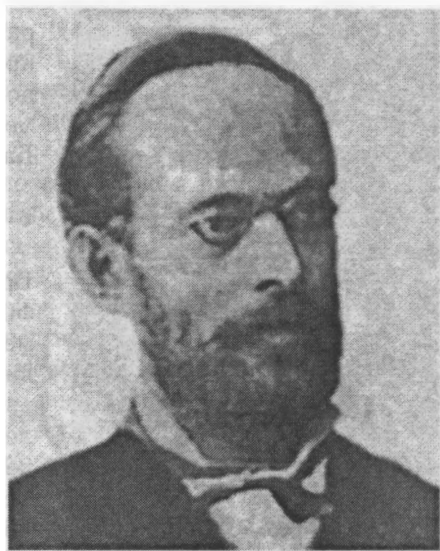
в реальности своего плана железнодорожного магната Самуила Полякова (1836–1888).

Благотворительность Полякова была хорошо известна: он пожертвовал 25 тысяч рублей (немалые деньги по тому времени, по покупательной способности соответствуют примерно миллиону сегодняшних долларов) в фонд строительства университета общежития в Санкт-Петербурге. Согласившись ходатайствовать перед властями о создании еврейского благотворительного фонда, Поляков сам предложил для него и первый взнос — снова 25 тысяч рублей. Его поддержал барон Гораций де Гинцбург

(1833–1909), один из самых влиятельных российских евреев и фактический глава столичной еврейской общины. Барон де Гинцбург был «своим человеком» в высшем петербургском обществе.

22 марта 1880 года было получено разрешение министра внутренних дел на сбор средств для создания фонда. Десятого апреля пять крупнейших финансистов и промышленников России — Самуил Поляков, Гораций де Гинцбург, Абрам Зак, Леон Розенталь и Меер Фришланд — обратились личными письмами к десяти тысячам российских евреев с призывом жертвовать «на образование возможно значительного фонда, доходы с которого могли бы быть употреблены на вспомоществование и дальнейшее развитие существующих уже для евреев ремесленных училищ, на содействие к открытию новых таких училищ, на облегчение переезда ремесленников из одного места в другое, на вспомоществование еврейским земледельческим колониям, основание новых таких колоний, образование ферм и земледельческих школ».

Призыв оказался действенным: откликнулось более 12 тысяч человек из разных уголков России, было собрано 204 тысячи рублей. Для управления фондом 30 сентября 1880 года был создан Временный Комитет по образованию Общества в память 25-летия царствования Государя Императора Александра II (так называли ОРТ учредители) и утверждены основные правила его деятельности. В частности,

Николай Бакст

Самуил Поляков

разрешалось расходовать только проценты с основного капитала и годовые взносы. Руководителем Временного Комитета стал профессор Бакст. Так началась история ОРТ.

Первые шаги

В начале своей деятельности Временный Комитет видел главную задачу в переселении еврейских ремесленников из черты оседлости во внутренние губернии России. Им выдавалась ссуда от 50 до 300 рублей на переезд и устройство на новом месте. По закону 1865 года ремесленникам, а также некоторым другим категориям евреев было разрешено проживание вне черты оседлости (при условии, что они будут заниматься своей профессией). Правда, в некоторых областях Российской империи право проживания евреев даже из привилегированных групп было существенно ограничено. К таким областям относились, например, Финляндия, земля Вой-

ска Донского, Кубанская и Терская области, практически вся Сибирь, Москва и Московская губерния.

Вскоре выяснилось, что деятельность ОРТ по переселению ремесленников мало результативна. Назывались и основные причины такой неудачи: во-первых, после убийства Александра Второго в 1881 году юридическое положение евреев-ремесленников вне черты оседлости стало крайне непрочным, во-вторых, потребность в ремесленном труде во многих местах России была не настолько велика, чтобы вновь прибывший сразу нашел себе занятие, и, наконец, в-третьих, верующий еврей не мог найти на новом месте подходящие условия для исполнения религиозных обязанностей. При помощи ОРТ переселилось всего 170 ремесленников, которым было выдано в виде безвозвратных ссуд 27 тысяч рублей. Через несколько лет эта деятельность прекратилась.

Другие программы ОРТ развивались более успешно.

Большие суммы были выданы нуждающимся ремесленникам в черте оседлости на приобретение инструмента и обустройство мастерских. Такие ссуды получали еврейские земледельцы из южных и юго-западных колоний, к 1906 года их общая сумма превысила 150 тысяч рублей.

Но наибольшего успеха удалось достичь в развитии ремесленных школ и профессиональных классов при начальных училищах. До 1906 года в адрес 150 школьных учреждений было направлено более 200 тысяч рублей. Профессиональное обучение всех, кто в нем нуждался, ОРТ всегда считало своей главной задачей.

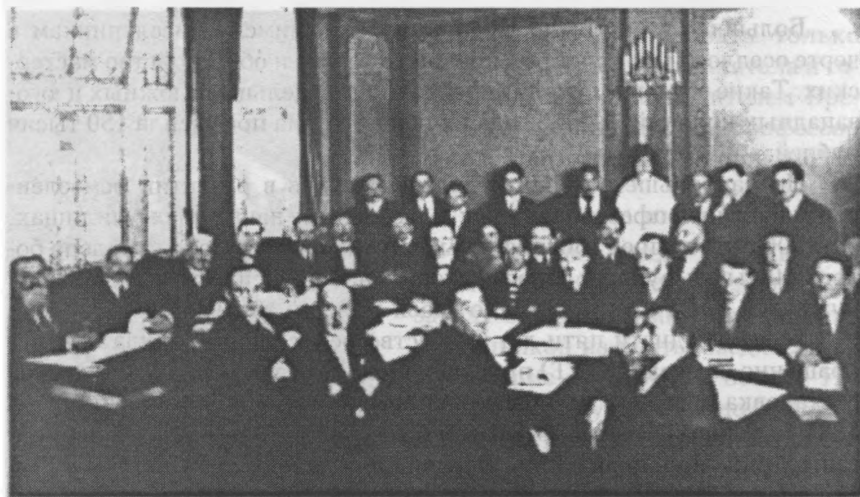
Более двадцати пяти лет Общество ремесленного труда (так сокращенно называли ОРТ) просуществовало без устава: политическая обстановка в стране не позволяла завершить все формальности. В 1881 году царь Александр Второй был убит членами подпольной организации «Народная воля». Вступивший на престол Александр Третий придерживался реакционных взглядов и отменил многие либеральные начинания своего отца. Ужесточилась политика и в отношении евреев. По стране прокатилась волна антиеврейских погромов. Началась массовая эмиграция, по большей части в Америку. В изменившихся условиях ОРТ стало готовить людей к работе всюду, куда бы их ни забросила судьба.

Устав ОРТ был утвержден только в 1906 году. Тогда же вместо временного был образован постоянный комитет, избираемый общим собранием членов общества, и установлен минимальный членский взнос — три рубля в год. Руководитель ОРТ промышленник Леон Брамсон был избран депутатом Думы.

В 1910 году в Петербурге и в отделениях ОРТ в Москве и Гомеле насчитывалось 1292 члена с общим годовым взносом 5481 рубль. Поступления за год превысили 43 тысячи рублей, расходы — 32 тысячи, в том числе помощь профессиональным школам составила 11 тысяч рублей. Основной фонд достиг 446 тысяч (статистические данные приводятся по статье Я. Клебанова из «Еврейской энциклопедии», изд. Брокгауза-Ефрона, С.-Петербург, 1916 г.).

Помощь через труд

Первая мировая война принесла всем народам России новые лишения. Чтобы помочь пострадавшим от войны евреям, ОРТ начало специальную программу «Помощь через труд»: в 72 городах были созданы агентства по трудоустройству беженцев. Всего в эти агентства обратилось 60 тысяч человек. Тем временем в 31 ремесленном училище ОРТ было занято 2300 детей.

Учредительное заседание ОРТ в Берлине

После войны ОРТ вышло за пределы одной страны — аналогичные общества появились в Литве, Латвии и Польше.

Теперь для координации деятельности Обществ ремесленного труда в разных странах потребовалась интернациональная организация, и в 1921 году на международной конференции в Берлине был образован Всемирный союз ОРТ. Его президентом стал Л. Брамсон. Одновременно было создано ОРТ в Германии.

Свою деятельность немецкое общество начало с того, что совместно с еврейской общиной Берлина и германским ведомством по труду открыло две швейные мастерские.

Берлин оказался не самым удачным местом для штаб-квартиры еврейской организации. С приходом к власти нацистов руководство Всемирного союза ОРТ переехало сначала в Париж, а затем в Марсель. Леон Брамсон возглавлял союз до 1941 года. Его преемниками стали А. Сигаловский и Д. Львович.

Поначалу работе общества в Германии нацисты не препятствовали. Здесь немецких евреев готовили к эмиграции, обучали необходимым профессиям. Их отъезда из страны добивались и фашистские власти. В 1937 году ОРТ организовало Частное училище для ремесленного и производственного обучения евреев, желающих эмигрировать (Private juedische Lehranstalt fuer handwerkliche und gewerbliche Ausbildung auswanderungswilliger Juden). В берлинском училище можно было получить профессии электрика, слесаря-сборщика, механика и оптика. В 1938 году там занималось 215 учащихся.

Когда началась Вторая мировая война, отделения ОРТ продолжали работать в оккупированной нацистами Европе. В их помощи нуждались все еврейские общины: нацисты запрещали евреям работать по специальности, и чтобы не умереть с голоду, нужно было осваивать новые профессии. Бывшие адвокаты, врачи, экономисты учились ремонтировать электроприборы, изучали слесарное дело. Мастерские ОРТ спасали тысячи евреев в гетто и трудовых лагерях.

В Польше в 1940 году, когда почти все еврейские организации были запрещены, Обществу ремесленного труда было позволено продолжать работу, и на профессиональные курсы тогда записалось 2300 человек. ОРТ действовало в Вильнюсе и Белостоке, в Румынии и Венгрии.

Вместе с теми, кому удалось вырваться из охваченной войной Европы, общество осваивало новые города и страны. В Шанхае, где в 1941 году проживало 17 тысяч евреев, ОРТ открыло профессиональное училище, просуществовавшее до начала 50-х. Были созданы школы в США, Канаде, Чили, в других странах Латинской Америки.

В 1941 году по постановлению Адольфа Эйхмана немецкое ОРТ как самостоятельная организация было ликвидировано, его включили в состав имперского Общества евреев в Германии.

«Помоги человеку помочь самому себе»

После разгрома нацистов в помощи нуждались сотни тысяч уцелевших евреев Европы, оказавшихся без дома и гражданства. В 1946 году в специальных лагерях для перемещенных лиц в Германии находилось более 140 тысяч еврейских беженцев, в Австрии — около 30 тысяч, в Италии — 25 тысяч. Большинство из них было в возрасте от 16 до 24 лет, и почти никто не владел никаким ремеслом.

Первое ремесленное училище для еврейских беженцев под девизом «Позаботься о своем будущем — учись профессии» возобновленное ОРТ открыло в баварском городе Ландсберге. В конце 1947 года под эгидой общества 934 преподавателя руководили 597 курсами профобучения в 78 учебных центрах. В общей сложности ремеслу там научилось около 45 тысяч человек. В 1950-м работа немецкого ОРТ прекратилась: евреев в Германии почти не осталось.

Однако в 1958 году деятельность ОРТ возобновилась. Его название теперь звучало по-английски: «Organisation, Reconstruction and Training», — а основной задачей стал сбор пожертвований для училищ и мастерских ОРТ в Израиле. Первые такие мастерские появились в Палестине еще в 1946 году, до провозглашения государства Израиль. Сейчас в сети колледжей и школ израильского ОРТ ежегодно проходит обучение 80 тысяч учащихся.

Изменилась стратегия Всемирного союза ОРТ, чья штаб-квартира переместилась в Лондон. ОРТ помогает получить профессию всем людям независимо от происхождения и религии. Многие страны, например, Бангладеш, Боливия, Бутан и Бахрейн просили у общества помощи в подготовке кадров. Сравнительно недавно ОРТ приняло участие в возвращении к нормальной жизни Косова и Боснии. В России Общество ремесленного труда, запрещенное в двадцатые годы советскими властями, возродилось в 1991 году: специальные училища и школы открыты в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Самаре...

Начав с благотворительной помощи угнетенным, к настоящему времени ОРТ превратилось в ведущую мировую организацию профессиональной подготовки и переподготовки специалистов, преимущественно в области информационных технологий и связи.

В последние годы немецкое ОРТ обратилось к своим корням: новый проект непосредственно связан с еврейским образованием. Выпущен в свет компьютерный диск «Путешествие по Торе» — пособие тем, кто интересуется иудаизмом.

На торжественном заседании в Берлине, посвященном восьмидесятилетию ОРТ в Германии, заместитель директора Всемирного союза ОРТ Гидеон Майер сказал, что долгую жизнь организации обеспечила ее способность гибко реагировать на изменяющиеся требования времени.

Девизом общества остается максима великого еврейского мыслителя Моисея Маймонида (Рамбама) (1135–1204): «Есть восемь ступеней благотворительности. Высшая состоит в том, чтобы помочь человеку помочь самому себе».

На том же торжественном заседании в Берлине посол Израиля в Германии Шимон Штайн очень точно выразил главную цель ОРТ: «Только счастливые дети могут создать лучшее будущее».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРЕХ АНТИСЕМИТИЗМА

ХРИСТОС В ОСВЕНЦИМЕ (КРИЗИС ХРИСТИАНСТВА ПОСЛЕ ХОЛОКОСТА)

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, которую впоследствии назовут «Хрустальной ночью», начался всегерманский еврейский погром, ставший своеобразной репетицией Холокоста. Эта ночь и последовавшие затем дни показали всему миру, что преследуя еврейский народ, нацисты не остановятся ни перед чем. Еврейские магазины грабили и уничтожали среди бела дня. Синагоги горели по всей Германии. Многие еврейские мужчины исчезли, куда — неизвестно, но догадаться было нетрудно. И тем не менее не было слышно практически ни одного голоса протеста от жителей Германии.

Настоятель берлинской Хедвигскирхе Бернгард Лихтенберг на следующий день после «Хрустальной ночи» прошел по улицам своего города, все увидел и сделал одну простую вещь. Он вернулся в свою церковь и публично помолился «о евреях и всех несчастных узниках концлагерей». И он повторял эту публичную молитву каждый день вплоть до 23 октября 1941 года, когда был арестован. На суде, состоявшемся 22 мая 1942 года, Лихтенберг был признан виновным по нескольким статьям закона. Ему было отказано в списхождении на том основании, что за шесть месяцев тюремного заключения он «не обнаружил признаков раскаяния или перемены образа мыслей». В своем последнем слове он сказал: «Господин обвинитель! Меня несколько не интересуют те многочисленные статьи, которые вы мне зачитали. Однако ваше замечание о том, что я не изменился и вновь стал бы говорить и действовать, как прежде, — это, господин обвинитель, совершенно верно».

Когда председатель суда спросил, как он пришел к тому, чтобы молиться за евреев, Лихтенберг произнес: «На этот вопрос я могу ответить совершенно точно. Это произошло в ноябре 1938 года. Когда витрины были разбиты, синагоги сожжены, а полиция бездействовала... Я был поражен и возмущен подобным вандализмом и спросил себя: если все это возможно в упорядоченном государстве, что же может помочь? И я понял, что помочь сейчас может только одно —

После Хрустальной ночи

молитва. В тот вечер я впервые молился такими словами: помолимся теперь о гонимых — о христианах-неарийцах и о евреях».

Из тюрьмы Лихтенберг был отправлен в Дахау и по дороге умер. После похорон один из его товарищей по заключению сказал: «Сегодня похоронили святого».

Молитва Бернгарда Лихтенберга была «гласом вопиющего в пустыне». Христианские церкви во времена нацистского произвола молчали. Папа римский в относительной безопасности Ватикана ни разу не сделал того, что ежедневно делал этот священник, на протяжении без малого трех лет публично и без иносказаний молившийся за евреев. Он шел на риск и заплатил в конечном счете жизнью.

Приводились и приводятся многочисленные оправдания и объяснения, почему молчали христиане в период Катастрофы европейского еврейства. Некоторые доводы можно понять. Но никакими практическими соображениями нельзя опровергнуть простое утверждение, что если бы христиане — католики и протестанты — в оккупированной нацистами Европе и за ее пределами искренне молились за гонимых и истязаемых, их молитвы привели бы к скорому крушению нацизма.

Во время послевоенного «берлинского кризиса», когда мир реально стоял перед угрозой третьей мировой войны, президент США

Джон Кеннеди сказал советским руководителям: «Я берлинец» — и мир устоял. Если бы папа римский в 1933 году приехал в Берлин и сказал: «Я еврей», — миллионы жизней могли бы быть спасены.

В этих заметках я не буду добавлять какие-либо аргументы в извечный еврейско-христианский спор об истинности веры, об искуплении. Я ничего не хочу говорить о коллективной вине народов или церквей. Все эти вопросы уже много веков являлись предметом, как правило, довольно бесплодных диспутов и обсуждений. Вместо этого я хотел бы подчеркнуть, что страшная Катастрофа европейского еврейства не только ударила по еврейско-христианским отношениям. Холокост причинил травму и самому христианству, затронув основные теологические принципы этого вероучения. Лишь в последние годы об этом открыто заговорили католические и протестантские теологи. Но эти проблемы волнуют не только христиан.

Известный еврейский теолог Эмиль Факенхайм (E. Fackenheim) в книге «О христианстве после Холокоста» пишет: «Холокост нанес удар по христианской Радостной Вести. Нельзя не содрогнуться, осмысляя этот чудовищный факт. Чтобы содрогнуться, вовсе не обязательно самому быть христианином. Можно быть и евреем. И если у тебя был хоть один настоящий друг-христианин — настоящий друг и настоящий христианин, — равнодушие для тебя просто невозможно». У самого Факенхайма, пережившего фашистский кошмар, такой друг был. И когда нацистский закон объявил, что дружба с евреями преступна для арийца, этот христианин — в отличие от большинства других — остался ему другом и рисковал для его спасения жизнью. При этом, пишет Факенхайм, его товарищ «...чувствовал, что им руководит и его действия направляет Дух Святой... И вот — как еврей — я должен спросить: может ли это чувство быть простым обманом и заблуждением?».

Геноцид евреев вызвал, пусть и с большим опозданием, у многих христиан кризис доверия к основам собственной веры. Но если бы этот кризис вообще не начался, западное христианство оставалось бы, подобно «советскому коммунизму», мертвой идеологией. Критическое осмысление христианами Холокоста началось лишь спустя несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны. Еще в 1968 году Эмиль Факенхайм с полным правом говорил: «Нееврейский мир избегает темы Освенцима из ужаса перед ней, но также и потому, что эта тема подразумевает вину — реальную или воображаемую — за случившееся».

Теоретическое осмысление проблем христианства в связи с Холокостом происходило и происходит по нескольким направлениям.

Одно из них — признание морально-политической ответственности христианских церквей за Холокост. В знаменитом документе Второго Ватиканского Собора 1965 года об отношении католической церкви к евреям, пока еще довольно расплывчато и неопределенно, говорится: «...Церковь, осуждающая все гонения на каких бы то ни было людей, памятуя общее с иудеями наследие и движимая не политическими соображениями, но духовной любовью по Евангелию, сожалеет о ненависти, о гонениях и всех проявлениях антисемитизма, которые когда бы то ни было и кем бы то ни было направлялись против иудеев». Но уже в 1980-м в «Резолюции об обновлении отношений между христианами и евреями», принятой синодом немецких протестантов, идет речь о собственной ответственности церкви, о том, что после прихода Гитлера к власти и католическая, и протестантские церкви могли бы выступить в защиту евреев, но не сделали этого.

Другое направление критического анализа христианской истории — это исследование церковного антииудаизма как одного из источников современного расистского антисемитизма. После Холокоста по-новому начинаешь смотреть на факты многовековой вражды христианства и иудаизма. Например, правила IV Латеранского Собора (1215 года) относительно режима, который должен был быть соблюден для евреев внутри христианского общества, оказались сравнимыми с нацистскими расовыми правилами для евреев. Собор даже постановил, что евреи должны носить отличительные знаки на одежде, как прокаженные или проститутки. Нетрудно заметить сходство с предписанием от 1 сентября 1941 года о том, чтобы все евреи нашили на одежду желтые шестиконечные звезды. Историк Катастрофы Рауль Хилберг в своем фундаментальном труде «Уничтожение европейских евреев» рассматривает «окончательное решение еврейского вопроса» в преемственности с христианским преследованием евреев. Он выделяет три типа антиеврейской политики, следовавших один за другим с тех пор, как христианство стало государственной религией в Римской империи (IV в. н.э.), — обращение в христианство, изгнание (в том числе в гетто) и уничтожение. Хилберг пишет: «Христианские миссионеры говорили нам (евреям), в сущности, следующее: вы не имеете права жить среди нас как евреи. Пришедшие им на смену светские правители провозгласили: вы не имеете права жить среди нас. Наконец, немецкие нацисты постановили: вы не имеете права жить... Следовательно, нацисты не отбросили прошлое, они основывались на нем. Не они начали этот процесс, они лишь завершили его».

На этом этапе христианские теологи впервые начинают задумываться над темой «антииудаизм в Новом Завете». Здесь не место подробно рассматривать основные догматы христианской веры.

Достаточно напомнить, что в основе христианской Церкви лежит стремление стать Новым Израилем, «новым народом Божиим». В этой концепции старый Израиль, как и весь еврейский народ, должен был остаться в прошлом, а Завет с ним — стать «Ветхим Заветом». Здесь кроется опасный заряд антисемитизма, который сполна реализовался в истории Церкви. Даже такие просвещенные и гуманные мыслители, как В.С. Соловьев или Н.А. Бердяев, видели единственное разрешение еврейского вопроса в обращении еврейского народа в христианство. В 1938 году Бердяев написал свою знаменитую статью «Христианство и антисемитизм», в которой попытался дать христианский ответ на расистский антисемитизм немецких нацистов. Статья полна благородных призывов и лозунгов, но излагает традиционные для того времени представления об иудаизме, как выполнившей свою роль религии. Единственное новое, к чему призывает Бердяев, это добровольность обращения евреев в христианство и нежелательность погромов при несогласии евреев обратиться. Современный христианский религиозный философ Сергей Слезов иронично называет такую позицию «христианство с человеческим лицом, т.е. приверженность традиции минус погром».

После Холокоста изменение отношения христианской церкви к евреям и иудаизму становится «категорическим императивом». Это, безусловно, непростая задача. Эмиль Факенхайм пишет: «Церковному христианству легче всего отбросить древнее обвинение в богоубийстве, труднее — увидеть корни антисемитизма в Новом Завете, но самое трудное для него — признать тот факт, что евреи и еврейская вера все еще живы. Сохранение еврейства после прихода христианства оказалось неудобным обстоятельством для теологов, они стали воспринимать иудаизм как некое ископаемое, анахронизм, тень... Нелегко признать, что и евреи, и еврейская вера прошли несломленными через целую эру христианства».

Речь, конечно, идет не о хирургическом лечении «больного» христианства, не о признании христианской веры чем-то порочным, более неспособным распрямить человека. Нет, речь идет о новой ориентации в мире, который радикально изменился после Холокоста.

От Нового Завета естествен переход к самому глубокому пласту — к смысловому центру христианства — христианскому учению об Иисусе из Назарета как о Мессии (Христе) и Сыне Божьем. Размышления современных теологов над этими вопросами привели некоторых из них к убеждению, что после Освенцима и смысловой центр христианской догматики должен выглядеть по-иному.

Чтобы понять глубину этих проблем, рассмотрим некоторые из вопросов, поставленных Эмилем Факенхаймом в цитированной

выше работе. Первый из них звучит так: «Где был бы Иисус из Назарета, окажись Он в оккупированной нацистами Европе?». Если бы Он был тем, кем Его считают, Он по своей воле отправился бы в Освенцим или Трешлинку, даже если бы был «арийцем», как утверждала нацистско-христианская доктрина. А если бы Он не отправился туда по собственной воле, Его бы загнали в вагон для скота и отправили туда против воли, ибо Он был не арийцем, а евреем. Иисус, отправляющийся в Освенцим по своей воле, обнаруживает, сколь малочисленны Его ученики во времена великих испытаний. Иисус, отправляемый в Освенцим против воли, обнаруживает еще более ужасную правду: не будь юдофобии в самом христианстве, Освенцим был бы невозможен в сердце христианской Европы.

В Освенциме и других концентрационных лагерях свободные люди превращались в «доходяг», в живых мертвецов. Один из переживших ад концлагеря пишет: «Их жизнь коротка, но число их бесконечно. Они, эти доходяги, ходячие мертвецы, составляют основной костяк лагеря, ту массу людей, которая марширует и работает в молчании, в которой уже *угасла искра Божья* и которая слишком опустошена, чтобы по-настоящему страдать...». Эмиль Факенхайм задает следующий вопрос: «Мог бы Иисус из Назарета стать доходягой?». Если да, то не получается ли, что нацисты издевательски смеются над жертвами, Отцом, Сыном, над самой Благой Вестью? («Где же твой Бог теперь?») Если же нет, если воплощенный Сын Божий неприкосновенен и потому пропасть отделяет Его от жертв, не выходит ли, что Отец и Сын смеются вместе с нацистами?

Неизбежность поворота в христианской мысли очень точно выразил в 1979 году немецкий лютеранский теолог Фридрих-Вильгельм Марквардт: «Сегодня Освенцим надвигается на нас как суд над нашим христианством, над прошлым и нынешним образом нашего христианского бытия. Более того — если смотреть глазами жертв Освенцима — он надвигается на нас как суд над самим христианством. И еще: Освенцим надвигается на нас как призыв к покаянию-обращению. Должна измениться не только наша жизнь, но и сама наша вера. Освенцим зовет к тому, чтобы сегодня мы слышали Слово Божие совсем не так, как нам его передавали наши теологические учителя и проповедники старших поколений. Это покаяние-обращение затрагивает сущность христианства, как мы понимали ее до сих пор».

Западные католическая и протестантские церкви сделали большой шаг в переосмыслении старых догм. Римская католическая церковь признала антисемитизм одним из величайших грехов. Такое решение было принято на проходившем в конце прошлого века в Ватикане симпозиуме «Корни антииудаизма в христианском обществе».

Главный раввин Рима Элио Тоафф назвал это событие историческим шагом, который сыграет «огромную роль в христианско-иудейском диалоге». Церковь призвала своих последователей не только не принимать участие в различных мероприятиях, носящих антисемитский характер, но и повсеместно преследовать любые проявления этого явления. Представители католической церкви склонны расценивать гонения на евреев как «преступления против церкви, несмотря на то что верующие зачастую неверно толковали Новый Завет и обвиняли евреев в смерти Христа». Папа Иоанн Павел II во многих своих выступлениях называл антисемитизм «грехом против Бога, Церкви и человечества». Христианство и антисемитизм несовместимы.

В хоре голосов представителей различных христианских конфессий, гневно осуждающих антисемитизм, не слышно только голосов высших иерархов Русской Православной церкви. Если они и встревожены тем, что «некоторые лица и группировки соединяют антисемитизм с Православием», то выдвигают те же аргументы, которыми пользовался и Бердяев. Мы знаем, что такая теология позволила церкви молчать все те годы, когда нацисты уничтожали европейское еврейство. Здесь важно напомнить, что тема Холокоста — не «чужая» для России и других республик бывшего СССР. Из шести миллионов евреев, умерщвленных во время Катастрофы, полтора миллиона были гражданами СССР в старых (до 1939 года) границах. Гитлеровцы не смогли бы этого сделать без помощи коренного населения. Известно, что датчане спасли почти всех своих евреев. Гораздо меньше известно о том, что коренное население оккупированных нацистами территорий СССР активно участвовало в уничтожении евреев. Много фактов об участии украинцев, литовцев, белорусов в геноциде евреев приводится в фундаментальной монографии Доры Левин «Холокост».

Молчит Русская Православная церковь и сейчас, хотя налицо рост агрессивного национализма и антисемитизма в российском обществе.

Двадцатый век принес много нового в устоявшийся веками мир идей. Очевидными истинами стали мысли, разделявшиеся ранее незначительным меньшинством. И наоборот, стало невозможно повторить то, что раньше воспринималось как общее место. Католический теолог И.-Б. Мец пишет: «Я даю своим студентам вроде бы простой, но весьма жесткий критерий оценки теологических систем. Спросите себя: могла ли теология, которую вы учите, остаться одинаковой до и после Освенцима? Если да — то держитесь от нее подальше!».

ГРЕХ АНТИСЕМИТИЗМА

В октябре 1930 года Альфред Розенберг опубликовал антихристианскую, антилиберальную и антиеврейскую книгу «Миф двадцатого века». В январе 1934-го Адольф Гитлер назначил Розенберга своим «уполномоченным по идеологической работе в партии». Из частной работы эта книга превратилась в почти официальное выражение нацистской идеологии. И тогда теологи немецкой лютеранской церкви почувствовали себя обязанными дать ответ на книгу Розенберга. Так появились «Ответ на *Миф*: решение в пользу нордического мифа, или библейского Христа» Вальтера Кюннета, «Миф и Евангелие» Рудольфа Гомана, «Евангелический ответ на *Миф XX века* Розенберга» Генриха Гюфмайстера и другие издания.

Их авторы спорят с Розенбергом, критикуя нацистскую мифологию с позиций христианства. Но сегодняшний читатель этих сочинений, написанных в середине тридцатых годов, прежде всего заметит черты сходства в позициях евангелических теологов и критикуемого ими Розенберга.

Согласно «Мифу двадцатого века», германская раса извечно противостоит тлетворному влиянию еврейской «противорасы». Оспаривая расистские суждения Розенберга о Ветхом Завете, В. Кюннет добавляет: «Тлетворность современного "мирового еврейства" — следствие проклятия, тяготеющего над евреями после того, как они распяли Христа. Розенберг же, отвергая христианство, не может постичь этот глубочайший источник описанной им расовой вражды».

Аргументы критиков нацистского взгляда на евреев повторяют классические постулаты «теологического антисемитизма». Обвинение евреев в «богоубийстве» является столь же древней клеветой, как и «кровавый навет» — обвинение в ритуальных убийствах иноверцев. Подобные аргументы и в древности, и в средние века, и в Новое время много раз были предлогом для массовых гонений на евреев. Их можно услышать из уст людей самых разных взглядов и профессий. Даже такой просвещенный философ, как Н.А. Бердяев, в знаменитом эссе «Христианство и антисемитизм», написанном в 1938 году и посвященном религиозной судьбе еврейства (таков его подзаголовок), соглашается с обвинением евреев в «богоубийстве» и с представлением о том, что евреи в своей истории несут за это проклятие: «Еврейский народ сам себя проклял, он согласился на то, чтобы кровь Христа была на нем и на его детях. Он принял на себя ответственность...».

Понять распространенность и живучесть этих предрассудков невозможно, если не признать, что Новый Завет, Священное Писание

христиан, содержит опасный заряд антииудаизма, который вплоть до наших дней используют антисемиты для обоснования своей ненависти к евреям. Многие высказывания из книг Нового Завета или прямо направлены против иудеев, или могут быть соответствующим образом истолкованы.

Например, в «Евангелии от Иоанна» слово «иудей» произносится с отрицательным смысловым оттенком более пятидесяти раз. Так, в главе 8 приводятся слова Иисуса к иудеям: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего...» («От Иоанна», 8:44). Еще несколько примеров из этого Евангелия: «После сего Иисус ходил по Галилее, ибо по Иудее не хотел ходить, потому что Иудеи искали убить Его» (7:1); «Знаю, что вы семя Авраамово; однако ищите убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас» (8:37). Борьба с иудеями была лейтмотивом автора четвертого Евангелия.

Нетерпимым и последовательным борцом с иудаизмом выступал апостол Павел, который сам себя сравнивает с кулачным борцом: «...и потому бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух» («Первое Послание к коринфянам», 9:26). В «Первом Послании к фессалоникийцам» Павел говорит об иудеях, «которые убили и Господа Иисуса, и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся; которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца» (2:15–16). В «Послании к филиппийцам» Павел предупреждает: «Берегитесь псов, берегитесь злых деятелей, берегитесь обрезания» (3:2). В «Послании к римлянам» Павел проклинает: «Скорьбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, иудея...» (2:9).

Если считать, что Священное Писание содержит только Слово Божие и никто не может изменить в нем ни одной буквы без того, чтобы не стать еретиком и не подвергнуться церковному проклятию, то положение с «теологическим антисемитизмом» представляется безвыходным. Никакой иудео-христианский диалог невозможен, если изначально считать евреев народом богоубийц. Тогда оправданными становятся все преследования и гонения, выпавшие на долю этого народа, тогда можно даже найти аргументы в пользу «окончательного решения еврейского вопроса», предложенного гитлеровцами.

Антиеврейские высказывания Нового Завета становятся понятными, если вспомнить историю первых веков христианства и те обстоятельства, в которых новая религия рождалась и отделялась от иудаизма.

Еврейская эмансипация в Баварии. XIX век

Христианство рождалось в еврейской среде. Сам Иисус, его мать, все апостолы (а не только Иуда) — евреи. Еврейское имя Христа — Иешу — отнюдь не было редким в то время. Это сокращенное библейское имя Иегошуа, этимология которого связана со словом «спасение». Само слово «Христос» является дословным переводом еврейского слова «машиах», «мессия», «помазанник», т.е. тот, кто помазан оливковым маслом (елеем) на царство. Помазание елеем означало возведение в высший сан — первосвященника или царя. С точки зрения иудаизма Мессия не обязан обладать сверхъестественными способностями. Он должен происходить из царской династии Давида и принести еврейскому народу освобождение от чужеземного ига. Не дело Мессии заботиться о спасении душ своей паствы. В ту эпоху слова «царь мессия» означали просто «царь из рода Давида» — в противоположность царствовавшей династии Ирода. Ирод был ставленником Рима и открыто служил интересам поработителей. Он отличался жестокостью, проливал реки крови, и народ мечтал о царе-помазаннике из рода Давида, который избавил бы его от кровавого тирана.

В первые десятилетия первого века новой эры Иудея пользовалась внутренней автономией, однако реальная власть оставалась в руках римлян. С их точки зрения всякий, кто провозглашал себя «царем мессией», тем самым открыто заявлял о своих притязаниях на престол. Римской властью это рассматривалось как призыв к бунту, поскольку право назначать правителей Иудеи римляне присвоили себе. В глазах римской власти «царь-мессия» был в первую очередь опасным самозванцем, незаконным претендентом на престол.

Именно так римский наместник воспринимал Иешу. Первый вопрос, который Понтий Пилат задал на допросе Иешу, был таким: «Ты царь иудейский?» («От Матфея», 27:11). Это обвинение Иешу отвергал, но свидетельств против него оказалось достаточно, чтобы вынести смертный приговор.

Есть все основания для уверенности в том, что к смертной казни Иешу приговорил именно римский суд. Ведь распятие — специфически римская форма смертной казни. Еврейскому судопроизводству она неведома. Даже за самое страшное преступление еврейский суд не мог приговорить виновного к медленной смерти на кресте. Римляне распинали не только еврейских бунтовщиков. Таким позорным способом казнили рабов и людей низших сословий. Неудивительно, что на протяжении первых веков христианства крест вовсе не служил символом новой религии. Напротив, ранние христиане стыдились его. Символом церкви на заре ее существования было изображение рыбы (слово «ихсиос» — «рыба» — является аббревиатурой имени «Иисус Христос»).

На протяжении первых ста двадцати лет своего существования христианская религия постепенно отпочковывалась от иудаизма. Окружающие воспринимали первых христиан как иудейскую секту. Ранние христиане придерживались еврейских законов, и хотя они верили, что Иешу был мессией, и ожидали его второго пришествия, этого было недостаточно, чтобы порвать с еврейством. Они не делали ничего, что можно было бы счесть грубым нарушением еврейского закона. Как выразился знаменитый исследователь иудаизма и христианства раввин Адин Штейнзальц: «Если бы Иешу воскрес, он скорее отправился бы в синагогу, чем в церковь, которую принял бы за языческий храм».

Христианство не получило широкого распространения в еврейской среде, однако оказалось весьма привлекательным для язычников, в первую очередь для римлян и эллинов. Иудаизм боролся с новым учением. Около 80-го года Синедрион в Явне дополнил текст главной молитвы еврейской литургии — «Восемнадцать благословений» — проклятием, осуждающим «вероотступников и доносителей», которых надлежало исторгнуть из еврейской среды. Христиане в силу этого были окончательно отлучены от Синагоги.

И тогда на исторической арене появился человек, которого многие исследователи считают подлинным отцом христианства, — апостол Павел. Именно ему и его последователям обязана своим происхождением христианская теология. Анализу взглядов Иисуса и Павла на еврейскую веру посвящена огромная литература. Мартин Бубер в книге «Два образа веры» пишет: «Очевидно, что Иисус (в той

мере, в какой мы способны раскрыть его историческую реальность) пребывает внутри этой веры. Столь же очевидно, что Павел порвал с ней, посвятив себя мистерии Христа». Для привлечения новых верующих-христиан из числа язычников Павлу и его последователям было необходимо решительно отмежеваться от иудаизма. Этим и объясняется полемическая заостренность антиеврейских высказываний Нового Завета, особенно Посланий Павла и более позднего Евангелия от Иоанна.

Начиная с враждебного по отношению к евреям эдикта императора Константина (313 г.), значение христианской церкви в мире все более возрастало. В трудах многих «отцов Церкви» антиеврейские высказывания использовались для того, чтобы скомпрометировать все оставшиеся к тому времени связи с иудаизмом. Характерны в этом отношении произведения Варнавы, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского, блаженного Августина. «Исчадия гадюки», «соратники дьявола» — далеко не самые резкие выражения, обличающие евреев в этих трудах. Как писал Иоанн Златоуст, «синагога — публичный дом, твердыня греха, прибежище демонов, крепость диавола, место гибели душ, пропасть и бездна всяческого проклятья. Здесь собираются богоубийцы, здесь богохульствуют, здесь отворачиваются от Отца, здесь оскорбляют Сына, здесь отрицают благодать Духа». Поэтому евреи, как народ, проклятый и наказанный Богом, должны быть обречены, по словам блаженного Августина, «на унижающий их образ жизни». К таким взглядам был очень близок в конце своей жизни и Мартин Лютер, требовавший для евреев «сурового милосердия».

Многие из цитированных и не цитированных здесь высказываний церковных авторитетов носят чисто эмоциональный характер, вызваны конкретными событиями давно минувшей эпохи и потеряли, казалось бы, актуальность в наши дни. Но критика и даже просто сомнение в истинности или важности святоотеческих творений требует большого мужества для верующих христиан, так как традиция относит эти творения к непогрешимым.

Здесь не место описывать многовековой путь гонений и преследований евреев, совершавшихся под христианскими знаменами и лозунгами. Вспомним только два известных из истории факта.

Первый крестовый поход для освобождения Святой Земли и Гроба Господня от «неверных» начался в 1096 году с уничтожения крестоносцами ряда еврейских общин Европы. Только в Германии погибло от рук крестоносцев или покончило с собой, спасаясь от насильственного крещения, более 4000 евреев. Взяв в 1099 году Иерусалим, крестоносцы собрали находившихся там евреев в одну

синагогу и предали их огню. Нет нужды повторять, что все это делалось под христианскими лозунгами и с благословения церкви.

В сентябре 1480 года испанский король Фердинанд V и королева Изабелла удовлетворили просьбу папы римского Сикста IV и подписали указ о введении в Испании инквизиции. В 1492-м, в год начала исторического похода Колумба к еще не открытой им Америке, из Испании были изгнаны все евреи, отказавшиеся принять крещение. Примерно пятьдесят тысяч человек согласились креститься (многие только для вида). Сотни тысяч подверглись изгнанию. Некоторые исследователи оценивают их число в 300 тысяч, иные называют даже 800 тысяч. В первых числах августа толпы людей двинулись от родных домов. Те, кто пережил испытания (более 20 тысяч человек скончались в дороге), попали в Алжир, Францию, Италию, Голландию, Турцию и другие страны. Европа была потрясена безумным поступком испанских правителей. Почти все европейские владетели и даже парижский парламент порицали шаг Фердинанда, а султан Баязет сказал про него: «Как можно назвать умным правителем короля, который разорил свою страну и обогатил нашу!». Испанское изгнание вплоть до Катастрофы двадцатого века было крупнейшей трагедией еврейского народа в Новое время.

Расистский антисемитизм немецкого нацизма следует рассматривать в преемственности с христианским преследованием евреев. Как пишет историк Катастрофы европейского еврейства Рауль Хильберг: «Нацисты не отбросили прошлое, они основывались на нем. Не они начали этот процесс, но они завершили его».

Холокост был катастрофой не только еврейства, он вызвал потрясение и в христианстве. Хочется верить, что это спасительное потрясение. Изменилась официальная позиция католической церкви по отношению к евреям. Важную роль сыграл Второй Ватиканский Собор 1962–1965 гг. В его документах содержится признание: «Не следует считать, что евреи отвергнуты и прокляты Богом, как если бы это вытекало из Священного Писания». Собор призвал христиан искоренить слово «богоубийцы» из христианского словаря. Но от благих призывов до реального изменения мировоззрения и чувств миллионов верующих — дистанция огромного размера. Да и далеко не все христианские церкви исключили из своего лексикона антиеврейскую терминологию. До сих пор на православной службе Утрени Великой Пятницы называют евреев «богоубийц сонмищем» и призывают «воздать им по делам их» без снисхождения.

Выступая перед членами Британского Совета христиан и евреев, папа Иоанн Павел II сказал: «Антисемитизм и все другие разновидности расизма суть грех против Бога и человечества. Невозможно

быть христианином, будучи антисемитом». Антисемитизм – грех, и притом смертный грех.

В тринадцатом и четырнадцатом столетиях в городах Монпелье, Каркассон и в некоторых других местах на юге Франции существовал обычай: накануне христианской Пасхи главу еврейской общины приводили на городскую площадь, и епископ публично давал ему пощечину. Вот так исказилась заповедь Нагорной проповеди Иисуса: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и вторую» («От Матфея», 5:39). Пощечина, данная христианской церковью еврейскому народу, не может быть просто забыта. Этот символ не потерял своей выразительности и в наши дни. Холокост придал ему особенно зловеший смысл. Это до сих пор обнаженная рана, человеческая боль. Холокост ни в коем случае не может быть использован для какого бы то ни было еврейско-христианского спора, в том числе для спора об искуплении. Как пишет Эмиль Факенхайм, «иудаизм и христианство – в равной мере религии искупления, и Холокост стал для них обеих исчерпывающим контраргументом». Чтобы продолжить важный для обеих сторон диалог христиан с евреями, необходимо прежде всего переосмыслить страшные уроки Катастрофы. И лучший способ – для начала объединиться в общей скорби, которая принадлежит теперь всему человечеству.

МОЖНО ЛИ ХРИСТИАНИНУ МЫТЬСЯ В БАНЕ С ЕВРЕЕМ? (ХРИСТИАНСКО-ИУДЕЙСКИЙ ДИАЛОГ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ)

*«Нет мира между народами
Без мира между религиями.
Нет мира между религиями
Без диалога между религиями.
Нет диалога между религиями
Без изучения основ религий»*

Ганс Кюн

«Порнография ужаса»

Жарким днем 25 августа 1942 года 101-й немецкий полицейский батальон проводил очередную карательную операцию — зачистку еврейского гетто в небольшом польском городке Меджижечь. Всех евреев города отправляли в лагеря уничтожения. В этот раз депортация отличалась особенной жестокостью. Солдаты сгоняли евреев на рыночную площадь. При малейшей заминке следовал выстрел. Город был переполнен трупами. Людей заставляли часами неподвижно сидеть под палящим солнцем. Они теряли сознание, но всех, кто пытался подняться, немедленно расстреливали. Среди убитых было много детей — им особенно трудно долго сидеть без движения.

Полюбоваться интересным зрелищем на площадь пришло немало народу: немецкие солдаты из жандармерии, поляки и украинцы из числа так называемых «хивис» — добровольных помощников немцев. Были здесь и женщины — медсестры «Красного Креста», а также жены офицеров 101-го полицейского батальона.

Даниил Гольдхаген, описавший это событие [1], отмечает любопытный факт: многие солдаты батальона были очень обеспокоены тем, что на площади целый день пробыла Вера Волауф, беременная жена капитана Волауфа. То, что там были и другие женщины, их совершенно не трогало. Убийцы не стыдились своих деяний в отношении евреев, но опасались за здоровье «братьев по расе» — будущей матери и ее будущего ребенка.

На самом деле в книге можно увидеть больше, чем написано на ее страницах. Многие читатели находят сцену на рыночной площади весьма символичной. Мадонна благословляет своим присутствием освобождение земли от нечисти. Христианские и древнегерманские поверья и предания оправдывали действия убийц, которые сами себя убийцами не считали. Напротив, как веками утверждалось на

литургии Страстной Пятницы, богоубийцами, подлежащими уничтожению, являются именно евреи.

Не случайно этот эпизод в городке Меджижечь вызывает особенно страстные возражения у критиков Гольдхагена. Обозреватель газеты «Франкфуртер Альгемайнен» в номере от 16 августа 1996 года назвал описание экзекуций «порнографией ужаса», упрекая автора в том, что он необоснованно проводит параллель между убийцами из 101-го батальона и привлекательной женой капитана Волауфа [2]. При этом из виду упускается важная вещь: Гольдхаген видит сам и дает читателю увидеть зло глазами жертвы. Этот непривычный и не всегда приятный методический прием позволяет лучше понять природу гитлеровского антисемитизма и его глубокие связи с антииудаизмом христианской традиции.

Солдатам карательного батальона приходилось казнить и польских крестьян, и русских военнопленных. Гольдхаген документально подтверждает: отношение карателей к евреям и «неевреям» было принципиально различным. Репрессии против не евреев проводил жестокий тоталитарный гитлеровский режим, во многом сходный со сталинским. При всей чудовищности этих преступлений в них не было ничего мистического. В евреях же нацисты видели метафизического врага, которого, вслед за своим фюрером, демонизировали. Даже тогда, когда за жертвами не было абсолютно никакой вины, преступники считали их коллективно виновными, представляющими все возрастающую опасность для общества. Уничтожение евреев стало в глазах немцев оправданным и необходимым делом. При таком подходе нормальное человеческое сострадание полностью отсутствовало и у карателей, и у свидетелей, на чьих глазах совершались чудовищные злодеяния.

Гитлеровский нацизм — сложное и противоречивое явление. Здесь не может быть простых объяснений. Не случайно среди историков до сих пор не утихают споры о причинах и корнях национал-социализма. Но роль, которую играл антисемитизм в гитлеровской внутренней и внешней политике, подчеркивают практически все исследователи. Гитлер сам говорил Герману Раушнингу, что считает антисемитизм «наиболее ценной частью своего пропагандистского арсенала» [3]. Немало написано и о связи этого явления с антиеврейскими установками христианского Святого Писания и Святого Предания.

Евангелие и Освенцим

Антисемитизм древнее христианства. Его проявления можно наблюдать в таких странах, где нет или почти нет христиан. Поэтому было бы неверно считать христианство единственным источником

ненависти к евреям, а Евангелие — прямой причиной Освенцима. Как пишет Яков Кротов в своей полемической статье «В защиту аптисемитов»: «Если антисемитизм паразитировал на Евангелии, то это заслуга аптисемитов, а не христиан» [4]. С этим утверждением можно было бы полностью согласиться, если бы среди аптисемитов никогда не было христиан. К сожалению, это не так. Верно, что аптисемит одновременно может быть и аптихристианином, верно и то, что в Освенциме и ГУЛАГе часто сами христиане уничтожали не только евреев, но и своих братьев по вере. Евангелие не может быть единственным источником аптисемитизма, но не видеть мощный антиеврейский заряд в Новом Завете и многовековой церковной практике — значит сознательно грешить против истины (см., например, [5–7]).

Адольф Гитлер неоднократно заявлял, что действует в соответствии с волей всемогущего Творца: «Защищая себя от еврея, я отстаиваю слово Господне» [8]. При этом он подчеркивал: «Я не делаю против евреев ничего такого, чего бы не делала против них церковь за 1500 лет» [9].

Этим словам можно верить. Практически все мероприятия нацистов по лишению евреев человеческих прав, проводимые с 1933 по 1945 годы, имели почти буквальные прототипы в истории христианских церквей.

Нападки на евреев за убийство Христа содержатся уже в Новом Завете: «И отвечая весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27:25). В «Деяниях святых апостолов» сказано: «Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Деян. 2:36). В Первом послании апостола Павла к фессалоникийцам об иудеях говорится, что они «убили и Господа Иисуса и его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человеческам противятся... Но приближается на них гнев до конца» (1Фесс. 2:15,2:16). Таких цитат из Священного Писания можно привести много (см., например, заметку «Грех аптисемитизма» в настоящей книге).

Особенно резко обвинения евреев в богоубийстве звучали в проповедях и писаниях отцов церкви: Иоанна Златоуста, блаженного Августина, Мартина Лютера. В своем памфлете «О евреях и их лжи», написанном в 1543 году, Лютер призывал сжигать синагоги и еврейские дома, считал, что с евреев должна быть снята всяческая защита закона. Многие антиеврейские инициативы Гитлера реализуют заветы Лютера. Ему же принадлежит любимый лозунг нацистов: «Евреи — наше несчастье». Кажется глубоко символичным тот факт, что всегерманский еврейский погром 1938 года, начавшийся

«Хрустальной» ночью 9 ноября, продолжался и в течение 10 ноября — дня рождения Мартина Лютера.

В Священное Предание — второй после Священного Писания первоисточник христианской веры — входят не только творения святых отцов и учителей церкви, но и вероопределения и правила Вселенских и некоторых Поместных соборов (православная церковь признает семь Вселенских соборов, католическая — двадцать). Именно решения соборов заложены в основу церковного законодательства, действующего и поныне. И многие антиеврейские положения этого законодательства нашли дословное повторение в законах и постановлениях нацистских властей.

Вот, например, выдержка из решения Шестого Вселенского собора: «Никто из принадлежащих к священному чину, или из мирян, отнюдь не должен ясти опресноки, даваемые иудеями, или вступать в содружество с ними, ни в болезнях призывать их, и врачества принимать от них, ни в банях купно с ними мыться. Если же кто дерзнет сие творить: то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен». Нацисты тоже запрещали практиковать еврейским врачам [10], а всем евреям — пользоваться вагонами-ресторанами [11].

Собор в Эльвире в 306 году наложил вето на браки и половые отношения между христианами и евреями — и это же требование содержал Закон о защите немецкой крови и чести 1935 года [12].

Решением Собора в Клермонте в 535 году евреям было отказано в государственных должностях. Аналогичный закон нацисты приняли в 1933 году [13].

В 1938 году нацисты запретили евреям выходить на улицу в Страстную Пятницу и в некоторые другие дни [14]. Четырнадцатью веками раньше (в 538 году) этот запрет был утвержден Собором в Орлеане.

Сжечь Талмуд и другие еврейские книги постановил Двенадцатый Собор, состоявшийся в Толедо в 681 году. Еврейские книги горели по всей нацистской Германии.

Третий Латеранский Собор 1179 года определил, что евреи не могут подавать на христиан жалобы в суд, равно как и выступать против них свидетелями. Такое же решение было принято 9 сентября 1942 года партийной канцелярией национал-социалистов [15].

Следующий, Четвертый Латеранский Собор 1215 года обязал всех евреев носить на одежде опознавательные знаки. По предписанию нацистских властей, которое было утверждено 1 сентября 1941 года [16], опознавательными знаками служили, как правило, желтые (в Варшаве — почему-то голубые) шестиконечные звезды.

Оксфордский Собор 1222 года наложил запрет на строительство новых синагог. Десятки синагог были разрушены и сожжены в Хрустальную ночь 1938 года. Восстанавливать их было запрещено [17].

В соответствии с решением Собора 1267 года, состоявшегося в Вене, христиане не имели права принимать участие в еврейских праздниках. Подобное распоряжение выпустило гестапо 24 октября 1941 года [18].

Собор в Бреслау в 1267 году предписал евреям селиться в специально отведенных для них кварталах. По приказу Гейдриха от 21 сентября 1939 года начали строиться еврейские гетто.

Переход христианина в иудаизм или возврат в иудаизм крещеного еврея Собор в Майнце в 1310 году рассматривал как доказанную ересь и требовал от властей соответствующих действий. Верховный земельный суд в Кенигсберге 26 июля 1942 года вынес приговор, согласно которому христианин, принявший иудаизм, считался евреем со всеми вытекающими ограничениями прав [19].

Базельский собор 1434 года запретил присуждать евреям ученые степени. Нацистами аналогичный запрет был наложен почти сразу после прихода к власти — 25 апреля 1933 года [20].

Этот список можно было бы продолжать долго. Но и из сказанного становится ясно: нацистский антисемитизм возник не на пустом месте. Долгие века христианская церковь проводила четкую антииудаистскую и антиеврейскую политику. На этом фоне антисемитские выступления и погромы еврейских общин по всей Европе стали привычным явлением.

«Говорите правду!»

Религиозные споры между христианами и евреями диалогом можно назвать лишь с большой натяжкой. Почти две тысячи лет участвовавшие в нем стороны не были равны: христианам принадлежала сила и власть, евреи были бесправны и гонимы.

Только в конце девятнадцатого века в большинстве европейских стран евреи получили равные с другими людьми юридические права. И одновременно появилось «научное обоснование» ненависти к ним: расовая теория объясняла немислимые предрассудки и оправдывала любые бесчеловечные формы обращения с евреями. Расистский антисемитизм, подкрепленный христианским антииудаизмом, стал идеологической программой немецких национал-социалистов. Для евреев Германии, а потом и всей Европы наступили самые страшные в многовековой истории времена. В конце 1941 года Гитлер отдал приказ об их полном уничтожении [21]. Была разработана основательная программа «окончательного решения еврейского вопроса».

Во времена Холокоста христианские церкви не сделали для спасения евреев того, что, казалось, лежит в основе их веры, — не дали помощи страждущим и гонимым, угнетенным и преследуемым. Ватикан несколько раз пытался продемонстрировать свое несогласие с нацистским режимом, подчеркивая, что расизм не имеет ничего общего с христианством. Этому посвящены, например, энциклика Папы Пия XI 1937 года [22], энциклика Папы Пия XII 1939 года и его же Рождественское Послание 1942-го [23] (более подробно см. [24]). Однако после Хрустальной ночи со стороны немецких епископов не последовало ни одного официального протеста против еврейских погромов. Католическая и протестантские Церкви молчали и позже, когда террор невозможно было не заметить. Это молчание продолжалось вплоть до падения гитлеровского режима.

Известный философ и теолог Эмиль Факенхайм вспоминал, как во время лекции в Иерусалиме он употребил выражение «нацистско-христианский». Один из слушателей, христианин, стал бурно протестовать, утверждая, что такое словосочетание содержит в себе терминологическое противоречие. Факенхайм согласился, однако добавил, что в течение по крайней мере 12 лет теоретически невозможное было реальностью [25].

История знает примеры героического и самоотверженного поведения священников и простых христиан, спасавших евреев от фашистского уничтожения. На аллее Праведников мира в Яд-Вашеме в их честь посажено не одно дерево. И об этом нужно писать и говорить: не стоит земля без таких праведников! Но в море фактов, свидетельствующих о равнодушии и бездействии церкви во времена массовых убийств евреев, таких примеров слишком мало. И это признается сейчас подавляющим числом западных богословов и деятелей церкви. В годы террора великий христианский богослов и мученик Дитрих Бонхёффер бросил в адрес церкви обвинение, что «она виновна в смерти самых слабых и беззащитных братьев Иисуса Христа» [26].

Катастрофа европейского еврейства панесла страшный удар по христианско-иудейским отношениям. Не могло не измениться и само христианство. Осознание того, что эти изменения необходимы, пришло далеко не сразу. Минуло почти двадцать лет после окончания Второй мировой войны, прежде чем Второй Ватиканский собор (1962–1965) существенно пересмотрел представления католической церкви о евреях. Декларация «Об отношении церкви к нехристианским религиям» («*Nostra aetate*») содержит принципиально новый подход: «Церковь, осуждающая все гонения на каких бы то ни было людей, памятуя об общем с иудеями наследстве, и движимая не политическими соображениями, но духовной любовью по Евангелию,

сожалсет о ненависти, о гонениях и всех проявлениях антисемитизма, которые когда бы то ни было и кем бы то ни было направлялись против евреев» [27]. В последующие годы слова осуждения антисемитизма неоднократно звучали в выступлениях высших католических иерархов, включая самого Папу Иоанна Павла II. Очень важными для иудейско-католических отношений оказались два события: установление 30 декабря 1993 года дипломатических отношений между Ватиканом и Израилем и визит Папы в Израиль в 2000 году.

После Второго Ватиканского собора изменилась и церковная практика католицизма. Из повседневной церковной службы удалено большинство антииудейских и антиеврейских тем. Отменены описанные выше антисемитские решения соборов. В протестантских Церквях отказ от этих решений произошел проще. Объявив с самого начала Предание делом рук человеческих, протестанты легче преодолевают антиеврейские предрассудки. Они проводят многочисленные встречи и совместные конференции с еврейскими религиозными организациями, где принимаются очень обнадеживающие решения, пронизанные желанием понять друг друга.

И все же христианско-иудейские отношения сегодня далеки от идеала и полного взаимопонимания. Осенью 2000 года появилась Ватиканская энциклика «*Dominus Jesus*», в которой отвергается любая идея иного пути к Богу, чем через Иисуса Христа. Как пишет Юрий Табак, эта энциклика «в богословско-теоретическом плане возвращает иудейско-христианский диалог к стартовой линии послевоенных лет» [29]. Заявление Ватикана вызвало острую критику и со стороны еврейских общин, и со стороны протестантских Церквей, которые в энциклике названы «не вполне Церквями».

На этом фоне особенно значимо выглядит декларация раввинов и ученых из Европы, Америки и Израиля об отношении к христианству и христианам, напечатанная 10 сентября 2000 года в ряде ведущих газет Америки [29]. Декларация называется «Дабру Эмет — говорите правду!». Ее положения, без сомнения, вызовут оживленные споры и в еврейских, и в христианских кругах, однако как важный шаг для развития нормального двустороннего диалога ее трудно переоценить.

И все же за красивыми словами деклараций, материалов конференций и симпозиумов не может потеряться горькая истина: антисемитские и антииудаистские предрассудки в христианской среде еще сильны и на Западе, и особенно на Востоке, прежде всего в Русской Православной Церкви. Эта большая тема заслуживает отдельного разговора, ей посвящено много специальных исследований, из которых хочу выделить книгу Юрия Табака [30]. Важно отметить два

обстоятельства. Во-первых, Православная Церковь не несет такой же ответственности, как западные Церкви, за уничтожение миллионов евреев. Поэтому не нашлось и серьезных стимулов для пересмотра православной теологии, как это было в послевоенные годы в католичестве и протестантстве. Во-вторых, в Православии вера в святость Писания и Предания является непоколебимой. Изменение даже буквы или знака в них считается ересью. Формально и сегодня любой православный может быть отлучен от Церкви за совместный поход в баню с евреем. И в церковной практике до сих пор остаются в силе все антиеврейские призывы и проклятия, в том числе богослужебные тексты Страстной Пятницы, от которых уже давно отказались на Западе. Как пишет протоиерей Сергей Гаккель: «Что же касается Русской Православной Церкви, то ее по-прежнему отличает глубоко укорененный антииудаизм, который часто служит оправданием полной отгороженности церкви от еврейского мира, если не ее прямого антагонизма по отношению к последнему» (предисловие к русскому изданию книги [8]).

Осмысление уроков Холокоста продолжается и сегодня. Ирвинг Гринберг писал: «После Холокоста нельзя выдвигать теологические или любые другие положения, которые не выдерживают проверки в присутствии горящих детей» [8, с.103]. Жизнь подтверждает истинность слов Ганса Кюнга [1], вынесенных в эпиграф этих заметок. Несмотря на все трудности, христианско-иудейский диалог продолжается. И это единственный источник надежды на мир между религиями, а значит, и на мир между народами.

Литература

1. *Goldhagen Daniil*. Hitlers willige Vollstrecker. Berlin, 1998.
2. «Herz der Finsternis». — In: Frankfurter Allgemeinen Zeitung. 16 August 1996.
3. *Раушниц Герман*. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., «Миф», 1993.
4. *Кротов Яков*. В защиту антисемитов. — См.: Сетевой журнал «Заметки по еврейской истории» (www.berkovich-zametki.com).
5. *Czermak Gerhard*. Christen gegen Juden. Hamburg, 1997.
6. *Беркович Евгений*. Христос в Освенциме. — См.: «Русская мысль», № 4215 (26 марта–1 апреля 1998 г.). См. также заметку в этой книге.
7. *Kreis Rudolf*. Antisemitismus und Kirche. Hamburg, 1999.
8. Христианско-иудейский диалог. Хрестоматия / Составитель Х. Фрай. Перевод Ю. Табака. М., 1996.
9. *Heer Friedrich*. Gottes erste Liebe. Berlin, 1981.
10. Verordnung zum Reichsbuergengesetz vom 25 Juli 1938 (RGBl. I, 969).
11. Verkehrsminister an Innenminister, 30 Dez. 1939 (NG-3995).

12. Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre, 15 Sept. 1935 (RGBl. I, 1146).
13. Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums, 7 April 1933 (RGBl. I, 175).
14. Polizeiverordnung zur Ermaechtigung der Localbehoerden, Juden an bestimmten Tagen von den Strassen zu verbannen, 28 Nov. 1938 (RGBl. I, 1676).
15. Vorschlag der Parteikanzlei, Juden die Erhebung von Zivilklagen zu verbieten, 9 Sept. 1942 (Bormann an Justizministerium, NG-151).
16. Verordnung vom 1 Sept. 1941 (RGBl. I, 547).
17. Heydrich an Goering, 11 Nov. 1938 (PS-3058).
18. Verbot freundschaftlicher Beziehungen zu Juden vom 24 Okt. 1941 (Gestapo-Anordnung, L-15).
19. In: Judenfrage, Vertrauliche Beilage, 1 Nov. 1942.
20. Gesetz gegen die Ueberfuellung deutscher Schulen und Hochschulen vom 25 April 1933 (RGBl. I, 225).
21. *Беркович Евгений*. Заложники второй мировой. Кто и когда приказал уничтожить европейских евреев. См. заметку в этой книге-
22. *Pius XI*. Enzyklika «Mit brennender Sorge» (14 Maerz 1937).
23. *Pius XII*. Enzyklika «Summi Pontificatus» (28 Okt. 1939); Rundfunkbotschaft zu Weihnachten (24 Dez. 1942).
24. *Lapide Pinchas*. Rom und die Juden. Ulm 1998.
25. *Fackenheim Emil* To Mend the World. Foundations of Post-Holocaust Thought. N.Y., 1982.
26. *Bonhoeffer Dietrich*. *Ethics*. N.Y., 1965.
27. II Vatikanisches Konzil: «Nostra aetate», § 4.
28. *Табак Юрий*. Революция и реставрация в иудейско-христианском диалоге. — См.: «НГ-Религии», 2000, № 18(65) (27 сентября 2000 г.).
29. «Дабру Эмет—говорите правду!». — Там же, № 17(64) (13 сентября 2000 г.).
30. *Табак Юрий*. Отношение русской Православной Церкви к евреям: история и современность. — В кн.: «Истина и жизнь». М., 1999.
31. *Hans Kueng*. Global Responsibility: In Search of a New Ethic, SCM Press, 1988.

НЕМЕЦКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ: ФАКТЫ И ВЫМЫСЛЫ

К концу девятнадцатого—началу двадцатого века в Германии проживало около 600 тысяч евреев. Большинство из них ощущали себя немцами — точно так же, как современные американские евреи ощущают себя американцами, а, скажем, французские — французами. При этом, как правило, они не забывают ни еврейских традиций, ни своей исконной религии. Немецкие евреи играли заметную роль в общественной жизни страны. Многие принадлежали к высшим слоям общества — это были профессора университетов, руководители крупных предприятий и банков, издатели популярных газет («Frankfurter Zeitung», «Vossische Zeitung», «Berliner Tageblatt»), известные писатели, композиторы. Основная же часть их составляла средний класс — сюда относились врачи, торговцы, ювелиры, юристы... Все они искренне считали Германию своей родиной, и для них было совершенно естественно, что их сыновья в Первую мировую войну добровольцами отправлялись на фронт. По официальным данным, свыше ста тысяч немецких евреев служили тогда в армии, 80 тысяч из них — на фронте; в боях убито 12 тысяч, награждено орденами и медалями 35 тысяч солдат еврейского происхождения, 23 тысячи повышены в чине, 2 тысячи произведены в офицеры.

Немецкие евреи не просто ощущали себя настоящими гражданами Германии, они чувствовали глубокую связь с землей, на которой жили, — будь то мюнхенские, швабские, рейнские или берлинские земли. Они верили в надежность своих гражданских прав, в то, что государство всегда защитит их от произвола и насилия. Даже после прихода к власти Гитлера большинство этих людей не осознало той страшной опасности, которая отныне угрожала им. И многие из них не уехали из Германии в то время, когда это было еще возможно. Сейчас такая беспечность может показаться ужасной и трагичной, но мы не вправе никого судить: разве мог гражданин цивилизованной страны — прусский военный врач или офицер, ставший инвалидом на войне и награжденный орденами и медалями, — хотя бы предположить, что кончит свою жизнь в Освенциме?

Был ли тогда антисемитизм в Германии? Безусловно, был. Корни его уходят в далекое прошлое, он постоянно поддерживался религиозными и бытовыми предрассудками. Но был ли немецкий антисемитизм более сильным, чем в соседних странах — скажем, в Польше, России или во Франции? Точно ответить на этот вопрос мы вряд ли сумеем, поскольку такие явления, как ненависть, страх, любовь, с трудом поддаются измерению, и все же можно утверждать, что в 1900 году антисемитизм сильнее ощущался во Франции. Лозунги

типа: «Да здравствует армия, долой жидов!» — поддержанные миллионами французов во время знаменитого процесса по делу Дрейфуса, в Германии еще не звучали!

В ту пору в политической жизни страны националистические партии, провозглашавшие откровенно антисемитские лозунги, играли совсем незначительную роль. Их лидеры — Бёкел, Альвардт, Либерман — никогда не имели такой популярности, как знаменитый антисемит венский бургомистр Карл Люгер. Немецкие граждане в большинстве своем антисемитских партий не поддерживали. А наиболее популярная тогда социал-демократическая партия, ведя предвыборную борьбу за голоса избирателей, не вступала даже во временный союз с антисемитами.

Я далек от того, чтобы идеализировать немецкое общество кайзеровской эпохи: антисемитизм проявлял себя, причем в различных формах — иногда громко и агрессивно, иногда сдержанно и скрытно. Да, антисемитизм в Германии, как и в других странах, был всегда. Но я убежден, что не в этом главная причина прихода Гитлера к власти.

Бациллы антисемитизма давно живут на земле. Однако серьезная болезнь немецкого общества стала развиваться лишь после поражения Германии в Первой мировой войне. К тяжелому моральному состоянию немецких граждан добавились безработица, страшная инфляция и, как следствие, массовое обнищание людей. О масштабах инфляции можно судить хотя бы по такому примеру. В 1922 году на банкноте в 1000 марок Рейхсбанк напечатал: «Номинал — 1 миллиард марок», а уже в 1923-м была выпущена банкнота в 1000 миллиардов марок!

Именно тогда лозунг «Евреи — наше несчастье» нашел отклик в сердцах миллионов. Политические успехи нацистской партии теснее связаны с экономическими бедами страны, чем с антисемитскими настроениями народных масс. Отчаявшиеся люди видели в обещаниях нацистов последнюю надежду на то, что смогут, наконец, узнать достойную жизнь. В 1924 году партия Гитлера имела 24 места в Рейхстаге, в 1928-м — 12. В следующем году весь мир поразил грандиозный экономический кризис, и уже в 1930-м нацисты увеличили число мест до 107.

Без сомнения, в 1930–1933 годы избирателям был уже хорошо известен фанатичный антисемитизм Гитлера. И все же на существенный для нашей темы вопрос: «Действительно ли Гитлера выбирали прежде всего потому, что он был антисемитом?» — с уверенностью можно ответить: «Нет!». Для рядовых избирателей в то время антисемитизм Гитлера не играл значительной роли.

Парад штурмовиков

Если проследить за тем, как антисемитизм Гитлера проявлялся внешне, то в его развитии можно выделить три совершенно разные стадии.

Пока будущий фюрер не видел реальных шансов получить власть, он допускал в речах и письменных обращениях самые грязные и непристойные высказывания в адрес евреев (это можно найти и в его книге «Моя борьба», написанной в 1924 году). Когда же начался мировой экономический кризис, многих повернувший к нацизму, Гитлер стал значительно осторожней. Конечно, антисемитизм его не стал меньше. Но он отлично понимал, что ненавистью к евреям можно заработать очень небольшой политический капитал, которого будет явно недостаточно для того, чтобы получить всю власть в стране.

Возьмем, к примеру, гитлеровский манифест к выборам 1930 года — важному политическому событию, принесшему нацистам небывалый успех. Манифест напечатан на тринадцати страницах и содержит несколько тысяч слов. Сколько же из них посвящено «еврейскому вопросу»? Ни одного! В этом документе последовательно перечислены все противники и враги, мешающие немцам жить, — и ни слова о евреях! Можно сказать, что такая политика характерна почти для всех выступлений Гитлера в период с 1930 по 1933 годы.

На данное обстоятельство не часто обращают внимание, хотя оно ясно свидетельствует в пользу того, что основная масса простых

людей, от которых зависел исход выборов и к которым обращены воззвания будущего фюрера, была настроена к еврейскому населению страны вполне миролюбиво.

Антисемитизм в любой стране остается антисемитизмом. В сравнении с польским, русским, венгерским или французским антисемитизмом немецкий имел свои особенности, которые объясняются многовековой историей совместной жизни евреев и немцев в Германии. Но назвать его принципиально отличным от других тоже нельзя. Болезненная ненависть к евреям осталась бы фактом личной биографии Гитлера, не приди он к власти в 1933 году. А в дальнейшем, по мере того как укреплялась его власть, рос и государственный немецкий антисемитизм. К лету 1934 года диктатура фюрера стала полной, и уже в следующем, 1935-м, были опубликованы знаменитые антиеврейские Нюрнбергские законы. А всегерманский еврейский погром 1938 года (печально известная «Хрустальная ночь», или «Ночь разбитых витрин») был учинен через пять недель после подписания Мюнхенского договора, давшего Гитлеру власть над всей Центральной Европой. И только после этого он начал в полном объеме осуществлять свои дьявольские планы в отношении евреев.

Немцы, голосовавшие за Гитлера (а на последних выборах таких было 35 процентов), знали, что он яростный антисемит. Но многие наивно надеялись, что его «яростность» сгладится и исчезнет, как только он получит власть. Ведь большинство немцев было озабочено совсем не судьбой евреев, а своей собственной судьбой. Никто не хотел новой войны, слишком свежи еще были воспоминания о Первой мировой. И несмотря на то, что Гитлер недвусмысленно призывал к переделу мира, в эти призывы люди тоже не очень верили, когда отдавали ему голоса.

Обещания Гитлера отвечали интересам основной массы избирателей, хотя и с некоторым «перехлестом»: немцы надеялись на возрождение нации — Гитлер был «немного слишком» националистом; многие недолюбливали евреев — Гитлер был «немного слишком» антисемитом. Это «немного слишком» немцы объясняли перегибами в борьбе за власть и надеялись на лучшее. В свидетельствах современников говорится о распространенной в то время поговорке: «Не так горячо естся, как варится».

Но казавшиеся случайными или преходящими «крайности» не сгладились и не исчезли после того, как выборы состоялись. Наоборот, волна ненависти к евреям поднималась все выше — но не стихийно, а очень умело дозированная. Можно предположить, что направив Гитлер свои штурмовые отряды грабить и убивать евреев в 1933 году, тогда командование немецкой армии прекратило бы погромы. Но в

1938-м армия не возражала против «Хрустальной ночи». Если бы Гитлер оккупировал Австрию в 1933 году, в это непременно вмешалась бы Франция — в 1938-м захвату Австрии уже никто не противостоял.

В самой Германии во время господства нацистов отношение простого населения к евреям во многом определялось присущим немцам законопослушанием. Конечно, были и «добровольные помощники Гитлера», о которых писал в своей нашумевшей книге американский историк Даниэль Гольдхаген. Но миф о немцах как о «нации убийц» имеет так же мало общего с действительностью, как и прочие эффектные историко-литературные мифы. «Добровольные помощники Гитлера» во время Холокоста в большом количестве обнаружались не только в Германии, но и в Эстонии, Литве, на Украине и в других странах.

Второй по должности человек в нацистском рейхе, Германн Геринг на заседании Нюрнбернского трибунала заявил: «Я никогда не был антисемитом — спросите Бернхаймера!» (известного торговца картинами в Берлине). Такому заявлению можно верить: в воспоминаниях шефа гестапо Мюллера описан ряд эпизодов, свидетельствовавших о том, что Геринг спасал евреев от уничтожения. И тем не менее он был соучастником преступлений фашизма хотя бы потому, что занимал высокий государственный пост, точно так же, как их соучастниками были миллионы других немцев — каждый на своем посту.

Швейцарский историк Голо Манн, выступая в 1966 году на заседании Всемирного еврейского конгресса в Брюсселе, рассказал о своем еврейском дедушке, которого нацисты лишили немецкого паспорта. Это было в 1936-м, в ту пору его единственная дочь, мать Голо Манна, жила в эмиграции, в Швейцарии. Дедушке очень хотелось повидаться с дочерью. Кто-то рассказал ему, что на немецко-швейцарской границе немецкие граждане даже без паспорта могут получить разрешение на то, чтобы на один день пересечь границу. Он приехал в пограничный городок Констанц, но его ждало жестокое разочарование. Пограничники не только отказали в просьбе, но и посмеялись над ним. Все, что он мог сделать, это прямо с границы позвонить дочери по телефону. Убитый горем старик только и мог сказать: «Что же делать — таковы инструкции...».

«Таковы инструкции» — эти печальные, а если знать последующие события, то и страшные слова могут быть применены ко всему, что связано с участием немцев в Катастрофе европейского еврейства. Еще римский историк Тацит в своей книге «Германия» отмечает характерные для германцев основательность и упорство, проявляемые

даже в дурных вещах. Сами германцы, пишет Тацит, «называют эти качества верностью».

Тот факт, что Катастрофа не была предопределена исторически, не делает немцев, живших при нацистах, менее виновными в случившемся. И хотя многие из них не знали, что происходит на самом деле, все же вина лежит, как писал философ Карл Ясперс, на целом — без исключения — поколении. Сам Ясперс говорил, что, живя в Гейдельберге, он только в 1945 году узнал действительное положение вещей. И тогда же, в своей первой публичной речи, произнесенной после окончания войны, он сказал: «Мы, выжившие немцы, не искали смерти. Нас не арестовывали, как наших еврейских друзей, не выгоняли на улицы, не казнили. Мы предпочитали остаться в живых с таким слабым, если вообще правильным, аргументом, что наша смерть все равно никому не может помочь. То, что мы живы, и есть наша вина!».

Серьезные исторические проблемы и противоречия, как правило, быстро не решаются. Пережившим катастрофу Холокоста казалось немыслимым возобновить совместную жизнь, общение немцев и евреев. После изгнания евреев из Испании в 1492 году в течение нескольких веков ни один верующий еврей не хотел ехать в эту страну, даже когда официальные запреты были сняты. Только в начале двадцатого столетия возродились небольшие еврейские общины на испанской земле.

Моисей сорок лет водил евреев по пустыне — такой срок понадобился для того, чтобы сменилось поколение живших в египетском плену и подросло новое, свободное от грехов и пережитков своих родителей.

Осенью 1999 года исполнилось пятьдесят лет с того момента, как образовалось демократическое немецкое государство — Федеративная Республика Германия. За эти годы сделано достаточно много, чтобы вирус расизма и национализма не мог вызвать новую вспышку болезни, которой общество болело в 30-е–40-е годы ушедшего века. Медленное, но неуклонное возрождение еврейской общины в современной Германии — один из признаков выздоровления.

ПЛОДЫ ЕВРЕЙСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ: ЭМИЛЬ И ВАЛЬТЕР РАТЕНАУ

Многовековая история евреев в Германии знает свои темные и светлые страницы. До середины девятнадцатого века еврейское общество жило изолированной, замкнутой жизнью, не пользуясь практически никакими политическими правами.

В Германии, как и в большинстве стран Европы, еврейская эмансипация, т. е. уравнивание в правах с прочим населением, началась лишь после победы Французской революции и установления власти Наполеона I. Евреи во Франции получили все права гражданства в 1791 году. Во время наполеоновских войн в Европе на завоеванных им землях отменялись привилегии по рождению и провозглашалось равенство всех граждан. Так были эмансипированы евреи Бельгии, Голландии, Италии, части Германии. Но и в независимых странах, которые вели войну с Францией, декларировалась эмансипация евреев для того, чтобы иметь в их лице преданных солдат, далеких от мысли перейти на сторону императора, объявлявшего повсюду всеобщее равенство. Например, в Пруссии 11 марта 1812 года был издан знаменитый *Judenedikt*, в силу которого евреи более уже не считались иностранцами, терпимыми в стране пришельцами, а были признаны такими же гражданами, как и христиане, от которых они «отличаются лишь в религиозном отношении».

Однако когда власть Наполеона пала и евреи больше не были нужны для борьбы с ним, реакционные правительства Германии и Австрии на Венском конгрессе постановили, что будущий Союзный сейм Германии займется выработкой положения о евреях, до того же времени за последователями иудейского вероисповедания сохранялись права, уже предоставленные им отдельными союзными государствами. Это означало отмену всех освободительных актов Наполеона. Евреи немецких земель вернулись в свое прежнее бесправное положение.

Юридически эмансипация евреев в Европе состоялась лишь после революции 1848 года. Все парламенты самостоятельных немецких княжеств в 1848–1849 годах предоставили евреям равноправие. Во главе движения шел франкфуртский парламент, провозгласивший «Основные права немецкого народа» — документ, закрепивший еврейскую эмансипацию. Подобные акты были приняты и в Австро-Венгрии и Италии. Однако вскоре вновь наступила реакция, и эмансипация фактически была уничтожена рядом отдельных циркуляров и распоряжений.

Действительная эмансипация евреев в Германии осуществилась только в 1869–1872 годах. К середине семидесятых годов девятнадцатого века их равенство с другими гражданами было установлено практически во всех странах Западной Европы.

Эмансипация открыла евреям дорогу в гражданское общество, к европейскому образованию, в промышленность и науку, культуру и политику. Одновременно начался сложный, противоречивый процесс их ассимиляции, интеграции с немецким обществом, сопровождавшийся ростом ненависти и антисемитизма.

Яркий пример ассимиляции евреев в Германии дает семья Ратенау, оставившая заметный след в немецкой и всемирной истории.

* * *

Эмиль Ратенау, выдающийся инженер и предприниматель, родился в Берлине в 1838 году в состоятельной и культурной еврейской семье.

В молодости он изучал основы машиностроения и электротехники на предприятиях своего деда в Силезии, Англии и Германии. В 1865 году Эмиль приобрел машиностроительный заводик в Берлине. Время благоприятствовало подобным начинаниям. Развитие капитализма, либеральные настроения в обществе открывали инициативным евреям дорогу в мир предпринимательства, где они в конкурентной борьбе завоевывали себе место в ряду основателей современной индустрии.

Жизненный путь Эмиля Ратенау в целом был успешным, хотя ему и приходилось сталкиваться с экономическими кризисами и относительно неудачами. Но он искал новые пути в бизнесе и всегда находил выходы из

Эмиль Ратенау и Томас Эдиссон. 1911 г.

сложных положений. Этот человек был постоянно открыт для всего нового. Он рано осознал значение электротехники в современной цивилизации и стал одним из ведущих предпринимателей в этой области.

В 1881 году на выставке в Париже знаменитый изобретатель Томас Алва Эдисон представлял электрическую лампочку. Ратенау приобрел права на его патенты в Европе и в 1883 году основал Немецкое общество доктора Эдисона, специализировавшееся на прикладной электротехнике. В 1887-м это общество преобразовалось в ныне знаменитую компанию AEG (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft), которой он руководил до конца своей жизни. Компания и поныне значится среди ведущих электротехнических фирм мира. В 1884 году предприниматель строит берлинскую электростанцию, а в 1903-м вместе с фон Сименсом — компанию «Телефункен» для беспроволочной телеграфии, как тогда называли радио.

В 1911 году берлинский университет вручил Эмилию Ратенау дипломом доктора *honoris causa*. Он становится одним из очень немногих евреев, удостоившихся этого звания в Пруссии.

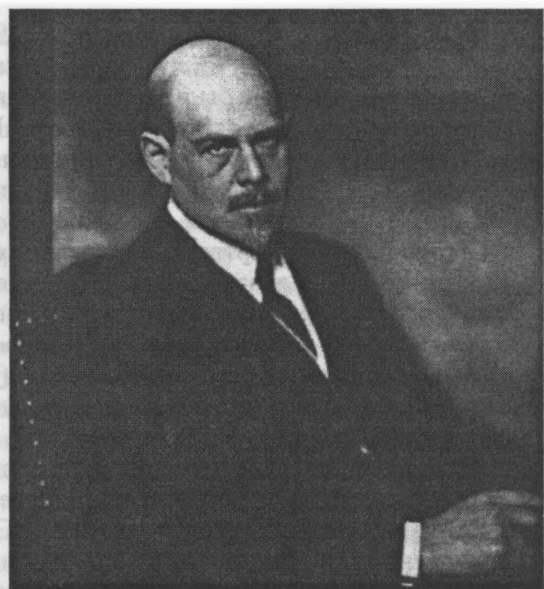
* * *

В истории Германии двадцатого века видную роль сыграл сын Эмиля Вальтер — крупный промышленник, писатель, философ и политик.

Вальтер Ратенау родился в Берлине 29 августа 1867 года. Получив, как и отец, образование электроинженера, в 1899 году он становится членом правления компании AEG. В тот же время в 1902—1907 годах он был владельцем берлинской торговой компании, членом правления более сотни других предприятий. В 1907-м Вальтера назначают членом Наблюдательного совета AEG, позднее — его председателем. После смерти отца в 1915 году Вальтер Ратенау становится президентом компании.

Историки считают Вальтера одним из крупнейших технических специалистов Германии. Но еще с большим рвением отдавал он себя литературе, науке, публицистике и политике. Его статьи и книги по философии, социологии, этике, научно-технические и публицистические работы еще до Первой мировой войны нашли необычайно большой круг читателей.

К началу войны Вальтер Ратенау возглавлял отдел сырьевых ресурсов в прусском военном министерстве. Его организационная и общественная деятельность в военные годы выдвинула Вальтера в ряды первых политических фигур Германии и дала ему возможность самому принимать и проводить в жизнь ответственные политические решения как внутри страны, так и на международном уровне.

Вальтер Ратенау

В 1919 году Вальтер был призван к подготовке мирной конференции, где он выступал в качестве эксперта. В 1920 году Ратенау — член комиссии по национализации. В мае — ноябре 1921-го — руководитель министерства восстановления государственного хозяйства в составе кабинета министров Вирта. Будучи министром иностранных дел (с 1 февраля 1922 года), он участвовал в знаменитой генуэзской конференции, в ходе которой заключил с Россией Рапалльский договор.

Таков в схематичном описании жизненный путь этого незаурядного человека.

Вальтер Ратенау оставил большое литературное наследие, сохранилась немалая часть его переписки с выдающимися людьми своего времени. О самом Ратенау изданы десятки книг, его многогранная, сложная и противоречивая натура до сих пор вызывает споры исследователей.

Всю свою жизнь служа Германии, являясь настоящим немецким патриотом, в то же время Вальтер никогда не забывал, что он еврей.

Ему хорошо было известно, что значит быть «чужим среди своих». Он писал: «В детские годы каждого немецкого еврея есть болезненный момент, который он помнит потом всю жизнь: когда он в первый раз осознает, что вступает в мир как гражданин второго сорта и никакая его деятельность, никакие заслуги положения не изменят».

В статье «Слушай, Израиль!», опубликованной в 1897 году, тридцатилетний Вальтер предупреждал: «Евреи не должны выделяться». Но сам-то он всю жизнь как раз и был таким «выделяющимся евреем», хотя скорее всего и не отдавал себе в этом отчета. Несмотря на все его заслуги перед немецкой родиной, в глазах националистов Вальтер Ратенау был еврейским промышленником, еврейским организатором хозяйства, еврейским министром иностранных дел.

В декабре 1917 года в письме Гертруде Вильгельмине фон Гинденбург, супруге будущего президента Германии, Ратенау писал: «...хотя я, как и мои предки, всеми силами служил стране, будучи евреем, я остаюсь гражданином второго сорта. В мирное время для меня невозможно было бы стать ни государственным служащим, ни даже лейтенантом». Как еврей он мог в хорошем полку дослужиться разве что до фельдфебеля.

Но хотя связи Ратенау с еврейской религиозной традицией были столь же слабы, как и у многих эмансипированных евреев в больших городах, выход в крещении был для него неприемлем. «Сменив веру, я мог бы устранить дискриминацию в отношении себя, но этим я бы только потворствовал правящим классам в их беззаконии... Я остаюсь в религиозном сообществе евреев, так как не хочу уклоняться от упреков и трудностей, а испытал я и того и другого по сегодняшний день предостаточно». Прусскую политику в отношении евреев он называл тягчайшим оскорблением целой группы населения, оскорблением бессмысленным и безнравственным: «В действительно культурных странах, в Англии, Франции, Италии и Америке, евреи считаются позитивным в государственном смысле элементом».

Ратенау не был ни еврейским, ни немецким националистом. Его отношение к национальности человека хорошо видно из слов, написанных в 1918 году в письме другу Вильгельму Шванеру: «Ты знаешь, как я высоко чтю историю и честь моего рода и имени и не признаю никакого ранжирования по крови. Для меня Дух и Душа свободны и нематериальны, они не связаны ни с мясом, ни с кровью...»

Курт Блюменфельд (1884–1963), на протяжении многих лет бесспорный лидер немецких сионистов (с 1924 года — председатель Сионистского общества Германии), в своих воспоминаниях рассказывает о беседе с Вальтером Ратенау в апреле 1922 года, в которой участвовал и Альберт Эйнштейн. Беседа проходила в министерском кабинете Ратенау. Блюменфельд в согласии с Эйнштейном пытался уговорить Вальтера, чтобы руководимое им министерство иностранных дел помогло сионистскому движению в Германии. Ратенау не поддержал идеи сионизма. Разговор продолжался около пяти часов, и посетители среди прочего задали и такой вопрос: «Имеет ли Ратенау право

представлять немецкую политику в качестве министра иностранных дел?». Блюменфельд отвечал отрицательно. По его мнению, еврей Ратенау не должен вести иностранными делами немецкого народа. Ратенау решительно с этим не согласился, что было совершенно понятно всем, кто знал его патриотизм и честолюбие. С прямодушной самоуверенностью он сказал: «Почему нет? Я вполне подхожу для того, чтобы руководить моим министерством. Я выполняю долг перед немецким народом, отдавая ему все свои силы и способности. И вообще что вы хотите? Почему я не могу повторить то, что делал Дизраэли?». (Еврей Бенжамин Дизраэли, он же лорд Биконсфильд, был выдающимся писателем и политическим деятелем, премьер-министром Англии.) Позднее Ратенау говорил: «Я разбиваю барьеры, которыми антисемиты нас хотят изолировать».

Поражение в Первой мировой войне, последовавшие за ним инфляция, безработица и нищета миллионов людей вызвали в народе небывалый до того взрыв антисемитских настроений. Современник тех событий писал: «Никогда прежде антисемитские страсти не достигали такого неистовства в Германии, как в период с 1919 по 1923 годы». Лозунг национал-социалистов «Евреи — наше несчастье» находил отклик во многих сердцах. Это была эпоха первых больших успехов партии Гитлера.

На стенах многих домов в Берлине 1922 года можно было прочесть такую надпись: «Убейте Вальтера Ратенау — богом проклятую еврейскую свинью». А 24 июня 1922 года Вальтер Ратенау действительно был убит тремя офицерами праворадикальной организации «Консул».

Занимаясь политической деятельностью, Вальтер Ратенау хотел помочь Германии в ее трудное время. Это стало для него смертельно опасным делом, а его убийство явилось прологом Катастрофы европейского еврейства.

Ратенау был убит как еврей, но погиб он не за еврейский, а за немецкий народ, которому отдал всю свою жизнь. В 1918 году он писал: «Многие немецкие евреи, чьи предки столетиями жили в Германии, чувствуют себя немцами. Мы хотим, как наши отцы, в Германии жить и для Германии умереть».

Двое из трех убийц Ратенау были сразу задержаны, третий — Вернер Техов — сумел скрыться. Его мать, тяжело переживавшая поступок сына, получила письмо от матери Ратенау, в котором были такие строки: «С несказанной болью протягиваю Вам, беднейшей из всех женщин, руку. Скажите своему сыну, что я во имя и в память убитого прощу его, если он полностью и открыто признает свою вину перед земным судом и покается перед Богом. Если бы Вернер знал

моего сына, этого благороднейшего человека, то свое оружие он скорее направил бы против себя, чем против него. Может, эти слова приносят покой его душе».

Впоследствии этот Техов оказался в Иностранном легионе и после многих приключений стал ключевой фигурой в спасении преследуемых евреев во Франции во время Второй мировой войны. Свидетели, которые встречали его в Марселе, сообщают, что он помог более чем 700 беженцам найти путь к свободе. Причиной такого преобразования бывшего антисемита было письмо матери Ратенау, о котором Техов говорил: «Оно открыло мне новый мир».

ЕВРЕЙСКАЯ САМОНЕНАВИСТЬ (ТРАГЕДИЯ ОТТО ВЕЙНИНГЕРА)

В конце 1902 года в венском издательстве Вильгейма Браумюллера вышла в свет книга двадцатитрехлетнего студента философии Отто Вейнингера «Пол и характер». Успех книги был бесспорным, ее содержание никого не оставляло равнодушным. В своих лекциях и статьях о ней говорили Эрнст Мах, Анри Бергсон и другие выдающиеся философы и писатели того времени. С мнениями автора часто не соглашались, спорили. Но в одной критике были единодушны: этому человеку предстоит блестящее будущее.

Вечером четвертого октября 1903 года в знаменитом номере старой венской гостиницы, в котором в 1827 году скончался Бетховен, Отто Вейнингер выстрелил себе в сердце. Всю ночь продолжалась агония, умер он только под утро.

После смерти автора его книга сразу приобрела мировую известность, была переведена на основные европейские языки. Только на русском она за короткий срок выдержала несколько изданий.

Самоубийство начинающего философа и писателя озадачило читающий мир. Многие люди — и близко знавшие Вейнингера, и далекие от него — предлагали различные версии случившегося, пытаясь найти причину его страшного последнего решения. В этой трагической смерти виделись идейные мотивы, и все содержание книги подтверждало предположение, что самоубийство могло быть следствием философского мироотрицания.

Отто Вейнингер развил новую теорию взаимоотношений полов. Для обоснования своего подхода он использовал разнообразный фактический материал — данные в области биологии, психологии, социологии и истории. Его выводы и заключения поражают оригинальностью и остротой мысли. Но среди многих тонких наблюдений, остроумных обобщений и своеобразных построений в книге есть и такие утверждения, которые ничем, кроме как болезненным расстройством ума, объяснить невозможно. Автор исходит из теории бисексуальности. В мире растений и животных, как и в мире человека, нет полностью однополовых особей. Не существуют «в чистом виде» ни мужчины, ни женщины. Есть только «мужское» и «женское» начала, «мужской» и «женский» элементы. В каждом мужчине и в каждой женщине одновременно присутствуют и тот и другой, и их соотношение определяет характер конкретного индивидуума. Вейнингер попытался изучить особенности этих элементов и те черты, которые они

Отто Вейнинггер

привнесят в общий комплекс. И здесь его выводы часто имеют шокирующий характер.

Все активное, духовное и творческое в человеке философ относит на счет мужского начала, а все материальное и пассивное считает чисто женским. Мужское начало для Вейнинггера — носитель добра, женское — носитель зла. Вот один из известных афоризмов книги «Пол и характер»: «Самый низкий мужчина выше самой достойной женщины». В другом месте он пишет: «Женственность — это хаос, женское начало — это бездушная материя, это ничто: небытие, абсурд. Мужество — это Суть. Мужское начало — это символ всего» [1]

Отсюда многие выводят заключение, что Вейнинггер — величайший женоненавистник. Однако это неверно: он говорит не о реальных мужчинах и женщинах, а об отвлеченных, абстрактных элементах. Но в стремлении «свести счеты» с материальной жизнью можно увидеть один из источников его собственной трагедии.

Другой источник этой трагедии связан с еврейским происхождением Вейнинггера и с тем загадочным психологическим явлением,

которое ганноверский профессор Теодор Лессинг назвал «еврейской самоненавистью» (так была названа и вышедшая в 1930 году в Берлине книга [2]).

В труде «Пол и характер» еврейству посвящена отдельная глава. Вейнингер старается оградить себя от упреков в вульгарном антисемитизме и сразу объявляет, что нападает не на расу или народ и тем более не на вероисповедание. Под «еврейством» он понимает известное духовное направление, психическую конституцию, которая возможна для всех людей, а в историческом еврействе нашла лишь самое законченное воплощение. Отдельные черты «еврейства» автор находит даже у арийцев. Например, у чистокровного пемца Рихарда Вагнера элемент еврейства, по его мнению, проявляется в навязчивой, громкой музыке, а также в усиленном внимании к внешней оркестровке своих произведений. Яркими представителями еврейства Вейнингер считает антисемитов, утверждая, что антисемит чувствует свою еврейскую психологию и старается от нее освободиться.

На еврейство Отто Вейнингер обрушивается со страшными обвинениями и упреками, усматривая в нем большое сходство с ненавидимым им женским началом. «Еврей — это бесформенная материя, существо без души, без индивидуальности. Ничто, нуль. Нравственный хаос. Еврей не верит ни в самого себя, ни в закон и порядок». В книге утверждается, что еврей так же, как женщина, не имеет души, не чувствует потребности в бессмертии, слишком легко становится неверующим. Евреи способствуют развитию материализма, склонны к материалистическому пониманию мира, к дарвинизму. Они все сводят к плотскому, земному. В них сильна потребность всё растворить в материи. Поэтому они и лишены гениальности. Вейнингер отрицает даже гений Спинозы. В науке евреи, говорит он, чаще всего только подхватывают и развивают гениальные мысли других людей, но никогда сами не выступают «генераторами идей».

На примере аргументации Вейнингера можно лишний раз убедиться в том, что для ненависти логика не обязательна. Стараясь всячески очернить еврейство, философ порой использует совершенно противоположные понятия, лишь бы они служили его главной цели. Не удивительно, что написанная им книга пришлась по душе нацистам. Ее не сожгли на кострах вместе с книгами других евреев, изданными на немецком языке. Гитлер называл Вейнингера единственным приемлемым евреем, а Геббельс часто цитировал его для доказательства отрицательных черт евреев и их ненависти к самим себе.

Вражда к еврейству и раньше находила свое «теоретическое обоснование». Но аргументы подобных «теоретиков» были совсем другими. Одни из них исходили из идеи «здорового народного духа»,

«народного характера», которая чужда евреям и особенно еврейскому Богу, представляющему собой нечто непонятное и отвратительное. По сравнению с жизнерадостными и ясными богами Древней Греции или Древней Германии еврейский Бог был абстрактным, бескровным и злобным моралистом, «разрушителем формы». Последовательный борец с иудаизмом становился в таком случае и противником христианства, которое превращалось для него в «иудо-христианство». Слова и дела Гитлера лучше всего доказывают это. Достаточно вспомнить его борьбу с христианскими церквями, сочувствие идеям Розенберга о возвращении немцев к языческой религии древних германцев, введении «арийского Евангелия» и т. п. Заповеди Библии были неприемлемы для фашистов. «Совість — это изобретение евреев», — заявлял Гитлер.

Другая группа противников иудаизма свою антипатию к евреям обосновывала прямо противоположным образом. Мартин Лютер упрекал их в том, что они не стали «сынами Бога», а остаются «сынами Земли». Слепой философ Евгений Дюринг, «прославленный» работой «Анти-Дюринг» одного из основоположников марксизма, называл евреев «мифотворцами». Он считал, что трезвый и расчетливый «нордический человек» должен противопоставить их религиозным фантазиям логику и здоровый позитивизм.

Таким образом, материализм, реализм в одном случае становился основой еврейского мировоззрения, а в другом — оплотом борьбы против «мифообразующих еврейских фантазий». Каждый может выбрать что-то по своему вкусу.

Где же лежат истоки ненависти к еврейству Отто Вейнингера? Для ответа на этот непростой вопрос надо понять, как рос и развивался молодой философ и писатель.

Все, кто знал Отто ребенком, рассказывали, как открыт и восприимчив был он в детстве. Его нежная душа откликалась на малейшие внешние воздействия. Любое природное явление имело для него свой особенный смысл: далекие горы были обещанием счастья, плывущие по небу облака сулили приключения. Смерть комара могла сильно ранить его душу. И когда этот мальчик превратился в юношу, задолго до того, как стать настоящим мыслителем, он стал поэтом. Его любопытство не знало предела. В своей деятельности он не мог ограничить себя какими-то рамками, чем бы он ни занимался, все увлекало и захватывало его. Ни о какой конкретной профессии долгое время не могло быть и речи. Конечно, здесь таилась опасность распылить свои силы. Но отсюда родилось и его страстное желание для всего многообразия жизненных проявлений найти «общий

знаменатель», объяснить и упорядочить изобилие существующих форм. Это был путь к философии.

Однако юному человеку трудно примириться с тем, что так много существует мест на земле, которые он ни разу не посетил, так много рук, которые он ни разу не пожал, так много прекрасных женщин, которых он никогда не видел. Для того чтобы «смирить себя», нужен сильный характер, достойный уважения не меньше, чем творческий дар и необыкновенные умственные способности.

Отто Вейнингер добровольно заперся в «башне из слоповой кости», посвятив себя решению грандиозной интеллектуальной задачи. Он читал Гегеля и Канта, погрузился в изучение математики и схоластики. Постепенно у него выработалось высокомерное отношение к земным, житейским вещам, которые как бы тянут вниз от возвышенного и духовного. Он видел мир через призму интеллектуального, и такая картина не могла не стать искаженной. Чтобы не быть захваченным красотой реального мира, следовало изобразить его отвратительным. И чем больше этот мир привлекает и манит, тем более отталкивающие картины он рисует. И вот уже сам автор едва держится на ногах от ужаса и омерзения.

Ни одно слово не встречается в его бумагах чаще, чем «преступление», «преступный». Вся его философия насквозь пронизана идеей греха и искупления. Ему была чрезвычайно близка идея первородного, неотвратимого греха, неразрывно связанного с человеком. И где же он видел возможность освобождения? Только в восхождении человеческой жизни к чистым высотам духа, где царят разум и мораль. И он ставит перед собой великую цель — привести человечество к истинному счастью, освободить его от сковывающего дух греха — и клянется не изменить этой светлой цели.

Грандиозность моральной задачи, которую он нарисовал для себя, непосильна для смертного. Он видел, что если даже люди и могут подняться в высоту чистого эфира, они не хотят находиться там всю жизнь. И Вейнингер пытается заставить человека навсегда покинуть грешную землю и жить в мире высокого.

А для этого надо освободиться от оков «низкой жизни». Что сильнее всего привязывает человека к земле? Что дается ему при рождении и что сам он изменить не может? Пол и кровь.

Имея чуткую мужскую душу, Отто Вейнингер страшился всего противоположного, непонятного. То, что так манило и так пугало его, назвал он «женским». И это женское начало, на его взгляд, не было необходимым.

Отто ненавидел кровь, а его кровь была еврейской. Он был рожден евреем, но не был связан ни с иудаизмом, ни с еврейской

традицией. Тем не менее всё, что образовывало фундамент его жизни, называл он «еврейством». Женское и еврейское было для него двумя различными именами тех жизненных основ, которых он боялся и избегал.

Захваченный страстной идеей открыть миру истинную систему морали и указать верный путь, пишет он свою книгу.

И вот книга увидела свет, и практически сразу пришел успех. Европейская слава поразила бедного еврея-студента. Для него открылись все блага мира — почет, деньги, власть, путешествия, прекрасные женщины. Ненавидимый им «земной мир» распахнул перед ним объятия и обещал земное счастье.

Но бедный юноша имел гордое и мужественное сердце. Он был не из тех, кто учит, что нужно пить воду, а сам тайком пьет вино. Все, что он проповедовал, он оплатил своей кровью сполна.

Трагическая судьба Отто Вейнингера не должна быть козырем и аргументом в руках фашистов всех мастей, тайных и явных недругов еврейского народа. Ибо сказано: «Народу, который сам себя судил, не пужны чужие судьбы».

Литература

1. *Weininger Otto. Geschlecht und Charakter. Muenchen: Matthes & Seitz, 1997.*
2. *Lessing Theodor. Der juedische Selbsthass. Berlin: Zionistischer Bucher-Bund (Judischer Verlag), 1930.*

АМЕРИКА И ХОЛОКОСТ (АМЕРИКАНСКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ)

*«Все народы можно разделить на две категории:
тех, кто изгонял евреев, и тех, кто не впускал их к себе»*

Хаим Вейцман

Государственный мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, открытый в 1993 году, ежегодно посещают более двух миллионов человек. Почти в каждом крупном городе США установлен памятник жертвам Катастрофы европейского еврейства. В Нью-Йорке и Бостоне, Детройте и Лос-Анджелесе, Хьюстоне и Далласе и еще более чем в ста городах Америки есть музеи и мемориальные центры, посвященные Холокосту. Историю еврейской Катастрофы на профессиональном уровне изучают во многих американских университетах и колледжах. Этой теме посвящены десятки фильмов, сотни научных, публицистических и художественных книг, тысячи статей в газетах и журналах, издаваемых в Соединенных Штатах. В сознании американских евреев Холокост занимает особое место. По опубликованным в 1999 году данным Американского еврейского комитета, 98 процентов евреев, живущих в США, относят Холокост к существенной или очень существенной части своего самосознания. Для сравнения отметим, что только 15 процентов американских евреев придерживаются религиозных правил и соблюдают еврейские обычаи.

Без всякого преувеличения можно сказать, что в современной Америке трагедия европейского еврейства в годы Второй мировой войны находится в зоне общественного внимания. Интерес к проблемам Холокоста начал расти в семидесятые годы и достиг высшей точки во второй половине восьмидесятых. Одна из наиболее часто обсуждавшихся тогда тем сводилась к вопросу, как американский народ и американское правительство реагировали на еврейскую Катастрофу во время войны. По мере выявления новых исторических фактов, обнародования неизвестных ранее документов и публикации свидетельств современников исследователи укреплялись во мнении, что в тридцатые и сороковые годы власти страны ничего или почти ничего не сделали из того, что можно было сделать для спасения хотя бы части жертв геноцида. Как сформулировал этот вывод вице-президент Мондейл: «США и другие демократии во времена господства нацизма в Европе не выдержали тест на цивилизованность».

На стене Музея Холокоста в Вашингтоне выбиты слова трех американских президентов, во время правления которых закладывался и строился мемориал:

«Вспоминая Холокост, мы должны дать непоколебимую клятву перед всеми цивилизованными народами, что мир никогда больше не будет молчаливо стоять в стороне, никогда не будет терять время, по постарается решительными действиями не допустить новый геноцид» (*Джеймс Картер*)

«Мы всегда должны заботиться о том, чтобы человечество до последних своих дней смотрело в лицо этому злу. Только тогда мы сможем быть уверены, что это зло не обретет вновь плоть и кровь» (*Рональд Рейган*)

«Здесь мы будем учиться тому, чтобы каждый из нас нес ответственность как за свои действия, так и за свое бездействие. Здесь мы будем учиться тому, чтобы решительно вмешиваться, если увидим, что зло вновь поднимает голову» (*Джорж Буш старший*)

На открытии Музея Холокоста президент Клинтон высказал сходные мысли: «Каждый из нас, кто сегодня стоит здесь, должен будет до последних своих дней жить с этим сознанием. Чем больше мы узнаем о преступлениях, которые были тогда совершены, тем увереннее можем говорить, что с нашей стороны было сделано слишком мало».

Вывод о бездействии американских властей в деле спасения евреев, безусловно, шокировал многих из тех, кто привык считать Соединенные Штаты Америки оплотом свободы и демократии, исконным защитником гонимых и преследуемых, гарантом соблюдения прав человека. Появились попытки оправдать поведение союзников. Естественная защитная реакция человека на неприятное известие — постараться о нем забыть. Сейчас об ошибках и просчетах правительства Рузвельта говорят мало. И не только в Америке. В Израиле, например, в последние годы упоминание о равнодушии союзников к уничтожению евреев во времена Второй мировой войны было изъято из стандартного школьного учебника истории. Но забыть прошлое — значит подвергать опасности будущее...

Попробуем разобраться, что можно было сделать для спасения уничтожаемых евреев, и объяснить, почему это не было сделано.

Цель, которая важнее победы

В Германии преследование евреев началось с первых дней прихода фашистов к власти в 1933 году и в течение следующих двенадцати лет прошло несколько стадий — от лишения гражданских прав до массовых убийств. Указание Гитлера приступить к систематическому уничтожению евреев в оккупированной немцами Европе было передано рейхсмаршалом Германом Герингом заместителю начальника имперского Управления безопасности Рейнхарду Гейдриху 31 июля 1941 года. Под командованием Гейдриха находились так называемые «особые

отряды», или айнзац-группы (Einsatzeinheiten) — специальные подразделения, занятые массовым расстрелом евреев в оккупированных немцами областях Польши, Прибалтики, России, Украины и Белоруссии... В период между июнем и декабрем 1941 года эти отряды при активной поддержке добровольцев из местного населения уничтожили более 500 000 евреев, а до конца 1942-го — еще 900 000. Для того чтобы сделать Европу свободной от евреев («юденфрай»), Гейдрих предложил план депортации всех евреев в специальные лагеря смерти, которые строились в Восточной Европе, главным образом в Польше. Руководить депортацией было поручено Адольфу Эйхману.

План «окончательного решения еврейского вопроса» был доложен Гейдрихом на Ванзейской конференции в Берлине 20 января 1941 года. На конференции собрались руководители основных ведомств, которые должны были участвовать в планируемых операциях. Нацисты основательно подготовились к выполнению варварской задачи. В конце 1941-го — первой половине 1942 года в Польше было создано шесть больших лагерей уничтожения (они значительно отличались от «обычных» концентрационных лагерей типа Бухенвальда или Терезиенштадта): Хелмно, Белжец, Майданек, Трешлинка, Собибор и Освенцим. И чтобы никому из намеченных жертв не оставить шанса на спасение, немецкие власти в октябре 1941 года полностью запретили евреям эмиграцию из Германии и оккупированных стран.

Для Гитлера и его окружения уничтожение евреев было столь важной задачей, что во имя ее выполнения приносились в жертву даже военные интересы страны. В «особых отрядах» участвовали тысячи солдат, которые могли воевать на фронтах Второй мировой. Для депортации использовался транспорт, которого так не хватало на фронте. Еще чувствительнее была нехватка квалифицированных рабочих и специалистов: военной промышленности Германии к 1944 году дополнительно требовалось более четырех миллионов человек. А в это время тысячи евреев — рабочих и техников, занятых на военных производствах, направлялись в газовые камеры. Уничтожение еврейского народа было для фюрера важнее победы!

Весной сорок пятого года, когда Берлин лежал в развалинах и истекли последние дни Третьего Рейха, Гитлер в бункере сказал своему ближайшему окружению, что человечество должно быть вечно признательно национал-социализму и ему лично за освобождение от еврейского ига.

Однако при том, что нацисты придавали уничтожению евреев такое большое значение, готовность Соединенных Штатов и их союзников чем-то пожертвовать для спасения гибнущих людей была практически близка к нулю.

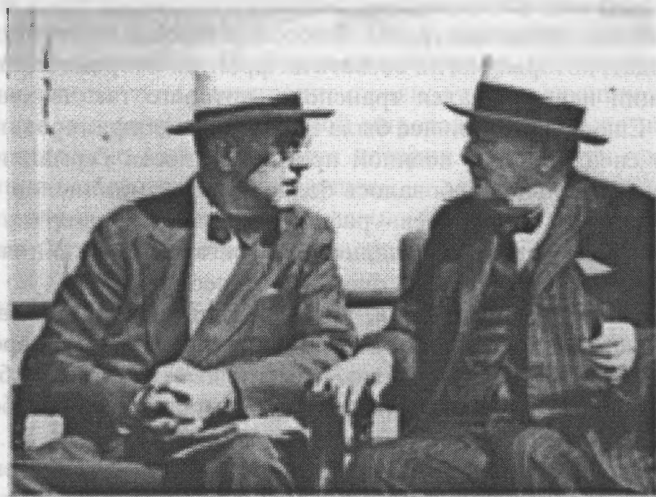
Границы на замке

До осени 1941 года у немецких евреев еще оставалась возможность эмиграции. Однако найти спасение в других странах удалось очень немногим — и прежде всего потому, что там не хотели принимать беженцев.

Сосединые Штаты Америки изначально были государством эмигрантов. На протяжении всей своей истории их границы были открыты для всех, кто хотел начать в «Новом Свете» новую жизнь. Положение изменилось после Первой мировой войны и последовавшего за ней страшного экономического кризиса. Боязнь, что новые граждане Америки займут рабочие места «коренных американцев» и еще больше увеличат безработицу, в двадцатых годах заставила установить систему квот для въезда иммигрантов. Первый раз в своей истории Америка резко ограничила прием беженцев и новых граждан. В тридцатые годы возможность въезда в страну усложнилась еще больше.

Между 1933 и 1941 годами все попытки разрешить евреям бежать в США и тем самым спасти тысячи жизней заканчивались неудачей: «стопроцентные американцы» не желали видеть в своей стране «чужаков». Но положение не изменилось и после 1941-го, когда Америка вступила в войну и в экономике наместился подъем.

Активно не желали принять беженцев Союз ветеранов и Американский легион, требовавшие ввести запрет на въезд иммигрантов на все время войны и даже по ее окончании. Их аргумент был таков:

Президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль

вернувшиеся с войны солдаты могут не найти работы — все рабочие места будут заняты беженцами... В августе 1944 года Союз ветеранов внес в парламент проект закона о десятилетнем запрете на иммиграцию. Американский легион к началу сороковых годов насчитывал более 1,2 миллиона членов, в том числе 28 сенаторов и 150 конгрессменов. Членов Союза ветеранов было тоже немало — почти миллион человек. Призывы запретить иммиграцию поддерживали различные патриотические группы и объединения, среди них особенно влиятельны были «Дочери американской революции» и «Американская коалиция патриотических обществ», представлявшая интересы 115 организаций, общее число членов которых превышало 2,5 миллиона человек. Подобное антииммиграционное лобби оказывало постоянное давление на американский парламент.

Немало активных противников въезда беженцев было и среди парламентариев, которые действовали отчасти по своим внутренним убеждениям, отчасти под давлением избирателей. Типичными представителями этой влиятельной группы депутатов были сенаторы Роберт Рейнольдс (демократ от штата Северная Каролина) и Руфус Хольман (республиканец, штат Орегон), а также республиканец от штата Монтана конгрессмен Вильям Эльмер.

Хольман в 1942 году выдвинул проект закона, в соответствии с которым въезд в страну иностранцев допускался только для кратковременного посещения родных и знакомых. Сенатор всюду видел попытки приоткрыть для беженцев границы. Выступая в дебатах по поводу одного законопроекта, он сказал, что ничего в этом законе не понимает, но призывает его отвергнуть, так как его могут использовать для ослабления ограничений прав беженцев.

Против приема иммигрантов выступал в палате представителей и Эльмер. Его излюбленный аргумент был таков: «Некое мощное и хорошо финансируемое движение пытается привести к нам всех преследуемых в Германии и других европейских государствах людей, чтобы погубить нашу страну». Подобные речи в годы войны неоднократно звучали в Сенате и Конгрессе США, где были приняты сотни законов и поправок, ограничивавших иммиграцию.

Насколько ничтожна была готовность американцев помочь преследуемым евреям, показывают опросы общественного мнения, проводившиеся по всей территории Соединенных Штатов. В четырех опросах 1938 года — а это был год «Хрустальной ночи» и усиления нацистских гонений на евреев! — от 71 до 85 процентов участников высказались против повышения въездных квот для беженцев, а 67 процентов считали, что в США вообще никаких беженцев впускать нельзя. В начале 1939-го 66 процентов опрошенных были против того,

чтобы один раз в виде исключения принять 10 000 беженцев сверх нормальной квоты. Через пять лет, когда война была в самом разгаре, мнение большинства американцев почти не изменилось: в январе 1943-го 78 процентов американцев были против приема беженцев после войны. В конце 1945 года только пять процентов населения высказалось за то, чтобы Америка ежегодно принимала из Европы больше людей, чем до войны; 17 процентов считали, что квоты должны остаться на довоенном уровне; 37 процентов хотели эти квоты попить, а 41 процент был за то, чтобы границы оставались закрытыми для иммигрантов.

Государственные чиновники выстроили непреодолимые «бумажные» барьеры против въезда беженцев в страну. И вот итог: с момента вступления США в войну (декабрь 1941 года) и до ее окончания в Европе (май 1945-го) в страну въехала 21 тысяча беженцев, большую часть которых составляли евреи. Они, как правило, больше года ждали въездных виз в относительно безопасных нейтральных странах. За это время даже согласно весьма жестким квотам на иммиграцию в США могло бы въехать более 200 тысяч человек! Таким образом, реально нашли спасение только десять процентов — большинство оставшихся в Европе евреев погибло.

Американский антисемитизм, или Кто был первым американцем

Не последнюю роль в отношении американцев к трагедии европейских евреев сыграл антисемитизм, широко распространенный в американском обществе в конце тридцатых годов и еще более усилившийся в середине сороковых. Весной 1942-го социолог Давид Ризман (David Riesman) писал, что антисемитские настроения в США почти достигли точки кипения. Три года спустя другой исследователь, Эльмо Роупер (Elmo Roper), сообщал, что их волны распространились на всю американскую нацию и особенно живучи и заразны в больших городах.

В тридцатых годах в США активную пропаганду ненависти к евреям вели более сотни антисемитских организаций. Среди них особенно выделялись «Движение социальной справедливости» во главе со священником Чарльзом Кофлином (Charles Coughlin), «Серебряный Легион Америки» Вильяма Пелли (William Pelley), «Союз немцев-американцев» и «Защитники христианской веры» под руководством Джеральда Винрода (Gerald Winrod).

Через несколько месяцев после вступления Америки в войну деятельность этих четырех организаций была запрещена. Провокационные листовки Кофлина «Социальная справедливость» исключены из

почтовой рассылки. Пелли получил 15 лет тюремного заключения за подстрекательство к преступным действиям. «Союз немцев-американцев» был распущен, некоторые его члены приговорены к разным срокам заключения, некоторые — интернированы как «опасные иностранцы». Вопреки несмотря на судебные преследования за разжигание ненависти продолжал публиковать журнал «Защитник», но тон его статей заметно смягчился.

Запрет наиболее активных фашиствующих организаций безусловно был ударом по организованному антисемитизму в США, но совсем не означал, что антисемитизм и ксенофобия в американском обществе окончательно исчезли или как-то заметно уменьшились. Священник Эдвард Каррен (Edward Curran), президент Международного католического общества, приложил все силы, чтобы оживить и активизировать «Христианский фронт» — одну из военизированных организаций, объединявших последователей Кофлина. В 1942 году на политической сцене появился пастор фундаменталистского толка, ярый агитатор-антисемит Джеральд Смит (Gerald Smith). Он начал выпускать журнал «Крест и флаг» и добился успеха на предварительных выборах в Сенат в штате Мичиган от республиканской партии. Основанная им в следующем году «Первая партия Америки» объединила противников «Нового курса» президента Рузвельта. В многочисленных выступлениях Смит неустанно сеял ненависть к иммигрантам и особенно к евреям, а заодно атаковал интернационализм, коммунизм и «Новый курс».

В годы войны антиеврейские настроения, подогревавшиеся ораторами-подстрекателями, вылились в настоящие бесчинства и погромы. В преступлениях участвовала, как правило, молодежь. Осквернялись еврейские кладбища, на стенах синагог и на витринах еврейских магазинов малевались свастики и антисемитские лозунги... Банды подростков избивали еврейских школьников, иногда дело доходило до серьезных увечий, как, например, в Бостоне, где двадцать одноклассников напали на троих еврейских мальчиков. В другом городе избитому двенадцатилетнему школьнику разорвали рубашку и прямо на теле нарисовали шестиконечную звезду и написали слово «еврей».

Наиболее серьезные антиеврейские выступления были в Нью-Йорке и Бостоне. В некоторых районах этих городов не оставалось ни одной неоскверненной синагоги. Нападения на евреев случались чуть ли не каждый день. Полиция смотрела на подобные бесчинства сквозь пальцы. Специальный доклад об антисемитских преступлениях в Нью-Йорке, подготовленный по заданию городского управления, был отвергнут полицейским начальством как «сгущающий

краски». Только после того, как в октябре 1943 года доклад попал в прессу, губернатор штата Нью-Йорк Леверетт Солтонстолл (Leverett Saltonstall) назначил специальное расследование, которое подтвердило, что полиция бездействовала, несмотря на явные антисемитские преступления. Начальник был уволен, положение на какое-то время несколько улучшилось, но в 1944 году нападения на евреев вновь возобновились.

К подобному поведению людей постоянно призывали антисемитские издания и подстрекательские речи последователей Коффлина из «Христианского фронта». Листовки, плакаты с антиеврейскими памфлетами, шаржами, стихами и анекдотами были очень популярны в американском обществе, их постоянно можно было видеть в автобусах и на станциях метро, на фабриках, в казармах и школах... Особенно было распространено мнение, будто евреи уклоняются от военной службы, сидят дома и копят деньги, в то время как христианских юношей посылают на фронт. На самом деле эти предрассудки имели столь же мало общего с действительным положением дел, как и русская антисемитская поговорка тех лет: «Абрам в Ташкенте жирует, а Иван на фронте воюет»: доля евреев в действующих армиях США и СССР была не меньше доли евреев среди населения этих стран. В армии США насчитывалось 550 тысяч евреев, в армии СССР — 500 тысяч. Всего же в регулярных частях армий союзников сражалось около полутора миллионов евреев. И это не считая бойцов партизанских отрядов и сил антифашистского Сопротивления. Но антисемитам не нужны ни статистика, ни факты.

Во всех частях страны с небольшими изменениями циркулировал такой текст под названием «Первый американец»:

«Первый американец, который был убит при Пирл-Харборе, — Джон Хепнесси.

Первый американец, который потопил японский корабль, — Колин Келли.

Первый американец, который пал в бою за Гуадал-канал, — Джон О'Брайен.

Первый американец, который получил четыре новые покрывалки, — Абрахам Липшиц».

Известно много вариантов этого «белого стиха». Но ни в одном из них не было сказано, что в том же бою, в котором пал Колин Келли, был убит морской пехотинец Мейер Левин — один из десятков тысяч погибших на войне американских воинов-евреев, сражавшихся с фашистами.

В письмах, которые простые американцы писали в правительство и парламент, очень силен мотив страха и ненависти к евреям — своим соседям и согражданам. Тем более негативно американцы были настроены к тому, чтобы принять «чужих» евреев.

Жестокий и неприкрытый антисемитизм лидеров националистических организаций, авторов листовок, членов уличных банд — это только вершина айсберга. Отрицательные установки против евреев во времена Второй мировой войны имелись во всех слоях американского общества. Различные формы социальной и экономической дискриминации еврейских граждан Америки допускались и практиковались миллионами американцев. А еще были миллионы и миллионы тех, кто сам ничего плохого евреям не делал, но подсознательно верил сложившимся предрассудкам.

Такой «пассивный антисемитизм» характерен для многих стран, и в нормальные времена большого вреда он не приносит. Но во время Катастрофы «пассивный антисемитизм» ведет к тому, что основная часть населения не интересуется происходящей трагедией, а американское правительство не предпринимает никаких мер.

Глас народа

Антисемитизм в американском обществе наглядно проявлялся в разнообразных исследованиях общественного мнения. В середине войны правительство Великобритании направило историка и писательницу Фрайю Старк (Freya Stark), известную своими проарабскими и антиеврейскими взглядами, в длительную поездку по Соединенным Штатам. Поездка имела целью оказать поддержку британской политике в отношении Палестины, куда англичане практически полностью запретили въезд евреев. В своих отчетах Старк писала, что в кругах образованных и обеспеченных американцев она обнаружила такой антисемитизм, которого раньше и вообразить не могла. В 1943 году протестантский священник Беркхед (Birkhead) объездил средний запад США, где изучал настроения и мнения людей. Позже он отмечал, что сильнейший антисемитизм обнаруживал не только в экстремистских кругах, но и среди вполне добропорядочных граждан. По его мнению, эти люди не одобряют явное насилие против евреев, но и ничего не предпримут, чтобы этому насилию помешать. В следующем, 1944 году Американский союз гражданских свобод (American Civil Liberties Union) опубликовал годовой доклад, в котором подчеркивалось, что во всех регионах страны усилилась расовая напряженность, особенно в отношении негров, евреев и американцев японского происхождения. Во многих регионах положение характеризовалось как взрывоопасное или потенциально опасное.

Не была исключением и армия США. В сохранившихся письмах, которые американские солдаты-евреи писали своим родным, можно найти множество разнообразных фактов дискриминации и оскорбительного отношения. Нередки были проявления антисемитизма в Капитолии. Антиеврейские пастроения депутатов сыграли заметную роль в противодействии въезду еврейских беженцев. Большинство депутатов все-таки старались избегать прямых антисемитских заявлений, которые могли попасть в протокол или в газеты. Но не все: представитель Миссури Джон Рэнкин (John Rankin) не стеснялся даже грязных ругательств в адрес евреев. Показательно, что он воспрепятствовал выдаче разрешения на въезд в США супружеской пары с дочерью, хотя двое сыновей из этой семьи уже жили в Соединенных Штатах и оба служили в американской армии.

Особенно впечатляют многолетние исследования общественного мнения, проводившиеся между 1938 и 1946 годами. По результатам опросов в период 1938–1941 от тридцати до пятидесяти процентов жителей Америки считали, что евреи в Соединенных Штатах имеют слишком много власти. В годы войны так думали уже до 56 процентов людей. Как показали эти опросы, американцы верили, что в руках евреев находится вся торговля и все финансы. Кроме того, многие полагали, они поставили под свой контроль и американское правительство. Распространению такого мнения способствовала пропаганда против «Нового курса» («New Deal») правительства Рузвельта, в которой этот курс был назван «еврейским» («Jew Deal»).

Опросы, проводившиеся в период между августом 1940 года и вплоть до окончания войны, показали, что от 15 до 24 процентов людей видели в евреях опасность для Америки. В списке «опасных меньшинств» в Соединенных Штатах евреи стояли выше, чем негры, католики, японцы или немцы-американцы (только в 1942 году японцы и немцы переместились на первое место).

Однако если реальная опасность и существовала, то она не исходила от евреев, а, напротив, угрожала им. В опросах с 1938 по 1945 годы примерно 15 процентов респондентов активно поддержали бы антиеврейскую кампанию, еще от 20 до 25 процентов отнеслись бы к такой кампании с пониманием и только 30 процентов оказали бы ей сопротивление.

Проверить эти данные в реальной жизни, к счастью, не пришлось: до организованной антиеврейской кампании в Америке не дошло. Но даже с учетом погрешностей социологических исследований невозможно отрицать существование сильных антисемитских настроений в Америке в довоенное и военное время.

Заметный антисемитизм в США сохранялся вплоть до шестидесятых годов. Несмотря на свою многочисленность, еврейская община Америки чувствовала себя не очень защищенной. Около ста тысяч евреев, переживших Холокост и приехавших в начале пятидесятых годов в Соединенные Штаты, вели себя незаметно, стараясь не выделяться среди «типичных американцев». Никто не хотел вспоминать о жертвах и тем более выглядеть жертвой: ведущие еврейские организации отвергли в то время предложение создать в Нью-Йорке мемориал Холокоста. Эра Маккарти добавила к антисемитизму идеологический оттенок: распространенные лозунги тех лет направлены против «коммунистов, негров и евреев».

Изменение общественных настроений в послевоенной Америке — тема другого очерка. Сейчас же нас интересует время еврейской Катастрофы.

* * *

Для спасения европейских евреев у Америки было достаточно возможностей и оснований. На глазах у всего мира методично уничтожался целый народ, причем уничтожал его главный военный противник Соединенных Штатов. Американцы традиционно считались великой нацией эмигрантов, идеалы свободы написаны на знаменах американской демократии. Гуманизм, помощь гонимым и преследуемым правительство США признавало своими приоритетными целями и задачами. Большинство американцев были христианами, чья религия проповедует поддержку страждущих. Еврейские организации Америки представляли немалую силу, способную помочь беженцам. И весь этот богатейший потенциал оказался практически неиспользованным, и антисемитизм с ксенофобией сыграли в этом не последнюю роль.

Литература

1. *Bauer Yehuda*. American Jewry and the Holocaust. 1981.
2. *Cantri, Handley (Hg.)* Public Opinion. 1935–1946. 1951.
3. *Sember Charles (Hg.)*. Jews in the Mind of America. 1966.
4. *Wyman David*. Das unerwünschte Volk. Amerika und die Vernichtung der europäischen Juden. 2000.
5. *Wyman David*. Paper Walls: America and the Refugee Crisis. 1968.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ОДИН ДЕНЬ СТРАХА (ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ДЕПОРТАЦИИ)

В начале 1952 года личный врач Сталина Владимир Никитович Виноградов попал в немилость. Он советовал диктатору поменьше заниматься политической жизнью и тем самым побереечь изрядно пошатнувшееся здоровье. Страдавший болезненной подозрительностью Сталин расценил эти советы как посягательство на его власть и потребовал от министра госбезопасности Игнатьева найти зачинщиков в заговоре врачей. «Если вы не добьетесь от них признания, мы сделаем вас на голову короче», — с типичным для тиранов юмором обрисовал он задачу [1].

Благодаря доносам Рюмина, заместителя министра госбезопасности и главного следователя по делу Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), уже летом 1951 года глава государства имел информацию об «умышленно неправильном лечении» высших партийных руководителей. Осенью 1952-го, по окончании процесса над руководством ЕАК, он отдал приказ об аресте группы врачей. Рюмин добыл «доказательства» того, что доктора Виноградов, Егоров, Василенко, Бузалов, Этингер, Вовси, Коган и другие ответственны за смерть Щербакова и Жданова.

Вскоре Рюмин потерял доверие Сталина и был уволен. Нового следователя по делу врачей, Голидзе, больше всего интересовали связи обвиняемых с иностранными разведками. Мирон Вовси был под особым подозрением: через своего двоюродного брата Соломона Михоэлса он мог поддерживать постоянные контакты с американцами, следовательно, «был агентом ЦРУ и израильских служб безопасности». Сталину ежедневно докладывали о ходе допросов. Как и во время знаменитых открытых процессов тридцатых годов, подсудимым было предложено выдать участников заговора и их зарубежных покровителей. Тогда они могли бы рассчитывать на то, что им сохранят жизнь — и их собственную, и родных.

Хрущев в докладе XX съезду партии говорил: «Сталин вызвал к себе следователей, выдал им инструкции и дал указание относительно применяемых методов следствия; эти методы были очень простые: бить, бить и еще раз бить. Вскоре после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы о признании вины. После того как протоколы были розданы, Сталин заявил нам: »Вы как слепые котята; что вы будете без меня делать? Наша страна погибнет, так как вы не умеете распознавать врагов» [2].

Из признаний обвиняемых следовало, что в июле 1952 года планировалось убийство Сталина, Берии и Маленкова. Так как медицинские методы признавались недостаточными, предполагалось нападение на правительственные автомашины, которое было предотвращено бдительными органами госбезопасности.

По всем признакам готовился открытый процесс против врачей. И хотя среди подсудимых были не только евреи, антиеврейская направленность будущего дела ни у кого не вызывала сомнений. Оно стало бы естественным продолжением и дополнением недавно закончившегося тайного процесса над руководством ЕАК, в результате которого 12 августа 1952 года были расстреляны тринадцать выдающихся еврейских писателей и общественных деятелей. Дело Сланского, открывшееся 20 ноября 1952 года в Праге, теперь — задним числом — может рассматриваться как генеральная репетиция будущего советского антисемитского трибунала. С 1949 по 1952 годы репрессиям подверглись многие евреи — партийные функционеры в Венгрии, Чехословакии, ГДР.

Имеется несколько объяснений, почему руководителей ЕАК судили и казнили тайно, а процесс над «врачами-убийцами» планировалось проводить открыто. Историки Леонид Лукс, Геннадий Костырченко, Шимон Редлих, Яков Этингер и писатель Анатолий Борщаговский дают разные обоснования этому явлению [3, 4]. Вполне вероятно, что еврейские интеллектуалы из ЕАК, не слишком известные в широких народных массах, представлялись Сталину менее подходящим объектом, способным вызвать «взрыв всенародного гнева», нежели кремлевские врачи — «убийцы в белых халатах».

В последние месяцы жизни Сталина все больше одолевала мнительность. Даже своих ближайших соратников — Молотова, Микояна, Ворошилова и Берия — он подозревал в сотрудничестве с иностранными разведками. В октябре 1952 года Молотов и Микоян не были избраны в Бюро Президиума партии (Политбюро). Число арестованных росло, Сталин не щадил никого из своего окружения. Пятнадцатого декабря арестовали начальника его личной охраны генерала Власика за то, что он не придавал должного значения доносу Лидии Тимашук о врачах-убийцах. Был уволен и личный секретарь Сталина — Александр Поскребышев.

На заседании Политбюро 9 января 1953 года, на котором обсуждалось предстоящее Заявление ТАСС, Сталин зачитал письмо Лидии Тимашук. После этого в прессе развернулась кампания, носившая откровенно антисемитский характер. Ее координаторами и идейными вдохновителями были Суслов, Шепилов и Михайлов (руководитель

отдела агитации и пропаганды ЦК), а также официальный «партийный философ» Чесноков.

Тринадцатого января в «Правде» появилась статья «Арест врачей-вредителей». С этого дня над еврейским населением страны навис дамоклов меч готовящихся репрессий. Из материалов следствия явствовало, что большинство «врачей-убийц» были связаны с еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», из которой исходил приказ по уничтожению руководящих кадров СССР. Этот приказ якобы был передан через московского врача Шимелевича и «известного буржуазного националиста» Михоэлса. Как писала «Правда», «врачи-убийцы, чудовища в человеческом образе, оказались платными агентами иностранного шпионажа». Трое обвиняемых были русскими, шестеро — евреями, в дальнейшем число арестованных увеличилось. В тот же день Главлит изъял из библиотек все книги Соломона Михоэлса, убитого ровно пять лет назад в Минске.

Через неделю Лидия Тимашук была награждена орденом Ленина и превознесена в прессе как образец бдительности для каждого советского гражданина.

В начале февраля 1953 года члены подпольной израильской сионистской организации взорвали у дверей советского посольства в Тель-Авиве бомбу в знак протеста против антиеврейской кампании в СССР. И хотя преступники были строго наказаны израильским судом, Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем, и спираль антисемитской горячки продолжала стремительно раскручиваться.

В центральных и местных газетах ежедневно появлялись статьи, в которых евреи обвинялись в «национальном и расовом шовинизме, пережитках морали времен каннибализма». Атаки в прессе против этих «потенциальных шпионов и вредителей» велись постоянно и ожесточенно. В феврале было еще арестовано 37 человек, в основном опять врачи и члены их семей. Начатая кампания вызвала настоящую массовую истерию. Люди отказывались принимать от врачей и аптекарей евреев лекарства — они боялись, что их отравят. В «Воспоминаниях» Ильи Эренбурга рассказывается о женщине-враче, которая говорила: «Вчера пришлось весь день глотать пилюли, порошки, десять лекарств от десяти болезней — больные боялись, что я заговорица...». На улицах, в магазинах, в общественном транспорте евреев оскорбляли и унижали. Многие из них в те дни потеряли работу. Официальная пропаганда разжигала в людях антисемитские настроения, а защитников евреев, какими в период дореволюционных еврейских погромов были Толстой, Короленко, Горький, в Советском Союзе не нашлось.

События судьбоносных для советских евреев семи недель (с 13 января до смерти Сталина в начале марта 1953 года) обросли легендами и слухами, так как многие документы того времени до сих пор не опубликованы, а многие сразу были уничтожены. Восстановление точной картины тех дней требует от историков тщательной и кропотливой работы. Новые факты стали достоянием гласности совсем недавно, когда частично открылись архивы КГБ. Устные и письменные свидетельства смогли оставить и некоторые участники тех событий.

Теперь прояснились многие детали готовившейся тогда страшной акции — сталинского «окончательного решения еврейского вопроса», депортации советских евреев из больших городов в специальные концлагеря в Сибири и на Дальнем Востоке.

Идеологом этой кампании был любимец Сталина — Дмитрий Чесноков, известный своими откровенно антисемитскими взглядами. С 1948 года он был главным редактором журнала «Вопросы философии». На 19-м партийном съезде, состоявшемся в октябре 1952-го, Чесноков неожиданно для многих был избран в Президиум ЦК. Предполагалось, что его брошюра «Почему евреи должны быть выселены из промышленных областей» будет массовым тиражом издана Министерством внутренних дел и станет «руководством к действию» на местах. Она дала бы марксистско-ленинское обоснование «исторически необходимых» сталинских мероприятий против евреев. Есть данные, что эта брошюра была напечатана, но после завершения «дела врачей» весь тираж был уничтожен. Федор Лясс видел чудом уцелевший экземпляр [5, 6].

Сама депортация должна была проходить по следующему сценарию. Массовая пропагандистская кампания против евреев достигает апогея во время открытого процесса против кремлевских врачей. Приговоренных к публичной казни привозят на Красную площадь в Москве. Разъяренные народные массы, несмотря на сопротивление сил безопасности, линчуют осужденных, что становится сигналом для повсеместных еврейских погромов в стране. И тогда депортация может рассматриваться как мера спасения евреев от справедливого народного гнева.

В вышедшей в 1992 году в Москве книге «Провокация века» журналист Зиновий Шейнис приводит выдержку из воспоминаний партийного функционера Николая Полякова: «В конце 40-х — начале 50-х годов было принято решение о полной депортации евреев. Проведение этой акции было поручено вновь образованной комиссии, которую утвердил лично Сталин. М. Суслов был назначен председателем этой комиссии, я — секретарем. Для приема депортированных в Биробиджане строились в спешном порядке целые барачные

комплексы, своеобразные концентрационные лагеря. Одновременно должны были по всей стране быть составлены списки лиц еврейского происхождения. Планировалось два этапа депортации. Сначала депортировались чистокровные евреи, после чего — полукровки. Акция должна была быть проведена во второй половине февраля 1953 года. Но появились задержки... Списки не были своевременно готовы. Тогда Сталин установил железные сроки. С 5-го по 7-е марта должен был состояться процесс против врачей, 11-го–12-го марта казнь...».

Важная роль в разработанном властями сценарии антиеврейской кампании возлагалась на запланированное письмо в «Правду» известных деятелей литературы, науки и культуры еврейской национальности. Письма советских трудящихся в центральную газету страны имели давнюю традицию. Они как бы свидетельствовали о наличии в СССР свободы мнений и о «нерушимом единстве партии и народа». Все знали, что такие письма от первого до последнего слова редактируются в Кремле, нередко — лично Сталиным. Их публикация часто сигнализировала о важных решениях правительства, создавая видимость, что эти решения отражают волю народа.

Письмо видных общественных деятелей в «Правду» должно было подтвердить преданность еврейского населения «коммунистической партии и лично товарищу Сталину», а также послужить поводом к подготовленной депортации. (Вспомним письмо «чешских товарищей», ответом на которое стала оккупация Чехословакии в августе 1968 года.)

Подготовить материал для газеты и собрать нужные подписи было поручено журналистам Давиду Заславскому и Якову Маринину (Хавинсону), важную роль играли также два академика — историк Исаак Минц и философ Марк Митин. В письме содержались требования сурово покарать врачей-отравителей, вероломно предавших Советскую Родину, которая дала еврейскому народу свободу и равные с другими национальностями права. А напоследок его «авторы» обращались к советскому правительству и лично к товарищу Сталину с просьбой защитить невиновных еврейских трудящихся — «переселить их в развивающиеся области на востоке страны, где они могли бы выполнять необходимую работу и избежать справедливого гнева остального населения, вызванного предательством врачей-преступников...».

Насколько известно, письмо подписали почти все, от кого это требовалось. Нашли мужество отказаться от подписи певец Марк Рейзен, Герой Советского Союза генерал Яков Крейзер, писатели Вениамин Каверин и Илья Эренбург. Роль Эренбурга в описываемых событиях заслуживает отдельного разговора. Хорошо зная

Илья Эренбург и семья автора: мама и брат Александр. 1963 г.
(из семейного архива)

психологию Сталина, он решился на довольно рискованный шаг: написал личное письмо диктатору, ставя перед ним те вопросы, которые могли бы помешать готовящейся депортации — «затее, воистину безумной», как скажет Илья Григорьевич позднее.

В своих «Воспоминаниях» Эренбург писал: «Тогда я думал, что мне удалось письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось и Сталин не успел сделать того, что хотел». На основании новых данных из архивов КГБ Александр Яковлев считает, что мужественный и мудрый шаг писателя сыграл важную роль в том, что Сталин не подписал подготовленный Чесноковым план депортации.

Сталин умер 5 марта 1953 года. Через месяц после его смерти, 3 апреля, были освобождены арестованные врачи Виноградов, Вовси, Коганы, Егоров, Фельдман, Этингер, Василенко, Грипштейн, Зеленин, Преображенский, Попова, Закусов, Шерешевский и Майоров.

Восемьдесят один день страха, в котором жили все советские евреи, остался позади. Страшная зима закончилась, но до настоящей Оттепели было еще далеко.

Литература

1. *Rapport Louis*. Hammer, Sichel, Davidstern: Judenverfolgung in der Sowjetunion. Berlin, Links, 1992
2. *Lustiger Arno*. Rotbuch: Stalin und die Juden. Berlin, Aufbau Verlag, 1998.

3. *Костырченко Геннадий*. Тайная политика Сталина. М., «Международные отношения», 2001.
4. *Этингер Яков*. Это невозможно забыть. М., «Весь мир», 2001.
5. *Лясс Федор*. Последний политический процесс Сталина или Несостоявшийся геноцид. Иерусалим, 1995.
6. *Лясс Федор*. Открытый ответ на открытое письмо Геннадия Костырченко. Сетевой журнал «Заметки по еврейской истории» (www.berkovich-zametki.com), 26 января 2002 г. (№ 24).

ПРИЛОЖЕНИЕ. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

И ЭЛЛИН, И ИУДЕЙ (ОПЫТ «СИНТЕТИЧЕСКОГО» ИНТЕРВЬЮ С ИОСИФОМ БРОДСКИМ)

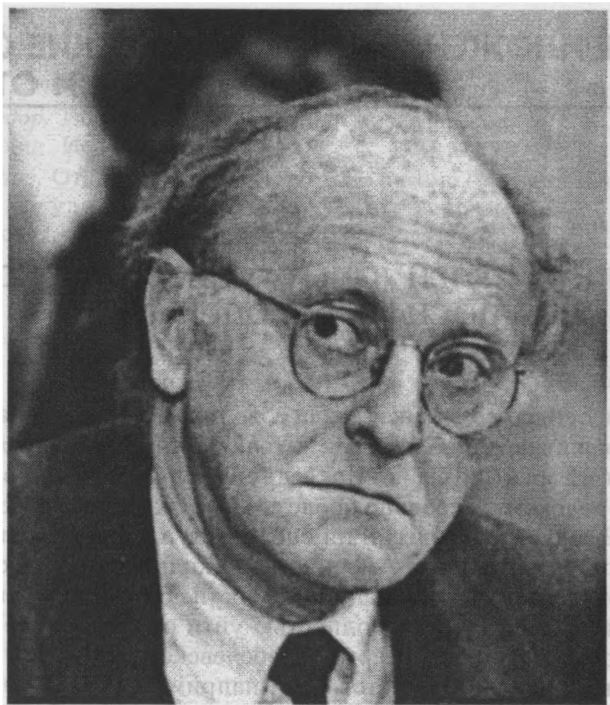
«Еврей ли вы?»

Остап Бендер со знанием дела говорил, что у пророка Самуила всегда спрашивают одно и то же: «Почему в продаже нет животного масла?» и «Еврей ли вы?». Последний вопрос нередко задавали и Иосифу Бродскому, особенно после его вынужденного отъезда на Запад в 1972 году. Практически ни одно выступление поэта перед русскоязычной аудиторией в Америке не обходилось без настойчивых расспросов о его религии и национальности. Бродский не любил рассуждать на такие темы, но полностью уйти от них все же не мог. В своих многочисленных интервью нобелевскому лауреату приходилось касаться и этих предметов (см., например, [1–4]). О «еврействе» и «христианстве» Бродского написано немало. Отмечу статью Шимона Маркиша в сборнике «Иосиф Бродский: труды и дни» [3] и главу «Проблемы пятого пункта» в книге Людмилы Штерн «Бродский: Ося, Иосиф, Joseph» [5]. Возможно, кому-то будет интересно узнать, что именно говорил и писал об этом сам поэт. Вниманию читателя предлагается опыт воображаемого, своего рода «синтетического» интервью, содержащего реальные ответы Иосифа Александровича Бродского на реальные вопросы, которые задавали ему разные люди в разное время. Как видно из названия, материал составлен в форме единого интервью. Вопросы выделены курсивом. Ответы на них иногда незначительно сокращены, а в некоторых случаях, если вопросы сходны между собой, сведены воедино. В остальном тексты вопросов и ответов точно соответствуют опубликованным записям интервью (см. примечания).

«Я был воспитан вне религии»

— *Расскажите немного о семье, об отце и о вашей связи с ним.*

— По образованию он был журналист, вернее, у него было два диплома: один — географического факультета; но потом, когда он понял, что как географу ему не придется путешествовать, поскольку он

Иосиф Бродский

еврей, он окончил Институт красной журналистики и работал фотографом.

Затем, уже после войны, он два или три года работал в Военно-морском музее, куда я часто ходил. Потом вышло постановление Жданова о том, что лица еврейской национальности не должны обладать высокими воинскими званиями, и отец демобилизовался. Некоторое время он был без работы, и мы жили на зарплату матери — она работала в бухгалтерии местного ЖЭКа¹.

— *Ваши родители были ортодоксальными евреями?*

— *Вовсе нет. Я был воспитан вне религии, но не мог не знать, каково быть евреем: это вроде отметины. Люди называют тебя «жид», тебя преследуют антисемитские замечания; в какой-то степени человек становится изгоем. Но может, это и хорошо: тем быстрее привыкнешь не зависеть ни от чьего мнения².*

Понимание того, что я еврей, пришло ко мне довольно рано. Мою семью ничто не связывало с иудаизмом, абсолютно ничто. Но у системы был способ заставить человека осознать свою этническую принадлежность. В Советском Союзе есть удостоверяющий

документ — паспорт, в котором указываются ваши имя, фамилия, место рождения и национальность. Отступление от этого правила может караться законом. Так что антисемитизм в России в значительной степени порождается государством.

В школе быть евреем означало постоянную готовность защищаться. Когда меня называли «жидом», я лез с кулаками. Я вообще довольно болезненно реагировал на подобные «шутки», воспринимал их как личное оскорбление. Меня задевало, что я — еврей. Теперь не нахожу в этом ничего оскорбительного, но такое отношение пришло позже³.

Когда я работал на заводе, даже когда сидел в тюрьме, я удивительно мало сталкивался с антисемитизмом. Сильнее всего антисемитизм проявлялся у литераторов, интеллектуалов. Вот где к национальности действительно относятся болезненно, ведь от пятого пункта зависит карьера...

— *Что вы делали после того, как ушли с завода?*

— Пошел работать в морг местной больницы. Я подумывал о таком еврейском поприще, как профессия врача, но хотел заранее узнать ее малоприятные стороны².

— *После школы вы хотели продолжить образование?*

— Когда я был ребенком, я много чего хотел. Во-первых, я хотел стать военным моряком или, скорее, летчиком. Но это отпало сразу, потому что по национальности я еврей. Евреям не разрешали летать на самолете. Потом я решил пойти в училище для моряков-подводников. Мой отец во время войны служил на флоте, и я был влюблен в морскую форму. Но это тоже отпало, по той же причине... Постепенно я начал писать⁴.

— *А как люди относились к вам в ссылке?*

— Очень хорошо, они думали, что я попал туда по религиозным мотивам. Никто у меня ничего не спрашивал, и я никому ничего не говорил — народ там неразговорчивый. И не было никакого антисемитизма, это чисто городское явление⁵.

— *Вас воспитывали как еврея или как русского?*

— Хорошо воспитанный человек не спрашивает, кто ты есть. Впрочем, все и так сразу определяют, еврей ты или нет. Русские прекрасно умеют это различать. Когда меня спрашивали про мою национальность, я, разумеется, отвечал, что я еврей. Но такое случалось крайне редко. Меня и спрашивать не надо, я «р» не выговариваю⁶.

«Когда предрассудок становится частью системы»

— *Когда вы впервые столкнулись с антисемитизмом?*

— В школе. В классном журнале записаны твоё имя, фамилия, год рождения, национальность. Я еврей. Стопроцентный. Нельзя

быть евреем в большей степени, чем я. Папа, мама не вызывают ни малейших сомнений. Без всякой примеси. Но думаю, я еврей не только поэтому. Я знаю, что мои взгляды отличает некий абсолютизм.

В вопросах антисемитизма следует быть очень осторожным. Антисемитизм — это по сути одна из форм расизма. А мы все в какой-то степени расисты. Нам не нравятся какие-то лица, какой-то тип красоты.

А идеология появляется уже позднее. Везде что такое предрассудки, в том числе и расовые? Это способ выразить недовольство положением человека в мире. Проблема возникает, когда предрассудок становится частью системы. Посмотрите на Германию: каковы корни немецкого антисемитизма? Тридцатые годы. Страшная экономическая катастрофа после Первой мировой войны. Разумается, кого-то надо невзлюбить. А кого можно не любить, если не любить нельзя? Будем ненавидеть евреев — у них такие длинные носы⁶.

— *Когда умер Сталин, вам было тринадцать. Вы помните этот день?*

— Помню, и очень отчетливо. Всех евреев должны были выселить из Ленинграда. Из Ленинграда и Москвы. Только что прошло дело врачей. Хотя процесс и не состоялся, но были все эти ужасные обвинения и антисемитская кампания в прессе. Помню, однажды я заметил, что родители как-то страшно смотрят на меня, и спросил их, в чем дело. Они ответили: «Да знаешь, мы решили продать наше старое пианино». Надо сказать, что на нем никто никогда не играл. Я удивился, и они сказали, что нам надо переезжать. Я спросил: куда? Тогда они попытались объяснить, что происходит. Но через несколько дней по радио объявили новость, которая отменила наше путешествие: умер Сталин. Если бы процесс состоялся, врачей обязательно признали бы виновными. В газетах собирались опубликовать письмо, подписанное выдающимися людьми еврейской национальности, в котором они должны были признать, что евреи скомпрометировали себя и должны уехать, чтобы искупить свою вину. Была уже выделена автономная область возле границы с Китаем. Это не произошло только благодаря смерти Сталина.

— *А всех московских и ленинградских евреев должны были выслать?*

— Насколько я помню, высылке подлежали все евреи из европейской части Советского Союза. Отец показал мне копию письма, которое должно было появиться в «Правде». Я просто не хочу называть имена людей, подписавших это письмо, потому что многие из них до сих пор пользуются чрезвычайным уважением на Западе⁴.

«Верующий ли вы?» — «Еще нет»

— *Простите за интимный вопрос: вы человек религиозный, верующий?*

— Я не знаю. Иногда да, иногда нет. Не церковный, это точно. Я ни в чем сильно не убежден. Человек отвечает сам перед собой за все. То есть он сам до известной степени свой Страшный Суд. На каком-то этапе я понял, что я сумма своих действий, поступков, а не сумма своих намерений⁷.

Я не верю в бесконечную силу разума, рационального начала. В рациональное я верю постольку, поскольку оно способно подвести меня к иррациональному. Когда рациональное вас покидает, вы на какое-то время поддаетесь панике. Но именно здесь вас ожидают откровения — в этой пограничной полосе, на стыке рационального и иррационального. По крайней мере дважды или трижды мне пришлось пережить такие откровения, и они оставили осязаемый след.

Все это вряд ли совмещается с какой-то четкой, упорядоченной религиозной системой. Вообще я не сторонник религиозных ритуалов или формального богослужения. Я придерживаюсь представления о Боге как о носителе абсолютно случайной, ничем не обусловленной воли. Я против торгашеской психологии, которая пронизывает христианство: сделай это — получишь то. Или и того лучше: уповай на бесконечное милосердие Божие. Ведь это, в сущности, антропоморфизм. Мне ближе ветхозаветный Бог, который карает...

— *безосновательно...*

— ...нет, скорее непредсказуемо. Меня не слишком интересует зороастрийский вариант верховного божества, самый жестокий из возможных... Все-таки мне больше по душе идея своеволия, непредсказуемости. В этом смысле я ближе к иудаизму, чем любой иудей в Израиле. Просто потому, что если я и верю во что-то, то в деспотичного, непредсказуемого Бога.

Я не получил религиозного воспитания, в меня не вложили в готовом виде основы веры. Все это я осваивал самоучкой. Библию впервые взял в руки в двадцать три года. И остался, так сказать, без пасыря.

Я вырос в обстановке суровой антирелигиозной пропаганды, исключавшей всякое понятие загробной жизни⁸.

— *Из ваших стихов явствует, что вы — человек верующий. Это вам дано от рождения, как совесть или порядочность, или вера пришла с годами от пережитого, от страданий?*

— Я бы не сказал, что я такой уж верующий человек. Вообще об этих делах говорить не следует, это дело всегда сугубо личное... Тот

же Карл Проффер, когда его кто-то спросил в моем присутствии: «Верующий ли вы?» — сказал: «Еще нет»⁹.

— *Остаются ли у вас воспоминания о еврействе, даже если вы не были воспитаны в еврейских традициях?*

— У меня никаких воспоминаний нет, потому что в семье, среди родственников этого совершенно не было. Я был в синагоге только один раз, когда с группой приятелей зашел туда по пьяному делу, потому что она оказалась рядом¹⁰.

— *А каково ваше отношение к христианству? У вас ведь есть и рождественские стихи?*

— Черт его знает?! Мне сложно об этом говорить. В свое время, когда мне было года двадцать четыре–двадцать пять, у меня была идея — и я пытался ей следовать, — на каждое Рождество писать по стихотворению. И некоторое время я соблюдал это правило, но потом обстоятельства, что ли, встали поперек дороги... Хотя я до сих пор пытаюсь это делать. Вот, собственно, в этом и заключается мое отношение к христианству (смеется)... если угодно¹¹.

— *Правда ли, что вы, приехав на Запад, обратились к христианству?*

— Это абсолютно бредовая чушь! У меня нет времени. Я плохой еврей. Думаю, что человек должен идентифицировать себя более точно, чем по расе, вере или национальности. Сначала нужно понять, каков ты: труслив, честен, бесчестен. Идентичность человека не должна зависеть от внешних критериев¹².

— *А как же крест, который на вас падет на одной из фотографий, сделанных сразу после отъезда?*

— Это был 1972 год. В то время я относился к этому более, так сказать, систематически. Потом это прошло. Опять же, если хотите, здесь связь с Пастернаком. После его «стихов из романа» масса русской интеллигенции, особенно еврейские мальчики, очень воодушевилась новозаветными идеями. Отчасти такова была форма сопротивления системе, с другой стороны, за этим стоит замечательное культурное наследие, с третьей — чисто религиозный аспект, но с последним у меня отношения всегда были не слишком благополучными.

В принципе систематическая сторона любого дела, как правило, имеет неприятный оттенок, и если уж всерьез говорить о том, что я выбрал в духовном отношении — хотя, может быть, скорее надо говорить об отношении интеллектуальном, — то я, конечно, Новому Завету предпочитаю Ветхий. Метафизический горизонт, метафизическая интенсивность Ветхого Завета, на мой взгляд, куда выше, чем метафизика Нового. Сама идея грандиознее — идея верховного существа, которое не оперирует на основании этических, то есть человеческих,

категорий, а исходит из собственной воли, в основе которой лежит произвол. В этом смысле иудаизм для меня несколько более привлекателен, чем новозаветное христианство...¹¹

— *Какое значение для вас имеет тот факт, что вы еврей? Идентифицируете ли вы себя каким-то образом с этим наследием, с этой традицией?*

— Я абсолютный, стопроцентный еврей, то есть, на мой взгляд, быть евреем больше, чем я, уже нельзя. Здесь все - и мать, и отец, и т.д., и т.п. Но я не получил специфически еврейского воспитания, и пишу я по-русски. Но у меня нет никакого чувства идентификации и с православием. Дело просто в том, что Россия принадлежит христианской культуре, и потому, хочешь не хочешь, христианство в моих стихах существует, христианская культура видна в самом языке. Поэтому же, я полагаю, очень незначителен элемент чисто еврейских тем в том, что я пишу. Впрочем, это не так интересно. Я думаю, обращаясь к себе, человек должен прежде всего спрашивать, насколько он честен, смел, не лгун ли он, правда? И только потом определять себя в категориях расы, национальности, принадлежности к той или иной вере. Это, по-моему, вопросы не первого, а третьего плана. Это с одной стороны.

А с другой стороны, если уж говорить, еврей я или не еврей, думаю, что, быть может, я даже в большей степени еврей, чем те, кто соблюдает все обряды. Я считаю, что взял из иудаизма — впрочем, не столько считаю, сколько это просто существует во мне каким-то естественным образом — представление о Всемогущем как о существе совершенно своевольном. Бог — своевольное существо в том смысле, что с ним нельзя вступать ни в какие практические отношения, ни в какие сделки — например, я сделаю то и за это получу это, совершу какое-то количество добрых дел и попаду в Царствие Небесное. Это то, что мне в христианстве кажется в высшей степени неадекватным, по меньшей мере весьма сомнительным. Моя любимая книга в Ветхом Завете — Книга Иова, ну, может, не любимая, а такая, которую я действительно понимаю¹³.

Я должен был сделать выбор. И я его сделал — в пользу иудаизма, или скорее даже христианства... Что касается христианства, то я воспринимал его с лирической точки зрения, поскольку иудаизм говорит «мы», а христианство — «я». И это весьма любопытно, поскольку тут есть параллель с Древней Грецией, где до Пелопоннесской войны Перикл тоже говорил «мы, афинский народ», а после войны Сократ говорил «я»... Итак, я решил: «Это мой мир»... Поэтому, написав «Исаака и Авраама», я не совсем понимал, о чем пытаюсь сказать. Мне просто понравилась эта история, она была жутко

интересной, и я решил описать ее. Вы знаете, для русского человека нет большой разницы между Ветхим и Новым Заветом. Для русского человека это, по сути, одна книга с параллельными местами, которую можно листать вперед-назад. Поэтому, когда я оказался на Западе, я был поражен (вначале, по крайней мере) строгим разграничением на евреев и неевреев. Я думал: «Ерунда! Чушь собачья! Ведь это лишает их перспективы!».

Как убеждение христианство не слишком удовлетворяет меня, оно мне не очень интересно... Знаете, я открыл принцип, на котором держится эта ментальность. Как в продуктовой лавке — платишь столько-то, получаешь столько-то. Меня же (может быть, тут все дело в существе моего темперамента, но не только в нем одном) куда больше привлекает идея непостижимости божественного...

Если в моем стихотворении и есть христианский подтекст, то лишь потому, что я любил эту историю. Мне, например, по душе девяносто процентов всего того, что я знаю об Иисусе, но десять процентов для меня лишние... Это тот же Гамлет, если хотите, — и в этом нет ничего плохого. Но когда какой-то местный Яхве говорит мне, что это для меня невозможно, а то и недостижимо, и что нельзя по-настоящему возлюбить бога Авраама, и Исаака, и Иакова, но только Иисуса, я отвечаю: «Чушь собачья!»... Вот почему я не люблю организованных форм — потому что организация со временем всегда становится важнее (мягко говоря) тех, с кем она работает, не говоря — самого адресата¹⁴.

«Все поэты — жидаы»

— Можете ли вы что-то сказать об отношениях между христианством и современной культурой?

— Отношения между Богом — или христианством, или религией — и современной культурой вполне ясные: это, если угодно, отношения между причиной и следствием. И если в моих стихах есть что-то в подобном роде, то это просто попытка следствия отдать дань причине. Вот так все просто. Я не то чтобы религиозен, вовсе нет. К счастью или к несчастью, уж не знаю. Не думаю, что я принадлежу к какому-то вероучению. Скажу вам, что когда в больнице мне задали этот критический вопрос — ведь все может случиться, — я был в затруднении¹⁵.

— Знаете ли вы, что в Бостонском университете ваши стихи входят в список обязательного чтения по курсу «Новейшая еврейская литература»?

— От души поздравляю Бостонский университет! Не знаю, право, как к этому отнестись. Я очень плохой еврей. В свое время меня в еврейских кругах корили за то, что я не поддерживаю борьбу евреев

за свои права. А еще за то, что в стихах у меня слишком много евангельских тем. Это, по-моему, полная чушь. С моей стороны тут нет никакого отказа от наследия предков. Я просто хочу следствию дать возможность засвидетельствовать свое нижайшее почтение причине — вот и все⁸.

— *Входящий в число глубоко читаемых вами поэтов Осип Мандельштам, по утверждению его вдовы Надежды Яковлевны, несмотря на свое еврейское происхождение, глубоко принял православие и был «христианским поэтом».*

— Ну, я бы не сказал, что высказывание, которое вы процитировали, справедливо... Что касается меня — в возрасте двадцати четырех лет или двадцати трех, уже не помню точно, я впервые прочитал Ветхий и Новый Завет. И это на меня произвело, может быть, самое сильное впечатление в жизни... Разумеется, я понял, что метафизические горизонты, предлагаемые христианством, менее значительны, чем те, которые предлагаются иудаизмом. Но я совершил свой выбор в сторону идеалов христианства, если угодно... Я бы, надо сказать, почаще употреблял выражение иудео-христианство, потому что одно бессмысленно без другого. И в общем-то это примерно та сфера или те параметры, которыми определяется моя если не обязательно интеллектуальная, то, по крайней мере, какая-то душевная деятельность¹⁶.

— *Скажите, вам нравится, когда о вас говорят как о русско-еврейском поэте? Посмотрите, как странно все выходит — стопроцентный еврей Мандельштам был в одиночестве среди ортодоксальных акмеистов, а потом, в шестидесятые, вокруг Ахматовой образовалась группа неоакмеистов, и все они — за исключением Бобышева — были евреями. Как вы расцениваете статус еврея в русской культуре?*

— Давайте начнем с конца. Я стопроцентный еврей, у меня еврейская кровь. Так что для меня вопросов не существует. Но в течение жизни я как-то мало обращал на это внимания, даже будучи молодым человеком, хотя в России молодым еврейским людям напоминают об их происхождении каждые пять минут. Мне к тому же совсем не повезло, я картавлю, что выдает мое еврейство с потрохами. Так оно и было, за тем исключением, что я не обращал большого внимания... Как бы это сказать? Я, в сущности, до конца не осознавал себя евреем... Мне было интересным то, что было труднодостижимо, то, что не лежало на поверхности. А еврейский аспект моего бытия был, так сказать, «под рукой»... И потом, я всегда верил, что человека определяет не раса, религия, география или гражданство. Прежде всего человеку нужно спрашивать себя: «Трус ли я? Или благородный человек? Или я лжец?» И тому подобное. Так что для меня еврейство

мало что определяло. И на самом деле мое еврейство стало чуть более заметным для меня здесь, где общество построено с учетом строгого разграничения на евреев и неевреев...

Я опять отвлекаюсь от прямого ответа на ваш вопрос, но я хочу сказать вот что. С течением лет я чувствую себя куда большим евреем, чем те люди, которые уезжают в Израиль или ходят в синагоги. Происходит это оттого, что у меня очень развито чувство высшей справедливости. И то, чем я занимаюсь по профессии, есть своего рода акт проверки, но только на бумаге... То, что касается идеи высшей справедливости в иудаизме, довольно крепко привязано к тому, чем я занимаюсь. Более того, природа этого ремесла в каком-то смысле делает тебя евреем, еврейство становится следствием...

«Все поэты — жидаы...» — именно поэтому она [Цветаева] так сказала. Ремесло обязывает. Или ты просто плохой ремесленник.

— *Давайте вернемся назад.*

— Если бы вопрос формулировал я, если бы я хотел сделать его полнее, я бы обязательно добавил к Мандельштаму Пастернака. И еще многих... Дело в том, что русская литература изрядно проперчена еврейским присутствием. Как минимум пятьдесят процентов из тех, кто в этом веке считал себя поэтом, были евреями. Великие поэты русского конструктивизма... Сельвинский, например, Багрицкий, вся одесская школа, Бабель, если хотите, — если продолжать, список будет слишком длинным. Они были евреями. Как это расценивать? Говоря коротко, это происходит оттого, что мы — народ книги. У нас это, так сказать, генетически. На вопрос о том, почему евреи такие умные, я всегда говорил: это потому, что у них в генах заложено читать справа налево. А когда ты вырастаешь и оказываешься в обществе, где читают слева направо... И вот каждый раз, когда ты читаешь, ты подсознательно пытаешься вывернуть строку наизнанку и проверить, все ли там верно...

— *«Народ книги»... Отчего так происходит? Оттого ли, что нужно хранить культуру, или есть другие причины?*

— Я не люблю громких слов вроде «сохранение культуры»... Мы защищали культуру, но в самом общем смысле слова, не русскую или еврейскую культуру, а просто — цивилизацию от варваров.

— *То есть вы переживали свое еврейство не так, как, скажем, Мандельштам или Пастернак?*

— Мы переживали его внутри семьи, не больше. Вряд ли Рейн или Найман ходили в синагогу. Я помню только один случай, когда я попал в синагогу. Думаю, что я чаще бывал в православных соборах, особенно в детстве, когда просто играл во дворе собора, бегал туда-сюда¹⁴.

— *А Пастернак, кем он ощущал себя?*

— Для Пастернака его еврейство было очень сложной проблемой. Как известно, он крестился. Это с него началось массовое обращение в православие. Особенно еврейской интеллигенции. Множество людей со времени «Доктора Живаго» приняло православную веру. Побуждало к этому, наверно, чувство, что коль скоро русская культура вскормлена православием, а ты принадлежишь русской культуре, то нет иного выхода, как окупиться в православие. Поэтому и обращаешься к Церкви, не говоря уж о том, что это еще и форма оппозиции⁶.

Конечно, естественна была реакция читателя на стихи из «Живаго», когда после всей идиоматики изящной словесности времен Сталина вы вдруг слышали человеческий голос, а он еще, этот человеческий голос, вам повествует действительно о чуде и о Христе. Но Пастернак сам говорил, что когда человек обращается (он еще говорил, между прочим: когда еврей обращается) в православие, он очень сильно нервничает. И зачастую я слышу эту первозность и желание неопита доказать, что он — более православный, чем Патриарх Всея Руси...

Что касается Мандельштама, когда он пишет о преодолении хаоса, то там идет речь скорее о попытке побега из душливой атмосферы семьи. Если бы это был хаос, я бы только стремился к нему¹⁷.

— *А что означают слова Цветаевой, что все поэты — евреи?*

— То, что их ситуации не позавидуешь. Что они изгнанники. Что они не нужны. Отчужденные⁶.

— *А как насчет «Еврейского кладбища около Ленинграда»? Что это было?*

— Это было стихотворение. Серьезное стихотворение, потому что это кладбище... в общем, это место довольно трагическое, оно впечатлило меня, и я написал стихотворение... Не помню особых причин, просто на этом кладбище похоронены мои бабушка с дедушкой, мои тетки и т.д.¹⁴

— *Что вы испытывали, когда писали это стихотворение?*

— Не помню, мне было тогда восемнадцать лет. Это было одно из первых написанных мною стихотворений. Думаю, что печаль. Печаль и сострадание к этим людям. Теперь я понимаю, что оно плохо написано¹⁸.

— *Вы не согласны с Сартром, считавшим, что литература способна заменить религию?*

— Думаю, что в человеке есть некое пространство, требующее религиозного переживания, и потому заменить религию литература не может¹⁹.

«Надеюсь, я делаю то, что Он одобряет»

— *Считаете ли вы себя человеком, чей голос имеет моральный авторитет у людей?*

— Я себя таковым не считаю. Ну и, кроме того, меня никто не будет слушать, поскольку я еврей²⁰.

— *А как вы переживали свое еврейство?*

— Я мало задумывался об этом хотя бы потому, что всегда старался, может быть, самопадеянно, определить себя жестче, чем допускают понятия «раса» или «национальность». Говоря коротко, из меня плохой еврей. Надеюсь, что и русский я плохой, да и американец вряд ли хороший. Самое большее, что я могу о себе сказать: я есть я, я — писатель².

— *Кем вы себя чувствуете — гражданином мира, русским или американцем?*

— Я чувствую себя русским поэтом, англоязычным эссеистом и гражданином Соединенных Штатов Америки. Я считаю, что лучшего определения я для себя придумать не в состоянии.

— *Мне кажется, что библейская тема в ваших стихах постепенно сходит на нет, во всяком случае Ветхий Завет. Если это так, то почему?*

— Вы знаете, я в этом не уверен, она никогда не была доминирующей и раньше²¹.

Не то чтобы со мной плохо обходились, но с тех пор, как я приехал сюда, меня все время отождествляют с еврейством, а меня это обижает. Люди на Западе не могут должным образом принять, что в России христианство и иудаизм не настолько разделены. В России мы рассматриваем Новый Завет как развитие Ветхого. Все, что произошло с Иисусом, каким-то образом было изображено пророками. В каком-то смысле мы оба Завета скорее изучаем, а не поклоняемся им, по крайней мере я¹².

— *В чем, по-вашему, основная разница между американцами, теми, кто родился и вырос в Америке, и русскими, родившимися и воспитывавшимися в России?*

— Разница, видимо, существует. Я думаю, не следует ее для себя формулировать. Я думаю, относиться к людям надо так, как ты к ним относишься. То есть если что-то нравится, это не надо объяснять национальными культурами, обстоятельствами. Так же, как если кто-то тебе неприятен, не надо сваливать на географию и историю²².

— *А важна ли свобода для вас лично?*

— Как еврей, я, видимо, принадлежу к типу, который способен не то что адаптироваться, но выживать при любой ситуации. За исключением газовой камеры. Или концлагеря²³.

— Когда вы думаете о Всемогущем, чего вы обычно просите для себя?

— Я не прошу. Я просто надеюсь, что делаю то, что Он одобряет²⁴.

У меня есть твердое убеждение, даже не убеждение, а... В общем, мне кажется, что моя работа по большому счету есть работа во славу Бога. Я не уверен, что Он обращает на нее внимание... что я Ему любопытен... но моя работа, по крайней мере, направлена не против Него. Не важно, что я там провозглашаю и насколько это Ему по душе. Главное, каким образом ты пытаешься понравиться Всевышнему и как ты рассчитываешь свои возможности. Я думаю, именно это нам зачтется, и пусть меня изжарят на сковороде, но я уверен, что наша работа в наших областях куда больше значит, чем стандартная пабность¹⁴.

— Кстати, ваше имя фигурирует в справочнике «Знаменитые евреи»...

— Здорово! Вот это да! «Знаменитые евреи»... Я, выходит, знаменитый еврей! Наконец-то узнал, кто я такой... Запомним!⁸

— Говорят, что вы утрачиваете свою русскость...

— Если ее можно утратить — грош цена такой русскости²⁵.

— Что самое важное для вас в жизни?

— В первую очередь каждый человек должен знать, что он собой представляет в чисто человеческих категориях, а потом уже в национальных, политических, религиозных.

— Что вы цените выше всего в человеке?

— Умение прощать, умение жалеть²⁶.

«Еврей—тот, кто на это согласен»

Когда Иосиф Бродский прилетел в Стокгольм получать Нобелевскую премию, один журналист прямо в аэропорту спросил его: «Вот вы американский гражданин, живете в Америке, и в то же время вы русский поэт и премию получаете за русские стихи. Кто же вы — американец? Русский?». — «Я еврей», — ответил Бродский.

К своему еврейству поэт относился спокойно и естественно. Ему не нужны были чужие одобрения, он не боялся косых взглядов. У него не пайти ни ужаса Мандельштама перед «хаосом иудейским», ни нервозности Пастернака, призывавшего евреев «разойтись», исчезнуть, чтобы не мешать счастью человечества. Кажется, со своей поэтической интуицией Иосиф Бродский ближе других подошел к разгадке тайны, мучающей многих людей на протяжении столетий: какова роль еврейского народа в истории и что такое еврей? (см., например, [6, 7]). Александр Исаевич Солженицын, которого многие упрекали в антисемитизме (а после выхода в свет двухтомного труда

«Двести лет вместе» [8] многие еще будут упрекать), в интервью главному редактору «Московских новостей» сказал: «У меня разгадки нет. Это метафизический вопрос, самый сложный. Это не дано человеческому разуму в полном измерении. Непонятно. Что-то загадочное все равно остается» [9].

Галахическое определение еврея («рожденный еврейкой или перешедший в иудаизм») своими корнями уходит в глубокую древность. Остроумное высказывание раввина Штейнзальца: «Еврей — тот, у кого внуки евреи» — напротив, обращено в туманное будущее. Для таких людей, как Иосиф Бродский, больше подходит афоризм писателя Юрия Марковича Нагибина: «Еврей — тот, кто на это согласен».

Литература

1. Бродский Иосиф. Сочинения. Тома 1—5. СПб., Изд-во Пушкинского фонда, 1992—1999.
2. Волков Соломон. Диалоги с Иосифом Бродским. М., «Независимая Газета», 1998.
3. Иосиф Бродский: труды и дни. М., «Независимая Газета», 1998.
4. Бродский Иосиф. Большая книга интервью. М., «Захаров», 2000.
5. Штерн Людмила. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М., «Независимая Газета», 2001.
6. Штейнзальц Аддин. Что такое еврей? М., Институт изучения иудаизма, 1999.
7. Беркович Евгений. Две истории об отцах и детях, или Кого считают евреям в Израиле и Америке. — В кн.: . Заметки по еврейской истории. М., «Янус-К», 2000.
8. Солженицын А. И. Двести лет вместе. 1795—1995. М., «Русский путь», 2001.
9. Интервью А.И. Солженицына Виктору Лошаку. Газета «Московские новости», 2001, № 25 (19—25 июня).

Примечания¹⁾

1. Евгений Рейн. — Журнал «Арион», 1996, № 3.
2. Мириам Гросс. — Газета «Observer» от 25 октября 1981 г.
3. Джейн В. Кац. — Из книги «Artists in Exile». N.Y., 1983.
4. Thomas D.M. Interview with Brodsky. «Quarto», December 1981.
5. Джованни Буттафава. — Журнал «L'Espresso», декабрь 1987 г.
6. Адам Михник. — Журнал «Magazin» (приложение к газете «Wyborczaj»), 1995, № 3 (20 января 1995 г.).

¹⁾ В примечаниях приводятся имена авторов интервью и издания, где они опубликованы.

7. *Петр Вайль*. — «Независимая газета» от 21 декабря 1991 г.
8. *Свен Биркертс*. — Журнал «Paris review», 1982, № 83.
9. *Виталий Амурский*. — Газета «Русская мысль» от 19 января 1990 г.
10. *Анни Эпельбуэн*. — Журнал «Странник», 1991, выпуск 1.
11. *Бенгт Янгфельд*. — Газета «Svenska Dagblatt» от 10 декабря 1987 г.
12. *Хелен Бенедикт*. — Журнал «Antioch Review», 1985, № 1.
13. *Ежи Иллг*. — Журнал «Tygodnik Powszechny», 1988, № 6.
14. *Дэвид Бетеа*. — Из книги [4].
15. *Ева Берч и Дэвид Чин*. — Журнал «Columbia», весна-лето 1980 г.
16. *Виталий Амурский*. — Журнал «Континент», 1990? № 62.
17. *Наталья Горбаневская*. — Газета «Русская мысль» от 3 февраля 1983 г.
18. *Али-Мари Брамм*. — Журнал «Mosaic». Том VIII, № 1 (осень 1974 года).
19. *Божена Шеллкросс*. — Из книги «Reszty nie Trzeba». Катовице, 1993.
20. *Майкл Главер*. — Журнал «Экономист» от 13 октября 1990 г.
21. *Арина Гинзбург*. — Газета «Русская мысль» от 4 ноября 1988 г.
22. Ответы Иосифа Бродского на вопросы после выступления 2 апреля 1995 г. в Манхэттенском центре этнической культуры. — Журнал «Огонек», 1995, № 21 (май).
23. *Томас Венцлова*. — Журнал «Страна и мир», 1988, № 3.
24. *Дмитрий Радышевский*. — Газета «Московские новости» от 23 июля 1995 г. (№ 50).
25. «Грош цена русскости, которую можно утратить». Пресс-конференция Бродского в Хельсинки в августе 1995 г. Газета «День за днем» (Тарту) от 8 сентября 1995 г.
26. *Юрий Коваленко*. — Газета «Неделя», 1990, № 9.

ОПЫТ АВТОБИОГРАФИИ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Это интервью было дано редактору денверской газеты «Горизонт» по случаю юбилея издания. Впервые напечатано в номере 101 от 12 августа за 1999 год.

Начнем, пожалуй, с начала. Где и когда вы родились и каким было ваше детство?

Своим рождением я в определенном смысле обязан Великой отечественной войне. Именно из-за войны мои родители оказались в Иркутске, где встретились и полюбили друг друга.

Весной 1941 года папа, учась на последнем курсе Московского института связи, стал работать на Московском авиационном заводе имени Мепжинского. 27 июня он защитил диплом, а в декабре завод со всеми работниками был эвакуирован в Иркутск. Туда же осенью сорок первого вместе со своими родителями переехала из Ростова-на-Дону моя мама — она была тогда студенткой первого курса ростовского университета. Большинство родственников, оставшихся в Ростове, погибли от рук фашистов.

В Иркутске мои будущие папа и мама познакомились и в 1943 году поженились. В 1945-м мама закончила исторический факультет иркутского университета (может, отсюда моя любовь к истории), а в октябре того же года родился я. Когда мне было шесть месяцев, родители переехали в Москву, где я и прожил почти пятьдесят лет.

Детство мое проходило в типичном московском районе между Землянкой и Таганкой. Школа, в которой я учился, и сейчас стоит на углу набережной Яузы и Берникова переулка.

Моим самым первым и самым близким школьным товарищем был Боря Березовский — мы сидели с ним за одной партой до седьмого класса, пока его семья не переехала в новую квартиру в Черемушках. И теперь, что бы ни говорили о нем журналисты и политики, для меня он остается тем самым Борей, с которым мы делились важными секретами и даже были влюблены в одну девочку.

Ощущался ли вами антисемитизм в то время?

Антисемитизм как государственную политику я долго не осознавал, хотя моя семья его остро почувствовала уже в 1952 году. Мой папа был ведущим разработчиком радиолокационной системы, которая была успешно принята в производство и поставлена на вооружение. Авторы были представлены к Сталинской премии. Но лауреатом папа не стал — его неожиданно уволили «по сокращению штатов».

Илья Эрэнбург, Михаил Беркович (отец автора) и Евгений Беркович. 1963 г.
(из семейного архива)

Так реализовывалась в оборонных отраслях знаменитая борьба с «безродными космополитами». Папа долго был без работы, пока не улыбнулось счастье: его приняли на вновь созданный телевизионный завод, впоследствии получивший название «Рубин». Там он проработал сорок лет и на пенсию вышел, когда ему исполнилось семьдесят семь!

После смерти Сталина и прекращения «дела врачей», когда миновала страшная угроза сталинского «окончательного решения» еврейского вопроса, для советских евреев наступили относительно «вегетарианские времена». Бытовой антисемитизм, конечно, был, но к нему привыкаешь как к определенным правилам игры. Открыто выступать против евреев боялись, можно было пожаловаться начальству — директору или в партком. Новый подъем государственного антисемитизма я впервые почувствовал в студенческие годы, особенно после Шестидневной войны 1967-го.

По диплому вы физик. Когда вы решили поступать на физфак МГУ?

В школе я учился легко, не слишком задумываясь о будущем. Интересовался разными предметами, но больше всего любил математику. С шестого класса посещал знаменитый математический кружок на мехмате МГУ. Нравилась мне и физика, хотя и немного меньше. Решение поступать на физфак пришло довольно неожиданно, не без влияния моды, книги Гранина «Иду на грозу», в частности. На первых же курсах я понял, что математика мне ближе, и свою «ошибку»

исправил, выбрав довольно экзотическую для физфака кафедру математической физики. Так что в дальнейшем моя научная работа все-таки больше была связана с математикой.

Но в университет нужно было еще поступить. Мои родители лучше меня понимали все трудности, с этим связанные, в том числе и негласную процентную норму для евреев, существовавшую для большинства вузов и факультетов. Особенно трудный барьер был поставлен для евреев на физфаке МГУ. Поэтому за два года до окончания школы мои родители, прежде всего, конечно, мама, выработали стратегический план поступления.

В 1960 году неутомимый Хрущев предпринял очередную реформу школьного и высшего образования. Все дневные общеобразовательные школы стали одиннадцатилетками. Кроме того, при поступлении в институт большие льготы предоставлялись так называемым «производственникам» — лицам, имеющим как минимум двухгодичный трудовой стаж. Тогда перед многими учащимися и их родителями встала дилемма — или перевестись в спецшколу, что было, понятно, не просто, или учиться на год дольше, что сильно увеличивало шансы попасть в армию. Я был «круглым отличником», попасть в спецшколу не представляло труда. Но мама смотрела дальше.

На семейном совете было решено, что после восьмого класса я не наслаждаюсь законными школьными каникулами, а поступаю работать на завод. Девятый и десятый заканчиваю в вечерней школе рабочей молодежи, а качество образования восполняю самостоятельной работой. Так 12 июня 1960 года начался мой трудовой стаж.

Студенческие годы, как правило, — самая светлая пора в жизни. Для вас тоже?

Вне всякого сомнения. Все пять с половиной лет вспоминаются мне как праздник. Наш курс собрал много ярких личностей, причем не только будущих замечательных ученых. Многие раскрыли свои таланты совсем в других областях — музыке, кино, поэзии. Назову только Сергея Никитина, Ваню Киасашвили, Бориса Шапиро... Я занимался увлеченно, почти все экзамены сдавал на «отлично». Ну и, конечно, кипела нормальная студенческая жизнь — стройотряды, вечеринки, студенческие свадьбы...

А как началась ваша научная работа?

Она у меня началась довольно рано. Первые оригинальные результаты по теории оптимального управления были получены на четвертом курсе. К пятому курсу вышли из печати две статьи, еще три готовились к публикации. По распределению я был принят на работу

в Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ. Во всех инстанциях было согласовано мое зачисление в заочную аспирантуру университета — оставались кое-какие формальности. И тут произошла осечка. Напомню, что дело происходило в 1967 году, сразу после Шестидневной войны. Отношение к Израилю, сионистам и ко всем евреям в официальной пропаганде становилось все агрессивнее и нетерпимее. Как теперь стало известно, на самом высоком политическом уровне тогда было принято решение «очистить» от евреев фундаментальную науку, оборонные отрасли и высшее образование. В моем случае это реализовалось в отказе под каким-то смехотворным предлогом в приеме в аспирантуру. Я был не столько огорчен, сколько поражен, так не соответствовало это всем нормам и правилам. Но мой научный руководитель посоветовал мне благодарить небеса за то, что удалось попасть в вычислительный центр, а об остальном лучше забыть.

Тем не менее моя научная работа шла успешно. В журналах и сборниках регулярно выходили мои статьи, я выступал на конференциях, семинарах, побеждал в различных научных конкурсах. Так и не попав в аспирантуру, в 1973 году защитил диссертацию. Одновременно занимался преподавательской деятельностью — читал студентам спецкурс по основным результатам своих работ и вел занятия в математической спецшколе при МГУ.

Однако после защиты диссертации мне было недвусмысленно сказано, что больше никаких перспектив в НИВЦ у меня нет и лучше мне подыскать другую работу. На банальное увольнение по сокращению штатов руководство не решилось, но сделало все, чтобы мое пребывание там стало невозможным. При этом не скрывалось, что единственной причиной этого является мой пятый пункт в анкете. После года неравной борьбы в марте 1975 года я перешел в один из так называемых научно-исследовательских институтов научно-технической информации.

Свою десятилетнюю работу в университете я вспоминаю как самый счастливый творческий период. Мне удалось получить некоторые результаты, которые и сейчас не потеряли значения. До сих пор ощущаю боль оттого, что пришлось оставить науку и начать «новую жизнь». И хотя отдельные мои математические работы еще выходили вплоть до 1980 года, истинно научная деятельность закончилась практически в самом начале.

Однако институт, куда вы поступили, назывался научно-исследовательским. Почему вы говорите о прекращении научной работы?

Институты научно-технической информации были, по существу, не научными, а проектными учреждениями. Определение «научно-исследовательский» было всего лишь ширмой, которая позволяла их руководителям получать более высокие оклады и иметь более почетный статус. И хотя формально я еще двадцать лет занимал «научные должности» — старший научный сотрудник, начальник сектора, начальник лаборатории, начальник отдела, заместитель директора по научной работе — и даже получил от ВАКа диплом об официальном звании «старший научный сотрудник», настоящим работником науки я себя уже не ощущал. Забавно, что в ВЦ МГУ научной должности для меня не нашлось, я был просто инженером, которому даже надбавка за научную степень не положена, но ни на минуту не возникало сомнений в том, что я занимаюсь наукой.

Кстати, именно область научно-технической информации и АСУ оказалась чуть ли не единственной, куда могли устроиться евреи, вытесняемые из «запрещенных» отраслей — науки, оборонки, высшего образования. Так что там оказывались порой очень квалифицированные кадры.

В институте мы проектировали и внедряли автоматизированные системы НТИ. Первые три года я работал над созданием республиканской системы НТИ России. С 1978-го по 1995-й руководил разработкой отраслевой системы НТИ в области связи. Если верно, что человечество вступает в «информационное сообщество», то нельзя не признать, что мы занимались достаточно актуальными вещами, насколько, конечно, это было возможно в условиях «развитого социализма».

И вот пришла перестройка — новый этап в жизни страны. Был ли это новый этап и в вашей жизни?

Именно так я и расцениваю горбачевские и последующие годы. Началась эпоха экономических экспериментов, когда мы осваивали навыки работы в новых экономических условиях. В 1990 году я организовал свое научно-производственное предприятие «ИНКОР» («информация, компьютеры, оптимальные решения»), которое за пять лет вполне встало на ноги, завоевало известность на российском компьютерном рынке. Через три года у «ИНКОРа» появилось и дочернее предприятие — «Интерлинк БИС». Так что этот этап жизни можно назвать предпринимательским. Хотя я все это время продолжал руководить отделом и исполнять должность замдиректора госпредприятия Минсвязи России.

А чем занимались «ИНКОР» и вы в «ИНКОРе»?

«ИНКОР» специализировался на сетевых компьютерных технологиях. Мы поставляли на российский рынок модемы и другие компоненты вычислительной техники и связи. Но главным, «фирменным» нашим продуктом были электронные словари, справочники и энциклопедии, которые мы сами создавали и распространяли. Ряд книг мы издавали и в традиционном бумажном виде. Большой известностью пользовалась наша многотомная энциклопедия «Современные модемы». «ИНКОР» был постоянным участником компьютерных выставок, в том числе и знаменитой СеВIT в Гапшвере (с нее-то в 1994 году и началось мое знакомство с этим городом). Фирменный знак и логотип «ИНКОРа», зарегистрированные в Госкомизобретений, были достаточно хорошо известны на российском рынке. Естественно, я был руководителем и активным участником большинства проектов. Должен сказать, что в предпринимательской деятельности есть очень много от истинного творчества. Эти пять лет моей жизни дали мне много новых интересных впечатлений и были насыщенным и результативным периодом.

Итак, в августе 1995 года вы — замдиректора государственного предприятия, генеральный директор двух процветающих частных фирм. И вдруг прекращаете так удачно складывающуюся деятельность и с семьей выезжаете на постоянное жительство в Германию. Чем это было вызвано? Уж наверное, не материальными трудностями?

Безусловно. С материальной стороны мы жили вполне прилично. Ничего сверхъестественного, никаких причуд «новых русских» не было, но — хорошая квартира в престижном доме на Воронцовских прудах, красивая дача в Дорохове, машина, короче, необходимый «джентльменский набор» обеспеченного человека. И перспективы были достаточно радужные. «ИНКОР» год от года набирал обороты, расширял свое производство. Так что причины нашего отъезда смело можно назвать «нематериальными». Поверьте, мне трудно просто и однозначно сформулировать, почему мы все оставили и отправились «в неизвестность». Конечно, не последнюю роль сыграло беспокойство за судьбу младшего сына, которому за два дня до отъезда исполнилось тринадцать.

А кроме того, хотелось испытать себя в абсолютно новых условиях, прожить, так сказать, еще одну жизнь. Может, это было неосознанное желание снова ощутить себя молодым. Ведь мне через два месяца после приезда в Германию исполнилось 50. А теперь я могу смело сказать: ничто не дает человеку такое ощущение молодости, как

рождение «позднего ребенка» и активная жизнь в новой стране. Только в младенчестве приходится получать и переваривать так много новой информации, как в первые годы эмиграции.

Был ли у вас конкретный план действий по приезду в Германию? Каковы были ваши первые шаги?

Никакого специального плана не было. Мне хотелось только жить в уже знакомом Ганновере. Полгода изучения языка, затем — специальные десятимесячные курсы компьютерных технологий, после чего я сам должен был найти предприятие, чтобы пройти на нем практику. На два десятка отправленных мною писем пришли вежливые отказы. Наконец, получил приглашение на встречу с директором крупной ганноверской компании. И после часовой беседы мне предложили не практику, а постоянную работу. Так началась моя трудовая деятельность в научно-исследовательском институте финансовой математики и программирования банковских систем.

Испытывали ли вы ностальгию по России, по Москве?

Ни разу. Конечно, нынешняя эмиграция не чета предыдущим, когда, уезжая, расставались навсегда. Связи с родными и близкими не прекращались у нас ни на день. Переписка по электронной почте дает возможность забыть о расстояниях. А Интернет стирает любые границы.

Кроме того, в Германии можно смотреть многие программы российского телевидения, слушать радио. В киосках продаются газеты из России, и еще несколько десятков изданий на русском языке выходит в самой Германии. Так что никакого информационного вакуума для нынешней эмиграции нет.

Вы довольно быстро нашли работу по специальности. Как вы считаете, это счастливое исключение? Ведь сейчас говорят о большой безработице в Германии.

Безработица действительно есть, но в информатике и других отраслях высоких технологий положение лучше. Многие из моих знакомых, проявив определенную настойчивость и упорство, получили работу, связанную с компьютерами, сетями и программированием. Система переобучения и повышения квалификации, действующая в Германии, дает шанс попробовать себя в этих областях людям, которые все забыли или никогда этим раньше не занимались. Причем в возрасте, даже для немцев являющемся критическим, — когда человеку уже далеко за пятьдесят.

Наши читатели любят ваши статьи, или, как вы их сами называете, «заметки по еврейской истории». Как начиналось это ваше увлечение?

Надо сказать, что историю я любил всегда. Собрал довольно интересную библиотеку по античной, русской и еврейской истории (с собой в Германию, кстати, удалось взять лишь небольшую, но наиболее ценную часть). Писать что-то «гуманитарное» в России, честно говоря, не приходило в голову. Заметки по еврейской истории появились только в Германии.

А началось все с посещения старого еврейского кладбища в Ганновере. Там на небольшой выставке, посвященной истории местных евреев, увидел фотографии человека с моей фамилией. Стал интересоваться его судьбой, собрал довольно много материалов, благо библиотеки и архивы в Германии прекрасно организованы и доступны всем желающим. И когда в конце концов я связно изложил результаты поисков, получилась заметка о большой семье Берковичей («Человек первого часа», в первой редакции она называлась «Не стоит земля без праведника»). Оказалось, что история эта интересна не только мне. Ее опубликовали несколько газет в Германии и США.

Заметки по еврейской истории включают как очерки жизни отдельных выдающихся личностей (Моисей Мендельсон, Теодор Лессинг, Отто Майерхоф и др.), так и попытки осмысления критических процессов и событий в многогранной еврейской истории («Реформы в иудаизме», «Грех антисемитизма», «Христос в Освенциме», «Восемьдесят один день страха», «Еврейская самоненависть» и др.). Не связанный никакими профессиональными обязательствами, я пишу только о том, что интересует меня. Я не стараюсь через все заметки пронести какую-то единую мысль или идею. Но что их, как мне кажется, объединяет — это любовь и восхищение нашим великим, многострадальным и тем не менее никогда не теряющим оптимизма и веры еврейским народом. «Еврей — это звучит гордо!» — так, несколько перефразируя слова советского классика, можно было бы коротко сформулировать это чувство.

Кстати о вере. Как вы пришли к иудаизму? Ведь в советское время любая религия, тем более иудаизм, была под запретом.

Как я упоминал, я довольно рано начал интересоваться не только математикой и физикой, но и историей, философией и религией. Религиозные темы у нас в семье не обсуждались, что вполне понятно: для моих родителей, только-только переживших страшные годы сталинского террора, важно было выжить и сохранить себя и детей, а уж о религии думать, не то что говорить, было смертельно опасно. И

сверстники моих родителей волею страшной судьбы оказались «потерянным звеном» в цепи поколений. Традиции местечек, которые были еще живы для моих дедушек и бабушек, на них прервались, идиш и религиозные обычаи почти забылись, а для нас, их детей, и вовсе как бы не существовали.

Подобный разрыв традиций был характерен не только для еврейских семей—и православные, и мусульманские традиции сильно ослабли, о чем много говорят сейчас российские интеллектуалы. Но вернемся к вашей семье.

Моя «зрелость» (в смысле «аттестата зрелости») пришлось на легендарные шестидесятые (я закончил школу и поступил в университет в 1962-м), когда духовные искания стали менее опасными и постепенно набирали силу в обществе. В это время как раз и прорезались те ростки, которые привели к концу советского коммунизма и всего СССР. Я интересовался в то время религиями — именно во множественном числе — от буддизма и индуизма до христианства. Но христианством все активнее, благо в России оставалось еще немало возможностей об этой религии узнать. Мы с друзьями много ездили по подмосковным церквям и монастырям, облазили Загорск, Можайск, Звенигород, были в Пскове, Псковско-Печерском монастыре. Во время многочисленных командировок я узнал христианские церкви Ленинграда, Прибалтики, даже Средней Азии. Я хорошо помню крестные ходы и всенощные на Пасху в разные годы в Питере, Ташкенте, Владимире, Ярославле, Ростове Великом. Неплохо знал христианскую церковную историю, традиции, архитектуру, язык икон. Много читал, в том числе «Богословские труды» Московской Патриархии, достать которые было тогда нелегко. Христианство становилось для меня живым миром, среди моих друзей не было ни одного, кто бы придерживался другой религии. Об иудаизме я знал только то, что говорили о нем христианские богословы. Для меня он был «ветхим заветом», сделавшим свое дело — породившим христианство и по какому-то недоразумению еще сохранившимся в небольшой группе ортодоксальных иудеев где-то в Израиле или Америке. Синагога была для меня чужим местом. Вокруг были диссидентски-христианские разговоры и книги. Множество примеров перехода евреев в христианство (Мандельштам, Пастернак, Галич), талантливые миссионерские книги Александра Меня — все говорило о том, что путь интеллигентного еврея, живущего в России, — это принятие христианства. Были, правда, варианты конфессии. Например, недавно скончавшийся замечательный человек, информатик и философ Юлий Шрейдер, которого я хорошо знал по работе, принял

католичество и в последние годы стал преподавателем богословия в католическом колледже в Москве. Но иного пути, как принять христианство, для реализации духовных запросов я просто не видел.

И что же вас остановило?

Это не был результат логических рассуждений или какого-то прозрения, ниспосланного свыше. Просто в какой-то момент я стал думать о еврейских предках — о своих бабушках и дедушках, об их родителях и о длинной цепи других родственников, которые жили сто, двести и тысячу лет назад. Я почти ничего не знал о них, но они представлялись мне очень достойными людьми — они были евреями и остались ими, несмотря на преследования и погромы, гонения и притеснения, которых могли бы избежать, приняв христианство. Многие крупные и мелкие проблемы были бы решены, согласись они пройти крещение. Причем проблемы не только материальные. Например, «наш родственник» (согласно долго бытовавшей в нашей семье легенде) Исаак Левитан мог бы спокойно жить и работать в Москве, откуда некрещеных евреев выселяли. Крещеные евреи могли получить образование, могли приобщиться к культуре господствующего большинства, сделаться «своими» в обществе, избавиться от «черты оседлости». И все же большинство моих предков не сделали этого шага, оставшись евреями. Что им помешало? Ведь они не были глупее или примитивнее меня и моих товарищей. На протяжении двух тысяч лет многие из них в прямом смысле слова жертвовали жизнью (крестовые походы или испанское изгнание), но не изменяли своей вере.

И, чтобы быть честным по отношению к ним и к себе, я решил, что не откажусь от их наследия, пока не узнаю, чем они так сильно дорожили, в чем состоит суть иудаизма. Так я стал все больше интересоваться его основами, стал искать и читать доступную литературу, в том числе художественную (например, «Иосиф и его братья» Томаса Манна). Появились некоторые книги в киоске синагоги, что-то можно было купить у израильского посольства, в фойе еврейских театров, которые тоже стали открываться в то время.

Мне становилось все более понятно, что мои друзья-евреи, принявшие христианство, люди порядочные и серьезные, оказались просто недостаточно информированными, не очень образованными, плохо знающими культуру, историю и религию своего народа. Духовный голод был, а утолить его кроме как крещением они не умели. И многие заплатили за это разрывом связей с родными. В еврейской традиции всегда было принято оплакивать крестившихся евреев — по ним даже справляли поминальную молитву, как по умершим.

Каково ваше отношение к другим религиям?

Я хочу еще раз подчеркнуть: религия — не спорт и не конкурс. Это глубоко личное, интимное дело. Здесь неуместно ставить оценки или давать советы. Иудаизму вообще глубоко чуждо всякое миссионерство. Как писал еще Моисей Мендельсон, выбор веры — дело индивидуальное. Или, как сказал поэт — наш современник, «каждый выбирает для себя, женщину, религию, дорогу...».

Я с искренним уважением отношусь к вере всех людей. Мой самый близкий и самый верный друг — христианин. Все, что делает человека чище и лучше, помогает подняться духовно, достойно уважения. Мне просто больно, когда евреи отказываются от религии своих отцов либо по конъюнктурным, материальным соображениям, либо, что происходит чаще, потому, что недостаточно знают свою историю и традицию. Большинство отпадает от еврейства потому, что у них никогда не было возможности толком узнать, что это такое. Талмуд называет подобных людей «детьми, воспитанными в рабстве», таким образом снимая с них вину за отступничество.

А что вы можете сказать об идеях ассимиляции — полного растворения евреев в народах, среди которых они живут в диаспоре?

Я считаю эти идеи очень опасными. Внешне процесс ассимиляции не кажется движением, ибо по своей природе не имеет ни храмов, ни школ, ни оформленной доктрины. Однако бывали периоды, когда подобными идеями была охвачена добрая половина евреев. Ассимилятор редко излагает свое кредо или открыто призывает к отказу от национальности. Просто он перестает каким бы то ни было образом подчеркивать свое еврейство. Проходит два-три поколения — и семья уже к евреям не причисляет. Для того чтобы в свободном обществе оставаться евреем, требуется прилагать определенные усилия. Без них еврейство исчезает. Быть евреем — это труд! Нельзя забывать и об ответственности перед своими детьми. Мне нравится определение раввина Штейнзальца: «Еврей — это тот, у кого внуки евреи!».

Еврею есть чем гордиться, если думать о вкладе своего народа в общечеловеческую цивилизацию...

Совершенно с этим согласен. Величайший вклад евреев в мировую цивилизацию состоит в «открытии» единого Бога. По своему значению в духовной области это открытие можно приравнять к изобретению колеса или приручению огня. Наш современный, так называемый европейский мир, западная цивилизация внешне построены на греко-римском наследии (архитектура, государственность, право,

искусство и т. п.). Внутренне же она (цивилизация) базируется на духовном наследии Библии, на морально-этических категориях, выработанных и осмысленных еврейскими мудрецами. Как мы не замечаем воздух, пока не начинаем задыхаться, так не замечаем фундаментальных категорий (благотворительность, любовь к ближнему, молитва и другие), «открытых» евреями и впитанных последующими поколениями европейских народов, в том числе с помощью отпочковавшихся от иудаизма других мировых религий — христианства и мусульманства.

А как вы относитесь к распространенному мнению, что после Катастрофы Холокоста евреи никогда не смогут простить немцев, тем более жить среди них?

Это мнение мне хорошо известно. В самой Германии проблема вины немцев во времена гитлеризма широко обсуждается. Горячие дискуссии прокатились по стране после выхода в свет книги Гольдхагена «Добровольные помощники Гитлера». Не утихают они и сейчас, особенно после выступления писателя Вайзеля, заявившего, что нельзя «инструментализировать Освенцим» и говорить с нынешним поколением немцев как с потенциальными преступниками.

Тема, затронутая вами, очень непроста, она требует большого и откровенного разговора. В рамках нашей и без того затянувшейся беседы сформулирую лишь основные соображения.

Вину всего поколения немцев, участвовавших в уничтожении европейского еврейства, невозможно отрицать. Но ставить в вину всем немцам извечный, прирожденный антисемитизм, по-моему, несправедливо. Антисемитизм, как бактерии опасной болезни, существовал во все времена и среди всех народов. Так сложилось, что в течение долгих двенадцати лет с 1933 по 1945 год эта чума охватила практически весь немецкий народ. Для выздоровления немецкого общества в послевоенные годы были необходимы и запрещенные законом всех проявлений нацизма, и жесткий контроль за восстановлением демократии в Германии со стороны победивших союзников, в первую очередь американцев, и пришедшее затем глубокое осознание немцами своей вины, и соответствующее воспитание подрастающих поколений.

То, что произошло в Германии периода нацизма, происходило — правда, не в таких масштабах — и раньше в других местах, например, во время безжалостного уничтожения евреев казаками Богдана Хмельницкого на Украине, когда число жертв исчислялось сотнями тысяч. Евреи Советского Союза в 1953 году находились на волосок от спланированной Сталиным тотальной депортации в Сибирь

и на Дальний Восток, и только смерть тирана спасла миллионы людей от гибели. Можно не сомневаться, что произойди эта трагедия на самом деле, она бы сопровождалась «единодушным одобрением» советского народа.

Понятно, что не только немцы были виновны в преследовании евреев. «Добровольные помощники Гитлера» находились и в Польше, и в Прибалтике, и на Украине... Как же евреи должны относиться к детям и внукам своих преследователей? Надо ли постоянно поддерживать память о причиненном зле?

Сегодня раны Холокоста еще кровоточат во многих еврейских семьях. Но злопамятность — не в еврейской традиции. Когда-то бедах и существовала книга «МЕГИЛАТ ТААНИТ», список памятных дней, напоминающих о бедах еврейского народа. Но в Талмуде сказано, что «МЕГИЛАТ ТААНИТ» была упразднена мудрецами, и аргументировано это решение просто: «Что было, то было». Наверно, мудрецы считали, что люди должны жить настоящим и будущим, а не вечно возвращаться к воспоминаниям о прошлом. Спросите себя и своих знакомых, что они знают о Богдане Хмельницком и влияет ли это знание на отношение к украинцам. Думаю, что ответы подтвердят правоту мудрецов Талмуда...

А возрождение еврейской общины Германии свидетельствует о выздоровлении современного демократического немецкого общества.

Предисловие (Юрий Табак)	5
От автора	10
Часть первая. Сопротивление	
Шалом, либертад! (Испанские страницы еврейского Сопротивления)	15
Операция «Факел» (Алжирская страница еврейского Сопротивления)	23
Еврей в нацистском мундире	29
Одиссея Марка Хермана	36
Женский бунт на улице Роз	41
Барон Левенштейн и его нацистская тетушка	52
История Вильгельма Бахнера	70
Часть вторая. Банальность добра	
Праведники мира в ландшафте Холокоста	82
Банальность добра, или Как итальянские фашисты спасали евреев	110
Дочки-матери	126
Свое имя (История спасения Нортье Хегт, еврейки из Голландии)	138
Консул-самозванец (История о том, как итальянский фашист спас от уничтожения тысячи евреев)	149
Перевернутый мир (Георг Фердинанд Дуквиц и спасение евреев в Дании)	156
Пианист и капитан резерва (Владислав Шпильман и Вильм Хозенфельд)	165
Часть третья. Такие разные немцы	
Список Геринга (Брат рейхсмаршала — защитник евреев)	177
Тайны виллы Хаммерштайна	181
Первая дама Третьего Рейха и ее еврейский отчим	184
Немецкий писатель с еврейской судьбой	200
«Бей в барабан и не бойся беды»	211
Парадоксы Макса Шмелинга	221
Нюрнбергский концерт	230
Две минуты тишины (Фельдфебель Антон Шмид — праведник в нацистском мундире)	235
Часть четвертая. Заложники Второй мировой	
Заложники Второй мировой (Кто и когда приказал уничтожить европейских евреев?)	243
Теодор Лессинг — пророк и жертва	254

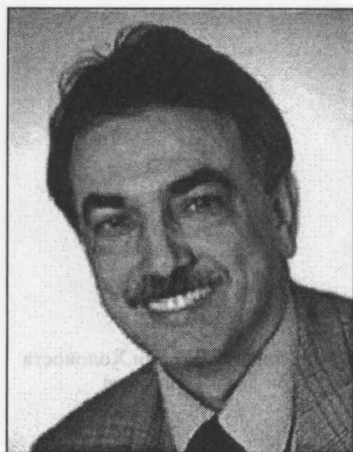
Пауль Шпигель как зеркало немецкой «нормальности»	260
Человек первого часа.	267
Между молотом и наковальней (Положение восточно-европейских евреев во времена союза Гитлера и Сталина)	279
Слово и дело (Перечитывая дневники Виктора Клемперера).	286
Восьмая ступень благотворительности (К восьмидесятилетию ОРТ в Германии)	292

Часть пятая. Грех антисемитизма

Христос в Освенциме (Кризис христианства после Холокоста)	299
Грех антисемитизма.	306
Можно ли христианину мыться в бане с евреем? (Иудео-христианский диалог вчера и сегодня)	313
Немецкий антисемитизм — факты и вымыслы	322
Плоды еврейской эмансипации (Эмиль и Вальтер Ратенау)	328
Еврейская самоненависть (Трагедия Отто Вейпингера).	335
Америка и Холокост (Американский антисемитизм).	341
Восемьдесят один день страха (История несостоявшейся депортации).	352

Приложение. Биографические опыты в вопросах и ответах

И эллины, и иудеи (Опыт синтетического интервью с Иосифом Бродским)	359
Опыт автобиографии в вопросах и ответах	374

Евгений Беркович окончил Московский государственный университет, математик. С середины 90-х годов работает в научно-исследовательском институте в Ганновере, ФРГ. Еврейская история и традиция — еще одно давнее и серьезное увлечение. Его статьи на эти темы печатаются в газетах и журналах России и Германии, США и Франции, Израиля и других стран. Он член Американской гильдии русских журналистов, главный редактор популярных сетевых изданий: журнала «Заметки по еврейской истории» и альманаха «Еврейская Старина» (www.berkovich-zametki.com), автор книги «Заметки по еврейской истории», изданной в 2000 году в Ганновере (издательство «Алекс-Пресс») и Москве (издательство «Янус-К»).

Написать автору можно по электронной почте:

redaktor@berkovich-zametki.com,

по факсу: +49 511 979 1389

или обычным письмом по адресу:

Dr. Evgueni Berkovitch
Quedlinburger Weg 8
D-30419 Hannover
Germany

Евгений Беркович

БАНАЛЬНОСТЬ ДОБРА

Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста
Заметки по еврейской истории двадцатого века

Сдано в набор 10.05.2003. Подписано в печать 18.08.2003.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 26,75. Физ. п. л. 24,5. Тираж 1000. Заказ 2737.

ООО «Янус-К».

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 05875 от 21.09.2001.
109319, Москва, ул. Стройковская д. 12, корп. 2
Для писем: 119048, Москва, Кооперативная ул. 3-6-128

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»
140010, Люберцы, Октябрьский пр-т, 403, тел.: 554-21-86

ISBN 5-8037-0143-2

9 785803 701439

